

Четвертая, заключительная часть цикла про пионеров-попаданцев. Маахисы и их соседи созданы совместно с Викарти Анатрой.

Глава Первая: Звезды на ладони

*О чём эта песня плакучих берёз,
Мелодия, полная света и слёз?
О Родине, только о Родине.
О чём за холодным гранитом границ
Тоска улетающих на зиму птиц?
О Родине, только о Родине.*

*В минуты печали, в годину невзгод
Кто нас приголубит и кто нас спасёт?
Родина, только лишь Родина.
Кого в лютый холод нам надо согреть
И в трудные дни мы должны пожалеть?
Родину, милую Родину.*

*Когда мы уходим в межзвёздный полёт,
О чём наше сердце земное поёт?
О Родине, только о Родине.
Живём мы во имя добра и любви,
И лучшие песни твои и мои —
О Родине, только о Родине...*

*Под солнцем палящим и в снежной пыли
И думы мои, и молитвы мои —
О Родине, только о Родине.*

Расул Гамзатов.

Проснувшись, Димка какое-то время удивленно смотрел вверх, на лениво колыхавшиеся над ним оранжевые листья, пытаюсь понять, реальность это или сон. Потом рывком сел, осматриваясь. Лес вокруг него выглядел плодом самого отборного бреда, — но это, тем не менее, была совершенно настоящая реальность. Покачивались на ветру огромные листья-пружины, клонились над озером сюрные фиолетовые "пальмы". На берегу его горел костер, на котором пеклась местная разновидность бананов, — тоже фиолетовые, в желтых пупырях шпуквины, довольно отвратные на вид и малосъедобные в сыром виде. Но запеченные, они резко улучшались, становясь на вкус похожими на картофельную запеканку. Также не бог весть что, — но в миллион раз лучше похожей на хрящ варянтины. К тому же, этих штук здесь была пропасть, — рви, пеки и ешь. Димка не сомневался, что всего через несколько дней и эта еда ему осточертеет, — но пока что запах пекущихся "бананов" наполнил рот слюной...

Сделав все свои обычные дела, он подсел к костру. Утро было уже довольно позднее, но к завтраку пока ничто не приступал. Все заспались, как уже обычно тут, — благо, спешить пока что было некуда. Вайми клялся и божился, что в степь нельзя идти без луков, — а их

изготовление оказалось делом, далеко не быстрым, особенно учитывая то, что и Маахисы, и Льяти, и даже сам Вайми считали себя экспертами в данном вопросе, отчего каждая мелочь вызывала ожесточенные споры. Димка был даже рад, что в луках ни фи́га не разбирается, — это сэкономило ему массу сил и нервов. Как и остальным землянам. Неугомонный Борька, правда, пытался подавать ценные советы, — но его дружно подняли насмех. Он надулся, Димке тоже было не до смеха, — они сидели тут, в лесу, уже второй день, а дело пока продвинулось не очень. Правду говоря, пока оно не ушло дальше заготовки местных сортов дерева на пробу, — Вайми являлся в эти края со своим луком, так что даже он не знал, из чего его тут можно сделать. Льяти, понятное дело, бесился, — ему не терпелось добраться до Надира, — но помочь делу не мог. Его познания в местных сортах дерева были и вовсе равны абсолютному нулю...

— Как дела? — спросил Димка в пространство, просто чтобы не молчать...

— Да нормально вроде всё, — Борька сломал пополам сухую ветку и бросил её в огонь. — Вайми ночью на разведку ходил, — но никого не встретил.

— А, хорошо...

Димка поискал глазами Астера, — но тот бессовестно дрых, завалившись в самодельное гнездо из веток и травы, словно какая-то ворона. Вот и славно, подумал он. И что ничего не нашел, и что дрыхнет. Выносить эту личность в больших количествах было всё же трудно, из-за её болтливости и постоянных поучений, пусть даже и по делу...

— Дрыхнет, паразит, — безо всякой нужды подтвердил Борька. — Умаялся.

Димка вздохнул, потом, вооружившись длинной острой палочкой, выудил из углей "банан". Помахал им, чтобы он остыл. Так же поступали и другие, и мальчишка невольно улыбнулся. Зрелище и в самом деле было уморительное, — целая толпа ребят ошалело махала насаженными на палочки "бананами". Но есть всем хотелось одинаково, так что никто особо не смеялся. "Бананы", к счастью, быстро остыли, и какое-то время прошло в деловитом молчании.

— Как дела? — наконец обратился Димка к Файму, имея в виду изготовление луков.

— Дела идут, — буркнула та не очень-то довольна. — У нас есть образцы древесины, они сохнут...

— И долго они будут сохнуть? — спросил Димка.

Файму в виде ответа надулась, — явно не знала. Пропустить же этап сушки было нельзя, потому что лук из сырого дерева никуда не годился, это Димка знал даже по своему невеликому опыту. Льяти едва ли не в самом начале объяснил ему, что настоящий дальнобойный лук, — штука жутко сложная, склеенная из нескольких сортов дерева. Вообще-то, и цельнодеревянные луки у Виксенов получались неплохими. Но и такой лук надо было ещё обтянуть кожей, для защиты от сырости, проклеить её растительным клеем, а сверху ещё и обмотать плетеной из растительных волокон веревкой — для надежности...

У землян луки уже были, причем, изготовленные ещё тогда, в селении Виксенов. На тщательную отделку у них, к сожалению, не было времени, да и луки им нужны были срочно, как и сейчас. Так что их рукоятки обмотали каким-то волокном, скрепленным растительным клеем — гладкое дерево неудобно скользило в руке, так что обойтись без рукоятки оказалось решительно нельзя...

— Можно лук из рогов сделать, их-то сушить не надо, — напомнил между тем Льяти. — У Ивана был же.

— Ага, а где тут рога? — тут же спросил Димка.

Льяти предсказуемо надулся. Лук у вождя его племени, Ивана Кориго, действительно был странноватый — Х-образный, из четырех наискось соединенных рогов куиври — крупной лесной антилопы. Тут она, по словам Вайми, не водилась, да и вообще с носителями рогов дела здесь обстояли неважно. Те же луки, что были у землян, смотрелись, честно говоря, убого. По крайней мере, и Вайми, и Льяти, и даже Маахисы дружно их забраковали, сочтя слабосильными.

Вот Аглае лук достался замечательный — легкий, изящный, из чуть ли не полированного дерева, с плетеной красно-белой рукоятью и украшенный — офигеть! — двумя громадными перьями какого-то местного павлина. Но уж его-то она сделала не сама, ей его подарил один из Виксенов — робкий, застенчивый парнишка, который, однако, отлично делал луки.

Димка вздохнул. Тому пацану он не завидовал. Попробуй-ка каменным ножом обтесать немаленький сук, чтобы хотя бы с обеих сторон вышло одинаково! Справишься за полдня — твоё счастье. Со стальными ножами дела шли быстрее, — только вот для начала нужно было хотя бы выбрать подходящий материал, а потом как-то просушить его...

Но даже с ним изготовление луков всё равно оставалось делом сложным. Самые большие проблемы возникали, как ни странно, с тетивой. У лука Льяти тетива была сплетена из волос — и даже не его собственных, а подруги. Землянам тетивы пришлось делать из кишок стага, местных горбатых бычков, похожих на миниатюрных бизонов — и потом ещё выслушивать многочисленные "фу!" от девчонок, даже не хотевших трогать "эту гадость". Только вот и стага тут, по словам того же Вайми, не водились, а обстригать себя на тетивы девчонки точно бы не дали...

И на одних луках дело вовсе не кончалось. К каждому луку полагался ещё колчан и налучь — всё время таскать в руках трехкилограммовую дуру длиной в полтора метра, мягко говоря, неудобно, а в местных условиях сшить их можно было лишь из шкур, — которые ещё предстояло добыть и обработать. Неясно пока оставалось, и из чего делать наконечники для стрел. Кремня под рукой тоже не было, да и возня с ним не оставила у Димки никаких добрых воспоминаний. Даже у Виксенов наконечники пришлось делать из половинок семян пальмы-бритвы — страшноватых, словно отлитых из черной фигурной пластмассы "лодочек" величиной с пол-ладони — с острым, как бритва, мелко зазубренным краем. Но пальма-бритва здесь тоже не росла, а запас стрел у землян был весьма ограниченным, — по десять штук на человека, да и у тех изрядно уже истрепалось оперение. Новое же тоже надо было добывать, — и непонятно из кого. Гусей тут явно не водилось, а оперение здешних ярких пёстрых птичек даже не стоило труда по их поимке...

Всё это злило и бесило Димку, — он чувствовал, что время истекает, к тому же, его не оставляло ощущение, что Вайми водит их всех за нос, стараясь, по каким-то своим соображениям, задержать их отряд здесь. Но проверить это можно было лишь опытным путем...

Димка решил, что ему нужно самому сделать вылазку в степь насчет этих самых собакинов. Ну, не только самому, а взяв с собой, например, Макса, — который, кстати, лучше всех их стрелял из лука. Что Димку ничуть не удивляло, — с такими плечами натянуть лук не проблема...

Но и это было делом не сегодняшнего дня, — пока что мальчишка чувствовал себя слишком слабым для такого геройского похода. Переход через пустыню дался им всем нелегко и нужно было минимум три дня отдыха, чтобы они пришли в себя. Тем не менее,

Димка буквально нутром чувствовал, что поход этот нужен. Ему до смерти надоело идти, как слепому за поводырем, следуя указаниям Вайми, — который, к тому же, отпускал их довольно неохотно, не желая говорить о том, как они, собственно, попадут в этот Город Снов и что им в нем делать. Если бы не это, — Димка с наслаждением послал бы его куда подальше, слушать поучения обрыдло...

Хотя завтрак уже кончился, расходиться никто не спешил, — благо, никаких срочных дел не было, а благодатная тема для разговоров имелась, — жизнь Маахисов в их диковинном (и жутковатом, чего там...) будущем.

— Как там у вас со счастьем всем даром? — начал тему неугомонный Юрка.

Файму отчетливо поморщилась — верно, ей не очень-то нравился тон разговора.

— Работа в данном направлении идет, — тем не менее, ответила она.

— В том числе, и чтобы никто не ушел? — не унимался Юрка.

Файму вновь поморщилась.

— Не принято.

Димка тоже поморщился, — от её машинного по сути языка. Но Маахисы не были людьми, и их язык очень отличался от земного. Ну и устное общение с машинами повлияло, подумал он. Пусть даже тут их и нет...

— Даже у вас, создателей Межзвездного Союза? — между тем насмешливо уточнил Юрка.

— Да, — буркнула Файму.

— Не такой уж он суровый, — заметил Димка.

— Так почему суровым-то быть? — удивился Талка.

— Ну так ещё же не одержана окончательная победа над мрачным миром капитала, — вдохновенно начал Юрка. — Кровавые буржуины до сих пор зловеще угнетают рабочих и пьют их кровь. Армады агрессоров, вооруженных оружием агрессии и разбоя, бродят вдоль границ Союза и ищут, где бы напасть. Тлетворные буржуазные пропагандисты отравляют неокрепшие умы подрастающего поколения беззастенчивой рекламой своего образа жизни. В общем, ваш бронепоезд должен быть на запасном пути.

— Не хотим, — буркнула Файму.

— Окончательной победы коммунизма? — удивился Димка.

— А зачем она СИЛОЙ? — в свою очередь удивилась Файму.

— Ну... логично, — неохотно признал Димка. — Коммунизм должен победить в ходе повышения сознательности масс.

— Вот только что-то никак она не растет, — заявил вдруг Матвей. — Эти проклятые буржуины подкупили пролетариат своими акциями и золотыми флаерами, и тем подорвали исторический прогресс. И ваша задача — сбросить буржуинов с парохода современности. Но с другой стороны — у мьюри тоже всё продумано же.

— Вот-вот, — подкупили, — немедленно поддакнул Юрка. — Боялись пролетарской революции.

— И у них всё тоже на чистом энтузиазме и любви к Великой Родине? — съязвил Димка.

Матвей хмыкнул.

— Они скажут не так.

— Платят неплохо, весьма неплохо? — предположил Борька.

— Заработать там можно, — заметил Талка. — Всегда. Хотя иногда очень странными

способами. Например, еретиком на костре в кино — ожоги потом вылечат. И общество — идеальное. С точки зрения тех, кто стрижет купоны и имеет гешефт и профит. Но общество своё мьюри да — любят.

— И, наверное, не за то, что каждый там имеет право созерцать портреты Великого Вождя? — ехидно заметил Матвей. — А может полететь на личном фляере в гипермаркет и купить тонну крабов в коньяке. Ну, если деньги есть, конечно.

— А права и допуск к полетам? — спросил Димка.

— А есть. А то товарищ врежется ещё во фляер Уважаемого Гражданина. Или ещё во что-то ценное.

Талка улыбнулся.

— Да. А если денег нет — их можно научиться зарабатывать. Платно. Ну правда, если совсем нет — контракт на обучение будет интересный, но это не проблема: красота — тоже ресурс. Законы мьюри разрешают покупку доли в перспективах заработка выпускника и авансирование ему средств, необходимых для финансирования его обучения, — при условии, что он согласится платить кредитору определенную долю своего будущего заработка. У мьюри нет никаких юридических препятствий для частных контрактов такого рода, даже если они экономически эквивалентны покупке доли в доходе выпускника, и, таким образом, частичному рабству.

— То есть, школьники у мьюри продают себя в рабство? — ошалело спросил Димка. Такого вот он не мог даже представить.

— А почему — рабство? — удивился Матвей. — Ограниченный контракт. Называется так. Но Аниу почему-то говорят, что рабство. Ну и ученики у мастеров в средние века — какие у них были права?

— Молчать в тряпочку и учиться, — ответил Сашка. — Будешь стараться — станешь мастером. Всего-то лет через двадцать. А пока — делать, что говорят.

— А если там хозяин-садист? — спросил Димка.

Талка лишь пожал плечами.

— В принципе, у мьюри есть служба, которая следит за состоянием рабов и можно жалобы туда отправлять, и в некоторых случаях сотрудники даже могут что-то сделать. В принципе. Может быть. И вообще, эта служба не в интересах рабов, а в интересах защиты строя, скорее. Но всё же иногда вмешиваются, пусть и мало что могут сделать.

— Служба защиты животных? — предположил Матвей. — Проверяет, свежий ли корм, регулярно ли чистят лоток, дают ли ошейник от блох и так далее?

Талка улыбнулся.

— Да. И даже если этот школьник после выпуска только ноги раздвигает в ошейнике — это не значит, что он всегда это будет делать. Плата за контракт там всегда есть. Но вот ей воспользоваться... тоже нужно суметь. Даже если товарищ доживет до окончания срока контракта.

— А что — с медициной плохо? — удивился Димка.

— Хорошо. Для тех, у кого много денег. А для тех, кто должен потом много денег получить — как раз плохая. То есть, это незаконно, конечно, но нарушения... бывают. А ещё можно не платить, а сразу кредит дать.

— Кредит? Рабу? — удивился Матвей.

— Пока-ещё-не-рабу, — пояснил Талка. — Чтобы стал рабом. Кредитным.

— То есть, так можно на нормальный универ заработать? — всё ещё ошалело спросил

Димка. — Или совсем в долгах погрязть, если плохо стараешься?

Талка усмехнулся.

— И то, и то. Возможно, что кто-то так и будет "украшением двора и отрадой глаз" работать, просто потому, что понравилось.

— Как Вайми в рабстве? — предположил Димка. — Где он успешно играл роль ломехузы, поработав хозяев ментально и необратимо подрывая их продовольственные запасы, а также и психику.

— Он сам мне про это рассказывал, — подтвердил Борька. — Как его, прекрасного юноша, ваяли, кормили тортиками, чесали ему уши и так далее, — правда вот гордо рассекать в одном ошейнике было иногда таки холодно. А были же и такие хозяева-извращенцы, которые кутали юноша невинного в паранджу, чтобы не пялились даром. Хотя, с другой стороны, у данного юноша были собственные рабы, которые чесали ему лохмы, носили жрать, обмахивали опахалами, отгоняли от него мух, умащали экзотическими маслами, подравнивали брови и так далее.

Талка улыбнулся.

— Ситуация не уникальна для мьюри в принципе.

— Как в Древнем Риме, где вольноотпущенники, а иногда просто рабы запросто покупали сенаторов и так далее? — предположил Сашка.

— А причем тут?.. — Талка удивленно взглянул на него. — Хотя чем-то похоже, да.

— У вас дипломаты на Мьюри Прайм есть же? — вдруг спросил Матвей. — Чтобы взятки буржуйам давать и так далее. В том числе, и парнями прекрасными.

Файму недовольно взглянула на него. Верно, постоянные насмешки Матвея над её родиной здорово её раздражали.

— Не так, — возразила она. — Нет, дипломат может взятки давать, если надо по работе, но может и себе купить что-нибудь интересное, чисто для личных нужд например или там для представительства.

— Прекрасного юноша в одном ошейнике для выгуливания его на поводке? — ошалело спросил Димка.

— Нет. Такого вот нет. Это у мьюри разврат.

— А при коммунизме то же самое, только с другими названиями? — не удержался Юрка.

— При коммунизме есть только один вид любви, — и это любовь к Партии, — гордо заявил Матвей. — А чем там народ дома занимается, — мы не знаем, потому что чтим права личности. Наверное, классиков конспектирует. А что стоны и крики слышны, — так это всё от энтузиазма. И вообще, чем коммунизм отличается от общества с БЖП? Где всяким бездельникам платят за то, чтобы они по магазинам шлялись и давали им прибыль?

— Тем, что деньги есть? — ошалело спросил Димка.

— При коммунизме как раз нет же, — усмехнулся Матвей. — Зато есть Духовность, которой нет при биздуховном буржуинстве.

— Это в честь чего?

— В честь того, что коммунизм, — высшая общественная формация, при которой отношения внутри общества достигают окончательной гармонии и духовные потребности начинают доминировать над материальными, — важно заявил Юрка, явно цитируя классиков.

— И что?

— При коммунизме народ готов жить под кустом ради возможности слушать музыку великих композиторов и читать Хайдеггера в подлиннике, — не менее важно пояснил Матвей. — А при капитализме народ пишет порнуху про школьников в ошейниках и всякое такое.

— У авторов тех произведений явно не духовные потребности доминируют, — буркнул Димка.

— Ну так они не при коммунизме живут, — ответил Матвей.

— А при коммунизме такое нельзя писать? — спросил Юрка.

— Нет.

— А почему?

— Потому что разврат и подрыв единственно верной коммунарской морали, — пояснил Матвей. — Можно писать трагедию про моральные страдания робота, который не может выполнить план по выпуску искусственных цветов из-за срыва поставок оцинкованной проволоки. Или про духовные страдания пионера, который пукнул в присутствии Учителя. Или про товарища, который увидел, что ребенки скачут по клумбе и теперь не может спать и кюшать от мыслей, что молодежь совсем дурацкая пошла.

— А робот имеет моральные страдания? — удивился Димка.

Матвей улыбнулся.

— При коммунизме имеет. Потому что там любой труд будет одухотворен.

— В смысле, при коммунизме таки будет рабство? — спросил Юрка. — Ладно — с роботами, но если они могут испытывать страдания и люди считают, что роботы могут страдать, и при этом вкалывают роботы... а почему? Потому что созданы так, чтобы работать на благо общества?

— Да. И очень страдают, если не имеют такой возможности.

— Ну так а почему только с роботами? — спросил Димка.

— Люди, естественно, тоже страдают, если не могут приносить пользу обществу.

— А от невыполнения плана — нет? В чем разница?

— От невыполнения плана люди тоже страдают, так как это лишает их права приносить пользу обществу, — ответил Матвей. — Но невыполнение плана возможно лишь по причине обстоятельств непреодолимой силы. Например, нехватки оцинкованной проволоки.

— Где в таком коммунистическом обществе граница между роботами — по сути рабами и людьми? — спросил Димка. — Происхождение? Роботы из металла?

— Естественно, — улыбнулся Матвей. — Кроме того, роботы не могут испытывать высокие чувства, особенно любить. Но люди там тоже очень любят работать. И очень страдают, если не имеют такой возможности.

— Страдать, значит, можно? — спросил Сашка.

Матвей улыбнулся.

— Разумеется. Именно это делает человека человеком. Способность страдать от несчастной любви, от невыполнения плана, от того, что на далекой планете угнетают туземцев и так далее.

— А как же эксплуатация человека тогда при коммунизме?

— Эксплуатация человека человеком при коммунизме невозможна в силу отсутствия при нем товарно-денежных отношений и всеобщей высокой сознательности, — ответил Матвей. — А когда некая дева побуждает некоего юноша лететь на Венеру за ценным камнем для колье — это совсем другое. Или некий начинающий юноша побуждает некую

начинающую деву сделать за него домашнее задание, обещая взять её на рыбалку. Или когда знаменитый художник говорит менее знаменитому — мол, вскопаешь мне огород, попадешь на выставку. Но эксплуатации нет.

— А работать на выполнение Плана?

— Это работа на благо всего Человечества.

— И при этом не эксплуатация?

— Нет. Потому что нету класса эксплуататоров, получающих прибыль от подневольного труда трудящихся. Эксплуатация бывает лишь в брачной жизни, по взаимному согласию сторон.

— Люди, на которых вкалывают роботы, не эксплуататоры?

— Эксплуататоры. Но роботы рады вкалывать на людей, потому что в этом заключается их функция. Неспособность исполнять которую несет им тяжелые моральные страдания.

— То есть Аниу запрограммировали рабов так, что они от рождения счастливы, что они — работают?

— Роботы не рабы, — разозлилась Файму. — Роботы — это роботы. Их функция работать.

— А у рабов какая функция? — удивился Димка. — Не работать?

Матвей улыбнулся.

— У некоторых да. Типа нашего товарища Вайми. Вернее, их работа — украшением двора и отрадой глаз работать. Или ещё и на спине, если хозяин извращенец — но это ж как бы тоже не работа. А так-то у такого товарища и свои рабы могут быть, которые его моют, чешут, одевают, носят кофе в постель и так далее.

— А почему нельзя так с людьми? — спросил Димка.

— Потому что права человека же, — удивился Матвей. — И человека не нужно заставлять работать — он и так рад принести пользу обществу. Потому что работа, особенно творческий труд, есть высшее наслаждение для разумного существа.

— Роботы тоже рады принести пользу, — возразил Димка. — В чем разница?

— Роботы не могут в Высокие Чувства. Особенно в Любовь. Это же недоступно машинам. И в творческий труд тоже не могут. А так-то желание приносить пользу обществу есть естественное свойство любого разумного существа на наивысшем уровне развития.

— И что, у Аниу только про это и можно писать? — спросил Сашка.

— Про школьников в ошейниках тоже можно, — неохотно признал Талка.

— У вас тоже? — удивился Димка. — Это же как бы не вполне совпадает с коммунарской моралью.

— У Союза не у всех миров ЕДИНАЯ мораль, если что.

— И нет споров о том, чья мораль моральнее? — тут же спросил Юрка.

— Мораль моралью, но привычка не лезть в чужие отношения, — у нас тоже есть.

— Даже если там декаданс и моральное разложение? — спросил Сашка.

— По чьим критериям? — тут же спросил Талка.

— А нету стандарта коммунистической морали? — удивился Юрка. — Типа коммунару друг, товарищ и брат, коммунары ставят духовные потребности выше материальных, неустанно отдает все силы духовному самосовершенствованию и так далее.

— Есть несколько, — признался Талка.

— Разных? — удивился Димка. — И нет споров, чей кодекс более коммунарский?

— Есть, разумеется. И много. Только попытки всё унифицировать — они были уже.

Иногда успешные даже.

— А потом приходилось жалеть, потому что научные школы уникальные... были? — серьёзно уже спросил Матвей.

— Да.

— Восстановить удавалось?

— Не всегда.

— Народ хотел вашу мангу и больше ничего?

— Да. Бывает. Поэтому теперь плюрализм.

— И Учителя постоянно дерутся, выясняя, чья ВТВ больше В? — вновь сменил тон Матвей. — Тогда неудивительно, что педагогический процесс у вас так запущен и воспитуемые разлагаются морально и физически.

— Нет, — буркнул Талка.

— А что тогда Учителя делают? — спросил Матвей. — Пишут статьи в журнал "Коммунистическая педагогика", где идет перманентная дискуссия? Даже без перехода на личности?

— Да, — улыбнулся Талка. — Ну в общем — оправдалось.

— И надирание ух детЯм тоже запретили, на всякий случай? — спросил Сашка.

Талка вздохнул.

— А вот тут — воспитание.

— Через надирание ух и поп?

— В том числе. Правда, основной метод правильного воспитания — относится к ребёнку, как к взрослому, и реагировать не на эмоции-истерики-капризы, а требовать объяснения запросов и претензий. Вежливо, мягко, как с неумным взрослым, но требовать спрашивать-объяснять на взрослом языке, и добиваться ответов на взрослом языке. Это работает даже с очень запущенными аутистами. А если не работает, то там и медицина бессильна. Как, впрочем, и со взрослыми. Правда очень уж это долго и муторно — воспитание ответственности.

— Но это работает?

— Да. Один из побочных эффектов, особенно после того, как мы научились базы знаний делать — совсем не зря у нас очень мало что из бытовой химии запрещено к продаже, потому что сделать взрывчатку найдут из чего угодно. Или там наши интерфейсы компьютерных систем. С точки зрения обычных пользователей той же Йенно Мьюри они либо очень сложные и часто ресурсоемкие, либо очень простые и неполноценные — а потом выясняется, что просто надо было поменять настройки. Либо вообще не пригодные к использованию обычным пользователем-мьюри, который только порнуху на компе смотрел. По тем же причинам — нет лицензирования продаж носимого гражданского оружия. Если кому-то сильно будет надо — сделают домашним фабрикатом или НЕ домашним, и это ограничивать — слишком много помех.

— Такой крутой фабрикатор в каждом доме, что прямо бластер сделать можно? — удивился Сашка.

— Да. При этом у тех же мьюри летальное оружие ОЧЕНЬ редко покупают — пр ответственность народ там в курсе, а за труп при самообороне на Йенно Мьюри будут проблемы, даже если четко доказано, что это самооборона, и отговорки типа "ну, я в голову не целился, это случайно пули прилетела", даже если это правда — не помогут.

— Даже если буржуя какого-то грабят? — удивился Димка.

Талка фыркнул.

— Буржуйам самообороняться можно. Даже если на них не нападают. Вот другим лучше даже не пробовать.

— А кто решает, кто буржуй?

— Власть предрешающие, ясное дело.

— Вроде либертарианство же, — удивился Матвей. — Право на самооборону там очень уважают вроде.

— Да. Кого надо право. Ну и наука двигается тоже.

— В направлении превосходства над вами?

— Вширь.

— Как британские ученые? Которые изучают гомосексуализм у дождевых червей и всякое такое.

Талка улыбнулся.

— И это тоже. Обогнать нас — ну, нельзя. Никак.

— То есть, ваша техника, — это предел, дальше только магия?

— В ширину можно многое.

— Звезды Смерти, армады из 100500 стардестройеров, миллиарды триллионов штурмовиков и так далее? — непонятно спросил Матвей.

— Да.

— А воевать тогда не пробуют? — спросил Димка.

Талка усмехнулся.

— Пробуют. Кто-то даже думает, что у них получилось. Только вот потом выясняется, что можно напасть на, допустим, слаборазвитую планету Союза, и успешно даже, и они даже не будут совсем уж сильно сопротивляться, и дадут высадить десант даже возможно... Но вот только потом свалится наша эскадра, точнее одна эскадра, — на уже почти захваченный мир, а ещё одна, — к завоевателям.

— А кроме вас разве некому помочь?

— Есть. Мы не одни такие.

— Но не такие суровые? — спросил Димка. — Или более?

— И более, и менее.

— Ещё более суровые? Где не знаешь, за что убить буржуина — придумай?

— Ну, если завоеватели сдадутся сразу — им даже не будут выносить инфраструктуру и предложат просто выплатить репарации тем, на кого напали, может даже символические.

— Всего-то 100500 тонн золота? — спросил Димка.

— Нет. Один из типовых вариантов — выдать виновных в принятии решения, и мы проверим, полный ли список, и если нет — расширим.

— Что с ними будет?

Талка вновь усмехнулся.

— А мы подумаем. Обычно, кстати, ничего особо страшного с рядовыми исполнителями, а вот с организаторами агрессии могут зло пошутить...

— Продать на Джагган в роли пони? — спросил Матвей. — Или таки улицы послать мести.

— Наш Союз не занимаются работорговлей, — вступил в разговор Вэрка. — Угу — по факту лучше бы занимались в таких случаях. Пастухи у нас любят в таких случаях "реабилитацию" устраивать... после неё обычно бегут искупать грехи... и на Джагган тоже,

добровольно подписывать там контракт пожизненный и без ограничений почти, потому что если личность САМА подписывает такое — то может выбирать. И никакой ментокоррекции с промыванием мозгов, обычная позитивная реморализация. Всего-то показали, что другим тоже больно и так далее. Правда, некоторые почему-то бегут потом контракт подписывать как раз со спецификой. Потому что после реабилитации той — ну, в общем по критериям Джаггана это не "сошли с ума", а по критериям Йенно Мьюри — потеря дееспособности, нужен адвокат, который выберет хорошего опекуна и пропишет условия лечения.

— А нету? — спросил Димка. — И товарищ жаждет работать в джагганском борделе, ибо его так страшно мучит совесть?

Талка усмехнулся.

— Ну да. Есть товарищи, кто считает Союз слабым — в том числе потому, что не известно ни единого случая, когда мы использовали вооружение планетарного класса... всерьёз.

— Не нужно, потому что супертанки в 100 000 тонн и миллиарды добровольцев с энтузиазмом, всегда готовых разогнать отряды буржуазной полиции? — спросил Матвей.

Талка усмехнулся.

— В общем-то у других рас Союза это всё тоже есть. Но упор на местных — если уже масс-операция.

— А если местные тупые или вообще хунвейбины?

— Скорее Союз не считает нужным уничтожать массово именно население, — пояснил Вэрка. — Это уж совсем не по-коммунарски было бы. Ну и например за действия вроде тех, которыми товарищ Мао знаменит, — наши советники одернут. Или сами свалят, если народ реально за этого товарища. Если помощь ну явно не удалась и народ таки против неё, — есть критерии оценки, — будут договариваться на тему, что делать с теми, кто нам доверился. Возможно, эвакуируют на одну из колонизируемых планет.

— Но выносить товарища таки не будут, даже если там отрезание голов грамотеям и другие гадости? — спросил Матвей.

— Да, мы, Аниу, мешать этому не будем, а спокойно будем передавать данные тем, кто хочет заняться решением вопроса.

— Окончательным? — спросил Матвей.

— Нет. По городам-то никто атомными бомбами не бьет. Просто приземляются гражданские вроде бы корабли и из них выходят... добровольцы. Если поймут и не пустят... ну как бы да, — ПКО и всё такое. Но есть ведь и военные десантные челноки и военные носители. В случае мьюри вполне может быть, что очередной транспорт с одной из колоний будет мирно возвращаться, но при входе в атмосферу, — у них же корабли садятся обычно? — внезапно развалится на части, "части" начнут маневр расхождения, ЭМИ-заряды ослепят локаторы и дадут шанс совершить посадку идущим с большой перегрузкой капсулам с десантом. Есть и более тонкие схемы, но редко надо. Вот если у всего населения мозги капитально промыты и просто нет беженцев вообще, — то сложнее. Тогда надо спровоцировать буржуев на агрессию...

— Ну, за этим дело не станет, — заметил Матвей. — Достаточно организовать рядом колонию коммунаров.

— Если кого-то ТАК просто спровоцировать... ну, в общем, даже у мьюри есть структуры, которые организует колонию такую под ключ, — добавил Вэрка. — Ясно, не даром.

— Коммунары для провокации буржуинов платно? — ошалело спросил Димка. — И много берут?

Вэрка усмехнулся.

— Много. Ну, не коммунаров, конечно, а тех, кто даст повод для "контрнаступления в целях самозащиты", чтобы планету нужную отжать. Пираты там и всё такое.

— Или злобные буржуи, чтобы вас спровоцировать? — предположил Сашка.

Вэрка хмыкнул.

— Да. Только больше так не делают, потому что у нас просто убивают за такое.

— А это не слишком? — спросил Димка.

Вэрка вновь хмыкнул.

— А надо уметь вести себя нормально. Без провокаций и так далее.

— Как бы да, — подтвердил Талка. — НЕ надо пытаться играть с нами в эти игры. Если же хочется просто торговать, — контракт по законам Йенно Мьюри со всем, что полагается для "внешнего" контракта и уверенностью, что нас поняли. Иначе проблемы будут потом не по договору, а по морде. А в случае провокации будет-таки заказ на демонстративную ликвидацию провокаторов, и чтобы следов не осталось, что это заказ, но всем всё было понятно.

— Чай с полонием? — вновь непонятно предположил Матвей.

— Сердце остановится. Без всяких внешних причин.

— Не считая удушения подушкой? — предположил Сашка. — Я детектив один читал, где бандит удавил ненужного поделщика жопой, сев ему на грудь. Следов от жопы, наверное, не остается?

Талка фыркнул.

— Просто без.

— Смерть наступила от прекращения жизни?

— Да. Проходит в том числе потому, что у Союза и договор о военной помощи общий и потому, что трогать, — чревато.

— А у злобных буржуинов никаких договоров о военной помощи нет? — удивился Димка.

— Есть, но глобальных нет.

— Мьюри и прочие сторки опять сами за себя все?

Талка улыбнулся.

— Мьюри и сторки как бы смертельные враги. Джаго и сторки тоже. И так далее. Нет если слишком сильно давить, то какой-нибудь альянс возникнет. А пока каждый сам за себя.

— Никакого агрессивного блока НАТО, Антикоминтерновского пакта и так далее? — удивился Сашка.

— Есть, и много разных. А толку?

— Отряды буржуазной полиции не катят против Первой Конной, усиленной танками КВ? — предположил Юрка.

— Скорее... может оказаться, что мы думали, что у нас танки против Первой Конной, а оказалось, что у нас танки против миллиардов боевых роботов и Первой Конной тоже.

— Лошади-терминаторы на мотоциклах? — вновь непонятно спросил Матвей. — У буржуинов нет никаких шансов.

— А у нейтралов не будет ничего? — спросил между тем Сашка.

— Они могут вступить в Федерацию Йенно Мьюри, — усмехнулся Талка. — После

подписания договора о свободной торговле и гарантий ихним инвестициям.

— И что, прямо всё соблюдают? — спросил Димка.

Талка пожал плечами.

— Ну — в Джаггане будут вообще плевать на законы, а тут хоть какие-то.

— Ну да, — подтвердил Вэрка. — И негров не вешают, то есть джаго.

— Вешают, но за дело и после суда? — предположил Матвей.

— Законы у мьюри, — вопрос отдельный, но их можно изучить, и если не нарушать, — видимо, не повесят. А если всё же приговорят к повешению, — есть ненулевые шансы обжаловать решение.

— Ну, формально там перед законом все равны, — подтвердил Талка. — Но вот мальчиков местных насиловать джаго ну, не надо. У мьюри мультикультурность, конечно, и их суд вообще самый гуманный... но до него ещё дожить надо. А то у подсудимых совесть постоянно просыпается, и они зверски кончают с собой. Кто-то попой на бутылку от шампанского сядет, кто-то жидкость для чистки канализации выпьет, кто-то вообще двести раз ударит себя дубинкой по голове. Дикие люди.

— Ничего себе... — только и смог сказать Димка.

— Там и для своих-то общество не слишком гуманное. А что джаго приносят доход, — ещё не значит, что они люди. И вообще у них хари противные. То есть, суд Линча там тоже вполне бывает иногда. И даже в белых балахонах. Нет, мы не знаем, кто все эти люди. Да, это, конечно, безобразия. Мы с этим боремся. Вон, на заборах расклеили плакаты "расизм зло!" Да, помогает. Вон, вчера один джаго назвал мьюри козлом, — а потом ударил себя башкой об стенку. 47 раз. Осознал и раскаялся.

— А у джаго мьюри себя за расизм башкой об стенку не бьют? — спросил Сашка. — Потому что появление блока социалистических государств фатально обостряет противоречия между ведущими империалистическими державами?

— С одной стороны — да, — согласился Талка. — С другой стороны — скорее уж учит не доводить народ. А кто-то скажет — мыть мозги.

— Что лучше уж буржуинство со всеми его налогами, чем страшный коммунизм, где никто не может заработать? — предположил Сашка.

— Да, — сказал Талка. — Очень часто на госуровне без разницы по большому счету — мы обеспечиваем лояльность свободных граждан или подчинение рабов. Ну да, для граждан методы не такие грубые.

— Без клетки с крысой даже? — вновь непонятно спросил Матвей.

— Да. ВР-капсулы и демократия, более-менее управляемая. Да и не обязательно рабы должны себя рабами считать. Могут считать себя свободными гражданами, которым даже БЖП платят и дают возможность денег заработать на сложных контрактах или там в ВР. И свободно писать в соцсетях, как они любят Демократию и демократов.

— Ещё неплохо бы социальные лифты прописать, — предложил Вэрка. — А то резьбу сорвет, если гайки всё время завинчивать.

— Получение должности старшего раба 3-го ранга? — усмехнулся Матвей.

— Виртуальность у мьюри же вполне есть. Для обучения эта штука очень удобная. А также прогрессивная технология подготовки идеальных — вот каких надо — то и будет граждан или идеальных рабов. В теории, по крайней мере. Пока что не умеют, но очень хотят, потому что выгодно же. Очень.

— А у вас виртуальности не бывает? — спросил Сашка.

— Бывает. Но не для того, чтобы мозги компостировать, а наоборот. Для развития.

— А без виртуальности мозги разве компостировать нельзя?

— Смотря что считать, — ответил Талка. — Обычно считается, что если без аппаратуры, чисто словами — хоть первобытность, но сложности с подготовкой и малая эффективность.

— Ну, у шаманов вроде хорошо получалось, — заметил Эдик, заметно передернувшись.

— Минимальное требование для "с аппаратурой" — те же ВР-капсулы с нейроконтактом — мьюри, полноценно ковыряться в мозгах и так далее — зависит от, но в основном дайрисы, загрузка сознания — ни у кого вроде пока нет, — продолжил между тем Талка. — ВР у нас есть и хорошие спецы.

— И там как раз кипячение в глубоких магмах и так далее? — насмешливо спросил Матвей.

— Там много что, для тренировки эмпатии.

— Десять ступеней inferнальности? — Димка вспомнил "Час Быка" Ефремова.

— Да, — подтвердил Талка. Верно, Матвей уже рассказывал ему об этом...

— С мужественными молодыми добровольцами в роли тормансиан, которые бьют желающих по почкам и сажают голой попой на умаага? — немедленно спросил Матвей. — Спина у которого стесана в виде острого клина или снабжена деревянными челюстями для сжимания самого дорогого.

— Да ну тебя! — Талка смутился.

— А у мьюри бывает такое обучение? — спросил Димка.

— Да. Если товарищ согласен, что такие вещи — надо оплачивать, и НЕ по штатной ставке.

— Да, с этой точки зрения коммунизм страшное преступление, — заметил Матвей. — Любой труд должен быть оплачен. Даже битьё.

— Дело не в коммунизме, дело в том, что у мьюри изначально другие условия, — возразил Талка. — У них на самом деле есть варианты и для тех, кто только секса в разных вариантах хочет, но от каждого такого — по способностям.

— А вместо потребностей — по морде? — спросил Димка.

— Ну да, что-то типа того, — Талка улыбнулся.

— А у вас такого не бывает? — спросил Сашка.

— Бывает. Но такое лечится. Кстати, один из других вариантов — эмиграция.

— А можно? — удивился Димка.

Талка усмехнулся.

— Можно. Ещё и посоветуют куда — угу, кто-то расценит как "катитесь в свой капитализм". Это всё не секрет, но и не разглашается особо. А ещё был случай, когда буржуи, давно уже, попробовали внедрить агента. Один раз. На слабо развитую планету Союза. Что там произошло — засекречено, но после этого некоторые рекомендации локальным службам здоровья были дополнены.

— Это кто к вам так внедрялся? — спросил Димка.

— Мьюри. Который свихнулся от бесплатного хлеба в столовых и начал его воровать. На чем и попался.

— А у вас не бывает... от жадности? — спросил Димка.

— Бывает, — Талка вздохнул. — Но в пределах Союза с миграцией проблем нет. Особенно если примерно тот же техлвел.

— А если нет? — спросил Матвей. — Сдавайте экзамен на управление домашними роботами? И хорошо, если не на программирование их, с полной сборкой-разборкой и теорией работы процессора.

Талка усмехнулся.

— Далекое не только. По культуре тоже.

— Включая малоизвестных африканских поэтов X века? Точнее, их местный аналог.

— Ну, желательное, но вам помогут научиться. И всё равно могут быть ограничения, и это НЕ поощряется.

— Потому, что все захотят туда, где бутерброд, сам лезь в рот? И потому сдавайте экзамен для жизни в совершенном обществе? Но вы НЕ сдадите, его и у нас-то никто, собственно, не сдаст.

Талка вновь улыбнулся.

— Стройте совершенное общество у себя. Поможем. И развитые расы Союза тоже помогут.

— Созданием бутерброда, который сам лезет в рот?

Талка удивленно взглянул на него.

— Зачем такое? Просто помогут.

— А если буржуи какие-то к вам захотят? — спросил Димка.

Талка лишь пожал плечами.

— Пожалуйста.

— И их к вам пускают? — удивился Димка.

— Обычно пускают. Если сразу не нагнеть, но дальше — проверят, кто это и зачем, и в некоторых случаях могут попросить свалить.

— Если господа реально шпионы?

— Да. Или создают проблемы.

— А если НЕ создают — то пусть их шпионят?

— Да. Пусть сливают пропаганду.

— "Не мог передать вчера донесение — обожрался крабами", — Юрка хихикнул.

— А, между тем, уже скоро обедать пора, — Талка поднялся и посмотрел на небо. — В лес пошли, жратву на обед собирать. Нас-то крабами никто не завалит.

* * *

После обеда мальчишки вновь собрались у костра, на берегу озера. На сей раз, Файму с ними не было, — она вместе со своими девчонками двинула в лес, на поиски подходящей для луков древесины. Талке и Вэрке наверняка было неловко филонить, — но Димка, честно говоря, был рад, что они здесь, а Файму там, в лесу. Таких вот разговоров о своей далекой родине она точно не одобрила бы, в этом плане она ничем не отличалась от Аглаи...

В этот раз разговор зашел о задержании шпионов проклятого буржуинства, которые нет-нет, да пробирались на территорию Союза.

— Надежнее всего просто подстрелить, но не насмерть, — со знанием дела вещал Талка. — До медкапсулы дотащить не проблема совсем. В наших условиях. А парализаторы и прочее — там проблема с тем, что против них куча разных защит есть, и если не знаем,

что, и есть ли вообще — либо не будет эффекта, либо это будет летальное оружие. Ну и стоит знать биофиль цели, хоть примерно.

— А встроенного сканера нет? — удивился Матвей.

— Не всегда.

— Дорого?

— Да. Долго им проверять и нужны базы. А то много в галактике всяких...

— А чем подстрелить-то? — спросил Димка.

— А просто пистолетом, обычным, — ответил Талка. — Или там плазменником интеллектуальным. Перед тем, как мы сюда попали, как раз такие появились. Там можно мощность выстрела, например, регулировать. Или если цель в броне без шлема и стрелок знает, что в броне и хочет обезвредить — такой интеллектуальник скорректирует выстрел так, что плазменный заряд взорвется перед лицом. По нашим меркам это серьёзные ожоги лица, поврежденные глаза, видимо, поврежденные легкие, а по меркам мьюри совершенно запросто — смерть за несколько минут. Предупредительные выстрелы — нельзя, потому что перезаряжается плазменник долго. Если пользователь такой пушки или само "железо" решило стрелять — значит, лишь на поражение.

— Всё по заветам товарища Сикорски, который никогда не пугал народ своим восьмизарядным "герцогом" и доставал его только чтобы кого-то убить? — вновь непонятно спросил Матвей.

— Да. Но тут ещё можно достать и держать в руках, но не стрелять — сам выстрелит, как нападут.

— Да здравствует умное оружие, — фыркнул Димка. — Если что, претензии к нему, а владелец вообще ни при чем.

Талка лишь пожал плечами.

— Как настроил.

— Кто предупредил — тот не виноват? — спросил Сашка. — То бишь первый выстрел холостой, если не подействовало — клиент сам себе злобный Буратино.

— Совсем не факт. У военных наших предупреждения не стоят. В лучшем случае — достанет и будет только целиться. Но если его атакуют... таки да. Он не виноват будет.

— А реально шпионы бывают? — спросил Сашка.

— У нас... ну, бывает. Раз в несколько лет. На весь Союз — чаще. Исход... различный. Обычно без гор трупов всё.

— Страдают лишь виновные?

— Не всегда. Бывает и невинные. Всё же плазменные заряды, например — не разбирают цель, особенно если плохо нацелены или там отражаются защитой.

— Отражающее поле СДФ? — предположил Димка.

— Не совсем.

— А что тогда?

— Электромагнитное поле управляемое плюс нарушалка нейтральности плазмы. Для нас это доступная технология и есть способы противодействия. Собственно, даже у скрытой брони наших разведчиков — похожий принцип используется как часть защиты.

— А как та скрытая броня выглядит? — спросил Матвей. — Если просто как пиджак или футболка — там явно мало спрятать можно. Ну и современный бронезилет же несколько сантиметров в толщину — потому, что просто брони мало, надо ещё гасить энергию удара, а мьюри всякие будут же из бластера стрелять вообще. И хорошо, если

просто плазмой, а не лазером или там пучком мезонов.

Талка лишь пожал плечами.

— Пучковое оружие — стационарное обычно. И нет, это не одежда. Просто тушка... плотная.

— На ощупь? — удивился Димка.

— Да. И размер у такой тушки... обычно он большой.

— Три метра в высоту, два метра в ширину? И в толщину?

Талка улыбнулся.

— Похоже.

— А смысл тогда скрывать? Такого слона за километр видно же будет.

Талка замялся. Похоже, его, как говорится, "понесло", и теперь он понял, что ляпнул что-то не то.

— Всякие модели бывают, — туманно сообщил он. — Некоторые вообще никак не видно, даже в голом виде.

— А врач какой-нибудь? — спросил Димка.

Талка пожал плечами.

— Обычно нормальное — правда, есть критерий нормальности, — обследование такое заметит. Медкапсулы мьюри видят наш гражданский вариант как непонятные аномалии. Военный вариант не видят вообще.

— Невидимая броня? — удивился Димка.

— Она НЕ невидимая. Она искажает картинку.

— Даже когда её щупают руками?

— Не дойдет — под кожей она, и не сразу.

— А где тогда? — удивился Матвей. — Ну и без кожи тоже жить как-то грустно, даже если её дробью посечет. А если лазером — то болезненно к тому же может быть.

— Здесь, — Талка похлопал себя по груди. — Между ребрами и за. Бакминстерфуллерен. Нанотехнически выращенный. С ударной вязкостью. Обычно гибкий, а при сильном ударе — твердый, как гранит.

— А! — догадался Димка. — Вот почему Файму ласты не склеила, когда её Верасена кинжалом своим в грудь ткнул.

— Ну... — Талка понял, что выдал "военную тайну" и смутился. — Меня с ней в разведчики готовили. С самого детства ещё. Вот потому и вырастили эту штуку.

— А Дэй?

— У него другое. Наносеть, которая создает между нанитами магнитные поля и усиливает так мышцы, позволяя усилия далеко за пределом обычных человеческих возможностей. Бегать-прыгать там и всё такое. Но запас энергии там маленький, а зарядить, понятно, нечем. Резервное питание от глюкозы крови есть, конечно, но там расход такой, что минуту попрыгал, — сутки потом лежи пластом.

— А, — Димка вздохнул, разочарованный. Он-то думал, что это какое-то секретное умение, которому можно научиться, а оказалось — просто техника... — И этого тоже не видно?

Талка усмехнулся.

— Нет. В норме оно должно электронику медкапсулы взламывать и результат какой надо, такой и будет. Либо просто просит питательные вещества и всё такое. Существуют, конечно, медкапсулы, которые в автоматическом режиме могут игнорировать протокол,

либо результаты. Обычно это военные версии. Одно из оснований — а кто сказал, что нам обязательно надо в ней ЛЕЧИТЬ?

— Разбор товарища на запчасти тоже иногда полезен? — хмыкнул Матвей.

Талка хмуро взглянул на него.

— Да. Или допрос. У мьюри, например.

— Совмещенный с разбором на части?

— Не обязательно.

— Достаточно провода к ленинским местам?

— Полевой вариант.

— Отстреливаем из пистолета пальцы? "У вас есть десять шансов ответить правильно".

Талка смутился.

— Садисты там есть. Профессиональные.

— С дипломом? Из Академии Садизма?

— У тех же мьюри — вполне есть. Да, это называется по-другому и там не только такое

— но вполне себе умеют.

— Наука о получении доказательств? С помощью кресла господ бога и других прикольных девайсов?

— Нет.

— Терморектальный криптоанализ? — совсем уже непонятно спросил Матвей.

— Нет.

— Добыча данных через соращение юношей прекрасных?

— И это, и использовать в процессе боль... нет, не паяльника.

— А более серьезных девайсов?

— Можно и менее серьезных. Иглы — инструмент простой, но очень гибкий. У специалиста.

— Помним-помним, — хмыкнул Димка. — Некоторые даже другие Вселенные видеть начинают.

Он покосился на Вайми, который вернулся из леса с подходящей заготовкой и сейчас деловито вырезал из неё лук.

— Да. Или ещё что, более гуманное, чтобы, если надо, можно было бы деву допрашивать.

— С помощью зверской щекотки и так далее?

Талка улыбнулся.

— Для дев много что есть. Не всем, правда, нравится. Некоторые даже убегают.

— Видимо те же, кому отчего-то не понравились биоманипуляторы и системы поддержки, которые есть в некоторых ваших медкапсулах? — предположил Матвей.

Талка снова улыбнулся.

— Мьюри вот закупали, правда просили зачем-то модификацию внешнего вида сделать.

— На черные волосатые щупальца со слизью?

— Да.

— А в норме они розовые?

— Нет.

— Таки черные, но не волосатые?

— Зеленые.

— Бесплатное промывание кишечника, плюс лечение целлюлита и больных зубов, —

тоже улыбнулся Матвей. — А что через попу — ну, бывает.

— Бывают биосистемы, которые выдают в воспитательных целях. Которые действуют якобы в целях разврата.

— А потом превращают нехороших товарищей в губки? — предположил Матвей. — Потому что существование в виде растения дает им шанс на вхождение кармы в чакры.

— Да ну вас! — разозлился Димка. — Свихнулись совсем на своих извращениях. Лучше про космос давайте.

— А что про космос? — обиженно сказал Талка. — Он, знаешь ли, большой.

— Про пиратов! — нашелся Сашка.

— Про сторков, что ли? С нами они и не пересекаются почти. А мьюри... они жалуются, что они страдают, их пираты грабят, со сверхмощными гамма-лазерами, которые пробивают броню. Спасает только то, что у сторков это — что-то вроде осевых орудий кораблей, довольно корявых, — ограничена дальность, и сами орудия... ну, в общем, — оператор наведения рискует словить дозу, и часто ловит.

— Антирадиационную защиту не завезли? — удивился Матвей.

— Она есть. И в норме помогает даже. Но источник — что-то типа одноразового реактора, ближе к бомбе даже. И не факт, что импульс будет безопасной мощности. И корпус тесный, оператор должен быть слишком близко к железу. А грубое наведение корпусом — не имеет значения, точное наведение, — там ещё дальность важна, команды на выстрел, управление источниками и их заменой — оператор, и нельзя иначе, потому что с автоматикой у них... плохо, да и не работает она в таких условиях. Сторки и этому рады.

— Да, но получается пушка с одноразовыми "патронами". Очень дорогими, к тому же.

Талка пожал плечами.

— Что уж есть. Зато с расовой теорией у сторков всё очень хорошо.

— А у вас такие пушки есть? — спросил Димка.

Талка усмехнулся.

— Есть, конечно. Только более солидной конструкции.

— И более тяжелой? — догадался Димка.

Талка вздохнул.

— Да. Но есть и преимущества — никаких взрывов. А взрыв источника в бою — нам разворотило немаленьких размеров отсеки и трещины по оси, и мы уже не сражаемся никак. Почти нулевой риск гамма-импульсов, идущих куда не следует, эффективнее стрельба и значительно лучше наведение, потому что много нормальной автоматике — можно в принципе этому же оператору дать и управление кораблем, нет необходимости менять источники по причине перегрева излучением, чуть проще общая конструкция системы, не надо охлаждать источники после предыдущего выстрела, не рискуем их потерять уже на этой стадии, и запас не надо возить под замену. Возможны, кстати, и малые корабли, где почти нет экипажа, хотя тогда хотя бы часть его — должна иметь и другие специальности, чтобы совмещать должности, а пост оператора наведения совмещен с боевой рубкой. Тут ещё и живучесть можно сделать выше, потому что можно в опасной ситуации вообще заливать по сути единственный жилой объем спецгелем — всё равно все люди на борту зафиксированы и либо в масках, либо могут быстро их одеть.

— Если нет экипажа, то почему — почти? — удивился Димка. — Кто его заменяет?

Талка улыбнулся.

— Автоматика. Хорошо защищенная.

— У сторков — именно экипаж и оператор, а тут? — спросил Матвей. — Один оператор?

— Тут нет. Экипаж тут всё же есть. Пусть и маленький.

— Тогда, если речь про другие специальности, — то какие основные?

Талка пожал плечами.

— Двигателисты, энергетика, операторы сканеров. Как на любом боевом корабле.

— А в бою эти корабли хоть применялись? — спросил Борька.

Талка вновь усмехнулся.

— Применялись, конечно. Успешно. Джаго вон на одну из слаборазвитых планет Союза попробовали лезть — так их даже выносить не стали, просто предложили сдаться по-хорошему. Те, что характерно, сдались. И были высланы. За незаконный въезд.

— А корабли что? — спросил Димка. — Конфисковали?

— Ну, конфисковали, конечно, а потом долго думали, что с ними делать. Ну не нужны Союзу их линкоры, военная доктрина не предусматривает, что такое вообще надо.

— Такое миролюбие?

— Не в миролюбии дело. Они нужны для пролома обороны защищенных планет и выноса инфраструктуры.

— А для обороны планет не нужны?

— Там чуть другое используется. Корабли планетарной обороны. Без гиперпривода, но с кучей больших пушек.

— Для выноса нападающих линкоров тоже годятся?

— Да. Но для этих целей при близких техуровнях, если мы строим стационарную оборону, обычно используют распределенные платформы со сверхтяжелыми торпедами, потому что их все сбивать — дорого и сложно. Правда вот если попрут массово или техуровни НЕ равны или противнику плевать на потери, потому что впереди идут корабли-автоматы — быстро встанет вопрос пополнения.

— Торпед? Или платформ?

— И того, и другого.

— А у вас такое есть? — спросил Юрка.

— У нас много что есть, — Талка усмехнулся. — В том числе и горнорудные корабли... которые могут немаленький астероид разнести в крошево, для удобства добычи. По сути, гамма-лазер такой. А если по планете им шарахнуть, то понятно, что будет.

— И шарахают? Или только пугают?

— Ну да, это мирные корабли, и реально для добычи минералов и так далее используются, но при желании — ну, дать им флот прикрытия, и привет, — пояснил Вэрка.

— Мирно пашущий советский трактор, — заметил Димка.

— Да. Союз жжет планеты когда уж совсем никак в принципе и нет другого выхода, в том числе потому, что достаточно сложно защитить все свои планеты от ответного удара, и обычно за попытку сжечь планету — идет адекватный ответ. Так что, если Союз тронули, обычно прилетают наши корабли и жгут соседние, НЕ пригодные для жизни планеты в ближайшей системе тех, кто напал, после предложения свалить с них, и реально дают свалить, достаточный срок — как предупреждение.

— Ты же говорил, что оружие массового поражения — не используете, — напомнил Димка.

— По населенным планетам, — пояснил Талка.

— А бывает, что забыли, что там население? — спросил Сашка.

Талка улыбнулся.

— Нет. А всякие базы военные — это же не население.

— То есть, бомбят базы, но дальше не идут? — спросил Матвей. — И даже не требуют выдать виновных господ для справедливого советского суда?

Талка усмехнулся.

— Требуют. С этого всё и начинается обычно.

— А если таки не выдают?

— Глупая идея. Очень.

— Соккрытие преступников карается?

— Претензий выставлять не будут. Просто найдут и заберут. И потом претензии слать, что игнорируют суверенитет... бесполезно. Ну да — со всякими сторками и тем более нэйкельцами более вежливо ведутся разговоры, но и им всё же лучше выдать.

— Или что? — спросил Димка.

— Был недавно, — ну, незадолго до того, как мы сюда попали, случай, когда одна из корпораций мьюри захватила группу наших ребят, вроде нас — с "элементами технологий". Ну и разобрали на запчасти. Наши, понятно, об этом узнали. Ну, в общем ждать — не стали. Руководство мьюри получило на следующий день извещение, что направлена группа для расследования, у них претензии пока к корпорации, просьба не мешать — в принципе, это частично в рамках законов мьюри даже. Для переброски использовали один из сверхтяжелых кораблей и вызвали поддержку с одной из автоматических военных баз — они широко раскиданы, в том числе и НЕ на территории Союза. В общем заблокировали станцию, где у корпорации этой почти все исследования, и высадили десант. И всех, начиная с руководства — на допрос. Если НЕ сопротивляются — то пара вопросов и извиняются за беспокойство. Если сопротивляются — ещё и вопросы, а почему сопротивляются. В итоге выяснили, кто всё устроил и зачем. А потом совет директоров корпорации собрали и показали доказательства, что похититель тот всё же от лица корпорации действовал — техдоступы к железу использовал и мол, как будем решать проблему? У нас, конечно, есть свой вариант решения... и кстати, заплатите за вылет наших товарищей, амортизацию кораблей и страховку.

— И что? — спросил Димка.

— А то, что едва до денег дошло — господа уперлись. А потом и вовсе психанули и приказали своим кораблям открыть огонь. Наши их, понятно, покрошили. Затем сказали, что любой корабль, который включит двигатель — получит легкую торпеду. Если это не военный корабль или дальразведчик или что специальное — ну, в гипер корабль уже не полетит, а вероятно — никуда не полетит, при попытке начать подготовку к прыжку — то же самое. Не все поверили. И мол, как Аниу узнают про подготовку к прыжку... ну зря, в общем. Затем наши высадили на ВСЕ корабли и станции роботов и спецназ, допросили заново кого надо, без шуток уже. Руководство, не разбираясь особо, кто тут виновный, задержали, остальному населению сказали грузиться на пассажирский транспорт и лететь, куда хотят. Ну, или можно оставаться тут. Эскадра в итоге всё, что осталось — расстреляла из плазменных орудий, полигон устроили. Руководство же — ну в общем видеозапись процесса потом передали правительству Йенно Мьюри. Вместе с контейнером с колбасой.

— Ничего себе... — буркнул Димка.

— А нечего было детей на запчасти разбирать. Да потом ещё брыкаться, усугубляя вину.

А так-то мы очень любим со всякими такими козлами торговать. Основное направление экспорта — кино, с минимальным уровнем компюграфии, желательно — чтобы вообще можно было снимать на регистратор, точнее, обычно спецжелезку, которая и регистратор, и съемочная камера.

— И реквизит там несложный совсем? — спросил Матвей. — Кровать и минимум два товарища любого пола?

Талка недовольно фыркнул.

— Совсем нет. Может быть много тяжелой техники. Танки, ОБЧР и так далее. Короче говоря, к планетам Союза с тех пор больше не лезли — нет уверенности, что нет пусть минимального, но своего флота, причем не под оборону заточенного, а под выжигание планет разными гадкими средствами. Кино? Ну да — кино, но когда мы снимаем всё с максимально приближением к реальности — надо всё же что-то похожее на боевые корабли иметь.

— Компьютерной графики нет? — спросил Матвей.

— Есть, но все сцены с графикой надо маркировать. Если при этом графика показывает то, чего не было, а не данные с хитрых сенсоров — то это тоже надо отмечать. Ну и есть спрос на фильмы БЕЗ графики или с минимумом. Слишком уж просто и дешево — с графикой. Хороший компьютер у нас по готовой книге сам сделает кино-версию.

— То есть, сбор чернил моржа девственницами 100-65-90 в графике никому не интересен, а вот в натуре — очень даже? — насмешливо спросил Матвей.

Талка улыбнулся.

— Есть рынок и на то, и на другое.

— Я тебя сейчас на сбор чернил моржа отправлю, — Димка зло уже посмотрел на Матвея. — Всё норовишь в похабщину вывернуть.

Матвей не ответил, но надулся. Димке, впрочем, было наплевать на его чувства — разговор увлекал его сильнее.

— Как там у вас с международной обстановкой было-то? — спросил он. — После колбасы.

Талка улыбнулся.

— Желающих устроить новую попытку — не было. А вот торговля развернулась больше.

— А у мьюри не было такого? — спросил Сашка.

— Именно такого, с колбасой — нет. Ну — они за выживание воевали, со сторками, но это очень давно уже было...

— А за колонии — ну вот ни разу? — спросил Димка.

— А зачем им серьёзно воевать? — удивился Талка.

— За прибыль? — спросил Юрка. — Как бы товарищ Маркс писал, что за 200 % прибыли капиталист пойдет на любое преступление.

— И куда эту прибыль девать?

— В банк, — умудрено заметил Юрка. — Или купаться в золотых монетах, как тот раджа из мультика.

Талка лишь пожал плечами.

— В любом астероидном поясе куча его.

— То есть у вас даже последний раб может позволить себе три золотых унитаза? — спросил Матвей. — Или там бассейн с шампанским, девами и розовыми крокодильчиками. Или кулебяку из комариных мозгов.

— Много есть вариантов, — туманно сообщил Талка. — Многое — уже реализовано. На Мьюри Прайм.

— Кулебяка из комариных мозгов? — удивился Димка.

— Ну, такого прямо нет. Но недостаток всем у мьюри обеспечить можно. Только буржуям же придется делиться, а ещё больше — упирается в проблему с тем, что это разрушит им общество, поэтому и разница с колониями внешними.

— То есть, там пусть экономика разваливается?

Талка недовольно мотнул головой.

— Нет. Просто на Мьюри Прайм они могут позволить себе вольности всякие с БЖП и так далее. На внешних колониях, где дикий капитализм, всё хуже, на вассальных планетах, которые формально даже не входят в Федерацию — ещё хуже, хунты всякие...

— Захваченных?

Талка удивленно взглянул на него.

— Зачем захватывать? Можно местную власть всю купить с потрохами. Формально Йенно Мьюри с ними не воевала, даже если были реально боевые действия.

— Везде?

Талка лишь пожал плечами.

— Планет — много. Хотя некоторые — не согласятся.

— Что Йенно Мьюри с ними не воевала?

Талка усмехнулся.

— Это просто коллекторы собирали долги. За кредиты, данные на интересных условиях.

— А что же вы, все такие могучие, это всё не ликвидировали? — хмуро спросил Димка.

— В основном потому, что мы-то понимаем, что это будет за разборка, даже если другая сторона — не готова. Победить — не выйдет. Было два случая похожих. После того, как всем окружающим стало ясно, что эти — не останутся, а соседи втягиваются в разборку, окружающие государства скинули всем просьбу с подписями, что мол кто может помочь прекратить, поможем, чем можем, и НЕ будем иметь претензий, и вообще, мы жить хотим. Слишком уж обе стороны "гуманно" воевали — либо армия роботов и операторы, и драка до последней капли крови... местного населения, либо удары вооружением планетарного класса, плюс проекты по созданию генераторов сверхновых. Реально не вышло и не могло выйти — слабые вспышки максимум, но цель — была такая. Официально соседи победили и принудили к миру — а мелочи, вроде откуда разведданные или почему раз за разом были сбои техники на кораблях воюющих, а производственные комплексы выходили из-под контроля — остались за кадром. А под конец — случился переворот сразу в обеих государствах, и там теперь Империя Дайрон. Одна. Да, значительную часть территорий отдала, как и многие военные корабли, но по новым законам органиков на управляющие посты даже среднего ранга — нельзя. Только дронам с ИИ, и есть требования по матрицам сознания. Эмиграция и иммиграция — не запрещена, относятся к органикам хорошо, но считают, что нельзя им во власть, особенно у них. И да — мы НЕ считаемся органиками тут. Второй случай... в общем, что произошло — до сих пор неясно. Техносфера рухнула на всех мирах сразу. Вот только ИИ — они там были — совершили резкий рывок. Причем вот тут — мы не вмешивались. И не будем.

— ИИ сами справились? — спросил Димка. — И что это были за нехорошие товарищи, что им отказали в доверии?

— Богомолы. Так их прозвали за внешность.

* * *

Какое-то время все молчали. Димке не слишком-то понравился рассказ — в такое вот будущее он совершенно точно не хотел. Но слушать о нем было интересно, — примерно так же, как слушать истории, которые рассказывают в спальне пионерского лагеря после отбоя...

— А на земле воюете как? — между тем спросил Борька.

— Это кто как, — Талка вновь пожал плечами. — У мьюри обычно наемники всякие. Джаго, в основном, они дешевые.

— И боевых дронов, ботов, роботов и прочего — ну, не завезли? — спросил Матвей.

— Есть, но мало. Проблемы с управлением.

— У вас вроде как иначе.

— У нас. Мы коммунисты.

— Что редкость? — спросил Димка.

— Да, нас, именно Аниу, и по численности планет мало, и тем более по населению. Ну, относительно других рас.

— По идее у Союза больше всех должно быть по населению, — сказал Матвей. — Особенно вас, с вашими-то репродуктивными технологиями.

— А кто сказал, что нам интересен рост населения? — удивился Талка. — В ущерб, так сказать, качеству?

— А ваши возможности в этом плане всё же ограничены? — немедленно спросил Матвей. — В смысле, можно воспитать лишь ограниченное число?

— У многих космических рас — контроль рождаемости, — пояснил Талка. — У сторков, например, за нарушения правил предложат в колонии внешние свалить, а разрешение на ребенка получить — там даже не в деньгах дело, а в здоровой евгенике. И если первый ребенок плохо себя ведет, родителям ещё одно разрешение получить будет сложно. Тут зависит от того, насколько реальная ситуация с ребенком попала в общий доступ, что у него по школе и около. А у Высокородных обычно это секретная информация. Важны достижения — кстати, родители тут повлиять могут, если заставят учиться. Но если ребенок дурак и если НЕ учитывать статус Рода — то вообще без шансов.

— Товарищи не оправдали доверия, породив такое вот? — немедленно спросил Матвей.

— Достижения родителей и детей у сторков важны, — повторил Талка. — А у тех же мьюри дети — это дорого. И часто — ответственно. Кто-то, правда, скажет, что это они говорят так.

— А на деле плодятся и размножаются?

— Ну, пока что там идет бурное освоение всего, до чего выйдет дотянуться. С размножением, да. В колониях.

— Кстати — не особо бурное освоение, — вдруг возразил Вэрка. — Мьюри населенные планеты выгоднее захватывать. Ну, считается, что выгоднее.

— Колонизация НЕзаселенных миров, требующая больших вложений в дорожную структуру и промышленность, крайне неохотно одобрялась Окончательным Собранием? — вновь непонятно спросил Матвей.

Вэрка улыбнулся.

— Скажем так — часто считают, что да. Реально — обычно нет, при хотя бы примерно равных силах. Ну и стоимость войны — потом всплывает обычно.

— Блицкрига не бывает? — спросил Димка.

— Бывает. И на это рассчитывают. Не всегда выходит.

— А выходит как в реале? Где сперва блицкриг, потом Курская Дуга, а потом генералы предлагают выпить яду?

— Часто. Но не так редко добавляется ещё один этап: а всё равно не получилось, но надо отомстить за наши потери! Давайте вызовем корабли с оружием планетарного класса! И либо НЕ вызывают, либо вызывают, и тогда опять варианты — даже если у противника их нет, и это вообще дикари, и у них нет других планет — как бы соседи не влезли. Если же противник развитый, бомбить не хочется — мстить же будут, это до конца обычно. Могут и союзники влезть, у кого есть.

— И влезают обычно?

— Если у противника они таки есть — то могут ответить тем же. Причем после этого иногда говорят, что так не честно, это терроризм.

— Нас-то за что, мы же хорошие, — съязвил Сашка.

— Триании, например, всегда работали биологическим оружием, — продолжил Вэрка. — Жертв было очень мало, а посторонних, с их точки зрения, вообще почти не было. Вот только семьи тех, кто с их точки зрения виновен — эффективность была почти 100 %, что ещё больше злило. И они часто ставили условия временной блокировки развития процесса у конкретной личности — ну там не менее N половых партнеров в день, разных, или там — перемещаться только на четырех конечностях. Или и того, и другого, и можно без хлеба. По семьям работали ТОЖЕ. Понятие семьи — в понимании трианий, но детей и родителей обычно достаёт. Виновных они тоже определяют по-своему и иногда не совпадает с тем, что товарищи официально считают, правда почти всегда — это высшая политическая власть. Если же там марионетки — то по тем, кто ими руководит.

— И всегда точно определяют, даже если там не явная лажа, а тайная ложа? — спросил Матвей.

Вэрка улыбнулся.

— Да. Причем, как они это делают — не понимали. Зато воя, что нас-то за что!.. Мы просто частные лица! — было море. Угу, частные лица, которые спонсируют избирательные компании каких надо кандидатов... в смысле всех, кто имеет шансы избраться, и вообще... Или вообще ничего не спонсируют, а книжки с фильмами делают разные интересные, под влиянием которых уже другие люди пишут другие книжки и меняется общественная политика.

— Какие коварные товарищи, — заметил Сашка. — А работают-то по кому?

— По сторкам, в основном, они к ним всё время лезут. Мьюри тоже иногда прилетает. Или джаго там.

— Зачем лезут?

— Чтобы захватить, конечно.

— А зачем всё равно лезут, если получают?

— Потому что сторки упоротые очень. Привыкли, что если всё время лбом в стенку бить — стенка проломится. Ну и общество феодальное же, что Глава Рода решил — то и будет. Их проблемы — решаются реформами, вот только для этого надо особые права Высокородных — урезать, а права всех остальных — чуть расширить, и либо отменять

рабство, либо, и лучше в их ситуации, — расширить значительно права рабовладельцев в отношении рабов, включая возможность относиться нормально и освободить даже — хватит этого.

— А там в законах записано, что рабы должны страдать? — удивился Димка.

— Примерно. Восставать, кстати, не стоит — перебьют. Можно, конечно, успеть сдать. Ещё можно наместнику пожаловаться, если он есть. Поможет... избежать лишних жертв, но вот облегчить участь зачинщиков — нет, скорее опять же будет хуже. Как именно хуже — вопрос отдельный.

— А Императору? — спросил Матвей. — У сторков есть же.

— До него ещё допрыгнуть надо, — усмехнулся Вэрка. — Кстати, он у них не то, чтобы такой уж тиран. В некоторых случаях даже может местного наместником назначить, но вот лояльного НЕ к местным властям. Если же совсем никого... ну, в случае мятежа тогда самый положительный исход — просто потом прилетят "миротворцы" и местным властям придется хорошо им объяснять, почему их лично и с семьями надо просто и быстро расстрелять, а потом и население могут познакомить с понятием децимации. Это ещё, кстати, хороший вариант. У джаго, например, за попытку уйти к ксеносам всю колонию на кол, как предателей.

— А у сторков такого не бывает? — спросил Димка.

— В законах — есть. Реально не было.

— Потому что деньги на геноцид отступников украли? — спросил Матвей.

— А за клевету в адрес Высокородных — виновных накажут. Они сами и накажут. Что? Это правда и есть документы? Закон ясно указан. Хотя давайте ваши документы. Проживете чуть дольше. Ну да, ментосканеров у нас нет. Вас просто в подвале над медленным огнем подвешат — сами всё расскажете. А как расскажете — ваш новый временный владелец скажет, что именно с вами будет. Если вы ему понравитесь — вы умрете быстро. Всего пара дней.

— То есть, у них в каждом Роде есть небольшое собственное гестапо? — ошалело спросил Димка.

— Да. Адекватность его — вопрос отдельный.

— Незаконные репрессии бывают? — спросил Матвей.

— Они законные. Потому что кто тут закон?

— А если с самими ними так? — спросил Димка. — В рабство и так далее?

— Не надо так делать. Совсем, — сказал Вэрка. — До виновных всё равно доберутся, так или иначе. Причем вполне может выйти, что, например, судить будут девы, которых вытащили из рабства. Представители Империи будут только следить, чтобы наказание совсем уж не вышло за рамки.

— Например, дошло до жестокой смертной казни? — спросил Матвей.

— В том числе.

— Потому что казнь тут слишком гуманизм?

— Да. И наказания — учитывают.

— Бессмертная казнь?

— Фантазия большая.

— Бессмертный оргазм тоже может быть?

— Ну зачем же так жестоко? Но даже просто заявить в курилке, что дочь Главы Рода видели в ночном клубе, где она на столе танцевала в голом виде, потому, что явно

накурилась — в общем, тут или ВСЕ уверены, что никто не донесет или лучше донести всем, потому что рассказчик себе на несколько статей сразу заработал.

— Кто не донес, тот сообщник?

— Да. Как можно иначе? Ведь долг каждого сознательного сторка — не давать совершиться ЗЛУ.

— И воевать за Высокородных? — догадался Матвей.

— Да. Десант — это средство отбора и воспитания героев.

— То есть, если 90 % полегло в атаке, то это были трусы, лохи, неудачники и вообще скрытые вырожденцы? — спросил Матвей. — И чем больше потерь — тем чище раса?

— Ну, не так резко, но вообще — общее направление.

— И что, там все с этим согласны?

— Не все. Но когда там группа товарищей попробовала, скажем так, кое-кому веселую жизнь устроить — то быстро оказалась на колу. И формулировка была, что покушение на наследников, а не школьные шалости. Лично Император утвердил. Как клеветают, не приходя в сознание.

— Ему протез мозга не предлагали ещё? — спросил Матвей.

— Психокоррекцию делать надо сильную. Только пациент, сам понимаешь, очень против.

— Дикость какая-то, — буркнул Димка. — Космос и рабы.

— Да, у Сторкада рабов на кораблях ВКС даже иметь разрешено, но они ОБЯЗАНЫ проходить подготовку по техчасти, и владельцы должны это обеспечить. И у рабовладельческих рас, которые долго существуют и стабильны — так часто делают. Ну да, вопросы лояльности — ну так если долго существуют, значит, как-то умеют решать эту проблему.

— Рабы любят Большого Брата, то есть хозяина? — предположил Матвей.

— Да. После психокоррекции обычно.

— Надо четко конкретизировать, КАК они его любят, — продолжил Матвей. — Бывает же, что шваброй в попу или в кляре.

— Обычно расы, которым это важно — научились. Опытным путем и не всегда с первого раза. Но тем не менее.

— А у вас такое вот бывает? — спросил Димка.

— Психокоррекция? — уточнил Талка. — Бывает. Но обычно добровольно и сами программы коррекции не могут быть секретны от своего население и от Союза вообще, включая товарищей с других миров, и реально оказывается, что граждане других миров Союза — о них знают. Но в некоторых случаях использование БЕЗ согласия всё же возможно. Правда, могут быть потом серьёзные последствия, если незаконно применили и так далее. Но если товарищ начнет себя внезапно вести неадекватно — вызовут службу здоровья и будут копать, что там с мозгами не так и почему.

— Нашел на чердаке старый "Плейбой" и начал спекулировать самодельным бельем неприличного содержания? — предположил Матвей.

Талка улыбнулся.

— Ну, имелось в виду не это — но такое тоже подойдет. Но спекулировать ЧЕМ — деньги какие? Натуральный обмен? Ну и при воспитании детей это вообще норма, скорее.

— Установка прошивки "ялюблюБольшогоБрата 2.45"?

— Не так. Скорее, в стиле повышения интереса к идеологии, и постепенно, и доступно

всем, но кто-то да — говорит так. При том, что в общем-то все вообще, кто может в такое — пробуют с тем или иным успехом такие вот методы воспитания. Вопрос целей и контроля. Да — мьюри тоже.

— У них это, видимо, на тему "у нас вы можете заработать много денег, а в Союзе?.." — предположил Матвей.

— А зачем мне они? — удивился Талка. — Что я НЕ получу? Рабов и рабынь? В Союзе — к моим услугам вся нужная техника, и если надо, — вся его военная мощь, а у мьюри только деньги.

— Ну, логично, — сказал Димка. — Но вы же тоже... повышаете интерес к идеологии. Талка вздохнул.

— Да. Мы тоже, но у нас с контролем и целями всё намного жестче — слишком много можно себе проблем создать, если злоупотреблять.

— Чрезмерной любовью к работе? — спросил Сашка.

— Принудительно не используется и выбор всё же есть, и большой, но обычно да — работу у нас любят, если не свою — то вообще понимают, что работать — это хорошо.

— Потому что это нужно обществу? — спросил Сашка.

— Нет. Потому что хорошо. И одна из причин, почему есть запрет на экспорт тем, кто не умеет в такое — там, где идет нужное железо, в составе медкапсул, например, — стоят программные блоки, потому что можно идеальных рабов делать, которые будут любить, кого надо.

— А это так плохо? — хмыкнул Матвей. — С точки зрения Сторкада, нэйкельцев, джаго и ещё много кого.

— С точки зрения буквально всех, кто имеет нужные технологии и ВСЕГО Союза — плохо. Потому что нарушает права разумных.

— Это всё здорово, конечно, — сказал Димка. — Но всё же, почему вы со всем этим безобразием не боретесь? С рабовладением и всем прочим?

— Почему, боремся, — удивился Талка. — Недавно, — ну, до нашего попадания сюда, — одну империю доели. То есть, не доели, конечно, а она сама развалилась.

— Потому что вы вмешались?

— Официально — вмешался Союз. Кое-кто там додумался подать заявку на вхождение и мол помогите. Реально там, скажем так, мы были, да, и куча товарищей, как из Союза, так и нет. Ну и да — кое-кто всё же в Союз в итоге вошел.

— Кто жив остался? — предположил Матвей.

— Нет. Кто к мьюри не ушел. Но проблема скорее, что их локальные власти уход к нам могут не признать. Взаимопризнание у мьюри всегда требует решения местных чиновников и там свобода, скажем так, у них лишняя.

— И они почему-то хотят денег, причем лично себе?

— Обычно есть взнос в госбюджет... и определенные вариации.

— Что считать госбюджетом? — спросил Матвей. — Например, личные счета госчиновников?

— Ну зачем же так грубо? Благотворительный фонд, где рабыня чиновника директором, и где на управление 90 % доходов уходит.

— И вы это терпите? — спросил Димка. — Даже когда мьюри всяких местных коммунистов дают?

Талка вздохнул.

— Терпим. Хотя бы потому, что если есть желание — можно этим коммунистам нормальное снаряжение давать и нормально учить, не маскируясь под другое.

— А бывает?

— Бывает. Только там деньги надо платить за доставку того снаряжения. И много.

— Мьюри очень прагматичны, — заметил Матвей.

— Да. У них вообще в принципе про обучение и так далее — запретов нет. В широком смысле обучение. Если обучение по данной теме не секретно — в смысле, тут не какие-то тайны — оно доступно всем. Понятно, за достойную плату. Если НЕ всем — можно в суде оспорить. И нельзя сказать, что джаго не пускаем потому, что они срут в аудиториях. Если тот, кто джаго на обучение отправил, не против оплачивать уборку, либо спецпамперс на замке на него вешать.

— А там реально есть такие сказочные прямо кретины? — удивился Димка.

— Ну, прямо таких срущих нет, — Талка смутился. — Но если отказывают потому, что джаго воняет, доказывайте, что воняет. Если реально — пусть тот, кто заказал, решает вопрос. Можно мытьём, можно закрытым костюмом. Типа химзащитного. С противогазом, чтобы не дышал в наш воздух.

— Костюм явно лучше, — Матвей хихикнул. — Ниггеры должны страдать.

— Да ну тебя! — Димка снова начал злиться. — Вы же сильнее всех этих уродов, да же? — он повернулся к Маахисам. — А почему не оккупировали их? Не навели порядок?

— А ЗАЧЕМ? — удивился Талка. — Зачем чужие населенные миры, население которых в Союз — не особо хочет, зато власть — надо менять, и серьёзно. Ладно бы кто-то оттуда просил помощи, и то вопрос — проще вытащить этих "кого-то" или помогать... и кстати, эти "кто-то" — это народ или как? А у мьюри народ тоже в общем-то сам всё знает, и верит по большей части властям, а те, кто не верит властям — всё же их идеологию разделяют хоть частично, и зачем ресурсы тратить? Да, иногда выбора просто нет, но даже тогда после оккупации, после выборов, честных, отдавали власть новому правительству, которое не создавало бы проблем, даже если оно было не коммунистическим, ну — постепенно отдавали.

— То есть, мьюри безнадежно поражены капитализмом и помогать им бессмысленно и даже контрпродуктивно?

— На момент нашего отбытия — да. Хотя какой там строй будет после неизбежного исторически уничтожения капитализма, в смысле какой фактически — вопрос отдельный.

— Коммунизм?

— Коммунизм — НЕ политическая власть, о чем не раз нам все взрослые говорили. Власть — должна быть народа.

— И реально народа?

— Скажем так — у мьюри жизнь лучше остальной галактики. Вот только есть побочные эффекты. Из видимых во время нашего там пребывания — нарастающая грызня корпораций. Что в будущем на раз может привести к гражданской войне, а то и к чему-то похуже.

— А у вас прямо нет грызни?

— Нет. Одна маленькая деталь — у нас кандидат на должности выше определенного уровня НЕ может брать самоотвод, если общественность его выдвинула.

— "Партия сказала "надо!", комсомол ответил "есть!"?

Талка улыбнулся.

— Да. Причем были попытки даже свалить в шахте работать — в общем, обычно так не получается. Уволиться тоже может не получиться. При этом строго по закону — могут заставить работать, причем должность НЕ имеет значения. И работать нормально, а не только делать вид.

— Даже Генсеком? — удивился Димка.

— У нас нет такой должности, но в целом да. И со старой работы коллектив должен отпустить. При этом в некоторых случаях даже выборы не обязательны, потому что "партия сказала надо". Реально отказаться по НЕ уважительной причине можно, но будут серьёзные последствия для карьеры, и окружающие не оценят. При этом, например, служащим наших сил обороны дают отпуск, военнослужащим союзников обычно уходит документ от имени правительства и тоже отпуск дают. Вот работникам искусства всё же разрешают совмещать, хотя выглядит интересно.

— Особенно когда они берут работу на дом, то есть в Политбюро или что у вас там?

— Да. Реально редко это правило используется... но используется. Лучше уж так, чем всякая игра престолов. А просто оккупация чего-то там — дорого же, одни расходы.

— А вы реально можете захватить галактику? — спросил Сашка.

— Если совсем с ума сойдем? Побойсье мы можем устроить. Но война быстро перейдет из фазы "мы высаживаем десанты" в "злбный враг напал на нашу планету! Уничтожить!" — и пойдут в ход все милые игрушки для уничтожения планет. Наша экономика выдержит, единая — а у нас именно единая уже. Даже без нас Союз, с учетом КУЧИ их резервных ба — выдержит, пусть базы их и под другое, не под войну.

— А другие?

Талка пожал плечами.

— Джаго и сторки в такое вот точно не смогут. Мьюри смогут ограниченно, потому что корпорации же. Нэйкельцы и дайрисы начнут в диком темпе разворачивать производственные мощности с максимальной автоматизацией и ИИ, все, кто слабее — пойдут под их протекторат, и хорошо ещё, если сами смогут выбрать, чей именно и обговорить условия хоть как-то, по тем вопросам, что можно обсуждать. Союз на отклонения от генеральной линии в таком случае тоже будет не очень красиво смотреть, а вот освобожденные колонии Йенно Мьюри — да просто местных возьмут администраторов и прикажут навести порядок по местным же законам, включая пункты про рабство, публичные казни — подтверждает после суда революционная тройка из представителя местного рядового населения, нашего представителя и представителя Союза. Способ — на усмотрение тройки. Если будут проблемы — вот код связи для вызова приписанных боевых кораблей, ну да — с ИИ, уж какие есть, у нас и так с производством кораблей сложности. Ну и все, кто могут — будут форсировать науку, и очень быстро все свободные пока что территории будут ими заняты. Наука — лишь военная, техники ментоконтроля и противодействия. Массовая загрузка сознания у нас, отказ от слабых биологических тел, компьютеризация — наше всё. И массовое создание ИР, лояльных. Или нет. Экспансия вообще по ВСЕМ системам — не всё ли равно, что на компьютеризацию переводить? Если надо — наплевать на человечность. Ну, она, конечно, ценна, но выбора уже нет. Если нас уже слишком прижмут — будем из себя что-то вроде сверхума творить массово. Правда, у органиков любых мозг всё же не настолько продвинутый, и если мы сами уже на компьютеризацию уходим полноценный — ну так есть же и младшие расы под защитой, можно и им сделать доступной технологию переделки в такое — под определенным

контролем. Ну и попытки пройти дальше во всех известных направлениях, которые могут дать результат, любыми средствами. Ненадолго, потому что пойдут постоянные срывы ИР и война станет наименьшей из проблем. Служба Поиска по-прежнему функционирует... только теперь сразу предупреждает о конфликте, и предлагает вступить в состав, пополнить наше многообразие. Отказ допустим, но тогда в системе получите военную базу — извините, мы НЕ можем допустить, чтобы вас захватили злые враги. Ты точно этого хочешь?

— Гм... нет, — буркнул Димка.

— Это хороший вариант был, — добавил Вэрка. — А реалистичный — наши незащищенные планеты будут просто выжигаться, уцелевших, какие могут быть полезны — мы возьмем себе, ладно — с семьями, и корабли им оставим, чтобы хотя бы разведгруппы чужие не уничтожили сразу, а то может у вас ещё полезные для нас найдутся. А в защищенных системах врагов — опять разгон науки, но с упором на войну, и суперлазеры наши раскопают, и факельные движки раскопают всё же, причем то, что недоделанная схема опасна — это даже хорошо, будут ещё и супербомбы, и технологии ускоренного обучения, доступные даже младшим расам пойдут, и даже бесплатно... вот только это ещё и сверхжесткое промывание мозгов на тему правильной идеологии тех, кто кто им продал железо, и всё, что выше. Служба Поиска по-прежнему функционирует, только теперь там ордена дают, за ввод новых младших рас в Союз. А то, что обычно они входят во главе с новым Гением Вождем... ну нет выбора больше. У мьюри тут будут спецкоманды зонирования, хотя называться будет не так. Если надо кого-то в Федерацию — местные власти просто добровольно согласятся сразу, а всякие парламенты проголосуют правильно. Сколько там их? Орбитальный удар нужные мысли поставит за 10–15 минут, если совсем грубо — то за 5, а он будет не один, и уже высадка спецназа открытая... а если местные военные попробуют поднять мятеж против решения законной власти — он будет подавлен, и их просто утилизируют, как представляющих угрозу для мирного процесса. Реакторы тоже дадут свои, термоядерные, только плутоний на них делать нельзя, воспроизвести тоже. А если там просто дикари — тоже спекорабли контакта... но сценарий — в стиле гнева богов, ну и объявление будет, что вы входите в состав нашей Федерации, и мы тут отвечаем за порядок. При этом если будет успешное сопротивление — прилетят корабли уже не спецназа, а военные, и никакой высадки десанта не будет, будет уничтожение. Реально если до такого дойдет — врубятся защитные системы инфорета, для начала — будет выключен свет, в смысле гипер вообще не будет работать, никак и ни у кого, и гиперсвязь тоже, в смысле и у нас — а нечего было начинать такое. Вообще, у нас проблем будет сильно побольше, это для слаборазвитых только с гипером всё плохо. Будут большие проблемы с бозонными реакторами, нет — они работают, но малоэффективно и с кучей проблем, а с системами усиления разума сверхмощными — всё вообще плохо, не работает, и всё, совсем.

— Бр-р-р! — Димку даже передернуло. Попасть в этот вот мир он совершенно точно не хотел. — Как вы там вообще выжили-то?

— С усилием, — Талка усмехнулся. — Поначалу-то мы вообще воевать не хотели, хотели просто построить свою цивилизацию на свободном месте. А мьюри на нас напали. При этом на тот момент у нас планета только начинала терраформинг, а значит, надо силы для штурма космических станций. Это — сложнее, ну и свалить станциям проще. В общем, мы выжили, мьюри — нет. Ну, те, кто напали.

— Техника у них видимо всё же не очень была? — спросил Сашка.

— На тот момент — сравнимо по общему уровню, а численность мьюри — много выше,

но — дух, отсутствие ограничений на ИИ и желания воевать традиционно — помогло. Мьюри не учли, что мы в свою идеологию верим, а в её рамках те, кто хочет нас просто ограбить — враги в принципе. И переговоры, по сути, затеять не пробовали.

— То есть даже дань за двенадцать лет не потребовали? — спросил Димка. — Сразу пошли грабить?

— Ну, там формально всё было дипломатично.

— Отдайте нам ваши деньги и дев в рабство?

— Идите к нам в состав. И всего-то через 99 лет получите младшие гражданские права и ту собственность, которую мы вам разрешим. Понятно, что такого вот никто не захотел. Помогло то, что мы этого всё же ожидали и что в общем-то наши предки НЕ воевали пушечным мясом, как мьюри — дроны, дроны, дроны. Если нет возможности, свои солдаты должны быть подготовлены отлично. Если есть угроза тотальной войны — должны быть подготовлены ВСЕ граждане.

— И подготовлены?

Талка усмехнулся.

— После первого раза — да. Можно на нас хоть посмотреть.

— А до?

— Меньше.

— Потому подлые агрессоры и решились? Мол, наивные лохи, воевать не умеют, можно смело грабить?

— Да. И вообще, Аниу не воины.

— Мы нет, а взрослые так очень даже, — добавил Вэрка.

— Ладно, — Димка посмотрел на небо. Уже приближался вечер — он и не заметил, как в болтовне прошел длинный здешний день... — Что там было последнее-то? Ну, перед тем, как вы сюда попали?

Талка задумался.

— Последнее? Была одна история, когда Служба Поиска как-то нашла колонию дайрисов, пообщалась, решила, что нападать нехорошо совсем. Ну, теперь туда снова слетали. Оказалось, там снова есть вода. В океанах, а не газообразная. Просто ЭТА эскадра как раз имела с собой экспериментальные комплексы зачистки — на базе не получившихся тогда факельных движков. Полевые испытания успешны.

— Ладно, всё пока на этом, — Димка поднялся, потягиваясь. — Пошли "бананы" собирать, а то без ужина останемся.

Уже шагая к лесу, он подумал, что мир всегда сложнее, чем хотелось бы.

Глава Вторая: Изгнать демона

*Какие подземелья их плодят,
Рогатых черных тварей, чьи тела
Влачат два перепончатых крыла,
А хвост — двуострый шип, в котором яд?
Они меня хватают и летят
В миры, где торжествуют силы зла,
Где разум обволакивает мгла...
И когти и щекочут, и язвят.*

*Кривые пики Тока одолев,
Мы с лету низвергаемся на дно
Геенны — там есть озеро одно,
Где часто дремлют шогготы, сомлев.
И так из ночи в ночь, и несть конца
Визитам этих бестий без лица!*

Говард Лавкрафт. "Грибы с Юггота".

В этот раз Димка проснулся очень рано. И, правду говоря, неохотно. Только что, во сне, он — кто-то иной, не Димка! — любовался незнакомой, но прекрасной девчонкой... гнался за ней по бескрайней травяной равнине под бесконечным полем хмурых туч, словно летел в обдающем нагое тело холодном, влажном ветре... каждой его клеточкой чувствуя, что, стоит ему догнать её, случится нечто потрясающее и удивительное, но вот что — он никак не мог представить...

Мальчишка вздохнул и сел, осматриваясь. Только что взошедшее солнце едва окрасило верхушки деревьев, почти все вокруг ещё спали. Лишь у небольшого костра сидел Сашка. Ему выпала самая "собачья вахта" — он был часовым перед рассветом, и ложиться спать ему было уже поздно...

— Как дежурство? — спросил Димка его, вернувшись из леса.

— Да спокойно всё, — Сашка бессовестно зевнул. — У озера на рассвете жабы какие-то орали, а так-то всё тихо...

— А, хорошо, — Димка тоже зевнул. — Похоже, тут и в самом деле ни зверья, ни людей каких-то нет.

— А пёс их знает, — Сашка сломал пополам сухую ветку и бросил её в огонь. — Мне тут Вайми местную поговорку сказал, — "здесь нет ни одного места, где можно жить нормально, но нет и места, где кто-нибудь не жил бы".

— Вайми... — Димка поморщился, словно раскусил недозрелую сливу. — Ты поменьше его слушай, брешет он...

— А кого тут ещё слушать-то? — Сашка вздохнул. — Радио-то нет. А тут хоть какое-то развлечение.

— Маахисов можно слушать, — буркнул Димка. — Вместо радио.

— Маахисов... — Сашка взял ещё одну сухую ветку, но ломать её не стал, просто крутил

в руках. — У них, знаешь, у самих концы с концами не сходятся. Если их послушать, — так они в галактике самые-самые-самые. Только вот всякие сторки и мьюри — плевать хотели на их крутизну. Что хотят, то и творят. Несмотря на их суперпушки и прочее.

— Видимо, у них тоже что-то такое имеется, — ответил Димка. — И не очень понятно тогда, как вообще мьюри продули Аниу. Ну, кроме "Аниу дали взятки адмиралам".

Сашка улыбнулся.

— Видимо взятки. Или Талка с Вэркой что-то тут преувеличивают. Или не они, а те, кто им это в школе рассказывал. С целью оправдать безделье. Не могут же Аниу на вопрос: "А почему вы не освободите рабов у сторков и других — можете же!" отвечать: "ну, не хотим". Адская война — очень удобный аргумент. Мы за мир же и вообще миру мир.

Димка открыл рот, чтобы ответить, но тут заметил, что к ним бредет зевающий Матвей. Продолжать разговор при нем не хотелось. Он, конечно, тоже немало ехидствовал над рассказами Маахисов, — но он, в конце концов, жил с ними, был принят в их племя, и разговор на такую вот тему мог основательно его обидеть. А ссориться с ним на пустом в общем-то месте Димке совершенно не хотелось, он вообще терпеть не мог с кем-то ссориться...

— А, привет, — Матвей тоже сел у огня, посматривая на них. — Как прошла ночь?

— Спокойно, — буркнул Сашка. Он явно хотел спать и не был настроен влезать в очередные разговоры.

— А, хорошо... — Матвей тоже зевнул. — А то место тут всё-таки странное. Мало ли кто тут может быть? Вороны те же.

— А они-то тут откуда? — удивился Димка. — Мы же их всех того... этого... э-э-э...

— А вдруг кто-то как раз здесь и ожил? — спросил Матвей. — И не один даже. Подберутся ночью — и привет. Маахисов они очень даже не любят. Порежут, да и нас заодно...

— Кстати, а из-за чего там произошёл весь сыр-бор? — спросил Димка. — Я имею в виду, что именно Маахисы не поделили с Вороном? Ведь нормальные ребята, в общем.

Матвей хмыкнул.

— Разница менталитетов. Маахисы как бы в политтехнологии умеют — на детском уровне, но тем не менее, а с точки зрения Воронов это колдовство и вообще бесчестно.

— А кого там Маахисы охмурили в пику Вороном? — немедленно спросил Сашка. — Нам они про это не говорили.

— Не говорили, да, — Матвей вздохнул. — Пока ещё не знаю, давно это было. Я не застал, по крайней мере, а сами они не рассказывали. Надо будет поспрашивать их на данную тему. Но вполне может быть, что Вороном просто их физии смуглокожие не понравились. А обоснование, как водится, придумали уже потом.

— Ладно, — Димка поднялся. Он был не против продолжить разговор — но ему всерьёз уже захотелось есть, а еды под рукой, как назло, не было. — Я в лес пойду, "бананов" наберу на завтрак...

* * *

В лесу оказалось откровенно страшно, — недавно взошедшее солнце освещало лишь верхушки деревьев, под которыми висел полумрак. К тому же, все "бананы" в окрестностях

лагеря, как оказалось, уже оборвали. В их поисках Димка углубился в заросли, — и в какой-то миг понял, что не видит и не слышит ребят у костра, хотя до него было всего-то метров сто...

К черту, не надо было сюда забираться, — вдруг подумал он, остановившись и вслушиваясь в повисшую вокруг недобрую тишину. По крайней мере, одному. Черт знает, какие тут водятся твари. Черт знает, кто может забрести сюда из пустыни или из степи. А может, и Ооль поджидает меня здесь. То-то будет весело...

На голую спину мальчишки вдруг повеяло холодом, — совсем не так, как бывает от холодного ветра. От ощущения, что прямо за ней кто-то стоит. Кто-то неживой...

Блин, да это же, наверное, как раз Ооль и есть, подумал Димка, холодея. О черте речь, — а черт навстречь...

Ему захотелось повернуться, — просто чтобы проверить, стоит за ним кто-то или нет, — но мускулы словно заморозило. Тело оцепенело, не желая подчиняться, — и вдруг, словно в кошмаре, слева показалось мертвенно-белое лицо.

— Привет, — прошептал Ооль, склонившись к его уху.

* * *

Димка вздрогнул — ветерок его шепота забрался в самую глубину уха, словно прямо в голову. Но именно это разрушило наваждение, — он выдернул из ножен меч Вадима и развернулся на пятке, занося оружие, чтобы изо всей силы рубануть так близко подобравшуюся к нему тварь...

И получил очень сильный и точный удар в живот. Свирепый холод от удара мгновенно распространился на все мышцы живота, а затем и на всю спину, и на всё тело! Димка охнул, сев на задницу, лишь чудом не выронив оружия. Он не представлял, что с ним тогда стало бы, — точно ничего хорошего. Но меч всё же остался в его руке, — и, может быть, поэтому Ооль не стал продолжать нападение. Он просто замер перед Димкой, глядя на него с отчетливым недоумением.

— Почему? — наконец удивленно спросил он. — Почему все встреченные мной люди пытаются убить меня?

— Ты тварь, чудовище, — осторожно растирая заледеневший живот сказал Димка. — Лгун, разрушитель душ.

— Естественно, я же демон, — улыбнулся Ооль. — Мы, выходцы из бездны ада, обязаны этим заниматься, как же ещё? — проскользнувшая в его словах насмешка наконец привела мальчишку в себя. Он кое-как поднялся на ноги, заставив Ооля отступить сразу шага на три. Вокруг него висела мертвая неподвижность, — но Димка не испугался, он уже хорошо знал эти дьявольские штучки...

— Чего тебе надо? — хмуро спросил он.

— Чего ТЕБЕ надо? — немедленно повторил Ооль. — Ведь это ты призвал меня сюда.

— Я?!

— Больше никому, — Ооль осторожно приблизился, на шагок. Димка предупреждающе поднял меч и он вновь замер. — Может, не вполне желая этого, но ты явно хотел меня о чем-то спросить. И, если ты хочешь получить ответ, ты должен вести себя... вежливо.

— Что, ноги тебе целовать? — Димка был зол, в основном потому, что Ооль вновь

угадал его мысли. Он и впрямь пребывал в растерянности и готов был спросить хоть черта, хоть самого дьявола о том, что ему тут делать дальше...

— Ну, если ты хочешь... — Ооль вновь улыбнулся, неприятно... — Бывает, делают и так.

— Нет уж, спасибо, — буркнул Димка. В душе у него что-то чесалось, — с одной стороны, он действительно нуждался в совете, с другой понимал, что тот явно его не обрадует — да и дан будет точно не с добром...

— Ну, как хочешь, — Ооль сел на землю, ловко скрестив босые ноги и изо всех сил делая вид, что никаких злых намерений у него нет и быть не может. — Что же ты хочешь знать?

— Завершится ли успехом наш поход, — буркнул Димка.

— Ты хочешь слишком многого, — Ооль хихикнул. — И сам не знаешь, куда, собственно, идешь. Через тернии к звездам — или через тернии напрямик к... нам? Гордыня часто ведёт в преисподнюю, борьба становится бессмысленной и глупой. Смирение порой мудрей нелепого сопротивления: силы лучше сохранить на то, что хотя бы можешь изменить.

— То есть, нам всем нужно ждать, пока Червь доберется до Надира?! — ошалело спросил Димка.

— Ах, почему бы и нет? — Ооль вновь улыбнулся. — Сам понимаешь, что с моей точки зрения это будет самый хороший исход. Я избавлюсь от этого дурацкого тела и этого дурацкого мира, в который меня так грубо выдернули.

— Кто? — машинально спросил Димка.

— Человек, который, как и ты, хотел могущества, — Ооль хихикнул. — Ему от меня было мало пользы. А вот мне от него...

— Я не хочу могущества, — буркнул Димка.

— Ах, зачем врать? — Ооль вновь хихикнул. — Хочешь, дорогой, ещё как хочешь! Хочешь занять место восприимца, хочешь занять место самого Мастера, если получится.

— Я домой хочу, — буркнул Димка.

— Домой? Правда? — Ооль фыркнул. — Хочешь снова ходить в школу? Где Аглая снова у тебя на шее будет ездить, а гад-физик будет называть дублом? Правда хочешь?

Димка смутился. Его отношения с Петром Аркадьевичем, учителем физики, и в самом деле сложились не самым лучшим образом — в основном, кстати, по его вине. Наверное, не стоило подбираться к Таньке с заряженной до предела электрофорной машиной и тыкать её её рожками — отчего девчонка с визгом подскочила на метр, получив в попу электрический разряд, а потом в Димку полетел электроскоп, — который, разумеется, разбился. Финалом стал грандиозный разнос и вызов в школу родителей, — и с тех пор Петр Аркадьевич относился к нему с предубеждением, которое изрядно осложняло Димке жизнь в пределах кабинета физики...

— Я к родителям хочу, — вновь буркнул он.

— Ну, хотя. Может, даже и вернешься. Только что с тобой потом-то будет? Отходишь ещё годик в школу, потом пойдешь в техникум. Потом тебя призовут в армию, — здравствуй, небо в облаках, здравствуй, юность в сапогах. Потом пойдешь работать на какой-нибудь железно-механический завод — и будешь вкалывать на нем до самой пенсии. А потом таки сдохнешь и попадешь к нам, — в качестве, извини, еды. И пробудешь у нас всю оставшуюся вечность. В бога-то ты ведь не веришь, так что спасения тебе ждать нечего.

— А что, разве есть бог? — Димка почувствовал, что начинает постепенно обалдевать.

Ооль хихикнул.

— Есть, есть, не волнуйся. Совсем не такой, в какого у вас верят, но есть. Только вот ему на вас всех наплевать. Вы ж в него не верите? Вот и он в вас тоже.

— Ой, да ладно тут опиум для народа разводить! — разозлился Димка. — Ты лучше скажи, как нам добраться до Надира. Быстро добраться. А то с этими луками мы тут на месяц застрянем. В самом лучшем случае.

— А что взамен? — Ооль с интересом взглянул на него. — Это, знаешь, так не делается. Ты не на школьный буфет лезешь, родной. Ты помощи просишь там, где судьба мира решается. Может, совсем не в мою пользу. Ради чего я вообще должен тебе помогать?

— А что, душу надо продать? — спросил Димка.

Ооль хихикнул.

— Можно и так. Не обязательно свою, кстати. Можешь чужую, — он широко повел рукой, словно перед Димкой лежал целый набор душ, на выбор.

— И что, тебе душу Серого продать? — зло уже спросил Димка. — Или, может, Машки?

— Не откажусь, — Ооль улыбнулся, почти нормально. — Но — не обязательно. Любая душа подойдет. Можешь продать душу Вайми. Можешь Льяти. Он тебе всё равно враг.

— А что, разве так можно? — Димка ошалело мотнул головой. — Продать чужую душу?

— Так продают же, — Ооль вновь хихикнул. — Сплошь и рядом продают, кто-то больше, кто-то меньше... Даже когда ты кому-то говоришь "Черт бы тебя побрал!" — ты его душу продаешь нам. Чуть-чуть, но тем не менее. Тут не сама душа даже важна, а готовность.

— Продать? То есть предать?

Ооль развел руками.

— Ну, ты сам это сказал. Да. Нет, знаешь, ничего слаще, чем продать чужую душу. А самому получить самое для себя дорогое. Даром, можно сказать.

— Да ну тебя! — Димка начал злиться.

— Не ну, — Ооль нахмурился. — Ты и без меня же понимаешь, что шансов у вас — вот, — он сжал большой и указательный пальцы. — Нуль нулем. Ты хоть знаешь, дурашка, кто такие *хобии*? Нет? Ах, ну да — ваш добрый проводник не рассказал вам, чтобы у вас кошмаров по ночам не было. А они, между прочим, бродят сейчас всего-то с другой стороны этого самого леска. В паре часов пути всего. Ищут, кем бы *позабавиться*. Если вы им попадетесь — пожалеете, что на свет родились. Если не свихнетесь сразу, от их вида. По сравнению с ними даже собакины — милейшей души существа. И мимо *хобий* вы никак не пройдете. Ну, если я вам немножечко не помогу. Но, сам понимаешь, не даром.

— Что тебе нужно? — хмуро спросил Димка.

— Ах-х, наконец-то деловой разговор, да? — Ооль улыбнулся. — Льяти подойдет, я думаю. Он, знаешь ли, сбежал от самой Смерти, а это нехорошо, совсем нехорошо. Для мира в том числе. Знаешь, что бывает, когда человек сбегает от Смерти? Мир начинает гнить, ветшать, и в него приходит... всякое. О-очень нехорошее. Типа, например, Червя. Потому что Смерть, знаешь, очень не любит, когда её обманывают. Очень-очень. И своего добивается. Всегда. Так или иначе. Если мир ей мешает — ну так не будет мира.

— И что, мне надо убить Льяти?

— Ах-х, ну зачем же так грубо? — Ооль отчетливо поморщился. — Нет, нет, зачем? Пусть топает себе до Надира. А вот когда дотопает, ты позовешь меня. И я его того... поберу. Что зачтется и мне, и тебе, кстати, тоже. Очень сильно. И тут, и особенно ТАМ.

— А с миром что будет? — хмуро спросил Димка.

— А тебя должно это волновать? — Ооль склонил к плечу голову, испытующе глядя на него. — Ты в это время уже будешь дома, у папы с мамой. Или ещё где-то, где захочешь. Даже все вы будете. Ну что, ударим по рукам?

— Нет уж, — воспоминания об прикосновении к... этому у Димки остались самые что ни на есть неприятные. Да и отдавать... этому вот душу Льяти как-то не хотелось, даже несмотря на все... чувства, который мальчишка испытывал к Виксену, и не без оснований, честно скажем...

— Боишься? — Ооль склонил голову к другому плечу, глядя на Димку, словно сыч. — Зря боишься, кстати. Сам по себе ты мне и не нужен. Теперь. А вот небольшие... гарантии с твоей стороны — очень даже нужны.

— Ага, я тебе руку подам, а ты меня... того. Как статуя Командора.

Ооль вздохнул.

— Ах, ну зачем эти глупости? Времена изменились, изменились. Просто на слово тебе я — уж ты прости — не верю. Я тебе помогу — а ты меня обманешь. Я вижу, хочешь же. Поэтому, честно скажу, я сделаю так, что обмануть меня ты не сможешь. Сделаешь, что нужно будет мне. Когда будет нужно, где нужно. Без всяких сомнений вообще.

— Ты думаешь, я совсем дурак? — спросил Димка. — Соглашаться на такое?

Ооль хихикнул.

— Нет, дорогой. Ты, извини, тут ломаешься, как девка, которую парень просит отдаться при луне, ну прямо точь в точь. Хочешь и рыбку съесть и на ёлку, хе-хе, влезть. А так не бывает. Или трусы надевай, или снимай, хе-хе, крестик. То бишь или по рукам, или прощай, родной. Мы с тобой уж дважды виделись, этот раз — последний. Потом хоть иззовись весь, хоть младенцев на алтаре режь — никто не ответит тебе. Такое уж, прости, у нас, чертей, правило.

— А гарантии где, что не обманешь?

Ооль развел руками.

— Это, извини, не к нам, это туда, — он ткнул пальцем вверх. — Будешь непрерывно каяться, молиться и поститься, — попадешь в рай. С гарантией, хе-хе. Тебе, правда, там не понравится, но попадешь. А у нас нравы, сам понимаешь, другие совсем. Шансик обрести знание, богатство и способ возвыситься мы даем каждому. Вот сумеешь ли ты его использовать — уже только от тебя зависит. От того, насколько ты это всё хочешь и на что готов пойти, чтобы за всё это заплатить. Потому что подарков мы не делаем. И берем, — да, берем гораздо больше, чем даем. Это чистая правда. Но совсем не обязательно платить собой, своей судьбой и так далее. Можно и чужой. Ах, извини, я это говорил уже.

Димка вновь ошалело помотал головой. Он сам не понимал, почему разговаривает с... этим, — да ещё о подобных вещах! — но это было... интересно. Очень даже.

— Слушай, а как там у вас всё? — вдруг спросил он.

— Ах-х, тебе интересно, да? — Ооль явно ждал такого вопроса. — Ты всё сможешь узнать. Если станешь демоном.

— А что, разве можно? — удивленно спросил Димка.

— Ах-х, почему нет? — Ооль всплеснул руками. — Я же вот стал. Парочка клятв кому нужно, парочка идиотов, которых давно заждались в пекле — и готово дело, — он хихикнул. — Поначалу, конечно, было неудобно, но я освоился, о да.

— А пекло разве есть?

— Пекла нет, — Ооль хихикнул. — Ад есть, а пекла нет. Такого, где грешники в котлах и черти с вилами. Это, извини меня, чушь. Тел-то у душ нет, а потому страдать физически они не могут. А вот духовно... о-о-о... — он мечтательно сощурился, словно вспоминая изысканное лакомство.

Димка ощутил вдруг сильнейшее побуждение рубануть гадину мечом... но Ооль сразу почувствовал это.

— Ах-х, не по вкусу тебе? — он хихикнул. — Ну так ты ж даже не пробовал. Вкус страха, вкус отчаяния... в тебе же я вкус гнева ощущаю. Тоже неплохо, неплохо.

Димку передернуло. Ооль откровенно издевался над ним... но чего ещё ждать от демона?..

— А рай? — спросил он.

— Извини, не бывал, — Ооль картинно развел руками. — Не сподобился, знаешь. С богом тоже за руку не здоровался, если тебе интересно.

— Но он есть?..

— А я должен отвечать тебе? — Ооль вновь склонил голову к плечу. — Знание — это, знаешь, сила. А сила даром не дается. Особенно — такая. Ты же сущность бытия хочешь знать, не больше и не меньше. Величайшую тайну.

— Ну, хочу, — Димка не видел смысла это отрицать.

— Ну, хотя, — милостиво разрешил Ооль. — Хотеть не вредно, знаешь. Только тут я тебе, знаешь, не помощник. Моё дело тут маленькое, — искать, шнырять, обрекать души проклятию, — он вновь хихикнул.

— А что ты тогда вообще знаешь? — зло уже спросил Димка.

— Да уж всяко побольше того, что ты можешь представить, — Ооль вновь хихикнул. — Кто такой Мастер, кто Драконы, зачем вы вообще здесь... Но тебе, извини, не скажу. Не заслужил, — отчеканил он с видимым удовольствием.

— А если заслужу?

— Заслужи, — вновь разрешил Ооль. — Я же предлагаю тебе — ты меня к себе немножечко пускаешь в душу, а я отправляю Льяти, куда надо. А там тебе будут и знания, и тайны, и экскурсия по аду, если хочешь.

— Не хочу, — буркнул Димка. Пускать... это вот к себе в душу ему уж совершенно точно не хотелось.

— Точно не хочешь? — Ооль вновь склонил к плечу голову. — Вайми вон целую свору у себе в голове поселил — и ничего, стал аж бодрей прежнего.

— Врешь ты, — буркнул Димка. — Он сам говорил мне...

— Правду?.. — Ооль хихикнул. — Ты хоть знаешь, дурашка, как люди магами становятся? Пускают к себе в душу демона, по сильнее, да потупее. Он за них и пашет, а они знай себе командуют. А бывает, и не одного. Только вот бывает, что демоны-то отожрут, подрастут, и хозяина своего — ам! — Ооль засмеялся, неприятно... — Или хозяин от них понаберется, и станет демоном сам. А на вид — всё ещё милейший человек, душка душкой. А что детишки вокруг пропадают — ну так и что? Никто не в курсе же, что те детки у него — в подвале, да в клетке, и он по ночам из них Силу пьет, да не через пытки и муки, а, например, ужас такой насылает, что душа гибнет. Ну, не гибнет, конечно, но превращается в демона из наихудших — безмозглого совсем, но такого лютого, что ой-ой-ой! Вот дюжина таких в башке у Вайми и живет. И он их на тех, кого надо, напускает.

Димку передернуло. Такого он и представить себе не мог. Но это — как раз многое

объясняло. Даже *слишком* многое...

— И что... он их... сам? — почти против воли спросил он.

— Ах-х, нет, нет, не по чину такое ему, — Ооль хихикнул. — А вот Мастеру Крэйну, создателю его — так очень даже. Он, знаешь, любил в мир всякое пускать. Якобы справедливости ради. Только выходило, как всегда. Плохо, то есть. Потому как демонам, сам понимаешь, всё равно, кого жрать. Низшим особенно. У них же и сознания нет, одна лютая ярость. Будь ты хоть святым и припадай к Вайми мыслями хоть чистой благодати ради — те демоны тебя хрум — и всё. Душу твою выжрут и обгадят, и останется оболочка одна. Не раз уж такое бывало... с идиотами всякими, которые помочь хотели юношу невинному. А потом если не души, то рассудка уж точно навсегда лишились.

— Но он не говорил мне... — снова буркнул Димка.

— Ах-х, а ты кому-то говорил, как ты дядю Жору с четвертого этажа мочой из банки облил? — Ооль хихикнул. — Или кто кнопки канцелярские на стул Петру Аркадьевичу клал? Нет же. И уж ты точно не один такой.

— Жорик спекулянт и гнида, — буркнул Димка. — И не обливал я его, я только банку ту на дверь ему поставил...

— Ну так и Вайми зла тем доброхотам не хотел, оно само так вышло, — Ооль хихикнул. — Только, как видишь, совесть не слишком его мучит. Сами захотели, а он согласился только. А что не вышло — сами виноваты. Не надо мол, лезть, если не уверены. Да и не хотел он от... ну, нас, на самом деле избавиться. Потому что без демонов он кто? Сопляк просто. А с ними — маг. Пусть в одном лишь, но огромной силы, между прочим. А дураков от силы отказаться нет. Сделать вид-то можно, а на самом деле хотеть демонов своих немножко совсем подкормить, чтоб не ослабли...

— Врешь ты, — уже почти безнадежно буркнул Димка. Думать, что их проводник — маг, да ещё и не добрый, не хотелось...

— Нет, не вру, — Ооль вновь хихикнул. — Ты же сам нутром своим невинным чуешь, что с ним того... нечисто. Оттого и думаешь о нем... всякое. Хотя, по идее, ажно припадать должен к угнетенному туземцу.

— Это потому, что очень задается он, — буркнул Димка.

— Ах-х, ну зачем, зачем врать? — Ооль почти искренне вздохнул. — Чуешь, что сила его — не от мира сего. Ну и завидуешь тому.

— Завидую? Я?! — возмутился Димка.

— Завидуешь, завидуешь, — Ооль вновь хихикнул. — И умению его завидуешь, и силе, и красоте его тоже.

— Да вот ещё! — возмутился Димка.

— Ой, не ври, — Ооль вдруг ткнул в него пальцем. — Себе не ври, прежде всего, это вообще глупо очень. Завидуешь. И злишься оттого.

— Не злюсь, — буркнул Димка.

— Злишься. Я же, сам понимаешь, всё такое нутром прямо чую. А меня к себепустишь — будет и тебе магия. Да не такая, а полезная. Сможешь на людей страх дикий напускать. Или — хи-хи — радость неземную. И будут они у тебя в ножках прямо ползать, да кланяться и благодарить за ту радость. И пасть за неё будут рвать, и себе, и кому скажешь.

— Да не хочу я такого! — возмутился Димка.

— Хочешь, — Ооль вновь ткнул в него пальцем. — Себе даже признаться боишься, но хочешь. Не для себя пусть, для общего блага, только разницы-то и нет тут.

Димка смутился. Лет так в десять-одиннадцать он страшно хотел овладеть гипнозом — посмотрел, мол, на жулика, и он в милицию пошел сдаваться. Потом-то он понял, что желание глупое... но часть его всё же осталась.

— Ага, а ты только об общем благе и мечтаешь, — буркнул он.

— Не мечтаю, — Ооль даже вздохнул. Казалось, что это искренне его огорчает. — Но тебе-то что с того? Власть-то у тебя будет.

— У меня?

— По большей части, — пояснил Ооль. — У меня, знаешь, даже желания нету твоей жизнью управлять. Так, направить иногда, чтобы нам двоим лучше было... Нет, жилец я, ясное дело, беспокойный, не буду скрывать. Но радость беспредельную я и тебе смогу устраивать. И совсем не духовную даже, — Ооль хихикнул. — Ты на седьмом небе будешь.

— Или НЕ радость? — хмуро спросил Димка.

— А это от тебя уж зависит, родной, — Ооль развел руками. — Будешь договор наш соблюдать — жить будешь, как в раю. Нет — ой, пожалеешь, что на свет родился.

— Нет уж, спасибо, — буркнул Димка. В демонологии он не разбирался, но уже понимал, что если Ооль проникнет в его душу — то останется в ней до самой его смерти, а скорее, значительно дольше...

— Ой ли? — Ооль вновь склонил к плечу голову. — Власти ты хочешь? Хочешь, иначе вождем бы и не стал. И я тоже хочу. Но без тела ничего, почитай, не могу — разве что по миру шляться, да дураков разных соблазнять. А ты без знаний по миру бредешь, как слепой над пропастью. Вот-вот споткнешься — и привет. Туда улетишь, куда лампы не светят. И всех своих с собой утащишь. А вместе мы станем тут силой, подстать Мастеру. Больше даже.

— Ты-то, может, и станешь, — буркнул Димка. — А вот я...

— А ты, родной, шансик свой сейчас теряешь, — недовольно уже сказал Ооль. — Всё кругами да кругами ходишь, а решиться не можешь, языком треплешь тут, задаешь дурацкие вопросы... хочешь даром, да побольше вытянуть. Так я тебе прямо скажу — даром только морду бьют. А за силу — платят не скупясь. И за знание тоже. Ещё больше даже.

— Да что ты знаешь-то такого? — возмутился Димка.

— Да уж побольше, чем ты думаешь, — Ооль хихикнул. — Ну что — хочешь знать, что о тебе твоя Машка ненаглядная думает на самом деле? Или чем Сашка, дружок твой, на досуге занимается? Или от чего ты в петлю прямо лезть будешь, когда тебе тридцать стукнет? Или что с твоей Родиной ненаглядной случится всего-то через двадцать годочков, меньше даже? Или где Серый, дружан твой вернейший, погибнет? И где ты сам лапы склеишь — никому не нужный, кстати? А я вот — знаю. И могу изменить даже. Если ты тут комедию ломать закончишь и ударишь по рукам.

— Да иди ты к черту! — разозлился Димка. Он уже привык к тому, что Ооль лжет и пугает — но ЭТО было уже чересчур.

— Извини, не могу, — Ооль хихикнул, словно Димка угостил его тонкой остротой. — Я же, в общем, и есть черт. И не могу идти сам к себе.

Димке захотелось послать его намного дальше... но он всё же сдержался. Ооль был, конечно, самый настоящий демон и злонравия своего даже не скрывал, — ему явно доставляло наслаждение глумиться над ним, Димкой. Но он (как и полагалось демону) явно много чего знал, — и посылать его нафиг было явно опрометчиво. Незнание местных тайн и хитростей буквально душило мальчишку, — и он почти что готов был продать душу, чтобы разобраться во всём этом...

Почти, — но не совсем. Как-то вдруг он вспомнил разговор с Асэтом, — ещё там, в Безвозвратном Городе, вечером, на верху пирамиды. Как раз о том... существе, что сидело сейчас перед ним. И о... других, таких же. И об их... подарках. "Димка, подарки — они такие, — сказал ему тогда Асэт. — Демон может запросто сожрать тебя с костями, да вот только без ТВОЕГО прямого согласия вся его сила — пустота. И стоит ли на его подарки соглашаться — даже не вопрос. **НЕТ**. Демон может очень, *очень*, **ОЧЕНЬ** хотеть тебе что-то дать — вот только **ВОЗЬМЁТ** он потом куда больше. И **КАК** он потом использует твоё согласие, — ты знать не захочешь. Если тебе предлагают даром знание, богатство и способ возвыситься, худшее, что можно сделать — это согласиться".

Ооль вдруг зашипел, — совсем не по-человечески, как шипел, например, сам Димка, треснувшись большим пальцем ноги в сандалиии о торчащий из земли стальной прут. Нет. Словно какая-то змея... или даже что-то, **НАМНОГО** более мерзкое. От этого шипения Димку немедленно пробрал озноб... но он неожиданно заметил, что Ооль как-то вдруг... выцвел. Стал почти прозрачным. Мальчишке даже показалось, что сквозь него теперь просвечивают заросли...

В голове у него тоже слегка прояснилось. Ему действительно очень, **ОЧЕНЬ** хотелось узнать всё, что только знал Ооль, — и черт с ней, с его душой! — но сердцем он чувствовал, что Ооль ему лжет. Лжет бесстыдно, словно... словно черт, и он вспомнил вдруг слова отца: "Димка, разум, безусловно, полезен и могуч, — но только не тогда, когда тебе рассказывают, как глупо "слепо" верить своим чувствам, хоть ты трижды их проверишь. А если чувств не будет — человек поверит тому, кто скажет то, во что он **ХОЧЕТ** верить. Даже если это будет смертельная ложь. Поэтому доверять **ВСЕГДА** нужно чувствам, а не разуму — и невозможно обмануть. В то время как разум — даже самый могучий! — обманывается на раз. Особенно байками про своё, якобы, "всесилие", с помощью которого он, якобы, всегда отличит правду от лжи. Не отличит. Ложь **ВСЕГДА** разумна и логична. Правда — нет. Поэтому поверять Правду логикой — смертельная ошибка. Если сердце говорит, что тебе лгут — надо верить ему, что бы там не орал и не вопил разум. Потому что сердце **ВСЕГДА** оказывается в итоге право, даже если то, что тебе говорят, **СЕЙЧАС** является правдой. Но эта правда — коварная приманка, скрывающая под собой ложь. Поверив в одно, ты **НЕИЗБЕЖНО** согласишься во второе. И мораль очень простая — если ты чувствуешь, что тебе лгут — скажи это в лоб лжецу, кем бы он ни был. И наслаждайся тем, как он психует, пытаясь убедить тебя в обратном. А потом просто пошли его нахер. И всё".

— Ну, что ты всякую дрянь думаешь? — вдруг кисло спросил Ооль. Вид у него сейчас был такой, словно его накормили протухшей кашей. — Верить мне или не верить, словно в Деда Мороза какого-то. Ты ж не мне, дурашка, не веришь, ты **СЕБЕ** не веришь, вот где самый смех-то! Не веришь, что хочешь власти, не веришь, что можешь её получить. А можешь же! Не даром, понятно, но и не слишком-то дорого, если хорошенько подумать. У нас, понимаешь ли, не банк, мы не только деньгами берем, — он хихикнул. — Тут даже не душа твоя важна, а твоя готовность отречься от сам знаешь кого.

— Я в бога не верю, — буркнул Димка. Ему вдруг стало неловко — словно он ни за что обидел человека... хотя человеком Ооль как раз не был. То ли давно, то ли вообще никогда...

— Ну вот, значит, тебе это и не будет стоить ничего, — Ооль вновь хихикнул. — Правда вот то, что не стоит ничего, ничего и не стоит.

— И что мне надо сделать? — хмуро спросил Димка, чувствуя, что его снова начинает затягивать... словно в какой-то топкий, илистый омут. Зеленые глаза Ооля отчетливо

светились в полумраке и их страшноватый неподвижный взгляд словно проникал куда-то в его душу... а может, и совсем и не "словно"...

Ооль задумчиво посмотрел на него.

— Раз уж ты не хочешь меня к себе в душу сейчас пускать, можешь и позже призвать, когда до Надира дотопаешь. И там я и без тебя разберусь. Но, гарантия, сам понимаешь, нужна. Связь. Печать, как у нас говорят. Получить её, правда, не так сложно — надо нарушить всего-то один безусловный запрет. Не обязательно, кстати, всякую жуть творить, девственниц на алтаре резать и всякое такое. Можно просто всей душой сам знаешь от кого отречься — но это, к сожалению, не к тебе. А можно — и от всякой чуши, которую в тебя набили, чтобы ты покорным был. Только не в душе уже. Надо в самом деле что-то *сделать*. Ради себя и своей власти. Или просто — ради себя. Не думая о всяких пакостных людишках, которые у тебя на шее ездят, ножки свесив. Они-то, уж поверь, о ТВОЁМ благе не думают. Только о том, как бы из тебя, дурачка, побольше всего выжать. А как ты их с шеи своей скинешь — они тебя сразу уважать начнут, вот увидишь.

Димка вдруг понял, что эти слова Ооля его совершенно не трогают. Ну вот ни чуточки. Зато ему вновь вспомнились слова отца: "Димка, в ЛЮБОМ споре о морали участвуют двое: один — дурак, другой — подлец. Один подвергает сомнению — причем умышленно, злонамеренно подвергает! — совершенно ясные и очевидные для любого идиота вещи, второй пытается как-то их защитить, не сознавая, что его "оппонент" сам понимает их разумность даже лучше его самого. И искажает их не по "незнанию", не ради нелепой попытки "перепонять понятное", а совершенно сознательно, ради создания той моральной серости, в которой так вольготно чувствуют себя черные душой и духом. И слушающий его не только глупо тратит своё время, но и сам, волосок за волоском, начинает сомневаться в том, в чем сомневаться НЕЛЬЗЯ. Вместо того, чтобы заткнуть поганую пасть хотя бы простым ударом кулака".

— Ну, что ты решил? — между тем, спросил Ооль. Вид у него был донельзя встревоженный. Верно, ход мыслей мальчишки совсем его не радовал. А вот надежды на него он возлагал большие.

— Что я решил... — Димка взвесил в руке меч и хмуро посмотрел на демона. — Иди-ка ты на...!

* * *

Димка понимал, что его ответ вовсе не обрадует демона — и на сей раз не ошибся. Ооль гневно зашипел, раздуваясь и становясь отчетливо больше. Казалось, он прямо вот сейчас лопнет от злости.

— Ах ты ж сука... — наконец процедил он. — Я к тебе со всей душой — а ты меня... а ты меня...

В один миг его фигура просто... исчезла, завихрившись, втягиваясь... куда-то, словно убегающая в дырку ванны вода. На какой-то миг всё замерло... потом из этой невидимой "дырки" вдруг выпрыгнуло...

К счастью, тело Димки среагировало куда быстрее, чем разум. Он изо всей силы метнул меч в самый центр... этого... и перед ним свилось в агонии кошмарное черное существо. Всего на миг Ооль принял свой истинный вид... и Димка, наверное, тут же свихнулся бы,

если бы успел хоть как-то его разглядеть... но тут ТВАРЬ вдруг охватило странное бледное пламя, безжалостно пожирая её... и всё исчезло. Перед Димкой остался лишь нелепо висящий в воздухе меч. Но потом и он упал на землю.

* * *

Димка провел ладонями по лицу, стараясь успокоиться. Лес вокруг снова ожил, и казалось, что ничего этого просто не было, что это — просто какой-то дикий бред...

Димка нагнулся, чтобы подобрать меч... и едва не уронил его вновь. Рукоять обожгла его смертельным холодом — и он понял, что ему не показалось.

* * *

Морщась от холода, он торопливо сунул меч в ножны. Ещё немного постоял, пытаясь успокоиться. Голова у него до сих пор шла кругом — но, так или иначе, эта история закончилась. Навсегда. И Димка чувствовал мрачное, глубокое удовлетворение, — как любой человек, который сделал свой мир чище. Причем, намного. Кем бы ни был на самом деле Ооль, — он погубил множество не самых, наверное, плохих ребят и девчонок. А теперь сам был низвергнут туда, откуда выполз, — или был вызван чьей-то неразумной и злой волей. И уже был не в силах причинить кому-то вред...

* * *

Выйдя из лесу к лагерю, Димка снова замер. Все в нем уже проснулись и устроили обычную утреннюю суматоху. Особенно старались Маахисы и Димка невольно засмотрелся на них, — особенно, конечно, на девчонок. Их гибкие тела мельтешили, беззвучно, как во сне, мелькали поджарые животы, изгибы узких поясиц, едва прикрытые круглые попы, лохмы, пятки... за остатки вчерашнего ужина разгорается суровая борьба. Неугомонный Дэй звонко бьет Талку ладонью по заднице, тот возмущенно вякает и так же звонко бьет в ответ. Дэй гонится за ним... Файму возмущенно орет, требуя тут же прекратить безобразие...

На какой-то миг Димке показалось, что это всё, — ненастоящее, а настоящая, — как раз мертвая тишина, в которой слышен лишь вкрадчивый, липкий голос демона...

Он недовольно мотнул головой и зашагал вперед.

* * *

Димка невольно ожидал, что его появление вызовет удивленную тишину, — но на него никто не обратил внимания. Лагерь бурлил, ребята и девчонки ныряли в лес, другие возвращались из него, — шла деловая заготовка завтрака...

Димка покрутил головой. Ему повезло, — друзья ещё сидели у костра, не успели разбрестись по лесу... Там же, правда, обретался и Матвей, что Димке совсем не понравилось, — он не хотел впутывать его в ЭТОТ разговор.

Как назло, Матвей первым заметил его. И тут же уставился. Довольно удивленно. Должно быть, физия у меня сейчас та ещё, недовольно подумал мальчишка.

— Не мерзнешь? — участливо спросил Димка у Матвея, одетого, как и все Маахисы,

лишь в парео и бусы.

Тот смутился. Но намек понял и с недовольным видом зашагал к Файму, — за ценными указаниями, наверное...

— Что это с тобой? — тревожно спросил Сашка. — У тебя лицо такое, словно ты привидение увидел.

— Хуже, — буркнул Димка, садясь у костра. Вроде и не нужного в такой жаре, но смотреть на него было приятно. И не только, — живое тепло огня окончательно прогнало из тела ТОТ холод... — Я с Оолем повстречался.

— И что?

— А всё. Нет его больше. Я его мечом того... этого...

— Врешь, — без особой убежденности правда сказал Юрка.

— Не вру, — Димка вытащил из ножен меч и протянул ему. — Потрогай.

Юрка протянул к клинку руку — и тут же отдернул её.

— Ай!! Холодный, — он бездумно поднес пальцы ко рту. После чего взглянул на Димку с явным уважением. — Ты герой просто.

Димка смутился. Он-то понимал, что ничего геройского не совершил, — как раз напротив, едва не предал всё, что можно, — но важен, как всегда, результат...

Остальные тоже пощупали меч. Уважительно помолчали. Верно, каждый из них представлял себя сейчас на месте Димки...

— Как это было-то? — спросил наконец Борька.

— Ну... — Димка смутился. — Я в лес за "бананами" пошел — а он тут как тут. Из-за спины выглядывает, — при одном воспоминании об этом Димку передернуло. — Начал чушь всякую нести, — мол, продай душу, а я тебе, — власть и могущество. Я его послал — а он как на меня бросится! Ну, я его и того. Меч в него кинул — и всё.

— И попал? — уже довольно ядовито спросил Юрка.

— Попал, — Димка хмуро взглянул на него. — Ты же сам клинок щупал. Думаешь, я его из холодильника достал?

— Ну... — Юрка отчетливо смутился.

— Делать-то что будем? — спросил Борька.

— Делать... — Димка посмотрел на Макса. — Да ничего такого. Пока что. Мы с Максом на разведку в лес сходим — посмотрим, как близко там степь и что там. Ты согласен? — несколько запоздало спросил он.

Макс лишь пожал крепкими плечами. Вздохнул почему-то...

— А с чего мне отказываться? Ты только жрать с собой возьми. На двоих. Лучше побольше. Мне говорят, что прожорливый, — он хлопнул себя ладонью по впалому мускулистому животу.

— Ну, это-то понятно — вон, какой здоровый, — буркнул Димка.

— А Вайми как? — немедленно спросил Сашка. — Он же всё это и так знает.

— Вайми... — Димка посмотрел на празднично сидевшего на траве Астера. Он с явным интересом наблюдал за ними — а может быть и слушал, слух у него был очень хороший, Димка не раз успел уже в этом убедиться... — С ним я сейчас поговорю.

* * *

Вздохнув, Димка поднялся и зашагал к их проводнику. Без особой охоты зашагал —

разговор предстоял неприятный, а может, даже и опасный, но избежать его уже было нельзя...

Вайми лишь коротко взглянул на него снизу вверх — вставать перед Димкой он то ли поленился, то ли просто не счел нужным...

— Слушай, засранец, почему ты нам про *хобий* не сказал? — возмущенно спросил Димка. Он не хотел так сразу брать быка за рога, но слово, увы, не воробей...

— Ну... — Вайми глубокомысленно опустил взгляд на пальцы босых как всегда ног. Потом вдруг взглянул на него с острейшим любопытством, неожиданным и неприятным... — А ТЫ-то откуда про них знаешь?

— Ооль сказал, — буркнул Димка, садясь рядом с ним.

— А, ясно, — Вайми вздохнул. — А ты в самом деле хотел знать, что по степи тут бродят ТВАРИ, любая из которых может снести тебе голову одним взмахом лапы? Или ещё что-нибудь, — его невольно передернуло.

— Так это правда?

Вайми хмуро взглянул на него.

— Ну... да. Я потом хотел вам рассказать. Когда у нас уже луки будут. Отряду хороших-то лучников эти ТВАРИ ничего не сделают. Побоятся связываться.

— Спасибо за заботу, — ядовито сказал Димка. — И чего ЕЩЁ я не знаю?

— Всего не знаешь, — Вайми откровенно ухмыльнулся. — Но это для вашей же пользы. Ну, и немного для моей. Я, знаешь, тоже в Город Снов хочу, а одному туда трудно пройти... А ты, я вижу же, хочешь меня нафиг послать.

— Хочу, — Димка встал, вновь глядя на него сверху вниз. — И поделом! Бесчестный ты. В бога с нами играешь. То скажу, это не скажу, потому что не готовы ещё...

Вайми приподнялся, уже свирепо глядя на него. Димка как-то вдруг вспомнил, что он старше и намного сильнее его — и учился драться ещё с тех пор, когда его, Димки, предки плавали прибивать свой щит к воротам Царьграда...

— Слушай, а ты не боишься, что тебя твои демоны ручные сожрут? — вдруг спросил он. Вопрос вырвался сам, из глубины души — но, к удивлению Димки, попал в цель.

Вайми мягко опустился на пятки, положив ладони на бедра. Потом вдруг широко ухмыльнулся.

— Здравомыслием демонов не победить. Нужно стать ужаснее их. Безумнее их. Ну — ты доволен?..

Димка взглянул в его глаза. Милые синие глаза, сейчас даже несколько меланхоличные... Его передернуло. Сейчас он лишь чудом избежал смерти — и Вайми, конечно, это понимал...

* * *

С минуту, наверное, они молчали, не глядя друг на друга. В груди у Димки ёкало — Ооль оказался прав уже второй раз, а это значило... значило...

— Так значит, это были не кошмары? — наконец спросил он.

Вайми лишь пожал плечами.

— А ты думаешь, что есть разница? Кошмары — тоже демоны, только совсем маленькие. Собственно, все демоны когда-то были лишь чьими-то кошмарами. И не дай бог тебе увидеть, какими они становятся, когда вырастают...

— А в башку к себе их зачем впускать?

— Так я и не впускал, — Вайми вновь пожал плечами. — Мастер Крэйн им только силу дал. Ну, и защиту поставил. А так-то они у меня и раньше были. От хорошей, так сказать, жизни.

— Всё равно, ЗАЧЕМ? — упрямо спросил Димка.

— Для защиты от мозгокрутов, я тебе это говорил же, — Вайми взглянул на него чуть удивленно. — А это очень непростое дело, кстати. Всякие "барьеры воли", "омуты безмыслия" и прочее — для настоящего мастера ментала хрень. Вот демона ему подсунуть — совсем другое дело. Прочитать мысли НАСТОЯЩЕГО демона даже мастеру телепатии не всегда под силу... а иногда всё выходит, но так, что лучше бы не выходило. Демоны ведь не думают в нашем понимании этого слова, они сами И ЕСТЬ мысли, причем, очень... нездешние, и их прочтение может запросто взорвать обычному человеку мозг. Ну, не мозг, конечно, а сознание, но разницы-то...

— А тебе не взрывают?

Вайми насмешливо взглянул на него.

— Мне нет. Хотя я-то уже не обычный человек. Или даже совсем НЕ человек.

— А кто? — тупо спросил Димка.

Вайми вновь пожал плечами.

— Хор. В котором звучат... разные голоса. Ну, говорят так.

— Шизик, что ли? — Димку передернуло. Сразу вспомнилось, как Аглая назвала Сашку смешным шизиком, а Танька возразила: "Смешные шизики втройне опасны. Мало ли что ему жужелицы нашепчут в голову". Тогда это было так смешно, что даже не обидно. Но теперь...

— Можешь так считать, — буркнул Вайми уже откровенно обиженно... и, как ни странно, именно эта обида Димку успокоила: она-то как раз была очень даже человеческой... — Только шизик — это тот, у кого в голове не хор, а какофония. Или вообще птичий базар. Или демон доморощенный душу оттеснил. Хотя это, уже, вообще-то, маньяк.

— А дюжина демонов? — не удержавшись, спросил Димка.

— А это как двор с волкодавами, — усмехнулся Вайми. — Своим руки лижут, а кто чужой сунется — голову откусят.

— Волкодав прав, а людоед — нет, — буркнул Димка.

— Есть люди, как твари, есть твари, как люди, — мгновенно отпарировал Вайми. — Ты же сам это всё видел.

— А всё равно...

— Ну, что ты от меня хочешь-то? — Вайми вздохнул. — Чтобы я демонов из себя выгнал? Так это, во-первых, не просто. И очень, ОЧЕНЬ неприятно. Полноценный экзорицизм — штука, знаешь, сама по себе довольно жуткая. Уж поверь старому ветеринару. А во-вторых, это же не что-то вселившееся, это моё родное, так сказать. А из себя что-то выбрасывать... ты что, считаешь, что дырки в душе — лучше демонов?

— А что?

— А то, что природа не терпит пустоты. И, если из себя что-то... выбросить, в эти дырки начнет снаружи сквозить... разное. Иногда такое, что демоны родными братьями покажутся.

— А кто тебе это сказал-то?

Вайми вздохнул.

— Димка, ты думаешь, что охотником на мозгокрутов так вот просто стать? Нет. Из

меня тоже пару тварей... изгоняли, опасных слишком. О деталях я не стану рассказывать, скажу только, что не сдох, хотя очень хотелось... Но... дырки после них остались. Небольшие, к счастью, но всё равно... через них много что видно. В том числе и такое, чего бы я и видеть не хотел...

— А, ты нам про это рассказывал уже, — вспомнил Димка. — Как ты наш мир даже видел.

Вайми кивнул.

— Да. После изгнания мелких демонов остаются такие небольшие дырки, которые иногда используются.

— Для чего?

— Научные эксперименты.

— Какие?

— Разные.

— Например, в ад заглядывать?

Вайми фыркнул.

— Конкретно это — реализовать невозможно. Внешние щиты Ойкумены не дадут.

— В смысле, выглядывать наружу? — спросил за спиной Талка и Димка едва не подскочил, оглядываясь — он и не заметил, как босоногий паразит тихонько подобрался со спины, чтобы погреть тут уши. А Вайми даже бровью не повел, чтобы хотя бы намекнуть, что они тут не одни... — Потому что в Царстве Мхо-Колд Эпсилон царит Эпоха Бесконечного Ужаса и один взгляд в него способен уничтожить Реальность.

Вайми спокойно кивнул.

— Да.

— Что это за царство? — ошалело спросил Димка.

— Царство Реальности, конечно, — спокойно пояснил Талка. — Не параллельная Вселенная даже, а больше. Множество их, но там в них физика даже другая, и всё остальное тоже. Таких Царств если и не бесконечное количество, то что-то типа того. Ну вот, в этом Царстве и царит Эпоха Бесконечного Ужаса. По крайней мере, говорят так.

— Да ну тебя! — разозлился Димка. В другое время он с удовольствием послушал бы рассказы Талки... и желательно ночью у костра... но после встречи с Оолем это совсем не казалось забавным. Ну вот ни чуточки. — Мы-то сейчас в каком Царстве?

— Вот этого не знаю, — вздохнул Талка. — Про этот мир, Ойкумену, я не слышал даже. И никто у нас, насколько помню.

— А ты? — Димка повернулся к Вайми.

— У меня нету карты, — буркнул тот. — Говорят, что у некоторых магов есть такие, но мне их никто не показывал.

— А у Мастера или кто он там?

— У него-то, наверное, есть, — Вайми пожал плечами. — Только что нам с того?

— Слушай, а что ты про него думаешь? — вдруг спросил Димка. — Просто сам для себя?

— Я? — Вайми задумался. — Если честно, я думаю, что у него... ну, не все дома. Может, когда он... создавал этот мир, он действительно был Мастером, но потом... просто забыл, для чего ему всё это. Или, того хуже, стал чувствовать жестокое наслаждение от созерцания любого ужасного события и радость от падения достойных.

— То есть, Мастер съехал с катушек и подарил нам край херни и разочарования? — без

труда перевел Димка.

— Ну да, что-то типа того.

Димка вздохнул и посмотрел на костер, у которого его друзья жарили "бананы". И уже не только жарили, но и ели. Ему тоже есть хотелось уже зверски, да и Вайми, наверное, тоже. Пора было закруглять разговор...

— Ладно. Но почему ты нам не всё рассказывал?

Вайми вздохнул.

— Димка, у нас тут нет ни инструментов, ни знаний. Всё, что у нас тут есть — это надежда. А чтобы была надежда, нужна... ну, яркость духа. Огонь в душе, понимаешь? А какой огонь в душе, если всех запугивать?

— Ой, да ладно, не надо всех вокруг детсадовцами робкими считать, — возмущенно заявил Димка. — Давай жрать пошли, а то так и исчахнешь тут от забот...

* * *

— Ты в самом деле думаешь, что для Мастера мы тут, как мыши в лабиринте, и он только смеется, глядя, как мы без толку тычемся туда-сюда? — нервно спросил Юрка, когда завтрак закончился и Димка пересказал друзьям свой разговор с Вайми. Не весь, правда...

— Да ну, чушь всё это, — отмахнулся Сашка. — Вайми же не больше нашего знает. И в целом, я могу представить себе такого... жестокого бога — но только если этого бога буквально вчера СДЕЛАЛИ из прыщавого малолетки, которому теперь прямо нужно почесать свои комплексы новообретённым могуществом. Для того, кто вырастил свою силу сам, нет нужды в подобном: это унизит прежде всего его самого.

— Ладно, доберемся до этого Мастера — посмотрим, кто он или что он, — буркнул Димка и взглянул на Макса. — Давай собираться пошли. Раньше выйдем — раньше вернемся.

Глава Третья: Девиз мой — справедливость

*Новый день берёт своё начало
На бескрайних улицах Москвы.
Никогда у неба не бывало
Глаз такой влюблённой синевы!*

*Светом солнца озарены,
Светом правды своей сильны.
Наша Родина — Революция,
Ей, единственной, мы верны!*

*Мы в труде и мастера, и боги,
Рукотворным верим чудесам.
Бесконечно дороги дороги,
Если их прокладываешь сам!*

*Мы улыбкой честной и открытой
Освещаем праздничный парад.
И от счастья светятся орбиты,
Где друзья Гагарина летят...*

Николай Добронравов.

Как оно обычно и бывает, выйти сразу им не удалось. Сперва потерялись нужные в походе вещи, потом Аглая не захотела отдавать Димке свой лук, потом вообще навалились какие-то совершенно неожиданные дела... в общем, в путь они пустились только в полдень. Да и то, мальчишкам пришлось фактически сбежать из лагеря, — иначе, как подозревал Димка, они не вышли бы в поход до вечера, а то и до нового утра...

Идти по лесу им пришлось совсем недолго, — где-то с час. Потом мальчишки неожиданно вышли к обрыву высотой, наверно, в добрых метров сто. Из-под земли тут выступал зеленоватый камень, похожий на яшму. Выступал странно ровно, целыми плитами, словно тут работал чудовищных размеров каменщик. Но очень давно работал — обломанные плиты жутковато нависали над пропастью и вставать на них Димке не хотелось...

Впрочем, всего через несколько метров обрыв переходил в крутой, заросший кустарником склон, — а под ним простирался лес необычно мрачных зелёных тонов с яркими алыми пятнами очень неприятного оттенка, — словно содранная кожа... Димка не сразу понял, что это тоже лес, — только не из деревьев, а из каких-то совсем других растений, похожих на морские анемоны...

Лес, к счастью, был шириной всего в несколько километров, — а дальше начиналась степь из странной — голубой! — травы. Её пересекала не очень большая река, слева она разделялась на два рукава, огибая длинный остров, затем сливалась вновь, — а дальше она впадала в озеро. За рекой, до самого горизонта, тянулась открытая равнина. А над горизонтом поднимались чуть размытые воздухом темные силуэты гор, словно край самого

неба там был оборван...

— Я так и думал, — буркнул Димка, вглядываясь в даль.

— Что? — удивленно спросил Макс.

Димка молча ткнул рукой вперед. Какие-то белесые существа точками мельтешили вдаль, на краю леса и степи. Отсюда их не получалось разглядеть, но ясно было, что они немалого размера, — и совершенно точно не люди, потому что двигались явно на четырех ногах...

— Я так и думал, — повторил Димка. — Ооль и в этом не соврал. Там точно кто-то есть.

— Ага, марсиане, — немедленно съязвил Макс. — Те осьминоги, которые кровь у людей пьют...

— Помолчи пожалуйста, — очень вежливо попросил Димка. — Кроме того, Уэллс свою книжку дурацкую просто придумал...

Потом он посмотрел вниз. Спуститься тут было вполне можно, — всего-то шагах в ста слева обрыв рассекала очень удобная расщелина, переходящая в неглубокий овраг — но вел он прямо в гущу росших под обрывом "анемонов"...

А ведь нам надо туда, как-то вдруг подумал Димка. А я, честно говоря, ни хрена не знаю, где там пройти, и как от местных зверей защититься, и как не отравиться сдуру чем-нибудь...

Те мельтешащие точки вдаль двигались очень уж неприятно — словно бег волчьей стаи. Может, мне эта их **неприятность** просто померещилась, подумал мальчишка. А может, и нет. И неясно, что мы будем жрать в этой степи, и съедобно ли вообще то, что там живет...

Димка вздохнул. Единственное, что ему нравилось в здешнем лесу, — за едой тут не нужно было бегать, аки волку зимой, всевозможные фрукты свисали здесь с веток повсюду, только руку протяни. К тому же Макс, например, оказался неплохим охотником. Димка помнил, как первой же заструганной ножом — и оперённой тонкой корой! — стрелой он сбил с дерева какую-то упитанную птицу, похожую на тетерева, довольно вкусную, как оказалось...

— Ну и что дальше будем делать? — между тем спросил Макс. — Назад двинем? Уже ясно же, что там, в степи, кто-то есть...

— Дальше пойдем, — упрямо буркнул Димка. — Хотя бы местные продовольственные ресурсы разведем. Здесь-то всё равно ничего нет, один голый камень...

— Там же черт знает что, в том лесу. Медведи могут быть. Волки. Или ещё что похуже. Людоеды всякие...

Димка вздохнул. Это он понимал уже и сам. Но если там и впрямь волки с людоедами, он должен это выяснить — не в этих же скалах их ждать...

— Макс, я и в самом деле не знаю, кто тут **ещё** есть, — начал он. — Отсюда даже видно, что место очень гадкое. Но обойти его мы всё равно не сможем. И лучше выяснить это всё сейчас, чем переться туда всем кагалом, с девчонками...

Макс не ответил. Димке тоже было страшно, честно говоря — внизу лежали самые настоящие инопланетные джунгли, а бластера со скафандром у него не было, не было даже паршивого ружья...

Но Димка был, так сказать, советским человеком. Пионером, в конце-то концов. Твердо привыкшим к мысли, что раньше смерти сдаваться нельзя. И ещё — ему сейчас было невероятно ИНТЕРЕСНО. Мальчишка был готов даже умереть — но не раньше, чем раскроет

все здешние тайны...

— Пошли, — наконец сказал он.

* * *

— Ну, и чего такого тут? — спросил Димка, немного осмотревшись после спуска, не такого уж простого, как оказалось... Они стояли на засыпанной песком прогалине, между двух плотных стен невысокого, метров в десять, леса. На самом деле, довольно неприятного на вид: тут росло что-то вроде пальм, но с их верхушек свисали венцы кольчатых щупалец, усаженных бахромчатыми отростками — всё это достаточно гадкого, желтовато-красного цвета, и совсем непохожее на листья — скорее, на какие-то внутренности. К счастью, неподвижные — ветра тут не было. В воздухе висела душная жара, здоровенное местное солнце стояло почти что в зените, паля нещадно, словно не лес тут, а пустыня... Сам воздух здесь был неожиданно сухой и какой-то... пыльный, но не от обычной пыли, а, скорее, от пыльцы — глаза у Димки почти сразу же заслезились и он начал чихать. Это уже совсем ему не понравилось — если на них нападет вдруг какая-то местная зверюга, он почти ничего не сможет с ней сделать, да и Макс тоже...

К счастью, никаких зверюг здесь не наблюдалось — лишь стайки каких-то пёстрых птичек. Более крупной живности вокруг не было — но в зарослях отчетливо шуршало что-то, похожее по звуку на змей. *Многочисленных* змей. Неприятное место, на самом-то деле, — но Димка напомнил себе, что это, вообще-то, другая планета в другой вселенной, которую совершенно никто не обязывал быть ему приятной.

Песок под ногами был горячий, из него, как штыки, торчали какие-то темные и острые отростки длиной сантиметров по двадцать, и в нем кишели насекомые, похожие на муравьев. Мальчишка был очень рад, что решил надеть кеды — напороться босой ногой на такой вот "штык", только скрытый под песком, ему совершенно не хотелось.

— Не знаю пока, — прочихавшись наконец, Макс поднес к глазам руку, всматриваясь в глубину зарослей, похожих на путаницу свисающих, обросших лишайником шлангов. Свисали они весьма густо, так что видно было примерно метра на три. — Вайми, зараза, не сказал, что тут есть... такое вот.

— Так было бы неинтересно, — буркнул Димка, осторожно подходя к зарослям. Листья-шланги смотрелись всё же очень подозрительно — ни дать, ни взять щупальца, готовые обвиться и высосать всю кровь... но ВСЕ растения точно не могли быть хищными, так что это ему наверняка мерещилось...

— Угу, — Макс сел на корточки, рассматривая кишачих в песке насекомых. — Они здесь странные какие-то. У них по девять лапок.

— Это как? — Димка тоже сел. В самом деле, у здешних "муравьев" было ещё по три дополнительных лапки, растущих на спине — треугольником, и в нем они тащили какие-то растительные крошки... — Ну и что тут такого? — сказал он, выпрямившись и стряхивая "муравьев" со щиколоток — они лезли на кеды и кусались, причем, довольно ощутимо. — Тут другой мир, всё же.

— Я, конечно, мало что ещё знаю, — Макс тоже поднялся, отряхивая насекомых. — Но тут всё какое-то... неправильное. Нерациональное, я хочу сказать.

— И что? Может, тут такие хорошие условия, что не нужен даже естественный отбор.

Развивайся, как хочю.

— Угу, может, тут ПРОТИВОестественный отбор — выживает самый извращенный Но... — закончить он не успел.

Из чащи леса вдруг вылетела стайка здешних пёстрых птичек. Димка не успел их толком разглядеть, — одна из них вдруг спикировала на плечо... и в следующий миг он ощутил нечто, очень похожее на крепкий поцелуй. Взасос. А ещё через миг прямо в мышцу, через кожу, вошли длинные шипы... и плечо до самого сердца вдруг пробило дикой болью.

Заорав от неё, Димка изо всех сил прихлопнул тварь ладонью. Она тут же лопнула и по руке потекло что-то, горячее и вязкое. В нос ударил едкий, кислый запах. Мальчишка остервенело замахал копьем, разгоняя мерзких тварей. Краем глаза он видел, как Макс не менее остервенело машет своим луком, причем, куда более успешно, — во все стороны летели пёстрые комочки. Такой вот подход "птичкам" очень не понравился. Всего через минуту они скрылись в лесу, словно их и вовсе не было...

* * *

— Милый лесок, — хмуро сообщил Макс, задумчиво созерцая россыпь бездыханных "птичек". Теперь Димка разглядел, что они не имели ничего общего с хоть как-то знакомыми ему птицами — желтое, похожее на лимон тело, окруженное венцом пёстрых крылышек. Никаких глаз или лапок он не заметил — зато на нижней части тела располагалась мерзкая багровая присоска, совсем не подходившая к их легкомысленному облику. — Всего минута — и из нас чуть всю кровь не выпили.

— И что? — так же хмуро возразил Димка, зажимая три крошечных ранки, из которых, однако, обильно текла кровь. — Или в природе таких вот лесков не бывает?

Макс пожал плечами.

— Бывают, почему... На самом деле даже хуже бывают, если путешественникам верить. Но тут всё просто образцово мерзкое какое-то, — он бездумно почесал укушенное и тоже кровоточащее плечо. — Эти твари, может быть, ядовитые.

— Я ничего такого не почувствовал, — хмуро возразил Димка. — Ну, пока что. Хотя болит, конечно, здорово.

— А, так это яд, наверно, просто не успел подействовать, — оптимистично предположил Макс. — А так-то кусаются они пребольно. Здешние муравьи, кстати, тоже, — он вновь посмотрел на небо, в котором уже кружила очередная пёстрая стайка, — и, решив не дожидаться нападения, снова бешено замахал луком. Вспомнив предыдущий урок, "птички" возмущенно разлетелись в стороны. — Вот же гадство. Никогда не думал, что из меня птицы будут кровь пить...

— Насколько я помню, — сказал Димка, — даже наша синица — страшный хищник. Расклевывает спящих летучих мышей, малиновок всяких тоже убивает и выклевывает им мозги.

— Мозги выклевывать и каждая училка может, — Макс вздохнул и снова почесал плечо. — Болит так. Может, эти твари всё же ядовитые?

— Насколько я помню, яды — довольно специфические... соединения, — возразил Димка. — Веществ, ядовитых для всех форм жизни, очень мало, и они, как правило, простые, часто это элементы даже — хлор там... А всякие там нейротоксины — заточены

зачастую под один конкретный вид и для других — вполне безвредны. Это нам химичка говорила. А если речь идет о совершенно чужих формах жизни, то вряд ли их яды вызовут у нас что-то вообще — кроме, разве, аллергии. Вайми, кстати, должен это знать. Будь эти твари опасны — он нам бы рассказал... наверное.

— Ага, ты уловил самую суть, — Макс снова вздохнул. — "Птички" как раз НЕ опасные, мерзкие только. А Вайми очень хорошо знает эти места — ну, он говорил нам так.

— А что ЕЩЁ он знает? — угрюмо спросил Димка. Лишь теперь до него дошла всподлость их "полупроводника": пугать понапрасну — это одно, а СКРЫВАТЬ опасности — совершенно другое...

— Это мы и должны выяснить, не так ли? — Макс вдруг усмехнулся.

— И как именно?

— Как? Дальше пойдем. Только теперь уже глядя в оба. Я всё же не настолько повернутый, чтобы каждую здешнюю тварь своей кровью поить. Это, знаешь, в самом деле больно.

Стараясь не думать об ядах замедленного действия, возможно, бродивших в его теле, Димка вновь осмотрелся. С голым торсом — пусть и в штанах с кедами — он теперь чувствовал себя... неудобно. Макс, наверное, тоже — но Димка не стал морочиться и с этим, вытащив свой серебристый, сужавшийся в иглу меч. Сейчас он не отказался бы от пары массивных, слегка изогнутых вперед мачете — как у всяких путешественников в фильмах — но взять их тут, понятно, было негде. Меч же оказался действительно тяжелым, с футуристически выглядывшей рукоятью, — вполне, впрочем, удобной...

— Ну вот, нехай теперь лезут, — Макс ухмыльнулся, глядя на него. — Пошли.

* * *

Когда они вошли в заросли, Димка, не удержавшись, рубанул по одному из свисающих "шлангов", — но из среза повалились какие-то мерзкие разноцветные комки, от одного вида которых его едва не стошнило. К тому же, слизистые "шланги" оказались жутко липкие — всего через несколько шагов он намертво застрял в них, не в силах сдвинуться с места. Макс пришлось забирать у него меч и рубить облепившую Димку багровую мерзость. Тому оставалось лишь вздохнуть: без помощи друга он бы застрял здесь... надолго.

— Один я бы тоже оттуда не выбрался, — вздохнул Макс как-то угадав его мысли и осторожно отпихивая с дороги очередной пучок "шлангов". Больше он не решался рубить направо и налево, и использовал меч только для того, чтобы раздвигать их в стороны. — Или себе ноги порубил бы.

— А назад не хочешь повернуть? — хмуро спросил Димка. — Меня вот тошнит уже от этого леска.

Макс усмехнулся.

— Так неинтересно.

Димка вздохнул. Сейчас заросли стали пореже, он ни за что не цеплялся. Тем не менее, даже так идти по ним оказалось... непросто. Ноги вязли в рыхлой массе растительной гнили, свисавшие сверху пучки "шлангов" закрывали обзор. К счастью, ничего, особо жуткого, вокруг не наблюдалось. Вскоре к ним вновь привязалась стая присасывающихся "птичек" — но почти сразу же и отстала, встретив дружный отпор.

— Кстати, кого они тут высасывают? — сразу же спросил Димка. — Никаких зверей же нет.

— Мы их пока что просто не видели, — ответил Макс, даже не обернувшись. — Но знаешь, я не думаю, что они сразят нас своей несравненной красотой.

Димка кивнул, продолжая осматриваться. Под ногой у него мелькнуло что-то бурое, похожее на здорового, толщиной с кулак, червя, и он инстинктивно шархнулся от него, едва не споткнувшись. Тварь наверняка была совершенно безобидная — но инстинкт оказался быстрее сознания, и это Димку разозлило: в конце концов, он был всё же парнем, а парням не подобает шархаться от каждой тени. Макс тут же обернулся к нему — лицо у него было испуганное — но, увидев, что Димку никто не хватает, облегченно перевел дух...

В тот же миг под ногами у Димки словно что-то взорвалось. Хвост — или голова? — "червяка" вдруг взвилась метра на три вверх, разбросав лесной мусор. Прежде, чем Димка успел хоть что-то подумать, этот чудовищный хлыст хлестнул по нему, несколько раз обернувшись вокруг тела. А потом начал сжиматься с такой силой, что мальчишке показалось: его сунули под пресс. Ещё секунда — и у него захрустели бы кости... но, к счастью, его меч всё ещё был в руке Макса — и тот, не думая, изо всей силы рубанул опутавшую Димку гадину. К счастью, достаточно прочную — клинок рассек её сразу в двух местах, но не достал до тела мальчишки. Из ран фонтаном брызнула черная жижа — словно лопнула труба с нефтью. Тварь сразу же обмякла и свалилась с тела Димки, подергиваясь в отвратительных конвульсиях. Похоже, что она обладала не мышечной, а, так сказать, гидравлической силой, которая сейчас потоком вытекала из неё...

* * *

— Всё, думаю, хватит фигней страдать, — угрюмо сообщил Димка, ощупывая свои ребра. Они, к его удивлению, уцелели — но болели всё равно здорово. Дышать тоже было больно — пока, по крайней мере. — Назад лучше пойдем. Мы тут ещё и километра не протопали — и два раза чуть лапы не склеили. По крайней мере я.

— А это будет... честно? — вдруг спросил Макс.

— А почему нет? Нет, можно, конечно, дальше ломиться и смотреть, что тут вообще происходит — но зачем? Без конца бродить по этим зарослям, выясняя, сколькими ещё способами нас в них могут угрызть? Глупо. Глупее разве что вообще без трусов тут бегать.

— А что, и так тоже можно?

Димка невольно хихикнул.

— Почему нет? Можно. Маугли же бегал. Только смысл? Нам это всё равно, что на льдинах в ледоход кататься: риска много, шума тоже, а пользы никакой.

— А что? Я не отказался бы Маугли побыть.

— Ну, попробуй, — Димка вновь хихикнул. — А я посмотрю, сколько ты тут продержишься.

Макс фыркнул, а Димка всё же задумался. Что бы там ни говорил Макс, ему сейчас хотелось раздобыть кольчугу, а лучше — настоящие латы. Он не знал, правда, где здесь их можно достать, а потому задумался о том, как через всё это безобразия пробирались Вороны и Туа-ти. Раньше ему, почему-то, не приходило в голову это сделать...

— Я думаю, что все, кто тут путешествует, эти красные заросли просто обходят, —

озвучил он свой вывод. — Они здесь не сплошные же. Только вкраплены в обычный лес. Приходится, наверное, петлять — но лучше уж так, чем...

— Для этого места знать надо, — буркнул Макс, пиная издыхающую гадину. Она вся как-то сплющилась и уже еле шевелилась. Черная жижа впиталась в лесную подстилку, но над влажным пятном стоял густой мускусный запах. Димка чихнул от него и потер рукой нос.

— А почему обычную простую карту этого леса для меня Вайми делать не захотел? — вдруг спросил он. — Намеренно?

— Не знаю, — буркнул Макс. — Скорее, просто не подумал, что она вообще тебе нужна и что ты сюда погрешься.

— А о чем *ещё* он не подумал? — хмуро спросил Димка. — Нет, я понимаю, конечно, что надо самому во всем разбираться и так далее, — но, черт побери, речь тут идет о жизненно важных вещах! Я должен точно знать, что я могу здесь делать, что нет, что мне делать не стоит. А он...

— А ты точно рад был бы, что тебе указывать стали, куда точно идти и что делать? — ответил Макс. — Я бы точно на такое обиделся, и очень. Есть другие способы в этом разобраться. Да, долгие. Да, в чем-то даже неудобные. Но сейчас я, черт побери, первооткрыватель.

— А чем я от себя отличаюсь? — сразу же спросил Димка.

Макс невольно улыбнулся.

— Узнаешь. Я с самого начала так живу — и мне до сих пор удивительно. А ты хочешь всё сразу. Так не бывает.

Димка вздохнул. В самом деле, с картой или без, но с Ерофеем Хабаровым он точно не сравнился бы. Сейчас, к счастью, от него особых подвигов не требовалось. Нужно всего-то пройти несколько километров по лесу...

Решившись, Димка вновь нырнул в заросли, осторожно вдохнул горячий здешний воздух и осмотрелся. Мертво, тихо — но он уже знал, что это впечатление обманчиво...

Он потыкал носком кеда лесной прах, потом, усмехнувшись, шагнул вперед. Почти сразу же его атаковали "птички", — и Димка обнаружил, что весь облеплен ими. Он ошалело замахал руками, согнав с себя тварей, потом оторвал нескольких, успевших присосаться. Их тушки тут же лопнули, перепачкав его липкой мерзостью, — и он с отвращением стер её. — Всё, назад пошли, — сказал он, передергиваясь. В этот раз "птички" не успели покусать его — но надоедливо вились вокруг, выжидая момент...

— Нет уж, — усмехнулся Макс. — Раз уж мы начали всё это дело, то давай доведем его до конца.

* * *

К счастью, всего через несколько минут они выбрались из этих жутких зарослей в обычный лес. Ну, в относительно обычный, — свисавшие сверху космы длиннейших гибких веток со странной голубовато-зеленой листвой придавали ему вид какого-то подводного царства. Как и полумрак, — могучие, метра в два толщиной, стволы подпирали сплошную массу зелени, сквозь которую лишь изредка пробивались солнечные лучи. Весь этот лес казался девственным — словно земной ещё до появления человека. Тем не менее, здесь

Димка особенно внимательно осматривался. Он помнил, что уже совсем рядом начинается степь, где живут таинственные собакины и где мелькали странные белесые твари — может, те самые *хобии*, которыми пугал его Ооль...

К счастью, здесь им никого не встретилось. Где-то высоко наверху орали и галдели птицы, иногда оттуда даже что-то падало, — то ли созревшие плоды, то ли просто подгнившие обломившиеся ветки, — но на покрытой сплошным ковром невысоких растений земле ничего вроде бы не мелькало...

Всего через час впереди показался просвет — а ещё через несколько минут мальчишки вышли в нечто вроде колоссального зала. С трех сторон его окружала могучая колоннада стволов, сверху, уже метрах, наверно, в тридцати, накрывал сплошной свод переплетенных крон. С четвертой начиналась степь — сплошное море жесткой голубоватой травы, по которой ветер гнал редкие, ленивые волны. Там, вдали, паслись какие-то звери, похожие на громадных тушканчиков, — они перемещались резкими прыжками...

Земля здесь была тоже покрыта травой, — густой, но низкой, словно на газоне. Димка подумал, что тут просто идеальное место для лагеря... и не особо удивился поначалу, заметив кострище прямо посреди поляны.

* * *

— Это мы удачно зашли, — буркнул Макс, ковыряясь носком кеда в углях. Судя по ним, костер точно был немаленький, а обугленные кости "тушканчиков" в остывшей золе ясней ясного говорили, что местные обитатели отнюдь не безобидны, напротив, спокойно охотятся едва ли не на самых шустрейших здешних тварей...

Димка побрел по спирали вокруг кострища, высматривая всевозможные следы. Их тут была просто масса — но Чингачгуком он не был и потому не понял ни фига. Наткнулся лишь на место, где разделявали и потрошили добычу. Но рядом, в траве, лежала уже не кость, а оброненная неведомыми охотниками стрела — короткая, но тяжелая, из какого-то темного, твердого дерева, с фиолетово-зеленым оперением и тщательно обколотым наконечником из зеленого полупрозрачного камня, похожего на изумруд...

Кострище было стылое, даже влажное от прошедшего явно не сегодня дождя — но мальчишки поначалу испугались до невменяемости. Ведь это могло означать только одно — тут, в этом лесу, в самом деле есть туземцы с луками, и не где-то за тридевять земель, а в этих самых местах!..

Но страх их быстро прошел. В конце концов, туземцы с луками были всего лишь дикарями — а они цивилизованными людьми. Да и совсем необязательно бросаться к ним в объятия — достаточно бросить всего один взгляд издали, чтобы понять, стоит ли искать более близкого знакомства...

— Ну, и что делать будем? — наконец, спросил Макс, завершив свои раскопки — без особого, кстати, успеха...

— Отдохнем, — буркнул Димка. Идти назад через жуткие алые заросли совершенно не хотелось, как и возвращаться в лагерь, честно говоря. Да и уходить с поляны не стоило — если в этих местах и могли быть жители, то лишь здесь, на границе леса и степи... — Я пойду посмотрю, что тут растет. И проверю на предмет съедобности.

— Ага, и тебя снова пронесет, — хмыкнул Макс.

— Ну и пусть! — разозлился вдруг Димка. — Вкусно же!

— Ладно, а я пока здесь полежу, — Макс почесал покусанные "птичками" плечи, отчетливо поморщился... — Черт знает, ядовитые они или нет, но башка у меня словно свинцом сейчас налита...

— Ладно, я быстро, — Димка бодро зашагал назад, к лесу.

Разбаловался на фруктах, подумал Макс. Сейчас он не стал провожать друга даже взглядом — чувствовал, как засыпает, разморенный теплом. И тем страшней было его пробуждение...

* * *

Димка и впрямь не осмелился заходить далеко. Он просто заложил широкую петлю, высматривая спелые фрукты и постепенно возвращаясь к опушке.

Именно это его и спасло.

Он услышал **тварей** раньше, чем они — его...

* * *

Тварей было три, и сперва Димка просто оцепенел — ему показалось, что он вдруг сошел с ума и у него начался дикий бред. Но потом он понял, что **это** — наяву...

Твари были ростом с мальчишек, розовато-белесые, горбатые... Чем-то они походили на собак, чем-то — на огромных бескрылых летучих мышей... Передние их конечности были невероятно длинными — острые локти на полметра торчали над горбатой спиной! — задние чем-то напоминали собачьи — голые, жилистые... а потом Димка понял, отчего его продрало ознобом при одном их виде...

Здоровенные, с некрупный арбуз, башки тварей были безглазые — вообще без каких-либо различимых черт! Просто два выпуклых костистых щитка — но исходящая от тварей угроза заключалась вовсе не в их жутком виде...

Они были вооружены — и куда как получше мальчишек: передние их конечности кончались нелепыми утолщениями — и из каждого торчал жуткий серповидный коготь, по виду способный одним махом снести человеку голову...

Твари **переговаривались** друг с другом — глубокими, тянущими голосами. И было до ужаса ясно, что именно они обсуждают — как поделить мясо жертвы...

Макс стоял около дерева, с белым, словно мел, лицом. Без оружия — оно лежало **позади** тварей. Димка видел его закушенную губу и багровый след от когтя — во всю щёку. Его взяли сонным, врасплох...

Сейчас твари ИГРАЛИ — со страшной текучей пластикой подходили к мальчишке и пугали его стремительными выпадами своих жутких лап-серпов. Димка понимал, что любой новый удар может стать смертельным...

Мальчишка осторожно отступил за дерево. Будь он тут один — он бы просто тихо отступил ещё дальше в лес, а потом постарался бы убедить себя, что ЭТО ему померещилось...

Но сейчас там был его друг. Нет, не так. **ДРУГ**. Единственный **ДРУГОЙ** человек в этом

жутком мире...

Умом мальчишка понимал, что шансов у него нет. Вообще. Что Макс — уже труп. Что всё, что тут можно сделать — это медленно отступать и молиться, чтобы **твари** его не заметили. Что он **должен** это сделать, ибо жизнь у него всего одна и нельзя так глупо потерять её...

Мальчишке даже представилось, **как** он уходит — ярко, сочно... Но вместо этого он вдруг понял, что **уже** наложил оперённую стрелу — ту самую, найденную, с каменным наконечником, — на тетиву. И он уже знал, **ЧТО** должен сделать — спасти друга...

"Со мной всё, — спокойно, как не про себя даже подумал Димка. — Теперь самое главное — не промазать. Иначе..."

А что **иначе** — он просто побоялся представить. И выстрелил.

* * *

Он **не должен был** попасть. Тем более сейчас — из плохо освоенного всё же лука, да ещё в таком взвинченном состоянии. Никак не должен был...

Но за Димкой стоял опыт многих поколений его предков — воинов и первооткрывателей, без рассуждений вступавших в бой с любой угрозой. И он — он **попал**. Попал именно туда, куда направила его стрелу охотничья интуиция...

Тварь, которая стояла поближе, вдруг громко всхрипнула — и рухнула, не шевельнувшись. За долю секунды Димка понял, что убил — наповал...

Стрела угодила **твари** точно в левое ухо — ну, туда, где ухо у людей, — и глубоко засела в черепе. Мальчишка вдруг понял, что и сделана она была для этого — пробивать кость, поражать тварей в единственное уязвимое место...

Тут же Макс, вдруг подпрыгнув, обеими ногами ударил слишком близко подошедшую вторую тварь в костистые головные щитки, — она отшатнулась, словно от удара молотом, и они вместе повалились наземь... Третья повернулась к Димке, — и он, взяв копьё наперевес, сам бросился в атаку, боясь сейчас только одного — **струсить**...

* * *

Первым же небрежным взмахом лапы **тварь** смахнула ему добрую половину копья, — чисто и ровно, как саблей... но ударить снова уже не успела. Димка по инерции, как таран, врезался в неё, и дважды ударил, — в костяной "лоб" и в шею сбоку, а потом, уже ведомый чистой яростью, схватил тварь за жесткое плечо — и вскочил ей на спину!..

И сразу понял, что она уже не может его там достать! От твари пахло чем-то едким, она резко шипела, вскидывалась, как норовистый конь, пытаясь сбросить его — но Димка обвил ногами её тело, в полном осатанении начал сжимать локтем жесткую жилистую шею — и вспомнил, что у Макса нет оружия, как он там вообще со своим гадом, непонятно...

...в какой-то миг он понял, что душить больше незачем — **тварь** обмякла, словно мешок с опилками, усаженная в несколько рядов зубами вертикальная пасть её безвольно распахнулась, из неё свесился длинный лиловый язык...

Макс тоже стоял на ногах, а его противник валялся на боку в траве. Со свернутой страшным ударом шеей...

— Как ты его? — обалдело спросил Димка, нагибаясь, чтобы подобрать обломок своего копья.

— Само вышло, — буркнул Макс, глядя куда-то за спину Димки. — Ногу вот только подвернул... Уходи, скорей!..

И Димка увидел, что к ним, прямо через траву, тяжёлым галопом неслись не меньше двух десятков таких же белесых тварей... Он выплюнул ругательство — крепкое, похабное! — и мальчишки подхватили луки. Но их деревянные, без наконечников, стрелы просто застревали в шкуре тварей, не причиняя им никакого видимого вреда...

— В лес, беги в лес! — наконец выдохнул Макс.

Но между деревьями — жутко быстро! — мелькали ещё шесть **тварей**. Стая *хобий*, разведка которой (на свою голову!) захватила Макса, оказалась немаленькой и явно имеющей опыт в ловле беглецов... а убежать мальчишки уже не могли, только не с подвернутой ногой Макса...

Что ж, умирать тоже надо уметь, успел подумать Димка, доставая меч. И тут... случилось чудо.

* * *

Отрывистый, резкий — девчоночий! — выкрик сменился свистом стрел. Несколько тварей с маху полетели, кувыркаясь, в высокую голубоватую траву. Лучники начали стрелять часто, вразнобой, твари вновь полетели на землю... а потом с опушки появились люди — наступая как солдаты, цепью, останавливаясь и стреляя вновь и вновь...

Димка ошалело смотрел на них. Невысокие — никак не выше его! — но крепкие, с блестящей темно-золотой кожей и гривами черных, как ночь, волос, чем-то очень похожие на Маахисов. Босые, одетые лишь в короткие набедренные повязки. У них были длинные, пёстро украшенные луки. Лучники выдвигались неспешно, не переставая стрелять, быстро и точно — оцепеневшие от такого оборота дел мальчишки видели, что никому из *хобий* не удалось уйти...

Лучники цепью прошли мимо, беспощадно добивая подранков ударами длинных изогнутых ножей — сделанных, кстати, из когтей тех же самых *хобий*! — потом вдруг синхронно развернулись и побежали назад, к лесу. И тогда обалдевший Димка завопил:

— Эй! Эй, вы куда?! Стойте! **Да стойте же!!!**

Останавливаясь вразнобой, лучники вскинули оружие, и вместо спасения мальчишкам — только теперь замеченным! — угрожала реальная опасность быть утыканными стрелами в слепой горячке боя...

— Уберите оружие! — вдруг яростно закричал Димка. — Я — я вам **приказываю!**

Он не знал, знали ли ЭТИ туземцы русский язык. Но смысл они явно поняли. Луки опустились — неуверенно...

Туземцы замерли, удивленно глядя на них, и Димка вдруг понял, что это тоже мальчишки — никак не старше их самих... Но все сильные, крепко сложенные, стройные... сейчас они смотрели друг на друга, обмениваясь быстрыми, тихими фразами, недолго...

Несколько лучников быстро подбежали к землянам, вновь замерли, глядя на трех

мертвых *хобий* — удивленно... От них в свою очередь отделилась девчонка, подошедшая почти что вплотную. Она замерла, — мальчишка догадался, что она пытается понять, кто эти два бледных, странно одетых юных чужака с луками наизготовку. Димка смотрел на неё — и сердце у него вдруг ёкнуло.

Глаза у девчонки были почти нечеловеческие — такие черные, что, казалось, вовсе не имели радужки. И в очертаниях её лица — хмурого и пухлогубого — было что-то знакомое...

Она же Ана-Ю, подумал вдруг Димка. Как те двое безумцев в степи. И не просто Ана-Ю, а их вождь... а с ней — всё её племя... или даже НЕ всё...

Голова у него закружилась — просто от понимания факта, что перед ним — вождь самого злого во всей Ойкумене племени — и, яростно мотнув ей, мальчишка всё же овладел собой. Он понимал, что сейчас, в эти вот секунды, решается вообще ВСЁ — убьют их, словно какую-то нечисть — или...

Медленно — тело яростно сопротивлялось! — он заставил себя опустить лук. Макс ошалело посмотрел на него — но поступил так же. В лице девчонки что-то дрогнуло — похоже, она лишь сейчас сообразила, что стояла под прицелом, незащищенная...

Или нет? Димка заметил, что большая часть Ана-Ю так и стоит в стороне, с наложенными на тетиву стрелами, — секунда, и превратят в ёжика, он уже видел, как быстро они целятся... Луки у них были мощные, явно составные, да и держались они, как положено держаться солдатам при встрече с незнакомцами во враждебном краю — командир идет допросить чужаков, рядовые прикрывают, настороженные и готовые вообще ко всему...

Эта мысль неприятно резанула мальчишку. А ведь ни фи́га это не дикари, вдруг понял он. Никаких проколотых ушей, носов и тому подобной мерзости. Из украшений — только пёстрые бусы на запястьях и щиколотках, — но и в этой пестроте проскальзывает что-то, неуловимо знакомое — словно расцветка на погонах... И одеты они всё же не в юбочки из листьев, а в обернутые вокруг бедер куски тускло блестящей темно-красной ткани. Чистой и дорогой даже на вид. И сами они... чистые, вдруг понял мальчишка. Даже волосы блестят, словно их владельцы только что вышли из ванной... и живут они точно не в этом лесу, иначе все перемазались бы...

Во внезапной вспышке озарения Димка вдруг понял, ЗАЧЕМ они здесь... и откуда. Сердце у него вновь замерло... но он так и не опустил взгляд.

Лицо девчонки вновь дрогнуло... потом она быстро повернулась к своим и что-то крикнула — резко, зло...

Сердце Димки замерло... но лучники убрали свои луки и бодро порысели к ним, на ходу превращаясь из настороженных бойцов в самых обычных, сгорающих от любопытства мальчишек...

Ну что ж, подумал Димка, опускаясь наконец на землю. Теперь-то всё и начнется...

* * *

Мальчишка опасался, правда, что первый же заданный ему вопрос будет выдержан в стиле "А ты кто такой, низкий червяк?", — но тут заметил среди бегущих парня, не похожего на остальных. Пovyше Ана-Ю, но очень стройный, с сияющей золотом кожей и гривой тоже черных, но металлически блестящих волос...

Он уже почти не удивился, узнав Вайми.

* * *

Добежав до них, Вайми замер, вполне ошалело озирая поле боя. Подошел к убитой Максом твари, пнул босой ногой её свернутую башку, снова посмотрел на Димку... У того голова вновь пошла кругом — именно Вайми рассказал им о зверствах Ана-Ю и менее всего Димка ожидал увидеть его среди них...

— Как? — наконец спросил Астер.

— Ногами врезал, — буркнул Макс, почему-то смущаясь. — В прыжке.

Вайми покачал головой.

— Знаешь, я никогда не слышал, чтобы кто-то смог убить *хобию* голыми руками. Или... ну, ногами.

— Ты-то что здесь делаешь? — спросил Димка. После всего, им сейчас пережитого, он не слишком был настроен на любезности.

— Решаю вопрос с нашим походом, — Вайми широко повел рукой вокруг. — Луки у вас всё равно лишь через месяц будут, да и стрелять из них, вы, извини, не умеете.

— С этими вот? — спросил Димка. Он до сих пор не мог понять, то ли Вайми просто наврал им насчет Ана-Ю, то ли, напротив, вполне разделял их убеждения...

— Я бы сперва представилась, — вдруг ядовито заметила дева. Русский она, как оказалось, вполне знала... или же Димке казалось, что она говорит на нем, в то время как ей казалось, что он говорит на её родном языке...

— Итак, — с широченной улыбкой сказал Вайми, — позвольте представить вам Алайту Тарини, вождя и председателя племени Ана-Ю. Здесь — я исчезаю...

Димка повернулся к деве. Для своих лет она была уже вполне... пухлая, то есть выпуклая. И одетая, как и все прочие, лишь в короткую повязку на уже вполне широких бедрах...

Мальчишка ошалело оглянулся — но Вайми, конечно, уже скрылся в лесу, в своей, очевидно, обычной манере. Он торопливо повернулся назад, понимая, что бессовестно пялиться — но не в силах ничего поделать...

— Итак? — спросила дева. — С кем имею честь?

— Димка... ой, то есть, Дмитрий Светлов, пионер Советского Союза, — с достоинством представился мальчишка.

— Максим Потапов, пионер Советского Союза, — представился Макс. Он вспомнил местные обычаи и слегка поклонился, прижав к груди скрещенные руки. Алайта в ответ лишь слегка склонила голову — словно довольный учитель.

Димка мотнул головой, тоже с трудом отводя от неё взгляд, и спросил:

— Какой план... на будущее?

— Нужно поговорить, — туманно сообщила Алайта, тоже откровенно изучая мальчишек.

— Прямо здесь? — вдруг вырвалось у Макса.

Алайта вновь перевела взгляд на него.

— Нет. Здесь у нашей *оомфаай*... э... нашего племени есть небольшая крепость. Я отведу вас туда. Это недалеко.

— Может, лучше всё же к нам? — предложил Димка. Оказаться в компании отравителей-рабовладельцев было откровенно страшновато. Но и посмотреть, как живут Ана-Ю, тоже хотелось, чего уж там...

Он как-то вдруг вспомнил, что не знает, как они к ним отнесутся и отпустят ли вообще, и это его злило. Как и любой пионер, он привык быть полновластным хозяином своей судьбы. Но, в конце концов, они сами приперлись сюда, — и теперь жалеть об этом было просто глупо...

Алайта, между тем, продолжала откровенно изучать их.

— Не хотите раздеться? — вдруг предложила она. — Вам же жарко.

Димка хмыкнул — и Макс тоже. В штанах тут было, конечно же, жарко — но устраивать стриптиз перед почти что незнакомой девой не хотелось. Совсем.

— Вам жарко, — констатировала Алайта. — Вы потеете и вы ели кионг на завтрак, — нюх у неё точно был отменный. — Против кионга я ничего не имею, но... э... пахнуть — неуважительно.

— И что? — очень сухо спросил Димка.

— Вы в гостях, — напомнила Алайта. — И это наша земля, кстати. А хозяев, вообще-то, нужно уважать.

— Уважают не людей, а их заслуги. Тех, кто не имеет заслуг, не уважают, — так же сухо сообщил Димка.

— Я не человек, — вновь очень спокойно заметила Алайта. — И нас учили, что незнакомцев нужно уважать.

— Это почему? — спросил Димка. Страсть к рабелепной вежливости "просто вот так" у него давно прошла. — Хочешь уважения — заслужи. И не трепом за столом, а риском, мужеством, отвагой. Других вариантов нет.

— Можно заслужить уважение, надрвав уши? — спросила Алайта. С чисто профессиональным интересом.

— Попробуй, — хмыкнул Димка. Алайта была, конечно, здоровой — но оставалась всего лишь девчонкой... а личный кодекс Димки был ясен и прям: любой, кто нападает, должен сполна за это заплатить. Без всяких скидок на пол и возраст.

— Если хочешь... пахнуть — твоё право, — Алайта тоже мотнула головой, словно перебросив в ней невидимую страничку. — Позвольте представить вам других членов моей... э... семьи, — она сделала странный жест в сторону зарослей. — Мати!

Из зарослей беззвучно выбрался мальчишка лет десяти по земному счету. С первого же взгляда на его физиономию Димка понял, что видит младшего брата Алайты. Он тоже смотрел на них с любопытством, но не слишком дружелюбно — должно быть то, что Димка сказал его сестре, ему не слишком-то понравилось. И на языке у него явно вертелось немало острых слов — готовых вот-вот с него сорваться. Произносить их мальчишка, к их общему счастью, не стал, просто встал рядом с сестрой.

— Мати Тарини, — представила его Алайта. Потом, повернувшись к остальным, сделала какой-то сложный жест рукой. Из общих рядов к ней вышел крепкий парнишка, всего лет двенадцати на вид, и тоже встал рядом с ней. — Лэйан Тарини, — представила она его. — Тоже младший брат.

Всё семейство выстроилось в ряд, по росту, — очевидно, чтобы земляне могли как следует рассмотреть их и заодно полюбоваться. Правда, любоваться, по мнению Димки, тут особо было нечем, — тела у Ана-Ю были почти прямоугольные, без особенных признаков

талии, а физии — глуповато-чувственные. Но озвучивать эти свои мысли он, понятно, не стал.

* * *

На этом, к большому облегчению Димки, церемония знакомства и закончилась. Ана-Ю окружили землян, беспрерывно болтая с ними и друг с другом — все одновременно, да ещё и так быстро, что мальчишка в общем ничего не понимал — словно попал на какой-то птичий базар. Но и болтая, они не прекращали... смотреть. Димке вдруг вспомнилось, как прошлым летом он с друзьями зашел из лагеря в деревню, — а местные гуси вдруг обступили их и стали молча пялиться. Это было неприятно — и, пожалуй, страшновато. Потом Серый вдруг заорал нечеловеческим голосом, обратив противника в паническое бегство. Здесь бы такой фокус не прошел, подумал Димка, его бы просто никто не заметил...

Но идея, верно, пришла в голову не ему одному, и всего через минуту уже сама Алайта вдруг звонко хлопнула в ладоши, очевидно, призывая к тишине. Каковая, впрочем, не замедлила наступить. Внимательные, изучающие взгляды, правда, никуда не делись — но Димка просто смотрел на Ана-Ю в ответ. Они в самом деле походили на Маахисов — примерно так же, как кусок ограненного стекла похож на алмаз. Или как уж похож на гюрзу, подумал вдруг мальчишка. Глаза у них были не густой, почти потусторонней синевы закатного неба, как у Маахисов, а густо-черные, как сажа. Страшноватые глаза, честно говоря, словно бы вообще без радужки. Впрочем, и на Земле у людей бывают такие, вдруг вспомнил Димка. И волосы не металлически-черные, блестящие, как у Маахисов, а матово-черные. И кожа не золотая, как у них, а желтовато-коричневая. Да и вообще, если Маахисы были рослые и очень, вызывая даже, поджарые, — то Ана-Ю, напротив, не отличались высоким ростом и были плотные, даже гладко-упитанные на вид. Интересно, как МЫ выглядим на их вкус, подумал Димка. Наверное, как угловатые уроды с бледной кожей и выпирающими отовсюду мышцами. Брр...

Лэйан, впрочем, смотрел на него с откровенным любопытством. Без всякого там отвращения. Хотя имя у него на земной вкус тоже смешное, подумал Димка.

На плетеном пояске Ана-Ю, правда, висел нож с фигурной рукоятью — страшноватый правду говоря кривой нож из когтя *хобии*. Димка вспомнил, что всего-то несколько минут назад Лэйан проткнул этим ножом горло подыхающей твари — спокойно, словно срезал, например, гриб. Явно далеко не в первый раз. И лет ему, конечно, не двенадцать, а добрых пятьсот, — как и самим Маахисам...

Интересно, он помогал Алайте варить этот э`конг — зелье, превращающее человека в дурака? — вдруг подумал Димка. — Или всего лишь помогал ей вливать его рабам в рот? — его невольно передернуло. — Вот же мерзость. На вид вроде бы вполне нормальный пацан — симпатичный в чем-то даже — а на деле, вполне возможно, страшный гад...

Ана-Ю, между тем, явно не желали оставаться тут, на месте побоища, — да и земляне, правду говоря, тоже. Мертвые *хобии* выглядели ещё более жутко, чем при жизни, и смотреть на них никому не хотелось. Вслед за Алайтой, они все вышли в степь — к тому месту, откуда началась атака. Димка, прищурившись, осмотрелся. Обзор отсюда был отличный — но кроме пары очень далеких стай "тушканчиков" здесь ничто не двигалось...

Димка с облегчением вздохнул, — вступать в новую схватку с кошмарными тварями ему

совершенно не хотелось. Даже при поддержке Ана-Ю. Хотя своё дело они явно знали — даже у их луков были специальной полочки под стрелу. Иначе, с такими короткими стрелами, лук не растянется как следует для мощного выстрела, а короткая стрела летит дальше и точнее, чем длинная — если достаточно весит...

Мальчишка недовольно мотнул головой, вспомнив, что все эти премудрости ему поведал Вайми, — во время их дискуссии о луках...

Алайта, между тем, смотрела на его меч, — тоже с крайним интересом. Ну да, это же вполне... современное изделие, вспомнил Димка. Хотя я и понятия не имею, кто его сделал, когда и зачем...

— Интересные у вас игрушки, — наконец с усмешкой сказала она, показывая на меч. — Забавно, наверное, с ними... развлекаться.

— Знаешь, нужно иметь мужество, чтобы просто *выйти* против противника с метровой полосой отточенной стали в руке, — Макс тоже смотрел на неё с усмешкой, но уже ощутимо нехорошей. — Не говоря уж о том, чтобы *драться* с ним.

— Гм, — ловким движением босой ноги Алайта подбросила и так же ловко поймала лежавшее, как оказалось, в траве копьё, — алебарду скорее, с большущим наконечником — в полметра длины и шириной в две ладони, по бокам — выступы, похожие на морские волны. Всё это даже на вид **ОЧЕНЬ** острое. — Полагаю, чтобы выйти против вот такой штуки мужество не нужно.

Димку снова невольно передернуло. В настоящем бою от такой вот здоровенной штуки вряд ли был бы толк, — по крайней мере, точно не в девичьих руках, — но получить удар ей не хотелось. Последствия представились ему даже слишком отчетливо...

— А что, есть вторая? — тем не менее спросил он невозмутимым тоном.

— Нету, — неохотно сообщила Алайта. Она покосилась на младшего брата и сделала ему какой-то знак. Мати тут же шустро ломанул в заросли. Интересно, зачем это? — с искренним интересом подумал Димка. И сколько там ещё сидит... актеров, ожидающих случая выйти на сцену?

Ему захотелось сказать, что второго такого меча и у них тоже нет... но он тут же прикусил язык: уж кому другому, но Ана-Ю такого вот точно знать не стоило...

— Откуда вы здесь? — между тем спросил Лэйан.

— Идем в Город Снов, — Димка не видел ни малейшего смысла скрывать это.

— Одни? — удивился Лэйан.

— Нет. С... со своим племенем, — упоминать о Маахисах и прочих тут явно не стоило — кто знает, какие у них с Ана-Ю отношения? — Мы на разведку пошли.

— А, — в одну эту букву Лэйан ухитрился вложить минимум тонну презрения. — Без нас вас тут бы и кончили.

— Вы нас не заметили даже, — буркнул Димка. Мысль о том, что они с Максом обязаны жизнью Ана-Ю была неприятна. — Так что нечего хвалиться тут.

— Мы вам жизнь спасли, между прочим, — уже хмуро заметил Лэйан.

— А я не просил, — зло уже сказал Димка.

— Ну так и идите, откуда пришли! — завелся Лэйан.

— Довольно! — оборвала брата Алайта. — В общем, я не думаю, что стоит начинать наше знакомство с мордобоя.

— Я тоже не думаю, — буркнул Димка. Пусть Ана-Ю совсем ему не нравились — не драться с ними ему не хотелось.

— Это видно, — немедленно съязвил Лэйан.

— Да ну вас! — снова разозлился Димка. — Хотите помочь — помогайте. Нет — до свидания.

— А с чего мы должны вам помогать? — немедленно спросил Лэйан. — За ваши красивые глаза?

— Да ну вас! — повторил Димка. — У вас тут хоть какие-то соседи есть? Или только эти... *хобии*?

— Есть, конечно, — Алайта с усмешкой посмотрела на него. — Морки, удавчики шерстистые, сюда из сайвы регулярно заползают. Мы с ними всё время... общаемся. Выходим в лес на охоту, а они нас там ловят. Ну, или наоборот. Если их всё время не мочить, они тут всё в три слоя покроят.

Димка вздохнул. В три слоя, — это, конечно же, преувеличение — но тут он вполне разделял её чувства, едва не переломанные морком ребра всё ещё надоедливо ныли...

— А кто ещё есть? — с интересом спросил Макс. Мати вернулся из зарослей — с какими-то листьями, похожими на подорожник, и отдал их сестре.

— Стаи *хобий* бывают, — сообщила Алайта, тут же сорванным стеблем ловко приматывая "подорожник" к рассеченной щеке Макса. — Это, понятно, нечасто. Конечно, мы их бьем, когда встречаем. А потом делаем из них... украшения, — она почему-то посмотрела на Лэйана и хихикнула. — Собакины уже дальше живут, на том берегу Фамы, — Димка догадался, что она говорит о виденной ими сверху реке. — Мы с ними почти что не общаемся. У них характер такой... вздорный. Ещё рыбу в озере ловим, на плотках. Или отдыхаем в крепости. Но это только по большим праздникам.

— А у вас тут и крепость есть? — спросил Макс.

Алайта насмешливо взглянула на него.

— Есть. Это, как раз, передовое убежище нашей *оомфаай*. Думаю, вы не откажетесь пойти туда?..

* * *

Поход к "передовой крепости" оказался делом непростым — никаких тропинок в здешнем лесу не было. Сам же лес оказался местом, не очень приятным — почти сразу же они нырнули в глубину зарослей сайвы, похожих на путаницу свисающих, обросших лишайником шлангов. Ничего страшного, на самом-то деле — просто жарко и свисавшие сверху "шланги" пачкали кожу каким-то темным соком. В общем, одежду пришлось, разумеется, снять и идти просто в трусах — иначе она быстро пришла бы в совершенно непотребный вид. Для Ана-Ю это был, естественно, привычный мир — они с воплями гонялись друг за другом, разбежавшись и подпрыгнув хватались за "шланги", чтобы пролететь на них пару-тройку метров, дико вопили — в общем, развлекались, как могли.

Идти, к счастью, пришлось недолго — минут десять-пятнадцать, не больше. Никаких зверей, к радости Димки, им по дороге не встретилось — наверное, вопли Ана-Ю распугали их на много километров кругом...

Сама "передовая крепость", определенно, производила впечатление — небольшой круглый холм на берегу лесного озера, который окопали рвом и обнесли невысоким, в человеческий рост, валом. Над валом торчала коническая крыша тоже круглой большой

хижины. И всё. Но густо торчащие на кольях черепа *хобий* ясней ясного говорили, что Ана-Ю отнюдь не безобидны, напротив, спокойно охотятся едва ли не на самых жутких здешних тварей...

— Вы сами всё это построили? — между тем спросил Макс, окинув взглядом постройку. Явно поглотившую не один год упорного труда.

Алайта вздохнула.

— Нет. Это старое. Никто уже не помнит, кто всё это сделал. Мы только порядок тут навели.

— А, понятно, — голос Макса звучал так, словно Ана-Ю только что сильно уценили.

Алайта — уже совсем недружелюбно — посмотрела на него. И её младший брат тоже. Вероятно, для него старшая сестра была кем-то вроде богини — и такое... богохульство ему совершенно не нравилось.

* * *

Крепость казалась пустой — но, когда Алайта вдруг звонко, — совсем по-земному! — свистнула, над валом, словно по волшебству, выросло два десятка лохматых голов. Увенчанных, понятно, такими же черно-матовыми гривами. Девчоночьими, — ну да, у Ана-Ю были и девчонки, и никак не меньше, чем парней...

Димка невольно замер, глядя на них. Смешно, — но такая толпа незнакомых девчонок пугала его едва ли не больше стаи *хобий*...

— Ладно, хватит пялиться, пошли, — Алайта приглашающе махнула рукой. Ребята потянулись вслед за ней.

Здесь к крепости вела отчетливо различимая тропинка, переходящая в деревянный, довольно ветхий на вид мостик. Он, в свою очередь, переходил во вполне настоящий подъемный мост — пусть и длиной всего-то метра в два, подвешенный к П-образной раме из бревен. Осторожно поднимаясь по нему, Димка с опаской посмотрел на дно рва. Густо усаженное кольями. Острыми и очень неприятными на вид...

Едва они спустились с вала, девчонки Ана-Ю окружили их, рассматривая, и, одновременно, болтая. Димке сразу стало... неудобно. Девчонки рассматривали их очень уж откровенно — к тому же, одеты они были так же, как и парни, то есть лишь в короткие набедренные повязки. К счастью, если можно так сказать, очень мало похожие на рослых дев Маахисов. Девчонки Ана-Ю, напротив, не отличались высоким ростом и были довольно пухлые, — забавные неуклюжие коротышки. Похоже, выходить в лес им доводилось редко...

— Поприветствуем наших гостей, — между тем провозгласила Алайта. — Это — Дмитрий Светлов, пионер Советского Союза, — Димка прижал скрещенные руки к груди и вежливо, слегка поклонился. — Это — Максим Потапов, пионер Советского Союза, — Макс тоже слегка поклонился, и на этом их представление и кончилось.

Ана-Ю дружно поклонились в ответ, очевидно, выражая одобрение — а потом начали представляться сами. Димка, к своему стыду и ужасу, никого не запомнил — имена были слишком непривычные, да и все Ана-Ю казались ему пока что на одно лицо. Потом их пригласили к столу — очевидно, накрытому заранее, кто-то прибежал сюда с докладом...

Памятуя рассказы Вайми, Димка слегка нервничал — но пичкать одуряющим зельем их всё же не стали. Еда была самая что ни на есть простая, в которую трудно что-то там

подмешать. Собственно, на столе (точнее, на расстеленных прямо на земле больших листьях) был лишь какой-то терпкий сок в глиняных кувшинах, вечнозеленый тут кионг (похожий и видом, и вкусом на земные бананы), да запеченное с травами мясо — похожее на крольчатину. Как сообщила Алайта, его давали *нуме* — те самые, очень вкусные, как оказалось, звери, похожие на громадных тушканчиков. Аглая, наверное, пришла бы в ужас от одного вида мяса, запеченного на угольях, подумал вдруг мальчишка, — а с его точки зрения это была вполне обычная еда... но, как говорил ему Вайми, сытый враг расслабляется и теряет бдительность, — и Димка недовольно помотал головой...

* * *

Наевшись, он необъяснимо успокоился. Ана-Ю, конечно, были странные, — но всё же, ничуть не похожие на тех, которых рисовал в своих рассказах Вайми — жутковатых рабовладельцев с оупляющим зельем наготове. Жильё у них, правда, было так себе — круглая глинобитная стена, накрытая конической крышей из жердей, покрытых, в свою очередь, сухой травой. Хотя, напомнил себе мальчишка, здесь на самом деле не живут, а просто останавливаются лагерем. Интересно знать, насколько и зачем...

Никакой мебели в хижине не было — наваленные у стен кучи всё той же травы, на которых они сейчас и сидели, кольцевой "стол" из листьев, а в самой середине — пепел от небольшого костерка, не чтобы что-то готовить, а просто чтобы не сидеть в темноте длинной здешней ночью...

Тем не менее, Димка осмотрелся ещё раз. К счастью, вся местная компания сюда всё же не набилась. Собственно, здесь присутствовало лишь пять парней, очевидно, "приближенных к императору". Также, здесь присутствовал Макс — ну и, разумеется, сама Алайта с парой младших братьев. Ровным счетом десять душ, если считать и землян. Остальные остались снаружи. Похоже, несмотря на отчасти смешной вид Алайты, дисциплину она наводила сурово. Димке на миг даже показалось, что он снова с Файму, среди Маахисов. Впрочем, одно отличие было очень резким. Луки они, разумеется, оставили снаружи, как и меч Димки, — просто потому, что на пире лук был уж точно ни к чему. Но у них, у него и у Макса, всё ещё были ножи — просто потому, что они взяли их в поход. Встретить дома туриста без хотя бы того же ножа было вообще... мало реально. Здесь же... нож-коготь был только у Лэйана. Да ещё диковинное копье Алайты — сейчас, впрочем, мирно стоявшее у стены. Вот и всё.

Макс, естественно, тоже это заметил, но возражать, понятное дело, не стал. В самом деле, подумал вдруг Димка, если бы Ана-Ю сидели здесь с дубинками и копьями, обстановка создалась бы довольно неудобная. Сейчас же они, по крайней мере, делали вид, что никаких злобных планов у них нет, и тут только гости и хозяева. Да и оружие им было, в общем-то, не нужно. Димка прекрасно понимал, что против сорока с чем-то Ана-Ю шансов у них нет. Стоит Алайте только свистнуть, — и их двоих просто задавят кучей и свяжут. А что будет потом — представлять не хотелось...

Пока что, правда, Ана-Ю держались вполне вежливо. Без особого радушия, конечно, но и без неприязни, которую Димка невольно ожидал. По крайней мере, никто не пытался задирать их, даже Лэйан, хотя ему явно этого хотелось. Он то и дело нехорошо зыркал на землян, явно изводясь от желания сказать им что-нибудь обидное, — но Алайта, в свою

очередь, то и дело посматривала на него, — и каждый раз мальчишка торопливо опускал взгляд. Тем не менее, Димка чувствовал себя неловко, — он и так-то не сильно рад был тут сидеть, а Лэйан только что из кожи вон не лез, давая понять, что они тут — незваные гости...

Он понятия не имел, чем бы всё это кончилось, — скорее всего, всё же дракой, надолго его терпения не хватило бы, — но тут снаружи вдруг донесся шум. Удивленный... и испуганный. В груди у Димки ёкнуло, — он сразу же представил, что сюда явилась целая орда *хобий*, жаждущих их крови, — но тут же услышал зычный голос Файму.

* * *

Мгновенно позабыв про Лэйана, мальчишка выбежал из хижины и одним махом взлетел на вал. Так и есть, — у рва выстроился весь их отряд, земляне и Маахисы, с Файму во главе. Вайми, понятно, тоже был тут, в первых рядах. Теперь-то понятно, куда он так дунул, подумал вдруг Димка. К нашим в лагерь. И привел их сюда. Хотя Файму наверняка вышла вскоре вслед за нами и вела отряд по нашему следу, — иначе просто не успела бы сюда так быстро...

— Эй, там, открывайте ворота! — снова крикнула она.

Димка заметил, что мост крепости поднят... но таким он оставался недолго. Файму уже надоело ожидание, — да и того, что её сюда пустят добром, она явно не ждала. Поднявшись на постоянную, так сказать, часть моста, она двумя руками перехватила своё копьё за конец, — и вдруг стремительно взмахнула им. Сверкающий наконечник дотянулся до опорной рамы, легко разрубил плетеные из травы веревки, — и подъемный мост крепости буквально упал к её ногам...

* * *

Прежде, чем кто-то успел что-то сделать, Файму поднялась на вал, — а за ней и всё её племя. Ана-Ю быстро оттеснили вниз и они оказались в очень невыгодной позиции, — мало того, что незваные гости оказались внутри, их луки на столь малой дистанции стали бесполезными игрушками. Тем не менее, Файму тут же обратила внимание на них.

— Полагаю, что вопрос луков закрыт, — сообщила она. — Все ваши луки и стрелы конфискуются. В пользу революции.

По рядам Ана-Ю пронесся возмущенный шум. Даже Димка обалдел от такой наглости. Будь Файму здесь одна — вся экспроприация наверняка кончилась бы её крепко намятыми боками, но за ней стояли другие Маахисы — и жутковатые их косы-копья явно не располагали Ана-Ю к оптимизму.

— Это произвол! — наконец опомнилась Алайта. — Вы не имеете права!

— Ну, хорошо, — Файму наконец-то соизволила заметить её и улыбнулась. — Давайте решим вопрос как цивилизованные люди, в поединке. Твой боец против моего бойца. Победит он — луки остаются при вас. Победит мой — что ж, такова воля небес. Итак?..

Алайта хмуро прикусила губу. Было видно, что предложение не слишком ей нравится... только вот и вариантов у неё тоже не было. С Файму случилось бы забрать всё просто грубой

силой при отказе — и она явно это понимала. Поединок же давал ей хоть какой-то шанс остаться при своём...

Алайта оглянулась, явно стараясь подобрать самого сильного бойца... и Лэйан тут же сунулся вперед.

— Можно я?..

Она с сомнением взглянула на него — но потом неохотно кивнула. Может, Ана-Ю и отлично обращались с луками, — но вот с мастерами рукопашной дело у них явно обстояло неважно, подумал вдруг Димка. Даже на фоне остальных их парней Лэйан смотрелся так себе.

— Замечательный выбор, — ядовито заметила Файму, окинув задумчивым взором не слишком-то могучую фигуру Ана-Ю. — Талка!

Средний брат Файму бодро вышел вперед. Он был года на два старше Лэйана, — уже лет четырнадцати. Очень поджарый, стройный и мускулистый, несмотря на возраст. На его фоне Лэйан смотрелся ещё хуже.

— Это нечестно, — тут же заметила Алайта. — Твой боец старше.

— Ты сама его выбрала, — тут же напомнила Файму. — Впрочем, если хочешь, можешь дать ему палку или нож.

По местным меркам это было уже грубое оскорбление и Алайта надулась. Бог весть, чем бы всё это закончилось — но положение спас сам Лэйан.

— Пусть будут палки, — предложил он. — У обоих.

— Хорошо, — теперь Файму была сама любезность. — Итак, давайте покончим со всем этим побыстрее...

* * *

Ана-Ю и Маахисы выбрались на поляну перед крепостью — в ней самой места для поединка просто не было. Файму бодро направилась к опушке, тут же одним взмахом своего страшного копья срубив верхушки двух молодых деревьев. Вторым взмахом она срубила их на уровне колен. Талка ловко подхватил полученные палки и перебросил их Вэрке, который не менее ловко поймал их, тут же сел в траву, скрестив босые ноги, и, выдернув из чехла нож, принялся за дело. Из-под черного, мрачно отблескивающего рубином, явно не металлического клинка очень бодро полетела стружка. Димка с интересом наблюдал за ним. Серый рассказал ему о своём поединке с ним и с Талкой, добавив, что бойцы из них не очень. Но Лэйан в этом плане выглядел ещё хуже, так что особых волнений по поводу исхода боя Димка не испытывал.

Работа у Вэрки явно спорилась и всего через несколько минут он вручил Талке два примитивных, но вполне годных для боя деревянных меча. Придирчиво осмотрев их, тот бросил один Лэйану, который поймал оружие неожиданно ловко.

Без дальнейших церемоний мальчишки сошлись. Димка ожидал, что Лэйан потянет время, уйдя в глухую оборону и пытаясь измотать или хотя бы «раскрыть», противника, выяснив его слабые стороны. Но Ана-Ю тоже явно не хотел тянуть, и, едва Файму звонко хлопнула в ладоши, подавая сигнал к началу боя, сам бросился в атаку. Сделав красивый и эффектный выпад, он отвлек внимание Талки... и вдруг, что было силы, пнул его в пах. По крайней мере, попытался, — но Талка, верно, и ждал от него чего-то подобного. Ещё в миг замаха он быстро отшагнул назад, поймал свободной рукой нелепо задранную ногу Ана-Ю, — и старательно дернул за неё. Лэйан смачно грохнулся на спину. Талка вновь быстро шагнул вперед, поджал пятку, — и, как говорится, от души, врезал ей между ног Лэйана. На

этом бой и кончился. Ана-Ю издал какой-то утробный, нутряной звук и свернулся клубком, явно потеряв интерес к окружающему.

Димку передернуло, но Талка был в своём праве — удар Лэйана был крайне подлым и поступать так в мальчишеских драках было, мягко говоря, не принято. Дома за такое могли просто дружно отпинать, так что он ещё легко отделался...

Дело, однако, на этом не закончилось. Мати дико заорал и тоже бросился вперед — мстить за брата. Но Талка был старше его чуть ли не раза в полтора, так что особого боя не вышло. Повернувшись к набегавшему напролом Мати, он встретил его точным и сильным тычком своей палки в поддых. Тот был, конечно же, не острый, но Мати хватило — он тоже ёкнул и свалился, подтянув коленки к подбородку. Всё сражение заняло не больше десяти секунд.

* * *

Файму вновь звонко хлопнула в ладоши, — то ли отмечая конец боя, то ли салютуя брату, — и повернулась к Алайте. Физия у той была донельзя хмурой и Димка опасался, что она немедля пошлет всё своё племя в атаку. Ничем хорошим это точно не кончилось бы.

— Мой боец победил, — сообщила Файму, не менее хмуро глядя на неё и угрожающе наклонив вперед своё копьё. — Хотя твой боец дрался бесчестно. Не говоря уж о... вмешательстве, — она указала наконечником копья на Мати, который всё ещё тщетно пытался вздохнуть. — Признаешь ли ты поражение? Или хочешь продолжить?

Алайта прикусила губу. Было видно, что говорить это ей до смерти не хочется, — только вот и выбора у неё не было. Оспорить такой финал боя никто не смог бы.

— Признаю, — наконец процедила она. — Победа засчитана, — тем не менее, она обвела взглядом притихший коллектив, очевидно, в поисках нового добровольца. Но такого, как с усмешкой понял Димка, не нашлось — пример двух её братьев, до сих пор жалко корчившихся в пыли, был явно достаточно нагляден...

— Замечательно, — Файму подняла копьё и улыбнулась. Широко и дружелюбно. — Тогда несите сюда луки...

* * *

Дальнейшее очень походило на картину «Капитуляция Берлина», висевшую в родном Дворце пионеров, — Ана-Ю, построившись цепочкой, по одному подходили под светлые очи Файму и складывали к её ногам своё оружие. Развалин Рейхстага на заднем плане видно не было, но победа всё равно была внушительная, — унылая возня с изготовлением луков отменялась и они могли немедля выступить к Городу Снов, не тратя месяцы времени на роковую, может быть, задержку. Тем не менее, настроение у Димки было... сложным. С одной стороны, он был, конечно, очень рад, что всё так быстро разрешилось. С другой, всё разрешилось, в общем, без него, так что он ощущал вполне понятную ревность. С третьей ему было стыдно, что они так поступают, — хотя сами Ана-Ю не вызывали у него особой симпатии. Но они, пусть и случайно, спасли им с Максом жизни, и он чувствовал себя виноватым перед ними.

* * *

Процесс сдачи луков не занял много времени. Потом они вернулись в хижину, но разговор уже как-то не клеился. Лэйан нехорошо посматривал на заявившегося туда Талку — но тот демонстративно игнорировал его мрачные взгляды. Наконец, Ана-Ю не выдержал:

— Вы очень любите тыкать в других палками, — вызывающе заявил он. — А на что ты способен без неё? Наверное...

— Давай, покажи, на что ТЫ без неё способен! — перебил Вэрка, вскочив и приняв боксерскую стойку. Ему, верно, тоже не терпелось поучаствовать в забаве.

Лэйан тоже поднялся. Подошел к Вэрке. И вдруг, развернувшись на пальцах, лягнул его пяткой в живот!

Это тоже не шутка, — мрачно успел подумать Димка. — Подло, подло бить ногой, когда твой противник стоит в БОКСЕРСКОЙ стойке...

Взмахнув руками, Вэрка отлетел назад, стукнувшись затылком об глинобитную стенку. Но — не упал. Похоже, Лэйан хотел лягнуть Маахиса в поддых, — чтобы, как говорится, «от радости в зобу дыханье сперло», и дальнейшие ратные подвиги уже не могли бы иметь места. Но — банально не допрыгнул и попал куда-то в район пупка — а так Аниу уронить было уже сложно... и об стенку он стукнулся не столько головой, сколько, так сказать, попой. И всё же, Лэйан не так прост, подумал Димка. Я бы не поверил, что один подросток так снес другого подростка, стоящего в стойке, даже ударом ноги. К тому же, Лэйану всего двенадцать лет, а Вэрке — пятнадцать. Он тяжелее килограммов на десять и гораздо сильнее...

Только вот Вэрка, как и земляне, не умел сдаваться. Совсем. Схватив кувшин с соком, он прыгнул вперед и изо всей силы обрушил его на голову Лэйана. Кувшин тут же разлетелся вдребезги, и Ана-Ю, тоже смешно взмахнув руками, отшатнулся. Будь такой удар нанесен чем-то на самом деле твердым, успел подумать Димка, он был бы вырублен и лег на месте. Но, получив по черепу кувшином, который к тому же разбился — то есть передал энергию только частично — он всё же остался на ногах. К тому же, удар пришелся не сбоку, как надо, а сверху.

Тем не менее, Лэйан явно был оглушен и потерял ориентацию, — он слепо сделал два-три шага куда-то в сторону, и, таки вырубившись, упал. Стало очень тихо.

— Ну, кто следующий? — Вэрка презрительно отшвырнул обломок кувшина с ручкой и обвел Ана-Ю мрачным взглядом.

Лэйан вдруг вскочил и оскалился, словно дикий зверь. Осатанев явно до последней уже степени. Вэрка тут же выхватил нож, выставив вперед клинок.

Что-то с ним нечисто, подумал Димка. После ТАКИХ ударов не встают. Точно не так сразу. И Вэрка тоже хорош. Кувшином по башке, а потом за нож — это уже совсем не честный поединок. У нас за такое он получил бы пинков и был бы вышвырнут из гостей. В самом лучшем для него случае...

— Стоп! Хватит! — вдруг заорала Алайта, тоже вскакивая, готовая явно вообще ко всему.

Лэйан взглянул на неё... и вдруг стал нормальным. Сразу, словно переключили тумблер. Димка невольно поёжился. Он уже понимал, что может быть и наоборот — и это, мягко говоря, пугало. Недаром Вэрка всё равно не отрывал от противника глаз...

— Не делай так больше, — сказала Алайта, становясь перед Вэркой. Лицо её было... хмурым, мягко говоря.

— Не буду. Извини, — буркнул он, опуская оружие.

— А перед братом извиниться не надо? — спросил Мати.

Вэрка хмуро взглянул на него — и всё же вложил нож в ножны.

— Нет. Он первый начал и потому сам виноват. Во всём.

И с моей точки зрения он тоже виноват, подумал Димка. Но всё равно, он — из «принимающей стороны», то есть относится к хозяевам. И угрожать ему ножом нехорошо...

Лэйан, к удивлению Димки, возражать не стал, лишь сморщился, коснувшись лба — знакомство с кувшином явно не прошло даром...

— Хотите посмотреть на наше озеро? — вдруг спросил он примирительно. — И искупаться заодно.

— А кроме него вести переговоры больше некому? — спросил куда-то в пространство Вэрка.

Добрый он, подумал Димка. Я на его месте слова бы больше не сказал... точно не после такого вот...

— Это не переговоры, это просто визит в гости, — криво улыбнулась Алайта. — А брат не настолько обидчив всё же. И сам отчасти виноват.

— Не пробуй оскорблять мою сестру, — сказал Лэйан, всё ещё глядя на Вэрку несколько... озверело. — Вы подняли оружие на хозяев дома. Это война, вообще-то.

— Вообще говоря, это МОЙ дом, а мой брат тут сам в гостях. Так что войны не будет, — сухо заметила Алайта. Обострять конфликт ей явно не хотелось.

— Я думаю, — Вэрка обвел презрительным взглядом всю компанию Ана-Ю, — что даже если вы все и объявите войну нам, этого просто никто не заметит.

* * *

Общение, тем не менее, на этом прервалось окончательно. Димка с облегчением выбрался во двор крепости, где его ждал новый сюрприз, — Файму, решив не ограничиваться луками, выгребла заодно и все запасы Ана-Ю. Сейчас они были свалены в кучу и она бодро решала, кто, что, в чем и сколько будет нести. Запасов, кстати, было много, — в основном, сушеная рыба и что-то, похожее на финики. Димка подумал, что всего этого им точно хватит на неделю пути, — именно столько, по словам Вайми, оставалось до Города Снов...

— Дети в подвале играли в вампиров, выпили кровь из четы крокодилов... — пробормотал мальчишка. ТАКОГО он не ждал даже от Файму.

Алайта тоже не ждала, — её смуглое лицо от гнева стало бурым.

— Это уже слишком! — возмутилась она. — Верните всё на место. Сейчас же!

Файму ткнула в неё своим копьём, лишь чуть не достав до носа.

— Я знаю, кто вы такие. За то, что вы тут творили, вас, уродов, всех распять мало. Ты мне ноги целовать должна за то, что я всего лишь забираю вашу жратву.

— Мы хотели... — начала Алайта.

— Я знаю, чего вы хотели, — Файму вновь гневно ткнула в неё своим копьём. — За чужой счет жить, как это принято у мьюри. Ни на что другое вы и не способны.

В голове у Димки вдруг словно что-то щелкнуло. Он сразу же вспомнил брошюру «Мьюри и дегенеративные признаки вырождения», которую ему увлеченно пересказывал Талка. Тогда ему казалось, что Талка, честно говоря, гонит. Но сейчас разница была, как говорится, налицо, — гибкие, красивые Аниу, которые словно сошли с картинки про цивилизацию прекрасных братьев по разуму (собственно, они и есть же прекрасные братья по разуму, вспомнил вдруг Димка), — и целый, так сказать, набор мьюри, — крепких, здоровых, но пухловатых и несколько даже неуклюжих. Невооруженным глазом видно было, что дома они только и делали, что разлагались морально и физически, — да и образ их жизни наверняка был малоподвижным. Не иначе, всё время втыкали в телевизоры или что там у мьюри вместо них...

Алайта, между тем, переглядывалась с соплеменниками, уже явно решая, как половчее

напасть на вконец обнаглевших пришельцев. Как-то некстати Димка вспомнил ещё кое-что из рассказов Талки: будучи расой торговцев, мьюри полностью лишены мужества и воинских традиций в земном понимании. По сути единственное, что могло побудить мьюри рискнуть — это животный ужас перед гибелью или (особенно!) страх лишиться нажитого. Как вот сейчас...

Впрочем, колебалась Алайта слишком долго и Файму вновь приняла решение за неё.

— Не будем доводить дело до глупого кровопролития, — быстро сказала она. — Решим всё поединком.

— Хорошо! — выплюнула Алайта. — В этот раз — ты и я!

— Нет, — Файму презрительно фыркнула. — Я сильнее тебя, тут и говорить нечего. Пусть с тобой дерется... — она повернулась к соплеменникам, изображая задумчивость. — Он! — она ткнула пальцем в самого мелкого. В своего младшего брата.

В Дэя.

* * *

Всё будет так, как мы хотим.

На случай разных бед

У нас есть пулемёт «Максим»,

У вас «Максима» нет.

— пробормотал стоявший рядом Борька. Димку передернуло. Он вспомнил быструю — и страшную! — расправу с тремя воинами Воронов. Которую совершил как раз этот вот, такой безобидный с вида мальчишка. Только на самом-то деле он был не мальчишкой и совсем не безобидным...

Алайта, конечно, ничего не знала про это и потому просто кивнула.

* * *

Они все вновь выбрались на поляну перед крепостью. Причем Маахисы тащили уже распиханные по мешкам припасы Ана-Ю, — они-то понимали, что возвращать их назад не придется...

* * *

Алайта оказалась гораздо осторожнее брата и отнюдь не стремилась нападать первой. Собственно, она сейчас просто стояла, подозрительно глядя на мальчишку, явно чувствуя, что тут что-то нечисто. Маахису это быстро надоело. Он вдруг прыгнул, как заяц, — вправо, вправо... и, как-то вдруг, оказался за спиной Алайты. Димка замер... но ничего страшного Дэй делать не стал — просто схватил её за волосы и дернул, тут же отпрыгнув, когда она быстро повернулась к нему.

— Ты дерешься, как девчонка! — обвинила она.

Дэй отмахнулся от неё, как от мухи. Вид у него был самый что ни на есть невинный.

— Нападайте, миледи, — он даже сделал что-то вроде реверанса, приглашая её.

Алайта замерла. На миг. А потом Димка понял, почему именно она стала вождем племени.

* * *

Девчонка с места рванулась вперед, — так быстро, что Димка не успел даже ничего толком разглядеть. Дэй, наверное, успел, — но, почему-то, остался на месте, не пытаясь уклониться. И получил два жесточайших удара, — в живот и в голову. Его отбросило, — но он как-то устоял на ногах. А вот Алайта упала на колени, — и Дэй, вдруг высоко подпрыгнув, нанес ей сокрушительный удар пяткой в челюсть. Алайта упала, как бревно, —

и уже не двигалась.

* * *

Над поляной повисла тишина. Удивленная... и уважительная. Похоже, что побить Алайту тут никому ещё не удавалось, — подумал Димка. До сих пор. До... Дэя.

— М-да, — наконец сказал Лэйан, переводя взгляд с Дэя на поверженную сестру и обратно. — Она вообще живая?

— Живая, живая, не волнуйся, — Файму ухмыльнулась. — Мы же не звери какие-нибудь.

Алайта, между тем, уже очнулась и села.

— М... — пробормотала она, ощупывая челюсть. — М... м-маленький мерзавец. Будь этот бой настоящим, будь у меня в руке моё копьё...

Дэй усмехнулся. Презрительно.

— Будь у тебя в руке копьё, — оно скоро оказалось бы НЕ в руке. А там, где лампы не светят.

— Это мы ещё посмотрим, — пробормотала Алайта, поднимаясь на ноги. С заметным, надо сказать, трудом. Сотрясение мозга, с усмешкой определил Димка. На драки со слабыми её точно потянет не скоро...

Дэй усмехнулся.

— Попробуй. Но ты тоже сильно меня стукнула. Боюсь, что в этот раз я не буду так ловок. Могу случайно искалечить.

Краем глаза Димка заметил какое-то движение. Лэйан выхватил, — или, скорее, подобрал из травы, — короткий дротик и что было силы метнул в Файму. Та, впрочем, мгновенно взмахнула копьём, — и дротик, вращаясь, улетел в заросли. Лэйану повезло меньше, — стоявший рядом Талка треснул его деревянным «мечом» по башке и Ана-Ю рухнул ничком.

— Чудесное вышло знакомство, — ядовито заметила Файму, даже не двинувшись с места. Она стояла в столбе солнечного света и сияла, словно статуя. Такой сочный, темно-золотой цвет кожи, очень резко выделявшийся на фоне темной зелени, встречался Димке нечасто. — Мордобой, угрозы, оскорбления... Теперь вот попытка убийства. Я могла бы ответить так, как принято в этом жестоком мире, — но не хочу. В конце концов, меня учили, что даже самый гнусный злодей может держать в душе дыхание раскаяния. Так что давайте успокоимся и расстанемся друзьями, — насколько возможно в таких грустных обстоятельствах...

* * *

Несколько минут спустя все — за исключением, понятно, Лэйана, который отлеживался в хижине, — вновь собрались на поляне на берегу озера. Земляне оделись и привели себя в приличный вид. Маахисам одевать было нечего, но держались они теперь иначе, — почти виновато. И отношение к ним... изменилось. Димка это чувствовал. Падавшие на них взгляды Ана-Ю были... уважительными, а это — дорогого стоило...

— Как же вы становитесь... такими? — спросила наконец Алайта, всё ещё невольно потирая челюсть. Всё же, Дэй здорово ей врезал, с усмешкой подумал Димка. — Или это от природы?

— Частично от природы, — с усмешкой признал Дэй. — Частично нет. Но принять удары и такой ценой достать врага — такому нас учить не нужно...

Все помолчали, обдумывая это. Димка уже понимал, что Алайта — кто-то вроде Дэя, и не раскройся он перед ней, — он не смог бы её победить. А тогда... тогда всё наверняка кончилось бы кровавым побоищем. И вновь его терзало раздвоение чувств — радость от того, что всё обошлось, и возмущение тем, что обошлось без него...

Алайта, между тем, уже перешла к жалобам на мучения, которые Ана-Ю претерпели от невероятных местных тварей. Тут была и бесформенная, похожая на огромную амебу гадина, обитающая в другом, большом озере, в которое впадала Фама, и уже хорошо знакомые Димке *морки*, — и, конечно, *хобиш*. Но и ими набор местных гадов не исчерпывался. Во время самой первой из гроз в этом краю, которую Ана-Ю пережидали у основания плато, в пещере, похожей на склеп, на них прямо с потолка рухнуло НЕЧТО, утыканное мерзкими ртами-присосками — тварь раскромсали ножами, но она всё равно куда-то делась... В степи же им тут же пришлось отбиваться от стаи хищников, размерами побольше земного волка, но с такими же алчными повадками. В довершение всего, в ней обитали здоровенные бескрылые птицы, чем-то похожие на страусов, — но, в отличии от них, пробавлявшихся мясом. Ана-Ю тогда спасло лишь то, что бегали птицы всё же не как страусы, да и от леса они отойти не успели...

Веселое нам предстоит мероприятие, подумал Димка, искоса посматривая на Вайми. Тот ни о чем подобном не рассказывал, — то ли ради сохранения их спокойствия, то ли по каким иным причинам. Любви к нему у Димки не прибавилось, — хотя он и понимал, что без него (и без Ана-Ю, увы) это они с Максом сейчас оказались бы там, где лампы не светят. То есть в жопе на лоне дикой природы, где-нибудь в бесконечных здешних степях, а то и вовсе в дебрях страшного западного леса...

При этой мысли мальчишка передернулся. Пусть смерти здесь и нет, но воскрешение здешний Хозяин, Мастер или как его там обставил со свойственным ему черным юмором: помереть не помрешь, но пожалеть об этом можешь...

Димка недовольно помотал головой. Честно говоря, он терпеть не мог быть кому-то обязанным, — очень уж много находилось желающих подергать за эти, привязанные к нему ниточки. Хорошо всё же, что с Ана-Ю его теперь ничто уже не связывает. Но Вайми никуда не делся, — и уж верно не упустит напомнить ему о том, что именно он привел Ана-Ю на их старую стоянку, привел к их крепости Файму и вообще, организовал всё наилучшим образом...

Когда мы придем в Город Снов, он больше не будет нам нужен, подумал вдруг Димка. И я смогу с громадным наслаждением просто послать его на три буквы.

Эта мысль казалась ему оазисом в конце дальнего пути.

* * *

К общему облегчению, Файму не стала затягивать церемонию прощания. И пятнадцати минут не прошло, как навьюченный припасами Ана-Ю отряд нырнул в лес, навсегда оставив их крепость за спиной. Говорить пока никому не хотелось. Да и дорога через дикие дебри отнюдь не располагала к беседам. А сам лес кишел незнакомой — и часто жуткой! — жизнью. Ничуть не похожей на жизнь земных лесов. Словно злой чародей, наслаждаясь

своей черной силой, наполнил его жуткими гадами, подумал вдруг Димка. А сам лес был совсем другим — дремучим, величественным... и чужим. Это чувствовалось каждый миг, каждую минуту. Хорошо, что мы скоро выйдем отсюда, подумал мальчишка.

— Нехорошо получилось, — наконец сказал Макс, поудобнее пристраивая на плечах рюкзак, набитый конфискованными у Ана-Ю припасами. — Они нам жизнь спасли. А мы их обобрали и бросили, без оружия, без жратвы, без всего...

— Не мы, а Маахисы, — немедленно ответил Димка. — И вообще, они дешевле отделались ещё...

— Слушайте, неужели вам их не жалко? — спросил шагавший рядом Сашка.

— А то ж, прямо штаны от жалости спадают! — шагающий за ним Борька даже фыркнул. — Если бы мы не подоспели — Макс с Димкой сейчас бы уже слюни пускали, да в глаза этой Алайте заглядывали. "Да, госпожа! Нет, госпожа! Можно нам ещё раз почистить ваш сортир, госпожа?"

— А с чего вообще мы взяли, что Ана-Ю гады? — вдруг спросил Сашка.

— Ну... Вайми рассказал, — сказав это, Димка смутился, поняв, что никто больше им про Ана-Ю не говорил — да и не мог, просто потому, что не бывал в этих краях...

— Ну вот, — Сашка вздохнул. — А если он просто врет?

— Не вру, — хмуро заявил вынырнувший откуда-то сбоку Вайми и Димка едва не подпрыгнул. — Сам я ничего такого вот не видел, но с теми, кто в их руках побывал, разговаривал. Они и в самом деле были того... дураками. Пока им по башке не двинули. После воскрешения это проходит.

— И что, мьюри, Ана-Ю то есть, в самом деле их эксплуатировали? — не унимался Сашка. — Для личной, так сказать, пользы?

— Если бы... — Вайми вздохнул. — Они реально хотели построить тут светлый капиталистический рай. Даже золото где-то нашли, чтобы монету чеканить. Мол, если тут деньги ввести — так сразу наступит счастье и прогресс. Народ, понятно, это плохо понимал. Ну вот, Алайта и решила, что лучше всего идеи Добра защищает полиция. А раз полиции здесь нет, то армия рабов тоже сойдет. У неё отец как раз в "Нихеле" работал, в одной из корпораций мьюри, то есть, как раз по части всяких обезволивающих препаратов. Она от него кое-чего успела нахвататься — и всё завертелось. Черт знает, чем бы всё это вообще кончилось, не появись тут Хоруны и не зашухери они им всю малину...

— Весело вышло, — буркнул Борька. — Гады против гадов. И даже не поймешь, кто же из них хуже.

— Ну, что уж есть... — Вайми вздохнул. — Так вот тоже бывает.

— Вообще-то нам в школе говорили, что капитализм более прогрессивный — ну, по сравнению с феодализмом и рабским строем. А у Хорунов как раз он же.

Вайми вздохнул.

— Самое страшное Зло, Сашка, — сказал он, повернувшись к мальчишке, — это Добро. Которое считает себя единственным во вселенной Добром. И на этом основании решает, что все вокруг ему должны. А если кто-то считает, что НЕ должен, — то его, свиньяк неблагодарную, надо примерно наказать. Например, отнять разум, раз всё равно не понимает своего долга перед святыми благодетелями.

Дальше все шли молча.

Вслед за Вайми, им пришлось огибать изрядный язык сайвы, но всего-то через полчаса впереди показался выход из леса. Димка вздохнул. Эта часть их истории кончалась и начиналась новая, неизведанная и потому волнующая...

Глава Четвертая: Меж двух дорог

*Не скучать в тишине перелеска,
Не томиться под сонным дождём -
Лето с горном идёт пионерским,
С треугольным отрядным флажком.
По дорогам и по бездорожью,
Вплавь — по рекам, по тропам опять -
Удержаться никак невозможно,
Чтобы следом за ним не шагать!*

*Проверяется новая дружба,
Уходящая в дальний поход.
Эта дружба ещё не однажды
В жизни долгой на помощь придёт!
Всё знакомо, как первое слово-
И линейка, и ранний подъём.
Но мы в лагерь торопимся снова,
И всегда необычного ждём!*

*У реки, над обрывом отвесным,
Чай дымится на поздних кострах.
И слагаются новые песни
О вчерашних и завтрашних днях.
Здесь ребята — с Калужской и Пресни,
Из Москвы и других городов.
Пионерское лето, как песня,
Отзвонит и повторится вновь!*

Константин Ибряев

Всего-то минут через пять они вышли на границу степи. Лес здесь кончался, сразу, без подлеска, как обычно бывает на Земле. С одной стороны колоннада могучих стволов, а с другой, едва кончалась тень от крон, — тянулась ровная, как по линейке, стена высоченной, едва ли не в рост Димки травы. И... всё. Только трава и зеленоватое небо над ней.

— И куда дальше? — с сомнением спросила Файму.

Димка вполне мог её понять — в Ойкумене хоть холмы были, по которым можно было ориентироваться, а тут...

— Туда, — Льяти указал куда-то вперед и чуть вправо.

Димка с облегчением вздохнул — он и думать забыл, что Льяти теперь живой компас, чувствует Надир и днем, и ночью, и вообще где угодно...

Помедлив немного, — как-никак, начинался их последний поход, — Льяти двинулся к стене травы, а за ним потянулись и другие...

* * *

Всего через час они вышли к Фаме. Не впечатлявшая издали, вблизи она оказалась неожиданно широкой — наверно, добрых метров сто. Берега её были пологими, тоже поросшими травой, течение — незаметным, и можно было подумать, что это не река, а озеро...

— И что дальше? — нервно спросил Льяти. — Вброд?

— Не выйдет, тут с головой, — возразил Вайми. В самом деле, вода в Фаме была темная, что говорило об изрядной глубине. — Пойдем туда, — он показал вправо, где виднелся остров, увенчанный невысокой скалистой грядой. — Там у Ана-Ю наверняка плоты есть.

Тем не менее, желания продолжать путь никто не проявил. Облаков в небе не было, громадное здешнее солнце палило вовсю. Да и идти по траве оказалось непросто — она всё время путалась в ногах, что изрядно раздражало Димку. Вздохнув, он подошел к берегу. Прямо у него, в мелкой прозрачной воде, неторопливо ходили мерзкого вида рыбы — неширокие, но длинные, похожие на каких-то огромных червей... Воздух бесшумно звенел от жары. Хотелось искупаться — но в голову тут же пришла плодотворная мысль о львах — или *хобиях* — поджидающих добычу на водопое. Кроме того, мерзкие рыбы у дна тоже никак не внушали доверия. Да и вода могла быть просто ядовитой...

Он прихлопнул эту мысль и посмотрел на Вайми. Тот, войдя в реку, встал на колени и пил из сложенных ковшиком рук, так что вопрос о ядовитости воды отпал сам собой. О рыбах тоже — они недовольно отплыли от Астера, явно не спеша пить из него кровь или вонзать в него свои зубы...

— Что это? — тем не менее, подозрительно спросила Файму, указывая острием копья на рыб.

— Речные угри, — Вайми допил и лишь потом повернулся к ней. — Они вкусные, кстати, — если поймать.

— Это потом, — Файму тоже встревожено оглядывалась. Верно, и в её мире были книжки о львах, поджидающих на водопое, подумал вдруг Димка.

— Да, потом, — Вайми плеснул в лицо водой, фыркнул и вышел из реки. — Пойдем к острову. *Хобии* не умеют плавать и там нам уже не придется их бояться...

* * *

Остров оказался дальше, чем казалось сперва Димке, так что к нему они вышли лишь через час — в основном, потому, что Вайми повел отряд не вдоль берега, а по широкой дуге. Да и идти по траве опять же получалось небыстро...

Хорошо хоть, заблудиться тут было нельзя, — синеватая гряда скал острова всё время маячила в отдалении, а когда они подошли ближе, стал слышен ровный, постепенно нарастающий шум.

Вновь выйдя на берег, Димка увидел, что от него к острову тянутся пороги, — изрядная гряда камней, с которой срывалась, рассыпаясь брызгами, масса воды. По ним, наверно, можно было перебраться на тот берег, но Вайми сказал, что это слишком рискованно, — с

мокрых камней на раз можно было сорваться и проломить башку о другие, скрытые под водой. Файму отправила свой коллектив искать плоты — и, к удивлению Димки, всего через пару минут обнаружили три, оттащенных метров на пять от берега и забросанных травой. Чьи они, гадать не приходилось — Ана-Ю, конечно...

Дружными усилиями плоты спустили на воду. Вместе с ними отыскиались и длинные шесты, так что уже вскоре первая партия ребят отправилась на другой берег. Димка, понятно, был среди них. Он подозрительно вглядывался в довольно крутой склон острова, поднимавшийся к скалам — но там ничто не двигалось...

Ещё через минуту плоты ткнулись в берег. Файму ловко перескочила прямо на траву, поднялась к гряде, осмотрелась... Тоже никого не обнаружив, она помахала рукой. Димка усмехнулся — и тоже перепрыгнул на берег.

* * *

Остров оказался куда больше, чем показалось Димке с речной глади. Разведчики поднялись на скалистую гряду — всё голый, неровный камень, но вдали увидели зелень, заторопились. Спустились в долинку. Между скал скрывалась рощица невысоких деревьев, их пышные кроны ярко сияли в лучах зеленого солнца. С веток свисала масса небольших, похожих на земные яблоки плодов. Урожай хоть куда, подумал Димка. Между стволами земли не видно под падалицей. Но ни одного огрызка...

— Что это? — немедленно спросила Файму.

— Алим, — немедленно ответил Вайми. — Съедобно, но невкусно.

Димка сорвал с дерева плод и попробовал. Яблоко и яблоко. Кисловатое. Избаловался на бананах, паразит, подумал он про Астера.

Файму тоже сорвала "яблоко", откусила. Прожевала. Улыбнулась.

— Неожиданный вкус. Совсем не как кионг. Надо будет нарвать их в дорогу.

Миновали заросли алима. И вот здесь, на траве, Димка увидел несомненную тропинку. Не свежую, понятно, но неплохо сохранившуюся. И основательно утопанную. У него возникло нехорошее предчувствие. Пальцем он поманил к себе Файму.

— Удивительно, — только и сказала она. — Это, наверно, наши дорогие Ана-Ю. Никто же больше не живет здесь.

Вернулись к роще алима. Дэй завел отряд в особенно густо заросшее место.

— Сидите здесь и никуда не выходите. Я скоро вернусь. Если вас кто-нибудь заметит, кричите погромче. А сейчас прислушаемся.

Помолчали. Кругом, однако, царил полная тишина, лишь из-за скал доносился равномерный гул порогов. Оставив девчонок, мальчишки стали осторожно обходить долину. Тропинка привела их в пещеру, замаскированную камнями. За входом она расширялась и Димка остановился.

Перед ним было место, некогда обитаемое. Под стенами — кучи покрытой старыми шкурами сухой травы, в центре — круг закопченного песка, холмик золы. Тут же — кости "тушканчиков"-нуме с остатками засохшего мяса, сгнившие огрызки алима. Не люди, тут, однако, жили, подумал Димка. Свиньи.

Они пошли по тропинке обратно. Долинка открывалась на западный берег острова. Там, вдали, за степью темнел лес. Теперь Димка понимал, почему Алайта увела своё племя туда,

несмотря на хобий.

* * *

Пока Файму почем зря надрывала плотку, руководя переправой, Димка пошагал берегом, решив обойти остров кругом. Выбрался на другой его край, тот, что напротив ближнего к лесу. Справа узкая пещерка между скал. Он заглянул в неё...

И замер, как Робинзон, увидев в глубине следы. Босых ног, девчоночьи — небольшие. Как у Машки...

Димка бросился туда, чувствуя отнюдь не свойственное ему прежде смущение. Несмотря на всё, что с ним случилось, к девчонкам он относился с пиететом...

Нет, следы были не Машки. Потому что не сегодняшние. Скорее, уже старые — слегка занесены песком, здесь, куда не достает ветер. А ближе к выходу и вообще стерты...

Димка осторожно пробирался вглубь. Стоянка! Следов костра, правда, нет, но у каменной стены — аккуратно сложенная груда сухой травы, ровно застеленная чистой плотной материей. И тщательно вымытая глиняная миска рядом. Выходит, ещё и девчонка жила здесь. Не только Ана-Ю. Может быть, сама Алайта, а тут её, так сказать, резиденция?..

А ведь тут может быть клад, вдруг подумал Димка. Какие-нибудь старые вещи, с которыми мьюри попали сюда. И которыми Алайта не захотела делиться с соплеменниками...

Он окинул взглядом пещеру, стараясь представить, где тут можно что-то спрятать. Взгляд его упал на самую дальнюю расщелину, забитую камнями — подозрительно одинаковыми по размеру...

Встав на колени, Димка быстро разбросал камни. Сердце у него ёкнуло, когда он увидел за ними горстку вещей... но никаких инопланетных бластеров или даже древних кремневых пистолей там не оказалось. Единственное, что напоминало оружие — небольшой раскладной ножик с блестящим клинком, — наверно, нержавеющей сталь. Вот и всё. Остальное — дорожные электронные часы (чем-то очень похожие на те, которыми хвастался Вениамин Павлович — настоящий швейцарский "Хронорх" в титановом корпусе...), маленький калькулятор с непонятными значками на кнопках, смятая радужно-пёстрая купюра, блокнот, какие носят для стихов и внезапных ценных мыслей, яркая ручка, — были в этом мире таким же мусором, как и непонятно как попавший сюда чупа-чупс на палочке... Ещё цепочка на шею — не слишком толстая, но серебряная. Очень кстати, если тут есть, например, оборотни...

Глядя на всё это барахло, Димка замер, чувствуя несвойственное ему доселе оцепенение. Едва ли это были личные вещи Алайты, — она уж точно не оставила бы их здесь. Скорее то, что она отобрала или выменяла у соплеменников или ещё каких-то лопоухих попаданцев...

Мальчишка потыкал в кнопки калькулятора, но он, конечно, не работал, — батарейки давным-давно сели. Часы тоже, — окошечко в их корпусе было серым и пустым. Тем не менее, смотрелись они офигительно. Искусно сплетенная из нитей неизвестного металла полоска, больше всего похожая на браслет, была с двух сторон присоединена к круглому корпусу величиной с шоколадную медаль, но толще. На лицевой части корпуса за щитком из какого-то прозрачного материала (но не стекла!) когда-то перемигивались цифры.

Димка подкинул неожиданно тяжелые часы в руке. До сих пор ничего подобного видеть ему не доводилось. Серо-серебристый металл, из которого по большей части были изготовлены эти часы, также оказался ему незнаком. Бездумно приложив их к уху, он прислушался, пытаясь уловить в металлическом корпусе звук хоть какой-то работы их внутреннего механизма, — но, конечно, ничего не услышал.

В правой части корпуса имелся ряд крохотных кнопок. Используя ноготь, Димка нажал на каждую из них, — но вновь ничего не добился. Наконец, быстро надел часы на руку, просто желая узнать, как они будут смотреться. Но не успел он и глазом моргнуть, как браслет сам собой затянулся по размеру его руки! Димка вскрикнул от неожиданности. Казалось, что вокруг запястья вдруг обвилась змея. Конечно, на самом деле это было что-то типа резинки... и, осознав это, мальчишка вдруг страшно разозлился, — он понял, что вел себя, словно какой-то дикарь. Он брезгливо сбросил и разбил камнем часы, потом калькулятор. Сломал и бросил ручку. Порвал и выбросил купюру и блокнот. Зашвырнул подальше в реку чупа-чупс. Всё! От неуместного (он чувствовал это!) в этом мире МУСОРА он избавился. И вышел из пещеры, зная, что никогда не вернется сюда...

* * *

Зашагав назад, он почти сразу же наткнулся на Макса, который, видимо, пошел искать его.

— Где ты был? — встревожено спросил Макс.

— Так, осматривался, — буркнул Димка. Говорить об этом глупом инциденте с часами ему не хотелось.

Они пошли назад. В алимовой роще уже горели костры, там стало многолюдно и шумно. В бывшей пещере Ана-Ю Файму устроила штаб. Идти туда Димке тоже не хотелось. Правду говоря, он хотел отдохнуть от её общества.

— Слушай, — обратился он к Макс. — Давай наконец искупаемся, что ли. И одежду постираем заодно...

* * *

Обходя берег в поисках подходящего места, мальчишки наткнулись на новое кострище. На сей раз, на северном конце острова. Непохоже было, что здесь что-то готовили, — скорее, подавали кому-то сигнал...

— Интересно, кто это был? — спросил Макс, ковыряясь носком кеда в углях. — Может, какие-то попаданцы из Союза?

— Ну... не знаю... — буркнул Димка. — Вряд ли.

— А где же тогда **наши**? Ребята из Союза, из нашего? Почему здесь только мы? Наш отряд, в смысле?

— Это ты у Мастера спроси. Когда доберешься.

— Может, они там, в Городе Снов? — с детской какой-то надеждой спросил Макс.

— Может быть, — Димка нахмурился. — Но до него ещё дошагать надо. Хорошо хоть, с едой вопрос пока решился.

— Да уж... — Макс вздохнул. — Ладно, купаться давай...

* * *

Выкупался Макс с большим энтузиазмом. Он прополоскал всё своё давно не стиранное барахло, и, в чем мать родила, полез на скалы — посмотреть на степь. Высоты Макс не боялся и карабкался по опасным на вид гладким выступам очень ловко. Димка за ним не полез. Тоже прополоскав барахло, он растянулся в чем-то вроде ванны между валунов, где стоячая вода прогрелась на солнце, глядя снизу вверх на взбиравшегося на скалу Макса. Высота была всего метров десять — пустяк для него, дома он занимался альпинизмом...

Валяться в природной ванне было очень приятно, но Димка всё же поднялся, ладонями сгоняя с тела тину. Макс стоял на вершине одной из скал, подняв руки к глазам — он смотрел на восток, туда, куда лежал их путь. Очень даже внимательно смотрел. Димка захотел окликнуть его... но не осмелился. Он вдруг понял, что **боится** узнать, что увидел там друг — вплоть до строя марсианских треножников... и недовольно помотал головой. Он знал, знал совершенно точно, что до цели они доберутся, — слишком уж большим и хорошо вооруженным был их отряд. Но что ждет их там?..

Думать на эту тему не хотелось, — да, собственно, было и не над чем, о Городе Снов Вайми распространяться не желал... Макс, между тем, уже спускался, ловко прыгая босиком по камням, и Димка вздохнул, опасаясь дурных новостей.

* * *

— Ну, что там? — спросил он, когда Макс вернулся. Довольно-таки нервно спросил. Макс насмешливо взглянул на него.

— Лошади, — он широко улыбнулся. — Или что-то похожее. Только далеко очень.

— Лошади? — Димка вздохнул. Он вспомнил, как мечтал о лошадях в бескрайних степях Ойкумены — и вот, на тебе...

Правда, заниматься одомашниванием лошади было уже поздновато, — да и как это сделать, ничего не зная и не умея? Серого бы сюда, с тоской подумал Димка. Он разобрался в лошадях, любил их, как мало кого из людей, — но как раз тут его не было, он отправился за Драконовой Флейтой...

Димка сел на берегу, глядя на лежавших в мелкой заводи рыб — плоских, как земная вобла, и, наверное, таких же вкусных...

— Удочку бы... — вздохнул он, понимая, что мечта глупая, — удочку ещё можно сделать, дело нехитрое, но какой в ней смысл без крючка?..

— Удочку не обязательно. Вайми показал мне один способ, — смущенно признался Макс. — Как рыбу копьём бить. Только я сам не пробовал.

Димка быстро развернулся на заду, морщась от впивающихся в него камешков.

— А ты попробуй. Мне вот этот кионг надоел уже...

* * *

Всего через полчаса Димка вновь лежал в своей природной "ванне". Макс, всё ещё в чем мать родила, активно лопал жареную рыбу. На вкус вовсе не столь мерзкую, как на вид, в этом Димка уже сам убедился...

— Здорово это у тебя получилось, — сказал он, вспоминая точные удары копьём. — Раз, два, — и обед готов!

— Вайми хвали, — буркнул Макс, не отрываясь от еды. — Это он меня научил же.

— Вайми... — Димка скривился. — Он только это и умеет.

— Он весь здешний мир обошел, — сказал Макс уже обиженно.

— А что он там видел? — возмутился Димка. — Задворки, да помойки. Или вообще всё придумал. А нам лапшу на уши вешает. Для собственного развлечения.

— Злой ты стал, — Макс швырнул обглоданный рыбий хребет в догоравший костер. — На себя не похож даже.

Димка смутился, он просто не думал, как этот мир изменил его. Может, и не в лучшую сторону, — но тот, прежний Димка казался ему наивным идиотом. Даже вспоминать об этом теперь было стыдно...

Они помолчали, не глядя друг на друга. Димка захотел вернуться в лагерь, но пока что не мог, вся одежда мальчишек, уже подсыхающая, лежала рядом... а влезать в мокрое не хотелось. От одной этой мысли Димку передернуло.

— Интересно, почему Ана-Ю отсюда ушли? — наконец, спросил Макс, наверное, просто затем, чтобы не сидеть рядом с другом мрачным букой. — Тепло, жратва под рукой...

— Чтобы их племя не разложилось морально и физически, от образа жизни натуральных троглодитов, — буркнул Димка. — Делать на острове нечего же. Да и жрать особо тоже. "Яблок" на сорок рыл надолго не хватит. Рыбы тоже. Да и с дровами тут туго, — что река принесла, то и жги. Еду ж готовить надо. А сырая рыба не фонтан...

— Наверное, — Макс вздохнул и вдруг легко поднялся на ноги. — Ладно. Я на скалу пойду, посмотрю, что в степи...

Димка проводил его взглядом, но сам подниматься не стал. В груди шевелилось какое-то неприятное чувство, и дать ему волю — означало поссориться с другом, а этого ему совершенно не хотелось...

Тоже вздохнув, мальчишка поудобнее устроился в теплой воде, положив голову на руки. И мгновенно заснул, словно его выключили.

* * *

...Когда Димка проснулся, уже спустились сумерки. В небе ещё горели оранжево-алым огнем бесконечно высокие облака, но полоска далекого леса уже казалась сгустившейся темнотой. Над рекой висел легкий туман. Вайми сидел совсем рядом, поджав босые ноги и обхватив колени руками. Он смотрел на него, — и, заметив, что Димка проснулся, удивительно широко улыбнулся. Димка улыбнулся в ответ и сел, потягиваясь. И тут же обнаружил, что отлежал себе всё, что только можно. К тому же, пока он спал, камни впились в кожу.

Кривясь — не столько от боли, сколько от затекшего тела — он с подозрением

посмотрел на Астера.

— Что ты здесь делаешь? Макс где?

— В лагере, — Вайми вновь улыбнулся. — Ужин скоро.

— А, — Димка выбрался из воды, отряхиваясь. Он проспал где-то часов семь — совсем некстати, заснуть ночью теперь точно не удастся. А сутки здесь в полтора раза длиннее земных, вспомнил мальчишка, и ночи, соответственно, тоже. Правильно он разбил часы, от них здесь не могло быть пользы, даже если они бы и работали...

Вайми всё ещё смотрел на него и Димка отвернулся, смущенный и злой от своего глупого смущения. Орать на Вайми было бесполезно — он был, наверное, единственным человеком на свете, который абсолютно нечувствителен к оскорблениям. То ли от природы, то ли просто привык во время своей рабской жизни... Этим он выделялся даже из общей здешней ненормальности. И ещё... ещё... была в нем какая-то неправильность, не в облике даже (хотя выглядел Вайми... экзотично), а просто в том, как он держался. Это впечатление ещё усиливалось тем, что вполне отчетливую неприязнь Димки он просто игнорировал, — чем опять-таки смущал и злил его одновременно...

Порой мальчишке казалось, что Вайми просто издевается над ним, — а может быть и не казалось. Характер у Астера был не то, чтобы уж очень добродушный. Но заглянуть ему в голову Димка не мог, и ему оставалось лишь гадать о его истинных мотивах...

— Слушай, а что ты про всё это думаешь? — он повел рукой вокруг.

— Про всё? — Вайми удивленно взглянул на него, вопрос Димки явно застал его врасплох. — Что в общем и целом оно удалось Творцу совсем неплохо.

— Вся эта мерзость, с Червем и Хорунами?! — Димка даже возмущенно фыркнул.

— Я думал, ты имел в виду на самом деле ВСЁ, а не одну Ойкумену, — сказал Вайми уже откровенно насмешливо.

Димка вздохнул. Он-то имел в виду этот вот остров вообще и свинство Ана-Ю в частности, — но поворот получился... интересный.

— Всё тоже удалось так себе, — упрямо сказал он. — Если Бог на самом деле есть, то он фигней страдал, а не о людях думал.

Вайми возмущенно фыркнул.

— "Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему, чем он должен заниматься". Так у нас говорят.

— А ты прямо лично рассказывал? — хмуро уже спросил Димка.

Вайми не менее хмуро посмотрел на него. Потом покрутил пальцем у виска — совершенно земным досадливым жестом. И быстро зашагал прочь.

Димка усмехнулся, — он всё же уел босоногого паразита, — потом, наконец, обтерся травой и начал одеваться. Пора было идти ужинать.

* * *

В долинке уже горело несколько костров, там было шумно и весело. Димка немедленно подсел к тому, у которого собрались его друзья. Еда была не бог весть какая, — сушеная рыба из запасов Ана-Ю, которую девчонки, правда, отмочили и поджарили. Получилось неплохо, — к тому же, на десерт были "финики" из тех же запасов. На самом деле мало похожие на земные, — что-то типа сушеных мандаринов на вкус, — но так оказалось даже

лучше...

Расходиться после ужина никто, понятно, не спешил. Отблески костров играли на стенах окружающих долинок скал и в ней было неожиданно уютно, — особенно после голых степных просторов. Да и вообще, место было очень удобное, подумал вдруг Димка. Если соорудить в устье долинки баррикаду, сложить над обрывами кучи камней, поставить часовых, — выйдет вполне настоящая крепость.

Вайми (он, паразит, подсел к их костру, — то ли чтобы действовать Димке на нервы, то ли чтобы просто погреть уши) подтвердил, что нечто подобное тут действительно бывало. В степи тут, как оказалось, кроме тушканчиков-*нуме* жили их извечные враги, *хурны*, — что-то вроде гибрида земного волка и отощавшей донельзя злобной свиньи. Людями эти твари тоже интересовались, и очень. В отличии от страхолюдных *хобий*, плавать *хурны* очень даже умели. Покоя от них не было даже на острове. Ана-Ю пришлось учредить дозорную службу. Плывающих "свиноволков" нещадно били камнями, отгоняли. Наконец вовсе отвадили, — но новость Димку не порадовала. Мало было хищных "мегастраусов", — так теперь ещё и свиноволки. Плюс ещё неведомые пока что собакины, владеющие (если верить Вайми) самой настоящей магией. А ни скал, ни камней в степи не будет, укрыться там негде...

Настроение у Димки испортилось, — уже завтра поутру им предстояло вступить в эту степь, — но тут он ничего не мог поделаться. Если верить приключенческим книжкам, последняя часть пути и должна быть самой трудной, — только вот жизнь-то не книжка, и такое совпадение ему совершенно не нравилось. Не иначе, Мастер ещё давным-давно расписал весь сюжет их приключений, — и теперь наслаждался. А в том, что там предусмотрен счастливый для приключенцев финал, Димка очень сомневался. Но тоже ничего не мог поделаться...

* * *

Довольно быстро почти все разошлись спать, — день сегодня выдался нелегкий, а завтрашний обещал быть ещё тяжелее. У потухающего уже костра остались только Талка с Вэркой, да Матвей, — то ли в качестве часовых, то ли тоже просто выспались днем. Вздохнув, Димка подсел к ним, — не то, чтобы ему очень этого хотелось, но и сидеть одному было уже совсем глупо...

Маахисы, к его радости, тоже оказались рады компании. Разговор же, начавшись с обычной чепухи, быстро свернул на вечную тему: нелегкую жизнь Аниу в их невероятном мире. И об их, так сказать, соседях-мьюри, а также и других, — сторках и джаго, которые были ещё хуже.

— Джаго, когда на них мьюри наткнулись, сидели в самых что ни на есть настоящих Навозных Веках, — в феодализме, то есть, — рассказывал Талка. — А уж их обычаи воспринимались всей остальной галактикой как проявление чистой отсталости и дикости. Перебить стариков во времена голода было у них таким же обычным делом, как и оправдать виновных на судилище вождя. Из-за забав такого рода джаго снискали дурную славу среди всех своих соседей, хотя по сути своей они были людьми мирными — или, точнее, слишком глупыми, чтобы применить свою воинственность себе во благо. Обнаружив в один прекрасный день, что примитивный ум джаго хорошо подчиняется дисциплине и воинскому приказу, мьюри решили натравить их на своих "злейших друзей", то есть на

сторков. Но для столь возвышенной цели джаго были опять же слишком глупыми. Тут в головы мьюри стукнула гениальная мысль добавить джаго ума при помощи генной инженерии, в которой они считали себя большими мастерами. И, как ни странно, это у них даже получилось. Теперь их клиенты могли вполне уверенно водить танки, управлять звездолетами и делать всё прочее, что нужно для современной войны. Но взамен джаго приобрели очень неприятную, зато ценную для своей расы черту. Любой из них очень быстро, буквально за несколько дней, может утратить все приобретенные знания и социальные навыки, деградируя до уровня первобытного полуразумного существа, управляемого только примитивными инстинктами, включая инстинкт пещерной ксенофобии. Вид чужих рас вызывает у больных особей почти не управляемую ярость. Джаго это, правда, ничуть не расстроило, — всех больных сразу же записывали в армию и отправляли на текущий фронт, заниматься борьбой за честь нации, проще говоря — грабежом и разбоем.

— Полуразумных в армию? — удивился Димка. — Там же техника.

— Разумных джаго в танки и так далее, — пояснил Талка. — А полуразумным раздать топоры — и в атаку. А что они насилюют и жрут всё, что шевелится, а что НЕ шевелится — толкают — так это лишь приятный бонус.

Димка лишь хмыкнул в ответ на такое.

— Армия же должна наводить ужас на врага, — пояснил Матвей. — И вообще, Женевскую Конвенцию не завезли туда, так что джаго ничего не нарушают.

— Даже у своих хозяев-мьюри? — удивился Димка.

— У мьюри на это военный трибунал есть. С разбором дела в 24 часа.

— А зачем ждать 24 часа? — удивился Димка.

— Максимально в 24 часа, — пояснил Матвей. — Можно быстрее, минут за пять. То есть если джаго путают наших и своих, судьба их печальна. Так что система вполне работала. При случае выходило даже одерживать мелкие победы. Понятно, что если бросить на взвод сторков всего-то полк джаго, под огнем бластеров поляжет только половина, остальные задавят их кучей и изрубят. Но сторков было мало, дегенератов же в избытке, так что это никого не волновало.

— Это почему? — удивился Димка. — Как бы даже на Земле на толпы дикарей научились хорошо воздействовать — берется пулемет с водяным охлаждением ствола, вроде "Максима", и дальше надо только патроны подносить вовремя. Правда вроде как сейчас перестали делать варианты с водяным охлаждением.

— Джаго же здоровенные, — пояснил Матвей. — Так что броню на них вполне можно навесить, и даже много. Плюс можно дать пуляло несложное. У нас негры же пуляют, хотя тоже интеллектом не блещут.

— Пулемет покруче, — предложил Димка. — Типа ДШК.

— У строков бластеры есть, — пояснил Талка. — С плазмой которые.

— Ручные бластеры? — спросил Димка. — Чего-то вроде пулеметов нет? Или иногда случались случайности и таки получалось, а обычно было много жареных джаго?

Талка усмехнулся.

— Обычно да. Но случайности иногда случались и небольшим отрядам джаго по 100500 рыл иногда удавалось одерживать победы. Ну и сторки тоже же не без греха — тоже могут пойти в бой с ритуальными топориками, да ещё нажравшись мухоморов. Вот плазменных пулеметов не завезли, да. Но скиутты, их рабы, очень любят огнеметы. И жареных джаго.

Димка снова хмыкнул.

— Они же по происхождению медведи, — пояснил Матвей. — А медведи всеядные.

— А остальные тогда кто?

— Джаго — нечисть. То есть орки, шранки и так далее, — пояснил Матвей. — Сторки — космические викинги. Нэрионы — сумасшедшие белки. Мьюри — гибрид янки и евреев, обезумевшие от жадности капиталисты. Нэйкельцы — в некотором роде спруты, жарят сторков тепловым лучом и высасывают из них кровь. Дайрисы — Изуверский Интеллект в чистом виде. Мечтают убить всех человеков, а кого НЕ убить — замучить насмерть с помощью Садистских Опытов. В общем, террариум единомышленников.

— Брр! — Димку даже передернуло. — Сторки гады, конечно, но мьюри выходят ещё гаже. Загребают жар чужими руками, а что с теми руками будет, — им плевать.

Талка кивнул.

— Капитализм. Армия самих мьюри на деле процентов на девяносто состоит из наемников десятков различных рас, — в основном, тех же джаго, плохо обученных и скверно вооруженных. Собственно мьюри, — если исключить всевозможных инструкторов, экипажи кораблей и так далее, — играют в ней роль командиров и обычных заградотрядов, состоящих из тех же наемников — оплаченных и оснащенных получше, но таких же трусливых и плохо подготовленных.

— Плохо подготовленных — это в плане "если заставить врукопашную, то сливаются?"

— Да. Толпа трусливых баб, которые не умеют драться ритуальным джагганским веслом, — насмешливо пояснил Талка.

— Ну почему — трусливых? — хмыкнул Вэрка. — Адекватное использование преимуществ. С точки зрения мьюри. И не только их. Вейты, например, хоть и хорьки, на самом деле воевать умеют, идут в бой смело, и пехота, и экипажи. Правда пехота у них вузов не заканчивала, а если прикомандировали к пехоте студента-выпускника, то он в стороне держится. Студенты такие — координаторы боевых роботов.

— А вейты могут роботов? — удивился Димка.

— Сверхдешевая разработка, ИИ там нет, там крысы вместо ИИ, — пояснил Вэрка. — Ну вот потом, когда в парламенте докладывали — потери среди роботов большие, их спросили, так что — не эффективно? Ответили, что ОЧЕНЬ эффективно — пехотинцы дороже, хотя бы в плане прокорма.

— И кто тут трусы? — спросил Димка.

— Вейты, — усмехнулся Вэрка. — С точки зрения сторков, конечно. Потому что не хотят драться честно, на саперных лопатках. И вообще, погибать от крысы харам для воина, поэтому крысу надо запретить, как негуманную.

— Мьюри наверно тоже предпочитали за пультами боевых машин сидеть, а выходить с охраной боевых роботов? — спросил Димка.

— Обычно предпочитали командовать, — ответил Матвей. — Или в советниках быть. Хотя реально у них там что-то типа вьетнамской войны — да нахер нам эту деревню гуков штурмовать, вызовем стратегические бомбардировщики и сожжем всё напалмом. Или с орбиты ломами закидаем, или кинем атомическую бомбу. А если бомбу нельзя — есть гаубицы и мортиры. Из которых можно делать много-много громкий взрыв. 20 000 патронов на одного врага? Ну так попали же. И всё в таком вот стиле. Как бы такое вообще все любят. У кого финансы позволяют. Очень дорого же.

— А придурков с ритуальными топориками нет? — спросил Димка. — И даже с

саперной лопаткой не очень?

— Есть и такие. Но это либо чьи-то каратели и в ситуации, когда противник не может уже сопротивляться, либо тупые фанатики, и первый сосед, к кому они полезут, — решит проблему, оптимальным для себя способом. Единственное — не принято, да и не выгодно планеты выжигать и геноцидить всё население, поэтому десанты высаживать всё же приходится — работать-то кто будет, Пушкин? Поэтому проще проводить операции по устрашению мирного населения. 100500 штурмовиков, шагоходы АТ-АТ и ОБЧР с супер-огнеметами в комплекте. Ну тут, правда, как считать выгодность...

— Полезные ископаемые не горят? — предположил Димка.

— Добывать их в космосе проще обычно, а вот пригодные планеты нужны. Иногда и инфраструктура. Или ещё что.

— Как же тогда мьюри удастся побеждать?

Талка пожал плечами.

— Всем своим "победам" над соседями, в большинстве — такими же торгашами, мьюри обязаны исключительно подкупу вражеских военачальников или тупой возможностью нанять БОЛЬШЕ наемников. Расы воинов, таких, как сторки или скиутты, вызывают у мьюри ненависть и ужас. И наемники — это хорошо ещё. Фактически, процентов шестьдесят всех их корпоративных армий, — просто рабы с покоренных планет, кое-как вооруженные и вообще не обученные. Их буквально насильно гонят в бой, не считаясь с потерями.

— А что же вы их тогда не побили? — насмешливо спросил давно уже севший к костру Макс.

Талка вздохнул.

— Единственное, в чем мьюри на самом деле превосходят все прочие расы, — это системы ПКО их коренных планет, особенно Мьюри Прайм. Колоссальные орбитальные крепости, минные поля, тучи наблюдательных спутников, несчетные батареи наземных ракет и орудий превратили их в неприступные цитадели. Но и это вызвано, в основном, свойственной мьюри паранойей и страхом федерального правительства перед внезапным ударом со стороны какой-нибудь из своих собственных корпораций.

— А боевые корабли корпорации разве строить не умеют? — удивился Димка.

— Умеют, но там есть ограничения. На броню, в основном. Да и невыгодно её ставить же. Вес и так далее.

— А в других местах?

— А в других местах флот есть. Да, корпоративные флоты состоят почти сплошь из легких кораблей класса корвет-фрегат, — ненадежных и хрупких из-за дешевой, обычно, даже лишенной брони конструкции, — но быстрых, маневренных и довольно хорошо вооруженных. К тому же, их всех страшно много, буквально десятки тысяч штук. А есть ещё и федеральный флот. Тяжелых боевых кораблей в нем на самом деле не так много, но они страдают от другой крайности — "заботы о безопасности личного состава". Чрезвычайно хорошо защищенные, они тяжелы, неповоротливы и тихоходны. Вооружение их, хотя и мощное, не соответствует цене и габаритам. В сущности, они, хотя и имеют гипердвигатели, остаются лишь кораблями планетарной обороны. Но уж для этой единственной цели они подходят преотлично.

— А как тогда с победой на фронте самой передовой идеологии? — не удержался всё же Димка.

Талка вздохнул.

— Неважно, честно говоря. Мало иметь передовую идеологию, надо ещё донести её до масс. А с этим сложно.

— У вас же эти... как их там... соцсети есть, — вспомнил Димка. — Где до каждого буквально можно дойти.

— Во-первых, не до каждого. Да и мало этого. Если так грубо работать — не поможет. И это лишь межзвездный трафик сложновато цензурировать, а планетарный трафик — запросто. Надо не только говорить через соцсеть.

— А что ещё?

— А не должно быть нужно пропагандировать через соцсеть. В идеале — берем любого гражданина и он сам скажет примерно то же, что мы хотели через соцсеть, и беседу с критиками сможет провести. А если и НЕ сможет — его хотя бы будет сложно... переубедить. Но это, кстати, подразумевает и обратную связь от населения. И что хоть базовые потребности населения удовлетворены... или они так считают.

— Например, раб считает, что его базовые потребности — получать N палок в день от Господина? — насмешливо спросил Матвей. — В знак отпущения грехов.

Талка кивнул.

— Да, такое тоже насаждают. И более-менее — выходит. Правда, где как. У джаго например многие дворяне совсем оторвались от реальности, на почве усиленного курения кальянов с дурью и всевозможных извращений. Из-за чего они имеют проблемы с комплектацией флота, инженерных должностей и так далее, которые в рамках их законов — просто не решаются. Никак. Но их всё же приходится решать, чтобы не огрести бамбулей от тех же сторков — и получаем, что у нас секс-рабыни и прочие рабы сидят за пультами кораблей и учатся в университетах мьюри по естественно-научной линии. При этом свободным-не-дворянам тоже закон приходится нарушать, потому что иначе — никак. И при этом законного способа изменить это — нет. Ну не работают законные механизмы в кастово-олигархическом обществе. Сторкад тут лучше тем, что в принципе есть законные механизмы эту ситуацию поправить и члены Совета Глав Родов даже понимают, что проблема — есть. И что её все же придётся решать. Рано или поздно. Но многие недооценивают и считают, что время терпит и всё такое. И шэни есть же. Очень умные, но как раз трусливые. То есть в пехоту их не выйдет, а кнопки нажимать — самое оно. С другой стороны, в том числе и из-за этого — серьёзные смены строя мирным путем редко там бывают.

— Все так любят родной строй, неважно, какой? — удивился Димка.

— Скорее власть всё же умеет в контроль населения, если не совсем придурки. Мьюри в этом плане — всё в общем-то нормально и средне. Даже пробуют решить вопрос с деградацией. Выходит, правда, криво очень — к радости, например, "Нихеля". Который продает, например, VR-капсулы. В кредит. Не всегда, правда, успевают отдать. И потому, что консультацию нормального врача — даром не получить, никак, и потому, что образ жизни, когда постоянно в VR-капсуле "Нихеля", ещё и дешевой, живем по сути — он не самый здоровый. Хотя бы потому, что средств стимуляции мышц у дешевых тех капсул — нету. И товарищ натурально превращается в овощ. Некоторые начинают судорожно искать решение под конец, но — нет здесь нормальных решений.

— Совсем нет? — удивился Димка. — Работу там найти.

Талка пожал плечами.

— Пробуйте. Но кому вы нужны с никаким образованием и кто вас будет лечить? И зачем он это будет делать?

— Испытания новой хирургической капсулы? — предположил Матвей.

— Один из вариантов. За косметическую хирургию на дому богатые мьюри готовы платить любые деньги, так что...

— Боже, благослови богатых идиотов, которые не знают, сколько тратят? — спросил Димка.

— Мьюри тут идут в русле традиций джаго.

— Разврат и прочий декаданс?

— И это тоже. Но сам по себе разврат — это не хорошо и не плохо. Важно прогресс.

— А разврат способствует? — удивился Димка.

— Разврат — нейтрален. В некоторых случаях может помогать. В некоторых — наоборот. У мьюри скорее помогает.

— Развитием рынка услуг? — спросил Матвей. — Надо же девайсы для разврата разрабатывать и медицину тоже. Или развитию творчества тоже способствует? Если товарищ плохо творит — ему будет попопа. Или НЕ будет.

Талка усмехнулся.

— В том числе. Уж стимулировать к труду мьюри очень хорошо умеют, — эксплуататоры же. Спецы по химии хорошие, — заставят товарища за дозу по сорок восемь часов в сутки вкалывать. Или БЕЗ химии — тоже есть спецы.

— Бить по почкам подарочным изданием "Архипелага ГУЛАГ"? — непонятно спросил Матвей. — То есть мастера дрессировки. Хорошо работаешь — получи конфетку. Плохо — получи дубинал. Ну, или мозги выедать на тему, что рабство у достойного хозяина — это привилегия.

Талка вздохнул.

— Скажем так — есть у них специалисты.

— В мукоделии?

— В подготовке рабов. Это НЕ одно и то же. Но совсем уж без мукоделия не обходится дело — должен же специалист что-то иметь с процесса, кроме денег. Но в меру, потому что подготовка рабов, — это бизнес, прежде всего. А мертвый или изувеченный раб — немалый убыток. Поэтому целая наука есть о том, как НЕ увечить. Где статьи пишут и так далее.

— О мукоделии?

— Не так называется. Нервно-психическая стимуляция трудовых навыков и всякое такое. Думаю, Вайми оценил бы. Он, правда, больше претя от аЩуЩЩения себя Невиннопострадавшим Великомучеником. Чем сильнее страдает, тем больше. Да — есть места, где на первый взгляд всё хорошо — начальный этап колонизации у мьюри, или там у скиуттов — но там просто принципы эксплуатации другие.

— Всех мультикультурно берут в рабство?

— А разве у мьюри есть рабство? — удивился Талка.

— Только свободные граждане, работающие по контракту? — предположил Матвей.

— Да. Незаконное дело становится законным, если обложить его налогом и дать благовидное название.

— А что же вы со всем этим не боретесь? — хмуро спросил Димка.

Талка усмехнулся.

— Как раз боремся. Пиратов и работорговцев ловим по возможности.

— И вешаете?

— Нет, зачем? — Талка удивленно взглянул на него. — Ментокоррекция же есть.

— То есть, корректируете, а потом отпускаете? — удивился Димка. — И всё?

— А что, разве мало? Ментокоррекция — сама по себе процедура не самая приятная. И где это было сказано, что товарища к лучшему изменяют?

— Пират вдруг стал маньяком-мазохистом и разобрал себя на части? — насмешливо спросил Матвей.

Талка усмехнулся.

— По-разному бывает. Очень-очень по-разному.

— А внутри Союза практикуется такое? — спросил Макс. — Нет, смертной казни у нас нет... просто товарища так мучила совесть, что он вышел через шлюз. В реактор.

Матвей задумался, вспоминая.

— Прямо — нет. Но с другой стороны некоторые бессмертные с точки зрения тех же Аниу с их нанотехом наказания — это чаще всего растянутая смерть для менее развитых товарищей. Ну и не только у мьюри есть такая практика, когда осужденного высаживают на планету. Населенную. Только вот там рабский строй ещё. Если сильно повезет — феодализм, если совсем повезет — поблизости от города, и там оставляют. Вживив маяк, чтобы потом забрать, плюс, конечно, приняв меры, чтобы товарищ НЕ работал прогрессором.

— Например, стерев память? — предположил Димка. — Кстати, а что там с запретом вмешательства?

Матвей усмехнулся.

— А тут столько вариантов...

— Людоеды, разбойники, инквизиция, гладиаторский цирк?

— Вообще, список возможных наказаний в Союзе прописан, — сказал Вэрка. — И допуск адвокатов мьюри к их гражданам тоже. Ну и оговоренные условия, в каких случаях могут выдать домой — обычно компенсации вреда, плюс гарантии, что дома не отпустят сразу. Это кстати НЕ значит, что наказаний там не будет вообще. Могут и свои добавить.

— А ваши наказания помогают? — спросил Матвей. — Телепортация в лагерь размышлений и отдыха, лечение голубыми снами и что ещё у вас там.

Талка усмехнулся.

— Это — нет. Но как мозги вправить — придумают.

— Жестокие и необычные наказания не запрещены? Огород там копать или модель крейсера "Аврора" делать?

Талка пожал плечами.

— Скажем так — обычно повторно ловить гадов не приходится, даже если выдали.

— Зверски заставляют работать? — предположил Димка.

— Почему — заставляют? — удивился Матвей. — Ментокоррекция с точки зрения Аниу — это, скажем так, не очень плохо, чаще всего, и сам товарищ хочет искупить вину на своей родине, куда его да — вернут, и работать. И хорошо ещё, если просто работать, а не кем-то конкретно... а то были случаи, когда любители с рабами развлекаться потом сами добровольно вину искупить решали в роли секс-рабов... да — с ограниченным контрактом по срокам, — надо же дать товарищу шанс исправиться. Либо хирургически правят облик для подмены.

— А потом где-то появляются неопознанные рабыни? — спросил Матвей.

Талка усмехнулся.

— Бывает и так. У нэрионов, например. Это тоже коммунистическая цивилизация, хотя в Союз их не взяли из-за их приколов. Например, продавать им никуда не надо — есть свои... заведения. Как суровая, но справедливая воспитательная мера коммунистического общества. И у незваных гостей есть неплохой шанс попасть туда. Конечно, путем добровольного выбора.

— Или в бордель или добывать уран руками? — спросил Матвей.

— Принуждать никто не будут, это зло. Но вот только — нэрионы кроме всего прочего ещё и расисты в некотором плане. Только скорее не расисты чисто — классовая ненависть у них тоже есть и сочетается всё... жутко.

— Мерзкие белые буржуи?

— Да, типа того. И по факту таки БЫЛИ случаи — или пленные пираты идут в труженики сауны на ограниченный — ну, они так думают, — контракт лет на десять... или помирают нафиг потому, что ни статуса никакого, ничего.

— У вас есть право помереть от голода?

— А тут и деньги тоже. Разумеется, это всё наглая клевета на Партию! То есть официально ничего такого нет.

— На самом деле мы пленных пиратов не сдаем в работники сауны, а гуманно усыпляем растворением в кислоте?

Талка поморщился.

— Так — нет. Официально они добровольно искупают вину честным трудом. В народных заведениях. А что это там за заведения — клеветать не надо. Да — для гостей из Союза там совсем другие условия.

— Премиум-карта, более выпуклые девы, красные шелковые простыни, цепи, факелы, белье из кожи молодого африканского слона и так далее? — насмешливо предположил Матвей.

Талка кивнул.

— Да. И прочие игры в том же стиле.

— Которые, видимо, не везде одобряют, особенно у вас?

— Союз не любит в принципе. При том что и в нем — такие заведения есть. И есть желающие там работать.

— Это какой-то уже очень странный коммунизм, — хмуро сказал Димка.

Талка вздохнул.

— У нас, Аниу, вот такого нет нигде. Желающие есть, но они идут не в сауну, а к доброй тетеньке в белом халате, которая дает им таблетку или просто попопе — дешево и сердито. Потому что от таблетки побочное действие бывает, а от попопы — нет. Но Союз внутри — ОЧЕНЬ разный. И ситуация, что местные нравы оскорбляют иммигрантов — это проблема иммигрантов. Не любите нашу мораль — идите нафиг. Или даже ещё дальше.

— Это как бы видно, — буркнул Димка. — Но вроде же как раз у вас — весьма строгая мораль, пионеры в галстуках, основной вид любви — любовь к Партии.

— У нас — строгая. Но исключения доступны. Не поощряются и общество будет жестко против. Но доступны.

— Очень платно? — предположил Димка.

— В Союзе? Платно? — удивилась заглянувшая на огонек Файму.

— Человеко-часы — это не деньги же? — предположил Матвей.

Файму поморщилась.

— Не так. Свобода выбора. Или — воспитание. Даже врачи могут порекомендовать попробовать — именно чтобы НЕ понравилось и вся дурь вылетела из башки.

— То есть, всё по заветам Сторкада — каждого сторка должно изнасиловать сорок джаго, чтобы он до конца дней проникся Праведной Ненавистью к людям с кожей цвета Мрака? — вновь насмешливо предположил Матвей.

— Добровольно. И можно отказаться.

— Десять ступеней inferнальности? Где мужественные молодые добровольцы, преодолевая себя, читают буржуазный журнал "Плейбой", курят гаванские сигары и жрут омаров, тушеных в бургундском?

Файму хмыкнула.

— Где как.

— Железная Дева и прочее гестапо тоже бывает вполне?

— Да. И медкапсула. Которая не лечит, а совсем наоборот. В смысле лечит, но так, что лучше бы и не лечила — например, клизму ставит до тех пор, пока у клиента от счастья глаза на лоб не вылезут.

— Вот-вот, — сказал Матвей. — Можно тщательно прочувствовать все ужасы капитализма. Ащущения видимо реально могут быть незабываемыми. Особенно если вода горячая. Или холодная. Правда, клиент может лопнуть. Но это не страшно, медкапсула заштопает. Или там смена пола без анестезии. 100500 раз.

— И есть желающие? — удивился Димка.

— Да. В смысле и полностью добровольно тоже есть. Именно ради Незабываемых Ащущений. И да — Пастухи могут это ментокоррекцией убирать. Но так НЕ делают, если не просят граждане.

— А если пишут коллективное письмо с просьбой исправить товарища? — спросил Димка.

— Свобода выбора, — повторила Файму.

— Нарушающая общественную мораль? — удивился Матвей. — Например, секс на газоне, где Дети Смотрят.

Талка усмехнулся.

— Вред детям есть? Докажите.

— Дети начали заниматься сексом — это вред или нет?

— Во-первых, у нас, Аниу, половое созревание искусственно задержано до пятнадцати лет, — хмуро сообщила Файму. — Генетическая правка. То есть раньше — ничего не выйдет. Во-вторых, каждый товарищ брачного возраста уже сам решает, где, с кем, как и так далее. Если нет явной коммерческой эксплуатации тела.

— А если сама личность эксплуатирует? — спросил Матвей.

— А в чем тогда проблема? — удивилась Файму.

— Извлечение нетрудового дохода? Хотя что считать трудом...

— А почему — не трудовой доход? — насмешливо спросил Талка. — Занятия любовью — это как раз совершенно натуральный тяжелый физический труд. Даже *очень* тяжелый. Канаву, например, можно целый день копать, а попробуй-ка прозаниматься целый день любовью...

— Любой труд почетен? Даже кверху попой или ещё как? — удивился Димка.

— В Союзе не обязателен труд.

— У них труд — понятие растяжимое. Очень, — насмешливо добавил Матвей. — То есть не обязательно на фабрике винты вытачивать и так далее.

— Ну так как бы считается, что при коммунизме народ будет поголовно лепить, ваять, писать стихи и прозу, играть в театре и так далее, — буркнул Димка.

— Ну — в Союзе такого много, но не только это, — сказал Талка. — Кое-где — развлечения для скучающих граждан.

— Обжираловка и слег тоже есть? — спросил Матвей. — И дрожка.

— Не запрещено во многих мирах Союза — обычно там, где это не стало проблемой.

— В смысле, там, где народ не мрет массово в ваннах?

— Где вообще не мрет.

— Просто дегенерирует морально и физически, превращаясь от слега в пускающих слюни идиотов?

Талка пожал плечами.

— Ну, если совсем вышло за рамки — медики вмешаются и лучше бы — не доводить.

— Иначе таки отберут слег и бросят на морковь?

— Да.

— Труд создал из обезьяны человека. А безделье создало из человека обезьяну, — недовольно буркнул Димка.

— Как бы по идее труд на благо общества — это величайшее счастье, возможное для человека, — насмешливо ответил Талка. — Особенно на благо одного члена общества. В виде выпуклой девы. Или там юноша прекрасного.

— Аморальность? — предположил Матвей. — Или нарушение санитарных норм — нельзя же столько и вообще поза неудобная.

— А в чем проблема? — снова удивилась Файму.

— Нет проблем? — спросил Димка. — Даже у вас?

— Проблем-то возникает масса, — Файму усмехнулась. — Особенно когда товарищи друг друга съесть готовы от желания.

— Проблем не возникает с таким вот? Или на самом деле не едят, а только надкусывают в порывах страсти?

Талка усмехнулся.

— А это — бывает. Это даже не только у нас бывает. И то, что есть желающие профессионально любовью заниматься — это не значит, что у нас все такие.

— Диссиденты? — предположил Матвей. — Или, наоборот, очень продвинутые товарищи? В раннем СССР же были парады нагих дев с плакатами "Долой стыд!"

— Ближе второе, — ответил Талка. — А Союзу это в плюс. Если что, агентов для работы в буржуинстве проще искать.

— Тогда это надо в школах шпионов изучать, — сказал Димка. — А не просто в школах.

— В школах это у нас не изучают, — удивился Талка.

— Даже в школах шпионов?

Талка усмехнулся.

— В этих — да. В числе прочего. А так — напротив, контролируют, чтобы не было совсем уж.

— За брачной жизнью не подсматривают? — спросил Макс.

Талка вновь усмехнулся.

— Где как. Где-то наоборот — анонсы.

— Это, видимо, уже уметь надо, — предположил Матвей. — Ну и внешность интересную иметь. Или дизайннить тушку.

Талка вздохнул.

— Это не просто картинку нарисовать. Надо же и перестроить тушку. Свою. Руками. А для этого надо...

— Биологию понимать? Хирургию? — предположил Макс.

Талка усмехнулся.

— Да. Самому себе сложно операции делать.

— Учитесь.

Талка невольно поёжился.

— Сложно может быть. И физия одна всего, и та своя.

— Использовать медкапсулу с дистанционным управлением, — предложил Матвей. — Если она у товарища есть. Или вообще писать программу для автоматики. Главное не напутать. А то выйдет пяточок или вообще капибара.

Талка кивнул.

— Да, так иногда тоже делают. Если умеют.

— А за деньги не делают разве?

— В Союзе? — удивился Матвей. — Там их нет же.

— Там, видимо, надо природные данные иметь, — предположил Макс. — Ну, или морду лица каждый день упражнять, чтобы выражение было красивое.

Талка рассмеялся.

— У нас, Аниу, кстати, такого вот нет. В смысле, камеры есть, но далеко не везде, видеорегистраторы... ну, не носят их обычно. Частная жизнь — очень даже есть. Потому что если незнакомый дяденька ведет к себе домой мальчика — то помочь ему починить упавшую модель, а не. Правда вот совершенно нормально граждан спрашивать, о чем была беседа с товарищами вне Союза и прочее.

— Ну, это-то как раз понятно — буржуазные провокаторы засовывают в карманы детёв из Союза свою буржуазную жвачку, клеветнические тексты Бродского и Пастернака, клеветнический журнал "Посев", а также доллары, — усмехнулся Матвей. — И ведут беседы клеветнического и подрывного содержания, очерняя светлый образ Коммунистической Партии и лично дорогого Леонида Ильича. Нужна постоянная бдительность.

— Беседа по связи, — поморщилась Файму. — И нет — не так.

— Просто не было ли попыток вербовки и так далее? — спросил Димка.

— Подразумевается, что если были — сами доложат. Нет, что было интересного и так далее.

— А коммунистических провокаторов нет? — с крайним интересом спросил Макс. — Которые бы засовывали в карманы детям-мьюри портреты... кто там у вас вместо Ленина? В общем, всякие брошюры о пути в светлое будущее и о звериной сущности капитализма.

— Были бы, — Файму вздохнула. — Только мьюри у нас не бывают. Как раз потому, что боятся такого вот.

— Но вы у них бываете же?

Файму усмехнулась.

— Бываем. Даже не всегда легально. Но уж не затем, чтобы подкладывать в карман брошюры.

— Разведчики всякие, да? — догадался Димка.

Файму кивнула.

— Да. Нас как раз тоже готовили — я тебе говорила уже. Отсюда все наши знания в данной области. Обычно-то в нашем возрасте такими вещами интересуются мало.

— И в виде кого вы туда собирались внедряться? — спросил Матвей. — Прекрасных тружеников сауны?

Файму возмущенно фыркнула.

— Нет. В том слое общества, в который есть смысл внедряться, господа могут позволить себе секс-роботов в виде прекрасных дев, юношей и вообще кого угодно. Которые как раз не болтливы и денег не просят.

— И мозгов у них нет, — сказал Матвей.

Талка пожал плечами.

— Ну, конечно, бывают эстеты, которым надо не только разврат, а чтобы юнош прекрасный ухи им почесал и поддержал беседу о поэтах позапрошлого века. Но тут надо уже ИР. Он же и в виде юноша тоже может быть.

— Такое есть, но уже *очень* платно, — добавила Файму. — Тип ИР вообще при заказе выбирается. И потом можно только вид менять. Но серьезные смены облика — тоже дорого, и перезапись ИР не сделать. А смена главного процессора — дешевле всю куклу заново заказывать. Есть ещё вариант с дистанционным управлением профессионалом, но этого мы не проходили ещё.

— А это специально изучают? — удивился Димка.

Талка усмехнулся.

— В школе для юных разведчиков, в которой я учился — таки да. В обычных — без таких вот интимных подробностей.

— А в обычных это зачем вообще учат?

— Для понимания звериной сущности капитализма, конечно же. Можно, конечно, нанять и натурального юноша — но тут уже есть шанс подцепить ломехузу. Которая не только ухи почешет, но и отъест моск, а заодно и деньги. Как наш дорогой проводник.

— Мозги программировать не умеют? — спросил Матвей.

— Мьюри? Нормально нет. Хотя стараются. Но пока не очень-то выходит почему-то.

— Плохо, — сказал Макс.

— Плохо, что не умеют и что муравейник Хеллстрема никак не выходит, хотя совершенное общество же? — удивленно спросил Матвей.

— Эту технологию можно вполне в благих целях использовать, — смущенно буркнул Макс.

— Психотерапии товарищей с очень странными вкусами? — предположил Матвей. — Но тут уже точно дева нужна, а не юнош. Правда, тут всё очень зависит от точки зрения.

Димка поискал глазами Вайми, — но тот, конечно, давно дрых.

* * *

Какое-то время все молчали. Димка уже не в первый раз подумал, что жить в таком вот прекрасном светлом будущем он не хочет, — даже несмотря на все чудеса его техники. Которые, как оказалось, ни фи́га не помогают прогрессу общества, — а порой и совсем наоборот...

— А у вас Искусственный Разум есть? — между тем спросил Макс.

Талка усмехнулся.

— Есть, конечно. Но уж точно не затем, чтобы чесать уши сверхбогатым извращенцам. А для математических расчетов и всякого такого. Правда вот общаться с ним... сложно. Он формулами думает же. То есть словами тоже может, но...

— Но лучше всё же формулы?

— Да. Плюс одна мелочь: у кучи математики — НЕТ 2D-представления. Ну а зачем — если все, кто с ней работают, имеют нейроинтерфейсы и умеют ими пользоваться — привет всякие Сен-образы. Ещё бонусом — наличие возможности быстро считать в уме вообще подразумевается. Имплант-компы-то есть у всех, кто работает с ИР — точнее, даже НЕ импланты, а штуки побольше размером.

— А просто комп, не имплант, не поможет? — удивился Димка.

— У обычного компа интерфейс — руки и дисплей. Ну ладно — голос, — пояснил Талка. — Ладно, нейроуправление... но реально продвинутое нейроуправление, которое вообще работает БЕЗ сознательных команд и сразу ответ всплывает, но если надо — можно по шагам, от импланта отличается только тем, что железка — внешняя, по причине размера, и её лучше не терять. Потому что с ней ученый — часть коллективного разума, а без неё... — Талка вдруг душераздирающе зевнул. — Ладно. Давайте наконец спать.

* * *

Димка с удивлением понял, что ему спать тоже хочется, — должно быть, сказались страшные переживания дня, да и сидели с Маахисами они не так и мало...

Вздыхнув, он взобрался на плоский верх скалы, — где очень уютно устроился в небольшом пологом углублении нагретого за долгий день камня. Макс устроился рядом с ним. Какое-то время мальчишки молчали, глядя в темный сейчас простор степи. На востоке, наверное, над далеким пока морем, мигали розоватые зарницы.

— Ну и что ты про всё это думаешь? — наконец спросил Макс. — Про всех этих джаго, сторков и так далее.

— Надеюсь, что всё это свинство не в нашей Галактике и даже не в нашей Вселенной, — буркнул Димка. — А в какой-то другой. Где никакого социального прогресса не бывает, а меняется лишь техника.

— Федерация Йенно Мьюри вспоминается. Где Аниу в итоге решили, что ну нафиг эту клику маразматиков, сами будем править и всем владеть.

— Ага, и что вышло? — кисло спросил Димка. — Кружок юных ломехуз под руководством Файму? Уж мозг они точно научились отъедать. У меня от их рассказней ум заходит за разум...

С севера, со стороны озера, показался одинокий сполох света, который беззвучно плыл, казалось, всего в нескольких метрах над степью. С виду он казался лишь огромным крылом зыбкого, зеленовато-синего свечения. Сполох медленно пролетел над скалой, на которой сидели двое удивленных мальчишек, и Димка вскочил, тщетно стараясь разглядеть его. Затем привидение исчезло, продолжая свой одинокий путь на юг, в сторону гор, оставляя за собой шлейф гаснущих зеленоватых волн и искры звезд, которые лениво мерцали в поднимавшемся над степью теплом воздухе.

— Что это? — спросил он, надеясь, что его голос не звучит испуганно.

— Это полярное сияние, Дим. Я читал про такое... даже видел его фотографии в книгах...

— Сияние... — повторил Димка. — Я не видел полярного сияния никогда... а чтоб такое...

Объяснение Макса не успокоило его. На самом деле он не понимал, что это... но явление не повторилось и Димка растянулся на скале. Макс с чувством потянулся, заставив задрожать каждый мускул, — и вдруг выдал неожиданно:

— Ни хрена себе денек выдался...

Глава Пятая: Путь в Город Снов

*Над лесом, над полем, над гладью озёрной
Поют поутру пионерские горны.
Из наших палаток, под песенку горна,
Вступаем мы в мир, необъятный, просторный.
Ждут сотни открытий нас в лагере летом,
И юный горнист возвещает об этом.*

Константин Ибряев.

Димка проснулся, когда Файму — как всегда, зычно, — провозгласила подъем. Он вздохнул и осмотрелся, одновременно потягиваясь. Уже начинало светать, высокие облака светились серебром на темно-синем небе, словно неведомые острова. Внизу, в смутном сиянии рассвета, в степи, ветер гнал по траве такие же серебристые волны. Очень далеко, за склонами холмов, разгоралась рыжеватая заря. На таком вот печально-грустном фоне вопли Файму звучали слегка... неуместно.

— Чего там? — проворчал Макс, тоже зевая и потягиваясь.

— Файму, видимо, змея за попу цапнула, — буркнул Димка. — Не спится ей, дуре.

Макс фыркнул, и, отбросив одеяло, быстро поднялся на ноги. Димка, усмехнувшись, поднялся вслед за ним. Прохладный, влажный предутренний воздух окутал его и он на миг ощутил, что взлетает...

Ещё раз потянувшись, мальчишка вновь замер, осматриваясь. Словно неведомые острова, в безмерной дали зависли редкие сиреневые облака. В бездонной синеве небес виднелось лишь несколько самых ярких звезд. Армея, малая луна, плыла над южным горизонтом ущербным серебристым диском — как сказал Вайми, на этой широте она не заходила несколько месяцев, лишь медленно меняя фазы. В текучем предрассветном воздухе она едва заметно мерцала, как живая. Димка несколько секунд смотрел на неё. Лишь потом он перевел взгляд на то, что прежде всего бросалось в глаза — на поднимающуюся в лагере внизу суету. Вайми — как оказалось, именно он был источником всей этой суматохи — почему-то решил, что им надо выступить непременно до восхода, и Димка — в который уже раз — подумал, что Астеру давно пора набить морду, за всё хорошее. Но это была просто мысль, и он сам это понимал. Возьмись он осуществить столь заманчивую идею — ни к чему хорошему она не привела бы. Пусть Вайми и был по происхождению каким-то папуасом — судя по цвету тела, словно отлитого из тусклого темного золота — он был при всём этом здоровенным лосем. Смешная девчоночья грива падала на крепкие, плавно закругленные плечи, совсем не смешные.

Димка подумал, что как раз это нелепое сочетание его и раздражает... потом недовольно помотал головой и вновь посмотрел на восток. Смешно — но встречать вот так рассвет ему тут приходилось нечасто. Было ли во Вселенной более красивое небо? Этого он не знал... но помнил, что это другая планета, расположенная черт знает за сколько световых лет от Земли и совсем не дружелюбная, на самом деле. Но как раз её опасности и делали их жизнь яркой и полной...

Димка вздохнул и вслед за Максом полез вниз.

* * *

Сборы оказались непривычно короткими — им оставался всего один бросок до цели и никто на самом деле не хотел задерживаться. Почти все вещи были собраны ещё с вечера, припасы упакованы — так что оставалось лишь одеться и позавтракать. Это тоже много времени не заняло — "яблоки"-алим свисали здесь буквально с каждой ветки, так что разводить костров никто не стал. Потом все собрались вокруг Вайми, который сейчас сиял и цвел от общего внимания.

— Итак, друзья, — звонко начал он, — мы выступаем в поход к Городу Снов. Наш последний поход. Если не возникнет проблем, он займет не более недели. Но поход этот будет трудным. Мы должны двигаться так быстро, как это только возможно. Чем быстрее мы пересечем степь — тем меньше у нас будет неприятностей. Отдыхать будем уже в городе.

Димка невольно поёжился. Степь здесь напоминала африканскую саванну — а до мальчишки наконец дошло, что такая степь должна кишеть зверьём, совсем не безобидным. Нет, он, конечно, мечтал побывать в Африке — но без "лендровера" и карабина в руках визит точно не был бы веселым...

Впрочем, подумал вдруг мальчишка, мир и правда полон чудес — но лишь для тех, кто осмеливается отбросить былые надежды. Это он принял — сразу. А дальше?..

Он перевел взгляд на Ляты — тот стоял справа от Файму, с обычным хмурым выражением на бледном лице. Никакой путь не имеет смысла, если не является смыслом сам по себе, — как-то сказал ему он. Но теперь Димка знал, что путь не имеет значения. Имеют значение лишь начало — и конец.

* * *

Переправа через Фаму, к радости мальчишки, прошла организованно и быстро. Но на восточном её берегу все они невольно замерли, глядя вперед. Здесь, в речной долине, ещё висел синий предрассветный полумрак. Очень далеко, за тёмными изгибами холмов, незаметно ползла, разгораясь, тусклая рыжая заря.

Больше не будет спокойных ночевок и надежных укрытий, подумал мальчишка. Лишь бесконечная степь — и её обитатели. Свиноволки, хищные "мегастраусы" — и на десерт неведомые собакины, которые наверняка не захотят пропускать их отряд к цели. Ну что же — их можно и переубедить...

И он упрямо зашагал вперед. Зная, что идет ПРАВИЛЬНО.

* * *

— Ах ты ж сука!.. — Макс вогнал копьё в загривок выскочившего из травы свиноволка, прижав его к земле.

Димка атаковал тварь сбоку, нанося удары с яростью, которая напугала отчасти даже его самого. Он даже не думал, что способен на что-то подобное. Но тут было, от чего

озвереть — уже третья или четвертая атака за день. Пресловутые птицы пока что к счастью не показывались — как сказал Вайми, "мегастраусы"-*оррах* боялись жары и охотились лишь вечером — но свиноволки, казалось, сбежались со всей степи. На самом-то деле они оказались мало похожи и на волков, и на свиней, больше всего напоминая громадную полосатую крысу — но были от этого ещё отвратнее. Димка с трудом остановился, поняв, что тварь давно мертва. Потом перевел дух, осматриваясь.

Нападение и в этот раз оказалось отбито — в примятой траве валялось ещё несколькодохлых, истыканных копьями тварей. Из людей никто, вроде бы, не пострадал, но над местом побоища уже кружили местные стервятники, мерзкие и голошеие — совсем как земные. Но такое вот сходство Димку не радовало. На самом деле, он давно уже проклинал гадских птиц — от них-то спрятаться было нельзя! Они неустанно сопровождали отряд, надеясь на поживу, — и она доставалась им весьма обильно. И, конечно, на много километров вокруг оповещали всех, что тут происходит нечто интересное, привлекая всё новых "гостей"...

Димка замер, опираясь на копьё. Он стоял, бессмысленно озираясь, чувствуя неприятную слабость — в этот раз твари почти что застали их врасплох. Из степи надо выбираться как можно быстрее, понял он. Высокая трава тут шевелилась от ветра, шумела — надёжно скрывая подбирившихся хищников. Того и гляди, кого-то покалечат — и тогда их и так невеселое положение станет просто отчаянным...

Вздыхнув, он взглянул в глаза Макса, смотревшие очень спокойно. Он был так же испуган — Димка чувствовал это даже отсюда — но не подавал виду. Нет, он не повел себя так, как повел бы себя на его месте почти любой мальчишка — то есть не начал хвастаться победой, стараясь заглушить пережитый страх словами, — но было видно, что и ему битва далась нелегко...

Вот уж воистину, "братаешься, не хлеб преломляя, а врагов ломая", вспомнил Димка, переводя взгляд на Льяти. И я научился доверять человеку, который ненавидит открыто, и бояться только тех, кто ненавидит исподтишка...

Тяжелый раскат грома прокатился над степью и мальчишка повернул голову. День выдался на удивление жаркий и результат не заставил себя ждать — с востока, от моря, наплывала зловещая грозовая туча. Перед схваткой с "волками" она казалась далекой — а сейчас нависала уже над головой. В её мрачной утробе то и дело вспыхивали молнии, то пробегая между туч, то поражая землю.

В груди у Димки ёкнуло. Как-то вдруг он осознал, что их макушки — самое высокое место на много километров вокруг и риск получить молнией по черепу сейчас отнюдь не иллюзорен. Даже Вайми явно был встревожен — он крутил головой, что-то прикидывая.

— Что будем делать? — спросила Файму, обтирая пучком сорванной травы лезвие своего страшного копья.

— Здесь оставаться нельзя, — заключил Вайми, глядя куда-то в зловещую глубину тучи. — Гроза очень сильная. Надо немедленно искать укрытие. Какое угодно.

Димка вновь осмотрелся. Как раз с укрытиями дела здесь обстояли неважно. Вокруг них простиралась травянистая равнина с редкими купами кустов. Лишь на востоке поднимались светлые на фоне тучи деревца. За ними виднелось нечто вроде крепостного вала, давным-давно оплывшего.

Так как других подходящих укрытий видно не было, они побежали в ту сторону. Вал оказался дальше, чем думал Димка, к тому же, бежать по степи оказалось очень неудобно.

Ноги путались в густой траве, он то и дело оскальзывался на невидимых под ней кочках и каждый раз едва не падал.

— Быстрей, быстрей! — то и дело орал Вайми, даже не оборачиваясь к ним. Он вел их прямо к туче и Димка начал думать, что их проводник попросту сошел с ума — только вот выбора у него не было...

Он не сразу осознал, что бежит уже по валу, оказавшемуся вблизи лишь пологой возвышенностью... и едва успел затормозить, вылетев на край крутого травянистого склона высотой метров в пятнадцать — удивительно ровного, словно проведенного по линейке. У основания его протянулась то ли спокойная река, то ли длинное озеро — такая же ровная полоса воды шириной метра в три, заросшая редкой осокой. Дальний его берег был пологим и низким — а за ним...

Черная туча над степью заняла уже почти всё небо — жутковато, лениво бурлящее месиво. Слепительные молнии то и дело били из неё в степь. Всего метрах в пятистах от них трава горела, подожженная, мелькали жадные языки пламени, плыл клубящийся дым. Явственно различимой волной к ним катился шквалистый ветер — поднимая тучи желтого растительного сора, скручивая их смерчами и тут же развеивая. Перед ними мчались стаи испуганных птиц.

Громадные лохмотья пылевых туч плыли уже высоко над головой, солнечный свет падал на степь откуда-то сзади, желтый от неё. Он казался каким-то искусственным и Димка замер, глядя на это невероятное зрелище. Казалось, что он смотрит на сцену какого-то немислимо огромного театра.

— Вниз, вниз! — заорал Вайми, съезжая на заднице по склону. — Пока нас молнией по макушке не хряпнуло!

Заорав — сам не зная, от чего, — Димка тоже плюхнулся на скользкую траву и заскользил по ней, как с горки. Сердце у него замерло... потом он с размаха влетел в воду, неожиданно холодную, и едва не захлебнулся.

Мальчишка передернулся, когда его справа и слева обдало всплесками от тел съезжающих сверху товарищей... а потом по лицу хлестнул ветер, такой плотный, что не сиди Димка по грудь в воде — он наверняка упал бы. Он зажмурился, прикрывая ладонью лицо — и лишь потому его не ослепил страшный белый свет. Гром зато больно ударил по ушам, плечи Димки даже ощутили тепло — молния шарахнула где-то совсем близко. Обернувшись, он увидел зигзаги бледного оранжевого пламени, быстро разбежавшегося по траве, — молния ударила прямо в край склона и расплескалась по земле метров на десять. Если бы они остались там...

Ветер вновь больно хлестнул его по лицу — на сей раз, сорванными с поверхности воды брызгами, и мальчишка невольно зажмурился. Его резко дернуло за волосы, жутко засвистело в ушах — такое он испытывал лишь раз, когда попал в аэропорту под струю от винта самолета. Стало почти совсем темно, девчонки завизжали — так слитно, что не понять даже, кто. Димке не хотелось даже думать, что с ними стало бы, застань их гроза на голом месте. На обычную грозу она походила не очень и у него вдруг промелькнула мысль, что эта гроза вернет их домой — так же, как ТА забросила их в этот странный мир — но он сам понимал, что надежда эта наивна. Скорее, она могла что-то добавить сюда — что-то такое, что положит конец их путешествию...

Димка зажмурился и отчаянно сжал зубы — просто чтобы НЕ ДУМАТЬ... словно его мысль — дикая, бредовая! — могла вдруг воплотиться в реальность. Впрочем, вдруг в самом

деле могла?..

К счастью, если так можно сказать, до них в этот миг добрался ливень и мальчишке стало не до мыслей — воздух в один миг наполнился водой, летящей, беспощадно хлещущей по лицу, и он полез на берег, зарывшись пальцами ног в мягкую землю. Ветер тут же навалился на него, невероятно плотный — Димка просто поверить не мог, что такое вообще может быть. Девчонки продолжали визжать. Он двинулся в их сторону, цепляясь руками и ногами. Как по заказу, к ливню добавился град и мальчишке показалось, что по нему палят дробью — так больно лупило по всему телу. Не выдержав, он скатился назад в воду, прикрывая голову руками и морщась от боли, когда градины попадали по пальцам. Они были некрупные — с вишню, быть может, — но падали черт знает с какой высоты и набирали приличную скорость. В какой-то миг Димка даже нырнул и просидел под водой почти минуту, стараясь переждать бомбардировку, потом всё же вынырнул.

Град и в самом деле ослабел — но ливень шел сплошной стеной. Димке казалось, что он стоит под опрокинутым ведром. Мир вокруг скрылся в зеленовато-серой мгле, степь исчезала в ней уже шагов за пятьдесят. Вайми снова заорал, требуя срочно выбраться на берег — вот-вот тихая степная речка превратится в бурный поток. Ругаясь, все поползли вверх по скользкому от воды склону, цепляясь за траву. Ливень то вдруг исчезал, то рушился волнами — он шествовал над степью зыбкими стенами, изгибавшимися под ветром. В разрыве между ними Димка заметил вдруг каких-то крупных животных — в самом деле, похожих на лошадей, только покрупнее, чем любые лошади Земли. Они неслись куда-то слева направо, то ли убегая от грозы, то ли радуясь ей. Рассмотреть их он не успел — очередная волна ливня хлестнула его, ослепляя летящей водяной пылью...

* * *

Гроза, к счастью, оказалась короткой — но после неё, как иногда бывает, начался нудный дождь. Степь на глазах превращалась в море и они собрались на вершине обширного пологого бугра, слишком невысокого, чтобы стать холмом. Его склон сбегал к руслу очередной степной речки, рассекавшему темно-зеленые луга и небольшие рощи. Сумрачное, в неправильных, темно-серых пятнах туч небо казалось теперь странно уютным, словно ватное одеяло. Трудно было поверить, что всего несколько минут назад тут бушевала стихия. Молнии, правда, всё ещё вспыхивали, так что они легли в промокшую насквозь траву — такие же промокшие. Хорошо, что тут тепло, подумал Димка. Иначе мы сейчас просто замерзли бы нафиг...

— Здоровская гроза была, да? — спросил лежавший рядом Юрка, широко улыбаясь.

Димка ответил тем же, потом лениво перекатился на спину. Капли дождя попадали в глаза, он прикрыл их растопыренными пальцами, глядя на неспешно плывущие низкие тучи, — и тут он вдруг понял, что начало темнеть...

* * *

Темнело здесь жутковато. Почти пугающе. Небо начало тускнеть, одновременно наливаясь каким-то нездоровым багрянцем — словно за ним зажгли красный

фотографический фонарь, Димка не смог подобрать другого сравнения. Впрочем, даже этот свет был куда лучше неотвратимо подступающей тьмы. Разжечь костер здесь было не из чего — к тому же, это сделало бы их стоянку заметной, словно сверкающий маяк.

— Ночевать будем здесь, — решил Вайми, осмотревшись. — И надо часовых выставить, четверых сразу, чтобы никто не заснул. Иначе пробуждение может быть очень неприятным...

* * *

— Фу, какая мерзость!.. — Машка даже сморщилась, демонстративно зажав рукой нос.

Димка тоже сморщился, чувствуя терпкую вонь. Протоптанная зверьем тропа вывела их к растерзанной туше местного копытного — то ли стага, то ли тибиса, теперь уже нельзя было сказать. На ней пировали стервятники, почти скрывая её черной шевелящейся грудой — но это было, наверно, даже к лучшему. Созерцать обглоданные ребра и растащенные по траве кишки Димка уж точно не хотел...

Интересно, кто его так, невольно подумал он. Оррах или *понгу*, веселые местные птички, удивительно похожие на бескрылых голенастых орлов ростом с хорошую лошадь. Смотрелись они и в самом деле жутковато — но оказались далеко не так страшны, как рисовал их Вайми. Видно их было далеко, стреляли Маахисы метко, да и охотились *понгу* действительно лишь в конце дня. А вот "крысоволки" досаждали им всё время и Димка отчаянно мечтал хотя бы о дробовике, который позволил бы ему чувствовать себя хозяином в этом диком мире...

Матвей, не выдержав зрелища, вскинул лук и выстрелил в стервятников. Разразившись мерзкими булькающими криками, они снялись с туши и начали кружить над отрядом, как бы намекая, что они могут стать их следующим блюдом. Матвей выстрелил вверх, почти вертикально — но, конечно, снова не попал. Зато стрела, перевернувшись, полетела вниз — и, снесенная ветром, впиалась прямиком в его плечо.

* * *

На минуту, наверно, все замерли, обалдев от случившегося. Здесь без божественного вмешательства не обошлось, подумал вдруг Димка. Уже сам факт рождения на свет этого Ворошиловского стрелка есть великое чудо. Тут не просто криворукость и кривоглазость, тут явно замешан какой-то континуум. Наверде ленты Мёбиуса.

Матвей, тем временем, потянул за стрелу — но это, конечно, была гадская стрела Ана-Ю, с двузубым наконечником, который целиком вошел под кожу и застрял в ней. Матвей охнул от боли и сел на траву. Лицо его вдруг стало очень бледным. Все тут же собрались вокруг него.

— И что делать будем? — хмуро спросила Файму.

— Надо протолкнуть стрелу, чтобы наконечник вышел с другой стороны, — тут же бодро предложил Юрка. — Я такое в книжке про Виннету читал.

— Ты псих, что ли? — тут же отозвался Борька. — Надо резать... резать... — он сам вдруг побледнел, представив себе это.

Надо, подумал Димка. Только вот меня тоже как-то не тянет резать ножом живого человека. Без наркоза, без ниток, без всего...

— Надо, — согласилась Файму, обводя взглядом отряд. — Добровольцы есть?

Все опускали глаза. Даже сами Маахисы, для которых разделка добытого зверья давно превратилась в обычное дело, явно не рвались применить этот навык на Матвее. Наконец Вайми, вздохнув, вышел вперед.

— Дай нож, — обратился он к Дэю.

Тот с явным облегчением протянул ему свой острый, как бритва, кристаллический клинок — верно, играть роль хирурга не хотелось и ему. Вайми покрутил его в руке, попробовал ногтем остроту, потом подошел ко всё ещё бледному Матвею. Посмотрел на него, словно прицеливаясь. Потом взялся за древко стрелы... и вдруг полоснул мальчишку по плечу. Матвей вскрикнул, из новой раны потекла кровь — но стрела уже была в руке Вайми...

* * *

Все вновь замерли — на сей раз, от быстроты и жестокости процедуры. Матвей потянулся зажать плечо — но Вайми схватил его за руку.

— Стой, дурак, надо рану чистить, иначе дуба дашь. Девчонки, отвернитесь...

* * *

На сей раз, зрители не могли прийти в себя довольно долго. Димка знал, конечно, что раны в крайнем случае промывают мочой — но, наверное, не из природного источника!..

Впрочем, так или иначе, всё это осталось уже позади. На рану несчастного Матвея наложили что-то типа местного подорожника и крепко прибинтовали травой — но вид у него был до сих пор бледный. Идти, впрочем, он вполне мог, так что отряд быстро убрался с места происшествия — задерживаться у растерзанной туши никому не хотелось. Гиен тут, к счастью, не было, но, как оказалось, были *пэнги* — небольшие медведи, похожие чем-то на земную панду, но совсем не забавные, скорее, даже очень злобные. Как объяснил им Вайми, пэнг выглядит неуклюжим, а на деле легко может догнать лошадь. И вовсе не брезгует падалью, которую чует на огромном расстоянии. Димка уже имел случай убедиться в этом, когда Маахисы подстрелили стага, решив разнообразить стол свежим мясом. Очень скоро оно перестало быть свежим — и им пришлось иметь дело с пэнгом, который заявился в лагерь среди ночи. В тот раз его удалось быстро убить, — но лишь благодаря страшным копьям Маахисов. Небольшое стадо стага виднелось вдали и сейчас, вызывая желание отведать свежатины, — но после ночного визита "медведя" это желание уже не казалось разумным...

— Ты мог хотя бы предупредить, что собираешься сделать!.. — между тем запоздало возмутилась Файму. Ну да, подумал Димка, Матвей же тоже из её племени...

— Зачем? — искренне удивился Вайми. — Всё равно, знатоков медицины тут нет. А когда люди, знающие мало, спорят с людьми, не знающими ничего, то непременно выходят из себя.

— Я не собиралась... — Файму осеклась и надулась, поняв, что приняла реплику Вайми на свой счет. — Я отвечаю за всех Маахисов, в том числе и за Матвея тоже, — наконец нашлась она. — Я, а не ты.

Вайми лишь пожал плечами.

— Все люди — обманщики. Некоторые, мудрые, дурачат только других. Другие, глупые, дурачат только себя. И мало кто дурачит и себя, и других — из таких-то людей и получаются правители.

Файму вдруг рассмеялась.

— Легко быть реальной для себя. Быть реальной для других — вот настоящее искусство!

* * *

Какое-то время все шли молча. Настроение у всех было невеселое, и у Димки тоже. Уже третий день они шли по этой проклятой степи — и приключения сыпались, как из рога изобилия, словно спеша наверстать прежние месяцы скуки. Две предыдущие ночи были незабываемыми — и третья вряд ли будет лучше них. Пялиться в шуршащую тьму, ожидая, когда из неё выскочит очередная стая "крысоволков", было явно не лучшим развлечением. Впрочем, когда они всё же появлялись, всё становилось ещё хуже — приходилось бить копьём на звук, на запах тварей и Димка страшно боялся, что его цапнут за ногу — и на этом весь поход для него и закончится. Всё каким-то чудом обходилось — но теперь в их отряде появился первый раненый — причем, раненый невероятно глупо! — и оставалось лишь гадать, воспалится рана Матвея или нет. Бойцом он быть уже перестал — но это, наверно, было лишь к лучшему. Хорошо ещё, что он ухитрился попасть лишь в себя, а не в кого-то другого...

Льяти, шагавший впереди отряда, вдруг замер, вглядываясь в степь. Там неслось что-то вроде небольших лошадок — даже в пополах! — и Димка в первый миг просто не поверил глазам. Мелькали яркие цвета — красные, желтые, синие, совершенно неуместные здесь, в дикой степи. Казалось, что к ним бежит табун цирковых пони — чего, разумеется, просто не могло быть.

— Собакины, — сразу же определил Вайми, вытягиваясь и приложив ладонь к глазам. — Восемь. Это патруль, а не всё племя. Нам повезло — ну, пока что.

Это уточнение Димке не понравилось, но страха он пока не чувствовал — скорее, любопытство. Всё-таки сейчас ему предстояло увидеть едва ли не сказочных говорящих собак...

Но собакины оказались совсем не собаками. Когда они подбежали ближе, мальчишка понял, что они больше похожи на громадных голенастых ящериц. Клиновидные пучеглазые головы были почти такие же. Об остальном было трудно судить — поджарые тела были затянуты во что-то типа цирковых трико, пёстрых и ярких. А вот "попоны" оказались чем-то вроде толстых бурых одеял с нашитыми на них стальными кольцами — вроде очень грубой кольчуги. Головы же блестели металлом — на них оказалось что-то вроде стальных шлемов или скорее тех масок, что надевали на боевых лошадей. Это явно были воины — грудь каждого крест-накрест перетягивали перевязи, из которых густо торчали короткие дротики. Казалось бы, не нужные четвероногим тварям... но, когда они подошли ещё ближе, Димка с крайним удивлением понял, что руки у них тоже есть — они выходили откуда-то из

основания грудной клетки и болтались под брюхом. Смотрелось это донельзя странно — но не страшно, а просто диковинно...

Не добежав до них метров сорока, собакины замерли, построившись в линию. На конце морды у каждого из них росла пара мягких шевелящихся усов, что придавало им вполне комичный вид. Опасными они не казались — но Вайми вдруг быстро сказал:

— Если нападут, стреляйте в крайнего слева, в красно-желтом нагруднике — это их командир. Стреляйте только в одного, по очереди, и все сразу. Одиночные стрелы они отобьют без труда. И потом пошлют в нас же.

Димка вспомнил, что собакины вообще-то владеют телекинезом — или магией, как говорил Вайми, — и в груди у него всё же ёкнуло. В конце концов, они были тут чем-то вроде пограничников — а они незваными гостями на чужой вообще-то земле.

Вайми, между тем, вышел вперед, делая какие-то странные жесты руками, ногами и всем телом — это напоминало язык глухонемых, но намного более энергичный. Димка не фига не понимал смысла этой пантомимы, но собакины явно поняли. Из карманов их предводителя выплыл — сам по себе! — набор каких-то фигурок и закружился в воздухе. Это страшно походило на цирковой фокус, но смысл был совершенно не веселый — идите, откуда пришли, иначе будет очень плохо.

Вайми в ответ указал на Ключ, — то есть на бусы, висящие на груди Льяти, — после чего исполнил ещё более энергичную пантомиму.

Результат оказался неожиданным — из перевязей у каждого собакина выплыло по паре дротиков, зависнув над ними в воздухе и совершенно недвусмысленно повернувшись остриями к пришельцам. Маахисы тут же натянули луки. Димка замер. По его коже побежали мурашки: впервые в жизни он видел что-то, так сильно отличавшееся от его повседневного опыта, что его можно было считать чудом — хотя и злым.

Всё это могло кончиться и в самом деле очень плохо — но Маахисы дружно целились сейчас в командира собакинов, и тот явно понял, что если дойдет до сражения — ему точно не жить. Он пролаял какую-то непонятную фразу — смысл её, впрочем, был вполне ясен: "мы вернемся с друзьями и вы все пожалеете!" После чего собакины — так и не обменявшись ни звуком! — развернулись и так же быстро понеслись прочь.

* * *

— И?.. — немедленно спросила Файму.

Вайми со вздохом повернулся к ней.

— Они требуют отдать им Ключ. Вместе с восприимцем. После чего пойти нафиг из их степи.

— Это невозможно!

— Угу, — Вайми снова вздохнул. — Их племя где-то далеко отсюда, но через день или два они появятся тут точно. Сотня, может быть и две. К счастью, там, — он показал на видневшуюся на горизонте гряду холмов, — есть развалины города и там я в прошлый раз спрятал... кое-какие вещи, как раз на случай, если мне нужно будет... вернуться.

— Сотня или две? — тут же возмутилась Файму. — Ты не сказал, что их так много!

— А это что-то изменило бы?

— Но про город ты мог бы сказать! — добавил Димка.

— Я забыл, — Вайми вполне искренне вздохнул. — Сейчас вспомнил.

Это было похоже на Вайми: он охотно забывал о вещах, которые не казались ему важными. Или таких, которые могли испортить настроение остальным. Димка снова подумал, что Астеру давно пора набить морду... но в этом вот случае он был явно прав: мысли о том, что впереди их ожидает целая армия, точно не добавили бы им уверенности.

— И что делать будем? — нервно спросил Юрка.

Вайми вновь вздохнул.

— Я не знаю, оставили ли они разведку, но это вполне вероятно. Днем они нас выследят, поэтому идти будем ночью.

— Ночью?! — возмутился Димка. Память о двух прошлых ночевках была ещё очень свежа.

— А что ты предлагаешь? — спросил Вайми. — Ночью собакины не смогут нас заметить. Главная опасность здесь — это *оррах*, но ночью они сидят на гнездах — а на них наткнуться можно лишь если нам очень не повезет. Тут не очень далеко, кстати. За ночь мы вполне можем дойти. А сейчас будем отдыхать.

— Ладно, — неохотно согласилась Файму.

* * *

Димка недовольно плюхнулся на траву. Идея Вайми ему очень не нравилась — он считал, что с места этой нежелательной встречи нужно убираться как можно дальше и быстрее — но тут же невольно подумал, что отдых будет кстати. Они уже добрых часов десять брели по проклятой траве — да и спали ночью очень плохо. И прошлой ночью тоже. Ноги гудели, рюкзак с припасами изрядно натер плечи. Димка с удовольствием стащил его и плюхнул на траву. Рядом с ним на траву плюхнулась Файму и мальчишка вздохнул. Он бы предпочел общество Машки — но вставать и пересаживаться было бы невежливо, да и просто лень, честно говоря...

Он заметил, что она откровенно глазеет на Вайми, который тоже сел на траву, ловко скрестив босые ноги. Его гладкая золотистая кожа слабо отблескивала на выпуклостях сильных мышц, черная грива лохматилась на ветру. Не удивительно, что Файму так на него пялится, подумал Димка.

Словно ощутив её взгляд, Вайми повернул голову и взглянул на них. Димка невольно моргнул, встретив его взгляд. Ничего такого в нем не было — но вот сами глаза... Очень яркие, они словно вбирали в себя его душу, заставляя воспринимать каждое движение Вайми едва ли не как дар божий — и мальчишка недовольно помотал головой. Вот же зараза, в тысячный, наверное, уже раз подумал он.

— На тебя тоже действует, да? — участливо спросила Файму и Димка вздрогнул.

— Что действует? — буркнул он.

— *Ha`ri`si*, умение вызывать симпатию. Хотя это слово значит также "будь внимательнее, бдительнее, осторожно!"

— Очень точно, — вновь буркнул Димка. Вайми он не доверял ни на грош.

— Я сама этим занималась, — безмятежно заметила Файму. — На достаточно серьёзном уровне.

— У вас цивилизация всё же. Хотя ты, наверное, думаешь, что он тебя любит.

Файму пожала плечами.

— Вайми как раз ОЧЕНЬ хорошо знает и как имитировать любовь, и как защищаться от имитации, и как защиту обходить... правда, таким, как он, иногда не верят, даже когда они правду говорят.

— Почему-то, — усмехнулся сидевший рядом Матвей. — Профессиональная ломехуза же. Отъест на раз шекретик гошударштвенный, а заодно и моск.

Прежнее ехидство не изменило ему и Димка подумал, что с ним всё в порядке — пока, по крайней мере.

— Это очень сложная вещь, вообще-то, — хмуро заметила Файму. — Тут мало как угодно притворяться, надо иметь несколько настоящих личностей, которые полностью верят в то, что изображают. И уметь менять их по желанию. А это, конечно, может повлечь различные психические расстройства, такие как шизофрения, аносонозия, синдром чужеродной руки, синдром Антона, диссоциативные расстройства и полную деперсонализацию.

Вот-вот, подумал Димка, всё ещё глядя на Вайми. Не поймешь, псих он или ещё нет. А это очень неприятно...

— Обидно, наверное, что туземец какой-то тебя обошел? — спросил Матвей.

— Нет, — безмятежно ответила Файму. — Вот мьюри с их разворотом действительно обидно.

— Что забыли Передовую Теорию Воспитания, которая даже рядовую труженицу сауны быстро превращает в гения?

Сидевший рядом Талка пожал плечами.

— Ну, к этим теориям доступ у них есть, но вообще-то они сами по себе — не такой уж и секрет.

— Некоторые детали — секрет, — возразила Файму.

— Применение линейки по рукам, что дает +100500 интереса к учебе? — спросил Димка.

Файму усмехнулась.

— Иногда да, но в особых случаях.

— Когда ученик таки ленивый и не хочет учиться?

— Да. Хотя, чтобы много денег заработать, ПТВ, скорее, вредна — мораль же, а тут прямо проституция.

— А без проституции нельзя? — спросил Димка.

— Можно ещё рекламной девой работать, — сказал Талка. — Если внешность офигенная, конечно. Жить в специальном доме с камерами и пользоваться продукцией фирмы — с шиком и выдумкой. Потому что от просто рекламы всех тошнит уже. А тут роскошная дева в купальнике просто ходит туда-сюда и готовит яичницу на плитке. А плитка и вправду хорошая, иначе такая чудесная дева не стала бы ей пользоваться.

— Вот так это и работает, — фыркнул Матвей. — А товарами наших конкурентов пользуются только мерзкие уроды, вот, сами посмотрите.

— Этим, обычно, занят уже другой отдел. Кстати, к нам, в Союз то есть, таких товарищей не пускают даже туристами. Ну, не то, чтобы прямо не пускают, а требуют справку об отсутствии глистов предъявить и всякое такое. Да, это надо довести, чтобы строго формально так себя вели. Но можно.

— Требовать себе золотой трон и пионерок в рабство? — спросил Димка.

— Да. Даже могут дать пионерок, — Файму вдруг усмехнулась. — Местный драмкружок как раз хочет восстание рабов разыграть под запись. Как это — что с рабовладельцем будет? Исторически достоверно будет.

— Растерзан народными массами? — предположил Димка.

— Ну, убивать-то не будут... Но вот пионеркам перед этим возможно ещё раз напомнят, что — лечится, а что нет. А лечится у нас много что.

— В том числе четвертование с дальнейшим посадением на кол? — спросил Матвей.

Файму пожалала плечами.

— Ну... это точно вылечат. Если быстро. Правда пионерки будут жаловаться, что на всех не хватило. Но ведь можно повторить. Для закрепления эффекта.

— А кто-то вообще это требовал? — удивленно спросил Димка. — В смысле, трон и пионерок в рабство?

— Да. Кстати, неограниченную медицину не так уж сложно получить. У мьюри например вполне могут красивой деве бесплатно делать и заранее подписку в этом дать — потому что надо всего-то подписать контракт.

— На игру в театре? — предположил Матвей. — Анатомическом.

— Зачем же? Можно на арене. Цирка. И да — лечить будут после каждого тигра. Если не сожрет.

— Тогда уже сложно может быть.

Файму вновь пожалала плечами.

— Профессиональный риск. Тут уж ничего не поделаешь — тигр тоже человек, у него слабости, ему тоже кушать надо.

— И это там законно? — удивился Димка.

— Незаконное дело становится законным, если обложить его налогом.

— А гуманизм?

— А причём тут?.. — удивилась Файму. — Люди деньги зарабатывают, сами, добровольно, можно сказать. Всего-то чтобы кредит отдать, который брать их никто не заставлял.

— У нас на Земле такого всё же не было, — буркнул Димка.

— То-то в Варфоломеевскую ночь у нас гуманизм особенно расцвел, — тут же заметил Матвей.

— Надо всего-то правильно определить, кто есть человек, — сказала Файму. — С какой суммой в банке и так далее. Тогда всё очень гуманно будет. И демократично даже — деньги же не пахнут. Даже самый мерзкий джаго может стать человеком — если у него счет круглый.

— Но ксенофобии при этом не надо?

— Это смотря к кому, — усмехнулся Матвей. — К нам не надо, а к нашим мерским соседям-сторкам — очень даже. Хотя кое-где — вообще в принципе ксенофобия, что ВСЕ ксеносы — мерзкие и вообще не тот цвет кожи.

— Но это, видимо, не очень развитые товарищи? — предположил Димка. — И туда туристов возят?

— Бывает и так. Есть же любители животных подразнить. "Вася, посмотри, как ниггеров от рожи твоей тещи корчит!"

— Глупо это, — буркнул Димка. — Очень.

Файму пожалала плечами.

— Верить в рациональность разумных существ — это большая ошибка, часто смертельная.

— Ладно, как хотите, а я спать.

Димка отошел в сторону, пристроил голову на рюкзаке — и моментально заснул.

* * *

Он проснулся только на закате — удивленный тем, что проспал так долго и что никто не разбудил его. Из всех сил потянулся, потом поднялся, осматриваясь.

По небу быстро неслись растрепанные, рыжие тучи. Солнце только что скрылось за облаками на низком горизонте, но перистое, красновато-белое зарево заката больше походило на край колоссальной туманности. Димка невольно подумал о том, что творится сейчас в Ойкумене... и недовольно мотнул головой. Думать об этом не хотелось, да и просто не имело уже смысла. Они приближались к концу путешествия — если верить Вайми, до Города Снов оставалось всего-то три или четыре дня для пути. А там завершится и вся их история — так или иначе...

— А, проснулся уже? — сказал Борька. Димка с удивлением отметил, что он полностью готов в дорогу.

— Что, выходим? — удивленно спросил он.

— А что? — удивился Борька. — Раньше выйдем — раньше придем. Тут не так уж далеко, кстати. И Вайми говорит, что в холмах зверья почти нет.

— Ладно, пошли. Надеюсь, мы успеем добраться до ночи.

Димка вздохнул и посмотрел на восток, где сгущалась зловещая тьма. На миг ему показалось, что он видит крошечную пёструю фигурку, теряющуюся в траве на склоне холма. Шпиона собакинов, который, конечно, заметит, куда они пойдут. Но поделаться что-то с этим он не мог, а значит, и думать об этом тоже не имело смысла. Он вздохнул и пошел собираться.

* * *

То ли собакины распугали по дороге всё зверьё, то ли просто места тут были потише — но ночной поход не превратился в тот кошмар, который Димка невольно ожидал. Небо было ясное, низко стоящая Армея давала вполне достаточно света. Зверьё же вообще не показывалось — пока, по крайней мере. Но скоро они поняли, что не в силах продолжать путешествие — лунный свет был обманчив, земля под травой очень неровная, они всё время влетали в какие-то бочажины, лужи — и даже неугомонная Файму наконец сдалась. Выбрав место посуше, они сели дожидаться рассвета.

* * *

Проснувшись, Димка ошалело подскочил — ему приснилось, что их за ночь окружили тысячи собакинов, причем, он был уверен, что реальность окажется ещё хуже кошмара. Но, к

его удивлению, вокруг никого не было — пока, по крайней мере. Торопливо позавтракав, они пустились в путь.

* * *

Димка остановился на краю широкой, пологой ложбины, внимательно осматриваясь. Вдали виднелось стадо стагов, но собакинов пока видно не было. За ложбиной возвышался огромный холм, а между ним и ложбиной лежала полоса ровной земли.

На вершине холма стоял курган странно правильной пирамидальной формы — всё, что осталось от разрушенного города. Димка понятия не имел, какой цели он когда-то служил. Сейчас курган порос травой, лишь правильная форма отличала его от творений природы. Кто построил этот курган здесь, так далеко от Ойкумены?..

Димка вновь пошел вперед, сначала вниз, потом вверх. Другая сторона долины оказалась круче той, по которой он спускался. Согнувшись, он медленно поднимался на холм. Земля снова и снова выплывала к нему из-за горизонта. Наконец, позади холма показалась степь, они остановились, удивленно глядя вокруг. Огромные облака плыли на них, словно невероятным образом ожившая горная страна. Внизу зеленела бесконечная волнистая равнина. За ней уже совершенно отчетливо виднелись горы — они стали намного ближе и это радовало Димку. На юге они обрывались, упираясь в невидимое сейчас море, и Ляйти сейчас смотрел именно туда — там был Город Снов, их последняя цель...

* * *

Отдышавшись после крутого подъема, отряд повернул вправо. Чем ближе они подходили к кургану, тем труднее становилось идти. Под ноги то и дело попадались скрытые в траве куски кирпичной кладки и даже кеды здесь не очень помогали — подвернуть ногу тут было легче легкого. Босые Маахисы и Квинсы и вовсе постоянно морщились, наступая на острые обломки. Вокруг везде виднелись невысокие — по пояс — гребни толстых кирпичных стен, плоские кучи какого-то строительного мусора, торчащие из них скрученные, ржавые стальные балки — да, когда-то здесь был настоящий город, но его старательно стерли с лица земли, хотя и не смогли уничтожить всех его следов...

Добравшись до кургана, Димка понял, что он весь сложен из обломков разрушенных домов — там и сям из-под щебенки и мусора, поросшего редким бурьяном, выступали куски кирпичной кладки. Домов этих явно было когда-то немало — курган поднимался вверх метров на пятнадцать.

Так же медленно Димка начал подниматься по нему. С одной стороны это было нетрудно — торчащие там и сям обломки превращали довольно крутой склон в некое подобие лестницы. С другой, они то и дело подавались под ногой, а покотившись по ним вниз, он костей не соберет...

Венчала курган небольшая, относительно ровная площадка шириной метра в два, и, добравшись до неё, Димка замер, осматриваясь. Отсюда, с высоты, он четко видел направление бывших улиц и контуры стоявших вдоль них домов. Сейчас от них почти ничего не осталось. Кто-то не только разнес их буквально по кирпичику, но и не поленился потом

сложить почти все эти кирпичики в ту пирамиду, на которой он, Димка, стоял...

Уцелела лишь половина стены какой-то круглой башни — она скалилась на Димку обломанными краями с восточной стороны холма — да остов какого-то непонятного здания: четыре могучих бетонных колонны, соединенных наверху не менее могучими стальными двутаврами, вделанными в этот бетон. Между колоннами ещё сохранилась часть кирпичной кладки. Северная стена была почти совсем цела, хотя и основательно побита.

— Что здесь было? — спросил он. Внизу, метрах в пятистах, виднелись ещё развалины — две толстые стены какого-то, судя по окнам, двухэтажного дома.

— Город, — спокойно повторил Вайми. — Я, знаешь, не застал его в... живом виде. Знаю лишь, что разрушили его собакины — чтобы он не осквернял их степь. Они и Город Снов тоже бы разрушили — если бы добрались.

— Зачем? — удивился Димка.

Вайми лишь пожал плечами.

— Самое опасное — это скука в отсутствие угрызений совести. А с развлечениями здесь, сам понимаешь, не густо.

Димка нахмурился. Ему сразу же вспомнились несколько совершенных лишь из-за скуки поступков, которые, хотя и не были очень уж мерзкими, всё же заставляли до сих пор стыдиться их...

— Зачем мы сюда приперлись-то? — спросил он.

Вайми усмехнулся.

— За вещь, которая заставит собакинов относиться к нам с уважением.

— И где она? — спросил Димка, озирая мертвые руины.

— Пошли, я покажу.

* * *

Смешно, но идти им пришлось совсем недалеко. Спустившись с кургана, они пошли по залитый солнцем бывшей улице. В конце её когда-то стояло деревянное видимо здание — сейчас от него остался лишь высокий каменный фундамент. Вайми нырнул в густые заросли за его задней стеной и Димка с неохотой последовал за ним.

Продираться в зарослях оказалось трудновато — но в конце концов они выбрались на засыпанный золой пятак между высоким закопченным фундаментом и полуразрушенной кирпичной стеной какого-то склада. Земля тут была усыпана битым кирпичом и горелым железом. Разбросав мусор, Вайми поднял крошащийся от ржавчины железный лист... под которым скрывалось узкое квадратное отверстие.

Вслед за ним Димка спустился в маленькое подземелье — сводчатую камеру высотой не больше метра и длиной всего-то метра в два. Пол её был засыпан битым кирпичом, так что сидеть тут получалось лишь на корточках.

Вайми быстро разбросал кирпичи и достал из-под них нечто вроде сундучка — типа тех, в которых всякие пираты прячут сокровища. Замок с проушиной вконец проржавел, так что он просто с хрустом сорвал его, а потом, с помощью ножа, открыл крышку. Димка вытянул шею — но внутри оказалось не золото, а какой-то сверток промасленного тряпья. Размотав его, Вайми протянул мальчишке что-то вроде короткого автомата. Димка ошалело взглянул на него. Сердце его радостно забилось. Настоящее оружие меняло... да **всё** оно тут

меняло! В этот миг он был готов расцеловать Вайми.

— Живем, братишка! Понимаешь — **живем!**..

* * *

Успокоившись, он осторожно взял странную штуковину. Довольно быстро Димка понял, что автомат сделали в какой-то кустарной мастерской — слишком уж грубой оказалась работа. Калибр его был добрых миллиметров двенадцать. Однако само оружие — устрашающее на вид, но тяжелое — едва ли заслуживало доброго слова. Изготовленное из вороненого железа, оно имело предельно упрощенную конструкцию, даже без предохранителя — на весь автомат нашелся только переводчик огня и затвор. Правда, он был достаточно компактный — сантиметров сорок длиной, с откидным прикладом из фигурно изогнутого прутка. Прицел оказался самый примитивный, магазин вставлялся почему-то сбоку.

— Откуда тут это? — наконец спросил Димка. Если верить Вайми, этот автомат лежал тут добрых лет двести — а на Земле тогда ещё стреляли из дульнозарядных штуцеров.

— В Городе Снов стянул, конечно, — удивился Вайми. — Вернее, не я даже стянул, а Тхигн. Он... ну, это длинная история. На самом деле, у нас даже больше этих штук было. Вот он и предложил спрятать здесь одну — на случай, если нам надо будет вернуться. Только я стрелять не умею совсем.

Димка прикусил губу. Он хотел узнать эту историю — но здесь для неё было не время и точно не место...

— А патроны? — наконец спросил он. Без патронов этот автомат был лишь бессмысленным куском железа.

— На, — Вайми достал из сундучка ещё один сверток, достал из него и протянул Димке пару магазинов — правда, тоже кустарного изготовления и явно допотопных, как и само оружие. — Двадцатизарядные. А вот это патроны, — он достал из сундучка увесистый кожаный мешочек. В нем оказалось штук сорок старинного вида патронов — кургузых, с гильзами и пулями из красной меди. По крайней мере оболочка пуль была медной, уже позеленевшей по краям.

— Больше нет? — спросил Димка. Титаном военной мысли он не был, но знал, что нормальный боекомплект любого оружия составляет несколько сотен патронов.

— Нету, — угрюмо ответил Вайми. — Я говорил, что нужно оставить здесь больше, но Тхигн не слушал. Ты иди, тут у меня ещё дела есть, — вылезать из этой норы он пока что явно не собирался.

Димка вздохнул. Вайми он вполне мог понять — тот явно опасался, что он решит грохнуть его прямо вот тут, чтобы забрать оружие и что ещё найдется в этой заначке. У Димки таких намерений не было, но всё равно, он не считал, что заслужил такое вот к себе отношение. Впрочем, их с Вайми дела тут закончились, так что он просто сунул оружие в рюкзак и выбрался наружу. Так или иначе — но его мечта исполнилась, ну а остальное зависело только от него самого.

* * *

Стоя посреди зарослей, Димка задумался. Говорить о неожиданном подарке никому не хотелось — он слишком хорошо помнил, как Файму реквизировала луки Ана-Ю "именем революции", и ничуть не сомневался, что, едва увидев автомат, она поступит точно так же. А отдавать его мальчишке не хотелось — и не только потому, что его, честно сказать, давила жаба. Он не сомневался, что там, в Городе, между ним и Файму возникнет существенная разница во мнениях о том, кто должен идти с Льяти к Надиру и идти ли вообще. И огнестрельный "аргумент" мог оказаться тут решающим — но оружие надо было испытать, и Димка не собирался это откладывать. Он не знал, какого качества сталь пошла на изготовление этого чуда оружейной мысли, и отнюдь не мечтал получить в лоб отлетевшим затвором в самый критический момент. Сейчас он думал про место, где смог бы пострелять без помех — не вполне представляя, однако, где такое найдется посреди голой степи. Наконец, из норы вылез Вайми, тут же с интересом взглянув на него.

— Послушай... — Димка на секунду замялся. — Ты не знаешь, где эту штуковину можно опробовать, и где никто это не услышит?

Вайми как-то странно посмотрел на него. Почесал в затылке. Вздохнул.

— Да прямо вот тут.

— Здесь? — Димка обвел рукой заросли.

— Не, не здесь. Вот.

Нагнувшись, он поднял ржавый лист железа, казалось, просто лежавший на земле, открыв что-то вроде колодца глубиной метра в полтора, и спрыгнул в него, нырнув в уходившую под стену нору. Димка, не слишком охотно, последовал за ним. Нора, к счастью, оказалась короткой, но такой тесной, что он задевал плечами стены. На голову посыпалась земля, он рывком подался вперед — и едва не наткнулся на Вайми.

— Осторожней! — шикнул тот. — Тут могут быть... а, нет тут никого...

Димка выпрямился, осматриваясь в почти полном мраке. Вайми почиркал кресалом — и вдруг вспыхнул тусклый факел из всё той же промасленной ветоши, заливая багровым светом длинный, пыльный подвал, почти совершенно пустой — лишь у стен лежали какие-то разломанные рамы.

— Ну вот, — сказал Вайми, разводя из них костер. — Доставай свою штуковину. Здесь выстрелов точно никто не услышит...

* * *

Забавно, но научиться стрелять оказалось вовсе не так трудно, как Димка думал. По крайней мере, в нарисованную на стене мишень диаметром в полметра он попал восемь раз из двадцати — последние восемь из двенадцати раз, что было более существенно. Дистанция, конечно, была не бог весть какая — всего метров тридцать — но большей тут было не найти, да, судя по мощности оружия, больше было и не нужно, попасть в цель из этой штуки дальше было бы сложно даже настоящему стрелку. Выстрелы, правда, больно били по ушам, в нос лез едкий запах сгоревшего пороха, — который, в дополнение ко всему, явно оказался черным, то есть дымным, да и само оружие било в руки весьма ощутимо. Хорошо ещё, что руки у меня довольно крепкие, да и тело не легонькое, — подумал Димка. Шиан Та с его субтильным сложением наверняка бы просто улетел...

Отстреляв весь магазин, Димка решил прекратить тир — новых патронов-то взять негде. Всё это заняло от силы минут десять и ощущение оказалось странное. Сначала даже не верилось в такое — что у него есть настоящее оружие, и что он, вроде бы, даже умеет как-то из него стрелять...

— Слушай, а зачем ты остался в той норе? — спросил он у Вайми. Тот коротко и непонятно усмехнулся. Потом всё же удосужился ответить.

— Мне надо было одну штуку там забрать...

— А что это за штука?

Вайми хмыкнул.

— Ну, будем считать, что ты уже свой человек... Вот.

Он полез в свою сумку, достав оттуда нож с рукояткой, украшенной сложным узором из волосяных рисок звездного серебра. Клинок его скрывали ножны из вороненого железа, в тон к ручке тоже украшенные рисками звездного серебра. Смотрелось всё это внушительно — настоящее произведение искусства.

— А потрогать можно? — задал Димка совершенно неизбежный вопрос.

Вайми вновь хмыкнул.

— Бери.

Шершавая тяжелая рукоять неожиданно удобно прилипла к руке. Сам клинок оказался легким и матово-серым — не нож, а что-то вроде кинжала. А вот кромки ослепительно блестели — заточенные так, что даже края не видно. Димка осторожно взялся за него пальцами, глядя на украшенную рукоятку ножа — металлическая, она явно составляла единое целое с клинком. Сделать такую штуку наверняка было сложно — но она войдет в плоть, как в масло, если пустить её в ход...

Димка внимательней взглянул на рукоять изысканной формы. Окантованная сложным узором из сплетений волосяных рисок звездного серебра, она и впрямь составляла единое целое с лезвием. Ежу ясно было, что сделал эту вещь настоящий знаток, мастер своего дела, и сделал на заказ — второго такого ножа не найти во всем свете...

— Откуда это? — наконец спросил он.

— Его сделали для меня, — неожиданно грустно сказал Вайми, тем не менее, мягко, но настойчиво забирая у мальчишки нож. — Но я поклялся не брать его в руки после того, как... — он вдруг замолчал.

Димка хотел было спросить, после чего это — но словно наткнулся на хмурый взгляд Астера. Желание задавать глупые вопросы у него вдруг резко пропало.

Разобравшись с делами, они двинулись в обратный путь. Вайми опять полез первым. Он осторожно выпрямился в колодце и примерно секунду осматривался. Потом уперся ногой в осыпавшуюся стенку и одним энергичным рывком выбрался наверх. Димка примерился к стенкам колодца — но Вайми протянул мальчишке руку и буквально выдернул наружу. Силы ему было не занимать.

Едва выйдя из-за дома на бывшую улицу, Димка увидел стоявшего всего шагах в сорока Юрку. Он откровенно скучал, явно поджидая их, и в груди у него ёкнуло. Теперь не избежать было неизбежных расспросов, а он страшно не хотел врать друзьям...

* * *

В этот раз Димка проснулся совершенно обычно, даже за стенами, — они решили заночевать здесь, в развалинах двухэтажного дома, уцелевшие стены которого давали неплохое укрытие от надоедливого ветра. Вайми сказал, что собакины сейчас ломанули к Городу Снов, — твердо уверенные, что они со всех ног мчатся туда, — так что они решили не спешить. Хорошо, что никаких змей в этом мире не было, иначе ночевка в руинах вышла бы веселой...

Все остальные ещё спали и Димка осторожно выскользнул из-под одеяла, — все трусы истлели и их пришлось выбросить, а спать одетым он не мог. Ещё один знак того, что из этого дикого мира пора сваливать...

Усмехнувшись, он как был, нагишом, вышел из развалин. Всё ещё не зная, что делать, он рассеянно осматривался. Под ним лежала необозримая равнина. Над ней невозмутимо плыли величественные облака, окрашенные багрянцем восхода. Вдали, на востоке, высились далекие горы, розовато-темные на фоне этого восхода. Внизу же ничего не двигалось, кроме волн, гонимых ветром по густой, высокой траве, и это тоже было хорошо...

— Красивая попа, — сказала Файму за его спиной, и Димка едва не подскочил, невольно прикрывая руками самое дорогое. — И всё остальное тоже.

Он мучительно оцепенел, желая провалиться под землю, чувствуя, что неудержимо краснеет. Файму между тем беззвучно появилась перед ним, откровенно разглядывая его с каким-то профессиональным даже интересом. По коже Димки волной пошли мурашки. Он боялся, что просто сдохнет сейчас от смущения... но на деле ощущение оказалось... щекотное. Впервые в жизни дева проявляла к нему столь откровенный интерес — но это было... волнующе.

— Ты красивый, — заключила Файму, окинув его взглядом — от макушки до пальцев босых ног. — Наверное, спортом занимался, да?

— Ну... — Димка невольно опустил взгляд, смущенный и польщенный одновременно. Костюм самой Файму тоже был не слишком-то богат — плетеный поясок с весьма скромным по размерам передничком и разноцветные бусы, намотанные на запястья, щиколотки и талию. Круглая попа её была и вовсе не прикрыта и Димка, конечно, пялился на неё каждый раз, когда она попадала в поле его зрения. Надоест такое зрелище не могло — но сегодня Файму свела счет. Странно, но Димке почти не было обидно...

Он не представлял, что делать дальше, — то есть совершенно, — но Файму деликатно отвернулась, глядя в степь.

— У тебя минута до подъема, — невинно сообщила она. — И она уже пошла.

* * *

Димка очень опасался, что Файму заорет, едва он войдет в дом, — но, к его невероятной радости, ничего такого не случилось. Она пунктуально отсчитала минуту и объявила подъем, когда Димка уже полностью оделся. Всё равно не обошлось без суматохи и даже легкой паники, — спали в этот раз все очень кучно, а повскакивали кто в чем, а кто-то и ни в чем, но кончилось всё дружным смехом. За время их бесконечного похода нравы существенно смягчились и природный вид парня или девчонки уже не вызывал особого удивления...

Едва все привели себя в порядок, начался завтрак, к которому все приступили с большим энтузиазмом, изрядно оголодав за долгую здешнюю ночь. Благо, отобранные у Ана-

Ю "финики" на вкус были точно не хуже земных...

Вспомнив о них, Димка невольно поморщился. Может, Ана-Ю и были гадами, но мысли о том, что они сейчас остались без еды, не радовала. Он покосился на Файму. Та, конечно, села рядом с ним, причем, боком — очевидно затем, чтобы он мог оценить удивительную форму её правой, поджатой ноги, видимой сейчас от кончиков пальцев до места, где она плавно переходила в нечто, ещё более интересное. Его взгляд, конечно, не остался незамеченным.

— Один не делает, два не отдыхают, — мягко сказала она, улыбаясь. — Знаешь, что это?..

Димка догадался — и опустил взгляд, чувствуя, что вновь густо краснеет. Вот же зараза!..

— Война? — предположил тоже сидевший рядом Вайми. — Если говорить об империях.

Он тоже насмешливо покосился на Димку — и тот смутился ещё сильнее. Астер, конечно, тоже понял, на что это намекает Файму — но решил прийти к нему на помощь.

— Ну... можно и так, — Файму была явно недовольна тем, что её игру сломали. — Хотя у нас, конечно, не империя.

— Ну да, — немедленно сказал Юрка. — Вы всем командуете, а остальные вас слушают. Это что?

— Точно не империя, — Файму пожала плечами. — У нас кстати прямого управления в Союзе не было. Планетарные правительства вполне есть. Если попросят — помогут. А так, чтобы Верховный Генсек сидел в бассейне с девами и оттуда указывал, как пятилетний план по бобам перевыполнить — такого не было. Скучно же. Реально кстати вполне себе есть варианты вообще не входить в состав Союза официально, но получать всё же какую-то помощь.

— В обмен на ресурсы, размещение военных баз и пионеров в церковный хор? — немедленно спросил Матвей.

Файму вновь пожала плечами.

— Обычно так, но вариант, например, с помощью частных — или "частных" структур — возможен. Вроде дев, что уехали в Союз, а потом вернулись вообще по личным делам. На танках. И такие вот фокусы — ну ОЧЕНЬ часто.

— Вмешательство нельзя, но частную инициативу можно? — предположил Матвей.

— Вмешательство очень не желательно. На госуровне. Но если в этом мире есть те, кто реально строит коммунизм, — им сразу намекнут, что запрос о технической помощи друзьям рассмотрят очень быстро и положительно... и хорошо, если это будет запрос местного СССР, а не местной КНДР.

— Которая решит, что всех мерзких белых буржуев надо послать рис окучивать? — предположил Матвей. — Ну, тех, кого не закопали живьём в землю — у нас нет же зверской смертной казни.

— Типа того. И нет, тут не стоит злоупотреблять, а то, если без запроса трудящихся масс помогаторы вдруг прилетели — как минимум, прикрывать их от буржуазных агрессоров не будут. Даже когда на опыты уже потащат. А могут и сами. Например, у нас, если подозревают, что тут запрос был не добровольный и товарищей местных принудили под запись о зверствах капитала рассказать — виновных накажут. Да — не рекомендовано тут жесткие меры принимать. Но...

— Но мягкие никто не отменял? — спросил Матвей. — Да и насчет жестких мер... некоторые вещи, что для вас будут просто сложностью — для других это в лучшем случае изощренное издевательство и лучше бы — убили.

— Товарищ вот уже пятый год ждет оргазма, который должен наступить вот-вот, но никак не наступает? — неожиданно предположил Сашка.

Файму усмехнулась.

— Бывает и так.

Димка невольно поёжился, представив себе это.

— Садизм.

— А что делать? Дураков — много. Они все слепо хотели "как лучше", а получались катастрофы и трагедии, "приемлемые жертвы", "их не жалко"...

— Некро-педо-садо-мазо, кровавые жертвоприношения, каннибализм, налоги и дорожная инспекция? — вновь предположил Матвей.

Файму кивнула.

— Да, что-то типа того. Дело тут даже не в том, что благодетелям нужна награда, а в том, что большинство их считает своё добро единственно правильным и возмущается, когда облагодетельствованный счастья своего не понимает. Пусть тут и не обида на отсутствие обязательной благодарности, а разное восприятие блага.

Вайми сам пожал плечами — философски.

— Все люди, иногда без необходимости, в качестве аргумента и оружия обвиняют других в непонимании. Каждый в центре мира помещает себя.

— И ты? — не удержался Юрка.

Вайми усмехнулся.

— И я. У меня даже основания есть. Возраст тот же. Ну и сделал я совсем немало.

— Ага, людей с ума сводил.

— Людей — нет, — Вайми хмуро взглянул на него. — Нелюдей — да.

— У нас тоже всякое бывает, — на сей раз Файму пришла ему на помощь. — С ума никого не сводят, разумеется, но просто наказания — бывают.

— Либо очень не просто и даже унизительно? — предположил Матвей. — С точки зрения наказанного.

Файму вздохнула.

— У нас товарищ сам может на опыты попасть, если забудет, что некоторые вещи у нас лечат только если немедленно в медкапсулу, а с лечением психики — даже у нас не всё хорошо.

— Особенно после 100500 дней пребывания в Генераторе Предельной Боли?

Файму поморщилась.

— Нет. То есть, нет такого генератора. И 100500 дней — ну, не надо. Есть машины ускоренной реальности, с прямым подключением через нейрошунт. Они и за минуты могут сделать много веселого. Ну — минуты реального времени. Для жертвы будет казаться, что там точно НЕ минуты... и что это ужасный ужас страшный.

— Морковные поля колхоза "Светлый путь"? — предположил Матвей. — Где надо дергать и дергать, а бригадир матюкает и бьет палкой по попе. И из еды одна морковь.

Файму вдруг усмехнулась.

— А есть и такое. Для особых бездельников.

Матвей поёжился — явно напоказ.

— Прямо страшно становится жЫть.

Димка подумал, что утро началось в общем неплохо... и тут вдруг заорали часовые.

* * *

Выглянув в окно, Димка едва не плюхнулся на задницу. По склону холма к ним стекала пёстрая волна. Собакины! На сей раз, их были сотни и сотни.

* * *

Файму заорала, объявляя тревогу, хотя особой нужды в этом уже не было. Маахисы рассыпались, торопливо натягивая луки — хранить их в боеготовом состоянии было, разумеется, нельзя, они быстро потеряли бы упругость. Димка схватился за рюкзак... потом замер. Ситуация была критическая... но ещё не настолько критическая, чтобы выкладывать последний козырь. Собакины застали их врасплох — но нападать с ходу всё же не стали. Их лавина раскололась, огибая здание, затем сомкнулась, окружая его. Димка порадовался, что они сами не успели выступить в поход — развалины дома давали хоть какое-то укрытие. С двух сторон — с запада и с юга — даже очень надежное. С двух других правда их прикрывал только низкий, неровный фундамент. Но даже это было куда лучше, чем ничего.

— Ложитесь! — заорал Вайми, когда в воздухе свистнули первые, пока предупредительные дротики.

Все торопливо повалились на неровную землю. Димка осторожно выглянул из-за невысокой — едва в полметра — каменной стенки. Собакины остановились метрах в сорока и подходить ближе не пытались. Но их оказалось страшно много — они окружили развалины сплошным кольцом и даже не в один ряд. Все — в латных масках и нагрудниках. За ними виднелись существа побольше, без одежды, с блестящей черной кожей, чем-то навьюченные. Как говорил раньше Вайми, киноиды — похожие на собакинов, но всё же неразумные зверюги, служившие у них караульной силой и вьючными животными. Магией они не владели, но зубами разорвать могли...

— Попались, — процедил Димка, повернувшись к Астеру. — И всё из-за тебя! Кто говорил, что собакины сейчас бегут к Городу Снов?

Вайми фыркнул.

— Они всё равно видели, куда мы пойдём. Лучше принять бой тут, чем посреди голой степи. Не находишь?..

— То есть, ты нарочно... — Димка задохнулся от гнева.

— Война — это ум, а люди тупы. Мы рождены для жестокости, но не для войны.

Димка не нашёлся с ответом, да на него и не осталось времени. Ряды собакинов расступились. Вперед вышла группа отборных, видимо, воинов — в чем-то типа стянутых ремнями кирас сверху и снизу, в открытых шлемах с торчащими на штырях смешными черными хохолками. За ними укрывался кто-то, весь в золотом и красном.

— Ого, это сам Инфууо, — Вайми осторожно выглянул наружу. — Верховный Господин Земли и Неба, Повелитель Степи, Опора Верных и прочая, и прочая, и прочая.

— Хан ихний, что ли? — то ли из-за длинных вислых усов, то ли ещё почему-то, но

собакины напоминали Димке монголов из книжки. Здесь, в руинах разрушенного ими города, сходство совсем не казалось забавным.

— Да, типа того. На редкость неприятный тип. Как и любой король варваров.

От парня, одетого лишь в набедренную повязку из какой-то пёстрой шкуры это заявление прозвучало смешно... но смеяться Димке не хотелось. Он буквально шкурой чувствовал, что их приключения подошли к концу — в самом прямом и грубом смысле. Всего за шаг до победного завершения — в точности по законам жанра. Наверняка, Мастер заранее написал сценарий всего нашего похода и теперь наслаждается финалом, невольно подумалось ему.

— С такими соседями, как Ана-Ю и Вороны, кто угодно станет неприятным, — вдруг сказал Сашка. — А что касается "варварства"... Я боюсь, этим словом принято называть всё, чего не понимаешь и что представляет собой угрозу.

Димка удивленно взглянул на него, не понимая, как он может быть так спокоен перед лицом смерти, потом недовольно мотнул головой. Удивляться такому поведению друга было, наверно, просто подлостью...

Из рядов собакинов между тем выдвинулся, очевидно, толмач — тощий субъект в сером трико, с тускло-желтыми и охристыми полосами вдоль спины. Вокруг него всплыли и закружились в сложном танце разноцветные фигурки. Это напоминало диковинный цирковой фокус — но смысл представления был совершенно не веселый.

— Предлагают сдаться на милость Верховного Господина, — без труда перевел Вайми. — Иначе маналула всем и каждому.

Димку передернуло. Бог весть, слышал ли Вайми бессмертный анекдот про людоедов с его коронным "пусть будет смерть. Но через маналулу!" Но сейчас он ни фиги не казался смешным. Ну вот ни чуточки.

Толмач между тем выдохся. Фигурки прекратили свой танец и скрылись в его карманах, как живые.

— Пять минут на размышления, — сказал Вайми. — Потом штурм.

Над головой гадко взвизгнуло, от кирпича стен брызнули осколки — словно там прошла пулеметная очередь. Девчонки завизжали, прямо перед носом Димки плюхнулся отскочивший от стены дротик с расплюснутым наконечником. Непростой, кстати, дротик — со свинцовым шариком между наконечником и древком, вроде древнеримской плумбаты. Судя по глубине свежих выбоин в кирпиче, летел он почти что со скоростью пули. А над спинами воинов уже воспарили новые дротики — и было их... много. Очень даже.

Димке стало жутковато, когда он представил, что с ними стало бы, окружи их орда посреди голой степи. Но и так их положение было безнадежным — чтобы отстреливаться, лучникам надо было подняться из-за укрытия, а ничем хорошим это точно не кончилось бы. Да и стрел на такую орду просто не хватило бы, в любом случае...

— Долго мы тут не продержимся, — хмуро сообщила Файму. — Воды здесь нет, а фляжек хватит хорошо, если на сутки. И, если собакины не идиоты, они начнут закидывать нас тут какой-нибудь горючей дрянью. Масло у них уж точно есть.

— Доблесть не сгорает, — Вайми фыркнул, потом перевел взгляд на Димку. — Доставай свой агрегат. Пора уже.

Глаза Сашки натурально полезли на лоб, когда Димка вытащил из рюкзака автомат. Глаза Файму тоже — она зло уставилась на Вайми, явно до предела недовольная тем, что

столь необычная здесь вещь прошла мимо её цепких рук. Но Димке было, в общем, уже наплевать...

— Ждать нечего, — быстро сказал Вайми, напрочь игнорируя гневный взгляд Файму. — Стреляй в Верховного Господина. Без него собакины не станут сражаться.

А может быть и станут, подумал Димка. Тогда нам всем конец. Но и ЭТО — была просто мысль. Одна из. Не больше.

Он передернул затвор и приложился к прицелу. Инфууо был почти что не заметен за сплошной стенкой бронированных телохранителей, неясно было, достанут ли его там даже автоматные пули...

Вайми между тем полез в свою сумку, достал добытый здесь, в руинах, нож. Рывком выдернул из ножен...

Теперь уже глаза Димки вылезли на лоб. Клинок ножа уже не был серым. Он пылал фиолетовым, потусторонним, жутким светом. Серебряные риски на его фоне казались мертво-черными, словно провалы в небытие.

От одного взгляда на это нездешнее сияние у мальчишки поднялись дыбом волоски на всем теле. Он буквально нутром чувствовал, что ЭТО — самая настоящая магия. И ни фигура не добрая. Скорее, даже очень злая. Теперь понятно было, почему это Вайми сунул эту жуткую штуковину в тайник посреди дикой степи и зарекся брать её в руки...

— Чего ждешь? — спросил Вайми. Он неудобно скорчился за стеной — словно солдат перед атакой. Клинок в его руке сиял уже так, что свет резал глаза. И совсем не за счет яркости, нет...

Димка сдвинул переводчик огня на автоматику и вновь припал к прицелу. Он понимал, что сейчас настал решающий момент — во всей его жизни, в их походе, да и в судьбе всего этого мира, — а может, и не только его... но думать об этом было уже слишком поздно и он нажал спуск.

* * *

Всё остальное слилось в сознании Димки в один безумный, бесконечный миг — бледно-золотистое пламя, забившееся у ствола... ударивший по ушам резкий треск очереди... бьющая по рукам свирепая дрожь отдачи... вспыхнувшее там, где стоял Верховный Господин, лиловое электрическое пламя...

В ослепленных глазах поплыли круги. Димка невольно отпустил спуск, не понимая, попал он или нет. По рядам собакинов пронесся дикий, гневный вой — и они волной хлынули в атаку.

* * *

Димка вновь нажал на спуск... но автомат молчал. Не потому, что кончились патроны. Рукоятка затвора нелепо застряла посередине — перекосило патрон...

Невольно поднявшись на колени, Димка яростно дернул её — раз, другой, третий — но она не поддавалась, словно припаявшись к корпусу. Краем глаза он видел, как беззвучно почему-то орет Файму... как, встав на колено, Маахисы дают залп... как стальные

нагрудники собакинов вдруг прорастают застрявшими в них бронебойными стрелами Ана-Ю... как со страшного лилового клинка Вайми раз за разом срываются вспышки тусклого на солнце фиолетового пламени... как собакины падают, переворачиваясь через голову... а потом что-то со страшной силой ударило его прямо в лоб. В голове вспыхнуло невозможно яркое, белое сияние — и всё погасло.

* * *

Очнувшись, Димка понял, что лежит головой вниз, на каких-то жутко неудобных, сырых и холодных комках. Упершись в них руками, он кое-как сел и осмотрелся.

Он сидел наверху груды обвалившейся земли, в какой-то тесной промоине, всё ещё оглушенный случившимся — похоже, дротик расколол ему башку и он умер... на какое-то время. Точно умер, потому что оказался в... в каком-то ДРУГОМ месте. Чертовски похожем на ад, на самом деле. Всего на миг — но на миг, растянувшийся в вечность...

Димка задумался. Это вот он помнил, пожалуй, плоховато — воспоминания то отступали, то подступали волнами. Мрак, пустота — и в этой пустоте голоса, вопящие, поющие, сводящие его с ума... если бы ЧТО-ТО не выдернуло его назад, в реальность, он бы точно свихнулся.

Димка яростно помотал головой, выбрасывая из неё совершенно лишние сейчас мысли, потом подобрал выпавший из руки автомат. А ведь попал он в... в этого их Верховного Господина. И крепко попал. Может быть — насмерть...

Всё ещё стараясь ни о чем не думать, он выбрался из промоины наверх, в степь. Сначала ему показалось, что вокруг ничего не изменилось... но это только на первый взгляд. Промоина, из которой он вылез, рассекала склон невысокого холма, выходя на поросшую травой равнину. За ней поднимались горы — те самые, на которые он смотрел всего несколько минут назад...

Димка несколько раз ошалело моргнул, буквально не веря глазам... потом вдруг разразился безумным, истеричным хохотом — от невероятного облегчения. Ему безумно, невозможно просто повезло — странная здешняя магия (или как там называлась эта воскрешающая чертовщина) не только сработала, но и не забросила его куда-нибудь в западный лес, в пустыню или на необитаемый островок где-то в Море Птиц. Нет — он был по-прежнему где-то в восточной степи, не дальше суточного перехода от лагеря, если судить по горам. И не так уж далеко от цели...

Он ошалело помотал головой и осмотрелся. Вокруг никого видно не было — ни людей, ни собакинов, ни зверей. Димка невольно подумал о том, что и все остальные так же удивленно сейчас пялятся на новые места... потом запретил себе думать об этом. Посмотрел на себя. Рюкзак его остался в лагере, но одежда и кеды были на нем. На поясе у него висит меч Вадима, в руке автомат...

Димка деловито разобрал его, выбросил застрявшую гильзу, собрал снова. Потом проверил магазин. К его невероятной радости, в нем осталось ещё четыре патрона — очень мало, но лучше, несравненно лучше, чем ничего...

Мальчишка вздохнул и сел на траву, стараясь успокоиться. Так. Самая главная проблема уже решена — у него есть оружие. Вполне боевой автомат и четыре патрона к нему. И меч.

Очень крутой по местным меркам набор...

Отложив автомат, Димка пошарил по карманам. Ничего особого там не обнаружилось — ключи от его родной квартиры, кошелек с мелочью — всё это он таскал уже просто как воспоминания о доме. Большая петарда, найденная ещё среди барахла Хорунов и забытая, — можно будет напугать какого-нибудь хищника, чтобы сэкономить патроны... Еды вот правда нет ни крошки — и как-то не очень похоже, что ей можно разжиться вокруг...

Об этом Димка тоже запретил себе думать. Так или иначе, но его рюкзак с припасами был вне пределов досягаемости. Теперь, на основе оставшихся ресурсов, он должен составить план. Общая задача — вернуться домой. Текущая задача — выбраться из степи в... да куда угодно. Или, хотя бы, отыскать людей. Любых — он уже понимал, что один просто погибнет в этой жуткой степи, не сегодня, так завтра...

Димка осмотрелся ещё раз. Вариантов, в самом деле, было совсем не так много и он зашагал на юго-восток — к морю... и к Городу Снов.

* * *

Поднявшись на очередной небольшой холм, Димка замер, осматриваясь. Солнце уже заходило и перед ним лежала его длинная тень — словно дорога в страну мрака, который уже стучался на восточном горизонте, над горами. С одной стороны ему пока дико везло — по крайней мере, хищники не показались за весь день ни разу, да здесь, в коренных землях собакинов, как говорил Вайми, их и не было, они всех извели. С другой стороны...

В животе в очередной раз заурчало и Димка вздохнул. Есть уже очень хотелось. Выросший в мире, где еда всегда была доступна, мальчишка не привык голодать и это оказалось... неприятно. Ничего съедобного за день ему тоже не попало. Нет, если бы Димка оказался где-то в обычном лесу, который знал, как родной, он бы нашел, чем прокормиться. Но тут ничего не было, кроме травы, — прокормиться тут можно было лишь охотой, а ему, как назло, не попало по дороге ни одного тибиса или стага. Вернее, попадались, конечно — но вдали и Димка решил не тратить время на охоту. Он по опыту уже знал, что дело это долгое и чреватое разными неприятными встречами — да и приготовить добычу было, честно говоря, не на чем, а жрать сырое мясо он не смог бы...

Он смотрел вдаль — и потому едва не подскочил, заметив парня, сидящего на склоне, всего-то шагах в двадцати от него. Тот сидел спиной к нему, тоже глядя на близкие уже горы — целую страну немисливо острых скалистых гребней. Ближайший к ним казался отлитым из морщинистой сине-фиолетовой стали, с голыми, очень крутыми склонами, облитыми сиянием заката, остальные поднимались за ним, уходя в сумрак зловещим частоколом острых пиков.

С трудом отведя от них взгляд, Димка посмотрел на парня. Ему вряд ли было больше лет пятнадцати. Широкоплечий не по годам. Одетый в коричневую кожаную безрукавку и такие же штаны. Откуда он тут взялся — Димка не представлял. Совсем. Но понял, что пареня серьёзно болен... или ранен. Сидел он совершенно неподвижно, как-то странно скособочившись, и Димка вдруг подумал, что он вообще уже умер, только почему-то не упал...

Во рту вдруг пересохло, сердце забило часто и сильно. Мальчишке захотелось уйти... но это было бы попросту глупо. Он глубоко вздохнул, уже привычно перебарывая страх, и

сделал несколько шагов к неподвижному телу...

И едва не плюхнулся на задницу, когда "тело" вдруг вскочило, мгновенно повернувшись к нему — одним гибким, стремительным движением. Кровавым огнем вспыхнул меч — Димка лишь сейчас понял, что парень нарочно сидел так, скорчившись, чтобы он не заметил готового к бою оружия. И, конечно, заметил его уже достаточно давно...

На минуту он замер, глядя на меч. Меч был потрясающий — с узким, но толстым, рассеченным глубокими долами клинком, плавно заостренным на конце. И с вторым, коротким, широким клинком на затыльнике рукояти — таким можно драться и в кольце врагов, что само по себе говорило очень о многом...

Рука, сжимавшая этот меч, не дрожала, на плече — сложная татуировка, изображавшая орла, терзавшего змею. Татуировка была пыльно-серая, но в почти горизонтальном солнечном свете Димка видел её очень отчетливо. Как и её владельца. В самом деле, парень всего лет пятнадцати, внимательный, стройный и ловкий. Длинные и прямые темно-русые волосы тяжелой растрепанной гривой падали ему на спину. Светлое лицо, удивительно чистое и открытое, было едва тронуто загаром. Живые и печальные глаза были темно-кариими, черты лица — очень правильные и красивые, но выглядел парень всё же неважно — словно его недавно драла стая злых собак. Или крысоловов, подумал Димка. Но им явно повезло намного меньше. Парень был потрясающим бойцом, это он понял сразу...

Димка вздохнул и помотал головой, стараясь уложить в ней все впечатления. За этот день случилось слишком много — начиная с его, Димки, смерти. Внезапное одиночество, эта вот странно пустынная степь, убийцы-собакины в цирковых костюмах... И — парень, словно из фильмов о Робин Гуде. Только — НАСТОЯЩИЙ. Вообще во всех возможных смыслах...

Парень между тем одним почти незаметным движением убрал меч — не глядя поймав острием узкую щель ножен! — и прижал кулак к сердцу.

— Равха Вэкр из Детей Росы.

— Димка... э... Дмитрий Светлов, — Димка прижал к груди скрещенные руки и слегка поклонился, как тут обычно делали. — Будем знакомы?

— Будем, — тем не менее, Равха всё ещё пристально смотрел на него, как показалось Димке — удивленно...

Ну а Димка, понятно, смотрел на него. Явно повидавший виды кожаный костюм Равхи дополнял блестящий черный ремень с ножнами и сандалии с переплетенными ремешками на босу ногу. Запекшиеся садины на теле не казались страшными — напротив, совершенно естественными. Органично дополняли, так сказать, его вполне героический образ...

— Знаешь, ты, наверное, первый парень, который не хватается за такую штуку, — Равха показал на болтавшийся на боку Димки автомат. Явно знакомый ему, несмотря на вполне средневековый вид.

Мальчишка смутился. На самом деле он так растерялся от неожиданной встречи, что даже не вспомнил о нем. Но это явно пришлось очень кстати...

— Да ну... ты не зверь какой-то же.

Равха хмыкнул.

— Это смотря для кого... Что ты здесь делаешь?

— В Город Снов иду, — буркнул Димка.

— Знаешь, как туда попасть? — Равха взглянул на него с внезапным острым интересом.

— Нет. Но Вайми знает. Если его тоже не убили, он приведет отряд к нему.

— А! — Равха энергично кивнул, словно это всё объясняло. — А зачем вам туда?

— Ну... — Димка задумался на миг. И понял, что врать совершенно не хочется. — У нас Ключ есть. И восприимец.

— Кто? — Равха даже не моргнул, словно слышал вот такое каждый день.

— Льяти. Из Виксенов.

— Он?.. — вот теперь Равха был на самом деле удивлен. — Ну... в общем, ожидаемо, — он подумал. Секунду. — Ладно. Пошли.

— Куда? — Димка слегка ошалел. Он и так шел уже целый день, почти без перерывов.

— К Городу Снов, конечно.

— Так ночь скоро же.

Равха хмыкнул.

— Ночью тут намного безопасней.

* * *

Димка стоял в странном, просторном и круглом помещении со стенами из тонких металлических стоек и огромных листов стекла. Высокая металлическая крыша сплеталась высоко над головой сложной ажурной вязью. Равха стоял рядом с ним, но Димка сейчас смотрел вперед, не в силах перевести взгляд. Позади них, в гладком цементном полу, зияло широкое жерло колодца и лестница спиралью вела вниз, к основным сооружениям крепости. Огромная дверь за их спинами сейчас была открыта, в неё волнами вливался холодный, до одурения манящий в смутный простор воздух рассвета, властно обтекавший его тело, — и под этими прикосновениями всю его кожу покрывал озноб. Ощущение было почти чувственное, словно его ласкают сотни призрачных рук, — а когда они все вдруг исчезали, весь миллион чутких волосков на его теле начинал нетерпеливо вибрировать во всё нарастающем ритме — и, когда воздух обдавал его вновь, весь Димка вздрагивал. Руки его невольно поднимались — словно он собирался взлететь, но вот это уже никак не получалось...

Пол был на одном уровне с землей, отделенный от неё лишь низким бетонным бордюром, в который упирались стекла. Земля за ним была неровная, кочковатая, поросшая высокой, уже начавшей сохнуть кустистой травой. Вокруг простерлась рассветная степь, зеленоватая заря бросала на неё призрачный отблеск — ещё темно, но уже не ночь.

Далеко на востоке, на фоне темных гор, поднимались фонтаны золотого огня. Они бились на ветру, словно флаги, и над ними колыхалось палевое зарево, почти незаметное на фоне рассвета. Димка уже знал, что это горит газ, и что эта преграда от Ночных Стражей продержится недолго, — до рассвета им надо спуститься вниз. А справа висел огромный и яркий узкий серп золотой Арисфены, самой большой луны этого мира. Она казалась ему сейчас очень странной, словно он видел её в каком-то провале из этой вот реальности в сон. Там, во сне, с ней было связано нечто бесконечно важное... но оно никак не хотело вспоминаться. А лицо Равхи, одновременно освещенное и лучами рассвета, и зыбкими сполохами пламени, тоже казалось таинственным и чужим...

Димка искоса, не поворачивая головы, рассматривал его. Короткий, узкий нос, сильный, чувственный рот, высокие скулы, ровная, гладкая кожа... но на девчонку Равха не был похож совершенно. Скорее, в нем было что-то... нездешнее. То есть, ещё более нездешнее, чем в

самом этом мире.

Его взгляд невольно скользнул ниже, на красивые мускулистые руки с грязными ладонями — совсем недавно им пришлось ползти на четвереньках, укрываясь в траве. Густая сетка подживающих рубцов на них не казалась страшной — напротив, внушающей уважение. И часа не прошло после заката, как на них таки налетела стая крысоволков... на этом их история и завершилась. Димка даже не успел ничего толком рассмотреть — быстрое мельтешение теней, тонкий посвист рассеянного воздуха, сочные, чавкающие звуки ударов, судорожный, быстро затихающий визг... в несколько секунд всё было кончено. Димку даже не поцарапало, лишь обрызгало теплой, остро пахнувшей кровью. Равху тоже не задело... в этот раз. Но он ЖИЛ в этой степи — жил далеко не первый год, а за это время случалось очень всякое...

Одним словом, Димка понимал, что без него его отчаянный поход завершился бы тогда окончательно — и в тот раз его не спасло бы никакое везение. Равха спас ему жизнь — но опасность ещё не миновала и впереди было ещё много опасных приключений. Он сказал, что они здесь совершенно одни и рассчитывать ещё на кого-нибудь не могут — их жизни зависели лишь друг от друга...

* * *

Сейчас они молчали, глядя на восток, где, ниже четкого силуэта зубчатых гор, в небо в нескольких местах взлетали языки яркого, бездымного пламени. Мерцающее зарево призрачно колебалось, словно бы увлекая за собой сияние рассвета над ними. Равха зажег этот огонь — и это до сих пор казалось Димке очень странным, словно он и сам вдруг оказался во сне. Но его история здесь уже подходила к концу и так странно, наверно, в нем и должно быть, подумал он.

— Я знал, что эта история не бесконечна, но всё же, странно присутствовать при этом, — вдруг задумчиво сказал Равха и Димка вздрогнул от звука его голоса. И не только от звука — на какой-то миг ему вдруг показалось, что Равха видит сами его мысли...

— Ты про историю Ойкумены? — осторожно уточнил он.

— Да, её, — глаза Равхи всё ещё не отрывались от мерцающего вдали золотого огня. — Так долго, слишком долго...

Димке захотелось спросить, как долго Равха тут... но это было, пожалуй, невежливо. И так видно было, что пребывание в этом мире не приносит ему никакой радости. И, наверно, никогда не приносило...

— Теперь уже недолго, — буркнул он. — Наверное.

— В этот раз всё кончится, так или иначе, — странно мягко сказал Равха. — Я чувствую это. Наверно, это к лучшему. Здесь нет цели, только чувства и запреты.

— Надеюсь, что кончится всё хорошо, — вновь буркнул Димка. — Льяти вроде не такой уж плохой парень. И мне, наверно, удалось убедить его... освободить нас. Всех.

— Всё кончится так, как суждено, — голос Равхи был печальным. — Ты сам знаешь: глупцы любят слушать только себя, не других.

— А Льяти глуп? — смешно, но сейчас Димка был обижен. Несмотря на далеко не радужные чувства к Льяти.

— Расстояние между животным и божеством измеряется долгом. А он разве знает, что

такое долг?..

— Не знаю, — буркнул Димка. — Но постараюсь объяснить. Пока ещё можно.

— Долг — не та вещь, которую можно ОБЪЯСНИТЬ.

— Да ну тебя! — разозлился Димка. — Знаешь девиз пионеров? Ну, той организации, в которой состою и я? "Не пробуй — делай! Не думай — будь! Не ищи — бери!"

Равха вдруг улыбнулся — всё ещё печально.

— Тогда делай и будь. Как бы то ни было, все наши действия идут в завершение наших будущих дней.

* * *

Димка удивленно моргнул, как-то вдруг поняв, что ночь уже ушла. Небо посинело, земля стала отчетливо видна — волшебство рассвета умирало...

Равха молча повернулся — и быстро побежал вниз по лестнице. Она упиралась в большие, тяжелые двери из стали, покрытой гладкой белой эмалью, к облегчению Димки, незапертые. Равха с усилием повернул массивное запорное колесо, — и, миновав дверь, они вышли во мрак подземелья. Только сложная сеть фиолетовых линий слабо светилась впереди, как бы плавающая в темноте. Как рассказал по пути Равха, тут когда-то был форпост Города Снов, давным-давно покинутый, но почему-то сохранившийся в целости — может быть потому, что тут была уже земля Ночных Стражей и собакины не решались заходить сюда...

Заперев дверь, он взял Димку за руку. Тот невольно вздрогнул, ощутив пожатие его крепкой прохладной ладони, но страшно ему не было, не с ним. Рядом с Равхой страх вообще казался... неуместным.

— Не зажигай здесь свет, не надо, — быстро сказал Равха, увлекая его в темноту. — ОНИ этого не любят.

— Кто? — тихо спросил Димка. При мысли о Ночных Стражах его передернуло. Сам он не видел пока ни одного, но рассказов Равхи хватило вполне...

— ОНИ. Не бойся — ОНИ нас не тронут.

Димка ошалело закутил головой — но вокруг точно никого не было. Ни звука, ни движения, ни даже запаха...

— А кого тронут?

— Чужих.

— А нам зачем тут?..

— Спать днем, идти ночью. До Города всего сутки пути.

* * *

Едва они вышли к берегу залива, Димка тут же устало плюхнулся на песок. Ноги у него дико гудели, голова тоже. Вот уже двое суток он не ел — и целые сутки не спал. Просто удивительно, что он вообще до сих пор на ногах... но и усталость сейчас ощущалась уже как-то смутно...

Он помотал головой, разгоняя её, потом осмотрелся. Солнце наполовину зашло за

далекий уже гребень западных гор и песчаный пляж был почти целиком залит густой, темной синевой. Лишь вершочки небольших дюнок ещё пылали сочным алым огнем. Прибой здесь был сильным — кроваво отблескивающие пенистые валы, выше их роста, один за другим с гулом накатывались на берег и вода неожиданно высоко взбегала по гладкому пологому склону, добираясь до их босых ног. Голова у Димки кружилась — то ли от голода, то ли от невероятного в этом мире зрелища. Непокойное море казалось сине-красным, в пятнах пылающей багровой пены. Над ним, на южной стороне залива, вздымались горы — мягкие в воздушной дымке, ало-синие силуэты. Берега отсюда видно не было. Димке казалось, что он плывет на плоту, оседлавшем громадную, катившуюся на сушу волну — и его сердце приятно, чуть-чуть, замирало при этой мысли. Он никак не мог отделаться от чувства, что горы — их основание — гораздо ниже его. Эта планета была заметно меньше Земли...

Он лениво осматривался, сидя на прохладном песке. Вправо и влево пляж простирался, насколько хватал глаз. Оглянувшись, Димка видел за спиной низкие пологие дюны, а слева — неправдоподобно крутой, пугающий массив хребта, безжизненный и фиолетово-рыжий. Отполированный дождями камень отблескивал, словно старый металл. Там и сям среди прибоя виднелись огромные куски скал и между них — какие-то крупные темные животные, похожие на тюленей. Они совсем не боялись Димки, хотя и не стремились к нему...

Равха сел рядом, всего в шаге, скрестив босые ноги и положив ладони на бедра. На его губах замерла слабая улыбка, его глаза живо блестели, следя за накатывавшейся пеной, пока вода не отступала, оставляя её умирать на песке. Здесь было как-то необъяснимо уютно — мягкий свет, мягкий влажный воздух, не теплый, но и не прохладный, мягкая розовая дымка, скрывающая простор моря на востоке...

— Куда дальше? — сонно спросил Димка. Он понимал, что встать сейчас не сможет — а если и сможет, то точно не сможет идти...

— Город Снов там, — рука Равхи плавно поднялась, указывая на восток. Там простиралась травянистая равнина с редкими купами кустов, переходящая в невысокие, пологие увалы. За ними, километрах в пяти, поднималось нечто вроде крепостного вала, поросшего вездесущей тут травой.

Димка прищурился, но всё, что ему удалось разглядеть — на валу возвышалось нечто вроде башен. Это действительно походило на крепость. Позади вала, уже где-то у основания хребта, виднелся верх какого-то огромного, дворцового вида здания и кроны деревьев. Вот и всё.

Димка вздохнул. Ему почему-то представлялся удивительно красивый в лучах ранних сумерек город-сад — огромные деревья и ещё более огромные белоснежные здания, высящиеся, словно острова, над зеленью могучих крон и водой каналов. Но, судя по размеру, легендарный Город Снов представлял собой не более, чем поселок...

При этой мысли Димке сразу же представился унылый "поселок городского типа", застроенный длинными серыми пятиэтажками, почти такими же, как в его родном мире. Но, судя по огромному дворцу, что-то там явно БЫЛО...

— Сегодня мы туда не дойдем, — буркнул он. — Далек.

— Не иди, — легко согласился Равха. — Твои через сутки или двое будут тут.

— А ты?

— Я с тобой не пойду. Для меня в этом нет смысла.

— А в чем есть? — Димка был удивлен и обижен. Равха был, наверное, самым

необычным из людей, которые ему встречались, и расставаться с ним было... больно.

— У меня ещё есть враги. Вот мой смысл, — Равха рассмеялся, невесело и горько. — Есть вещи, которые нельзя допустить. А времени осталось слишком мало.

Словно в подтверждение его слов солнце, наконец, зашло, утонуло за далекими горами, парившими в туманной дымке, затянувшей западный горизонт, и оттуда теперь падал очень мягкий, ровный свет, делая всё вокруг розоватым. Совсем не подходящим к настроению Димки...

— Может, мне пойти с тобой? — бездумно предложил он.

— Боишься остаться здесь один? — спросил Равха. Странно грустно спросил...

— Нет, — буркнул Димка. — Ещё чего!

— Тогда оставайся. У тебя своё дело и свой долг.

— Ну... — Димка вздохнул. — Да. Но, если бы ты знал, как мне надоело всё это — делать то, что я не хочу делать, узнавать то, чего я не хочу знать...

— Истина — это нож, и мы все изранены... — Равха помолчал. — И я, быть может, глубже прочих. Но от истины нет исцеления. И освобождения тоже. Она остается с нами навсегда.

— Жаль, — буркнул Димка.

Равха помолчал, странно-печально глядя на него.

— Димка, единственная возможная в мире свобода — это свобода от страха. Свободный человек отдает себя в рабство своему народу. НЕсвободный — в рабство своему страху. Самому гнусному своему рабу, на самом деле. И нет большей тирании, чем тирания рабов над рабами. Помни это.

— Я запомню, — Димка вздохнул. — Куда ты пойдешь?

— Туда, — Равха показал куда-то на северо-запад. Только теперь Димка заметил, что на западе берег залива круто поднимается вверх, переходя вдалеке в неровную скальную стену, на вершинах которой всё ещё был виден розовый отсвет заходящего солнца. Над ней далеко в зеленоватую голубизну, усеянную перьями облаков, поднималась бурая колонна дыма. Её вспученная грибовидная верхушка словно бы парила в воздухе, превращаясь в мутный шлейф, исчезающий за горным хребтом. — Если двинуться вдоль берега на запад... я поверну туда ещё до темноты.

Димке захотелось спросить, что там... но тут же он понял, что задавать этот вопрос ему не хочется. Равха между тем уже неожиданно легко поднялся на ноги — словно и не шел эти сутки наравне с ним, без отдыха и еды...

— Теперь — прощай. Я рад, что судьба позволила мне встретиться с тобой. Но итог любой встречи — завершение.

Они попрощались. Потом Димка опустил голову, стараясь справиться с нахлынувшими чувствами. Равха быстро ушел, он почувствовал это...

Опомнившись, Димка запоздало взглянул ему вслед, но его уже не было видно в сгущавшейся темноте. "Во мрак небес угасшая звезда..."

* * *

На рассвете его разбудили холодные брызги волн, сорванные разгулявшимся ветром. Никаких укрытий тут не было, песок быстро остыл, так что он и спал сидя, сжавшись в тугой

клубок и накинув сверху рубашу. Как ни странно, было почти тепло, хотя всё тело затекло и мышцы ныли, словно после хорошей тренировки. Димка открыл глаза — и первое, что он увидел, было чьими-то следами на песке. Судя по ним, какой-то довольно крупный зверь долго кружил вокруг, присматриваясь и принохиваясь — но напасть так и не решился. Должно быть, его отпугнул запах металла и пороха от до сих пор висевшего на боку автомата, подумал Димка. Повезло...

Уже нестрашная опасность не столько напугала, сколько взбодрила его. Согреваясь, он побегал по туманному берегу, потом с внезапной решимостью бросился в волны.

Холодная вода мигом прогнала окоченение и сонливость, но вот ветер, когда Димка выбрался на берег, стал настоящей пыткой. Он вновь сжался в комок и дрожал, пока его кожа не обсохла, потом оделся, но теплее стало лишь немного. Вдобавок, ему хотелось есть, причем уже очень сильно...

Вокруг ничего съедобного видно не было и Димка решительно направился вверх от берега, к дюнам, поднимавшимся над сумраком низкого рассветного тумана...

* * *

Поднявшись над туманом, он увидел лишь его смутное, белесое море, из которой торчали зеленые верхушки увалов. Димке потребовалось полчаса, чтобы дойти до ближайшего. На гребне невысокой возвышенности он вздохнул и сел, чтобы перевести дух. Туман уже рассеялся и на западе виднелось плоское, широкое ложе мелкой, впадавшей здесь в море реки. Недавно взошедшее солнце едва просвечивало в разрывах пепельно-рыжих туч. На востоке облака, словно рваное ватное одеяло, кутали скалистые вершины темной стены гор. Глядя на них, Димка задумался. Голова всё ещё кружилась, он ощущал непривычную и неприятную слабость — от голода. "Запас хода" его явно был на исходе. На самом деле, он не был уверен, что сможет добраться до уже отчетливо видимого города, хотя до него оставалось всего несколько километров, вряд ли больше. Но и особенных вариантов не было — чем ближе он подойдет к городу, тем больше шансов, что отряд (если там кто-то остался в живых...) наткнется на него. А один в этой проклятой степи он загнется всего-то через день-другой — если не в когтях вездесущих здесь хищников, то просто от голода и холода...

Димка вздохнул, и, поднявшись, побрел вниз, на восток.

* * *

У основания холма виднелась небольшая роща — в сущности, просто купа кустов и невысоких деревьев. Едва Димка приблизился к ней, заросли заволновались — и из них выбрался мальчишка лет четырнадцати. Димка сразу же заметил его широковатое лицо, покрытое золотистым загаром. Его обрамляли пшенично-золотые волосы, не длинные, но зато очень густые. Очень яркие голубые глаза — большие и широко расставленные, пухлые губы, курносый нос не оставляли сомнений в том, кто это...

— И ты здесь? — удивленно спросил Матвей.

* * *

Спустившись с холма, Димка замер, глядя на Матвея. Плотный, крепко сбитый, он казался даже немного неуклюжим. Весь его наряд сейчас составляли драные, невероятно заношенные джинсы, их дополнял довольно-таки потертый пояс. С которого, вполне по-военному, свисала всякая всячина — фонарик в чехле, небольшая аптечка, ещё один карман, побольше — для всяких необходимых мелочей, вроде спичек — и вполне натуральный нож в ножнах. Другого оружия у него видно не было и Димка вздохнул. С одной стороны, он был безумно рад встретить здесь хоть кого-то. С другой, пользы от такого вот спутника явно было бы немного, да и его чувства к Матвею никак нельзя было назвать теплыми. Проще говоря, он крепко недолюбливал его за неуместное хохмачество и цинизм — но, так или иначе, выбора всё равно не было.

— Как ты здесь оказался? — наконец спросил он.

— Так же, как и ты, наверное. Сдох, то есть.

— А другие как? — довольно-таки нервно спросил Димка. То, что он попал сюда, сначала показалось ему чудом — но, судя по Матвею, это явно не было простым совпадением и внушало ему определенную надежду.

Матвей вздохнул, потом зачем-то почесал в затылке.

— Не знаю. Меня почти сразу за тобой грохнули. Собственно, я на вспышку только повернулся — и всё, — его невольно передернуло.

Димка вздохнул. Рассказ Матвея никак не рассеял терзавшую его мучительную неопределенность — и думать об этом не стоило, да и просто не имело смысла...

— Делать-то что будем? — между тем, спросил Матвей. — Я вот к Городу Снов пробираюсь. Там, по крайней мере, свет есть.

Димка кивнул. Ночью он несколько раз просыпался от холода — понятно, во мраке. Нигде не было ни огонька — лишь где-то далеко справа, как раз там, где он вечером заметил город, стояло мощное сине-серебристое зарево. Электричество там точно было — а значит, были и люди, хоть какие-то. А также горячая вода и прочие блага цивилизации — включая еду...

При этой мысли живот Димки вновь свело, с такой силой, что он даже испугался — казалось, ещё чуть, и его натурально вывернет мехом внутрь. Он даже представить не мог, что от голода с ним может твориться такое. К счастью, крепостной вал города был уже отчетливо виден — и до него оставалось никак не больше часа пути.

— Да то же, что и делали, — буркнул он. — К городу идти.

* * *

Как и ожидал Димка, Матвей почти сразу начал ныть, жалуясь на голод и холод — погода и впрямь была непривычно для этого мира холодная. Не вытерпев, Димка отдал ему свою рубаху — о чем почти сразу пожалел. Холодный влажный ветер гулял по степи беспрепятственно и кожу покрыл беспомощный озноб. Её однообразие лишь изредка прерывалось невысокими пологими буграми.

Матвей очень боялся, что отряд Файму уже обогнал их и ушел в город, но никаких следов здесь не было и Димка вел его, по сути, наугад. Но скоро они поняли, что не в силах продолжать путешествие — силы просто кончились. Мальчишки сели на траву, пережидая накатившуюся слабость.

— Сдохнуть здесь можно, ещё раз, — буркнул Матвей, поджав босые ноги. — В животе

зверски гложет.

— Не ной, — сказал Димка. — Здесь всего километр остался, наверное.

— Тебе хорошо, у тебя автомат есть и меч, — ответил Матвей. — А я тут всяких страхов натерпелся. Ночью невесть что бродит, по утрам огни в степи какие-то...

Это Равха отгонял Ночных Стражей, — захотел сказать Димка... но не сказал. Говорить о нем Матвеем не хотелось. Вообще не хотелось говорить о своих тут приключениях и встрече с Равхой, это только растравило бы душу — да и Матвей наверняка ляпнул бы какую-нибудь гадость...

К несказанной радости Димки, слабость после отдыха отступила. Они вновь двинулись вперед — и вскоре дошли до наполненного темной водой канала перед валом. Его отвесные бетонные стены были высотой метров в двадцать, такой же высоты был и поднимавшийся за ним вал. На нем никого не было, сам вал зарос травой. Всё это сооружение казалось заброшенным много лет назад. Но тогда откуда тут брался свет?..

— Люди, ау! — заорал Димка, сложив ладони рупором.

Ему никто не ответил. Даже эхо.

— Ты ещё лекцию про жизнь на Марсе прочти, — предложил Матвей. — Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе...

И тут Димка заржал — а вслед за ним вдруг заржал и Матвей. Охватившее их после воскрешения дикое напряжение разрядилось истерическим смехом.

— Ладно, хватит, — сказал Димка, когда они устали смеяться. — Раз это крепость, в ней должны быть и ворота. Нам надо всего-то отыскать их. Пошли!

Чисто инстинктивно мальчишки повернули направо, к морю. Это оказалось ошибкой. Скоро они дошли до пляжа, очень похожего на тот, где ночевал Димка. Вал здесь превращался в здоровенную, наклонную с обеих сторон стену из какого-то непонятного материала. Острое зеленовато-черное ребро высотой в шестиэтажный дом, и по обе стороны от него — вода. Стена плавно изгибалась, убегая к горам, и, очевидно, упиралась в них. За ней торчала верхушка такой же зеленовато-черной башни, стоявшей где-то в гавани — то ли маяка, то ли ещё чего-то. Может, в этой стене и были какие-то ворота — но лодки у них не было, а пускаться вдоль стены вплавь Димку не тянуло. Они повернули обратно, к горам.

По мере приближения отвесные, невероятной высоты скалы, прямо по вершинам которых ползли тучи, выглядели всё более зловеще, но так как выбора не оставалось, мальчишки шли к ним. В довершение их бед, вновь опустился туман. Они словно оказались в вате — вокруг повис сырой белый полумрак. Земля под ногами была жутко неровная, они всё время падали, плюхаясь в бочажины и лужи. С них ручьями стекала вода, но мальчишки упрямо шли вперед, попросту наугад, пока вновь не вышли к каналу. Теперь они не могли заблудиться, но и силы их почти закончились. Всё это походило на какой-то бредовый кошмар.

Наконец, туман сдуло поднявшимся ветром, но это почти не принесло им облегчения — они устали до смерти и жутко проголодались. Хуже всего было то, что для мокрых насквозь мальчишек порывы ветра казались ледяными и они стали дрожать. Но всё, что они могли теперь делать — это идти и идти вперед вдоль бетонного края канала. В этом явно не было смысла, но они не останавливались, даже не смотрели по сторонам, тем более, что и смотреть тут было практически не на что. Темно-зеленая равнина степи слева, темно-зеленый вал справа...

Они остановились, лишь наткнувшись на дорогу, точнее, на остатки дороги —

раскрошившийся бетонный пандус в том месте, где она поднималась к каналу. Там не было никаких следов моста — ни опор, ни обломков, ничего. Но на той стороне канала были ворота — бетонный, запертый огромными ржавыми створками портал. По обе стороны от него поднимались громадные башни, те самые, которые Димка заметил ещё вчера вечером — они были размером с двадцатиэтажный дом, усеянные разнокалиберными амбразурами.

Все эти укрепления выглядели заброшенными лет двести назад, но на галерее, тянувшейся над воротами, что-то двигалось. Оно походило на человека, но они не успели рассмотреть его подробнее — за их спинами вдруг раздались радостные крики.

* * *

Обернувшись, Димка едва не потерял сознания — то ли от слабости, то ли от невероятного облегчения. Их отряд всё же уцелел — хотя и изрядно сократился в числе. В глаза ему сразу же бросилась золотая кожа Вайми и другая, бледная — Льяти, на груди которого висел Ключ. Самое страшное всё же не случилось и им не придется начинать всё с начала... но в остальном дела обстояли совсем не так радужно. Ряды Маахисов поредели очень сильно — правду говоря, от всего их племени уцелела одна Файму и два её брата — Талка и Дэй. Квинсам повезло ещё меньше — Димка видел лишь их вождя, Шиана Та, и ещё одного парнишку, которого, как он помнил, звали Син. Досталось и землянам — Эдик исчез, Таньки с Аглаей тоже нигде не было видно. Но все остальные были здесь — и очень рады их видеть...

Но, едва Димка обвел глазами улыбающиеся лица своих друзей — и подруг тоже — как за его спиной вдруг раздались новые, дикие крики. Обернувшись, он увидел несколько... существ. Перекошенные дикой злобой хари были уже почти нечеловеческими и лишь по черным меховым трусам он с крайним удивлением узнал Хорунов — тех самых, что погибли при штурме Безвозвратного Города, казалось, что целую вечность назад. Должно быть, их тоже неким — и уже явно не случайным! — образом забросило сюда, и они с тех пор так и бродили вокруг Города Снов, пытаясь найти вход. Вне всяких сомнений, они заметили их с Матвеем и бросились в погоню. Было их всего человек пять — но в руках они сжимали копьё и дубины, усаженные острыми осколками обсидиана.

Их вид настолько поразил Димку, что ноги словно примерзли к земле. Убежать он не мог, к тому же, его вдруг охватила дикая, слепящая ярость — он совсем не собирался умирать сейчас, на пороге победы. Осатанев от неё, он выхватил меч. Первый подбежавший к нему Хорун замахнулся дубиной — и Димка отчаянно взмахнул мечом. Враг инстинктивно попытался прикрыться, меч Димки ударил его по предплечьям и по груди, перерубив руки, как палки — и Хорун с воплем отлетел куда-то назад, брызгая кровью...

Настигни их погоня всего-то на минуту раньше — на этом бой и кончился бы, потому что врагов оставалось ещё четверо и участь товарища не задержала их даже и на миг. Ближайший Хорун — до него оставалось всего-то метра три — замахнулся копьём, собираясь метнуть его в Димку... но тут из груди у него выросла стрела и он исчез в ослепительной вспышке...

* * *

В глазах Димки поплыли круги, в ушах зазвенело от треска и он не увидел и даже не

услышал, чем закончилась схватка. Когда он, наконец, проморгался и прочистил уши, от Хорунов не осталось и следа. Он невольно поискал взглядом отрубленные им руки — но они тоже исчезли, к его большому облегчению. Казалось, ему приснился страшный сон... но и Матвея тоже нигде не было видно.

* * *

Ошалело помотав головой — сейчас он уже не вполне понимал, была ли вообще встреча с Матвеем, не говоря уже о бое, — Димка повернулся к товарищам. Файму и Талка держали в руках трофейные луки Ана-Ю, Вайми — свой страшный фиолетовый нож. Впрочем, он тут же сунул его в ножны и лиловое сияние исчезло. Димку передернуло, едва он понял, что эти трое и расправились с Хорунами... и что он запросто мог случайно — или не очень — присоединиться к ним...

— Черт, ты живой всё же, — Борька заключил Димку в объятия с такой силой, что тот только охнул. Юрка обниматься не полез — но стоял совсем рядом и как-то подозрительно сопел...

— Живой, живой, — Димка вывернулся из объятий, сорвал пучок травы и начал торопливо обтирать меч — кровь на нем никуда не исчезла, напоминая о том, что всё это было, было — только что он отрубил руки живому человеку. Пусть тот иначе убил бы его — но на душе было на удивление гадко... — Вы-то тут как?

— Дошли, как видишь, — Борька обвел рукой отряд. — Только половина всего. Если бы ты в этого их хана не попал...

— А я попал? — Димка бросил пучок окровавленной травы и торопливо загнал меч в ножны — сейчас даже тусклый блеск острого как бритва клинка его необъяснимо нервировал.

— Попал, попал. А Вайми ещё из Ножа Раздора добавил. В общем, разбежались собакины.

— Раздора?..

— Ну... там... черт, там магия такая, что в кого попадет — начинает бросаться на товарищей, как бешеный. Вот собакины и помчались, подальше от них. А ТЕ — за ними. Хорошо хоть, нас не тронули, иначе бы вообще хана. В рукопашную же с собаками никак, они Маахисов как щенков паршивых раскидали, не прикасаясь даже...

— Так. Ясно, — Димка посмотрел на Астера, встретив его хмурый взгляд. Без него они бы сюда не дошли, теперь он понимал это точно. Но теплых чувств к Вайми у него не прибавилось, скорее, совсем наоборот. Не хотелось даже думать, где он добыл эту жуткую штуковину и для чего использовал раньше, до того, как она оказалась в тайнике посреди этой проклятой степи...

— Никого не задело? — между тем, спросил Вайми, обводя взглядом отряд. — Нет? Тогда пошли. Нечего тут маячить.

— Куда пошли? — удивленно спросил Димка. Вход в Город Снов был здесь, прямо перед ним.

— В город, конечно, — Вайми не менее удивленно взглянул на него. — Вход совсем не здесь.

* * *

К удивлению Димки, Вайми повел их назад, прочь от города — на север. Объяснять он ничего не стал и мальчишка, разумеется, злился — но это, в конце концов, уже не имело значения. Уже очень скоро все их приключения закончатся — так или иначе — а ради этого он мог и потерпеть...

По пути Юрка рассказал ему, каких страхов они натерпелись в степи — собакинов тут и в самом деле не было, но ночью бродили какие-то страховидлы, которых Вайми удалось отогнать лишь с помощью Ножа Раздора. Димка снова подумал о Ночных Стражах... но вновь не стал рассказывать о них. Встретиться с ними им уже не доведется никогда...

* * *

Вайми бодро шагал и шагал прочь от города и в какой-то миг Димка начал бояться, что он сейчас обернется и со смехом скажет, что никакого входа в Город Снов не существует — это точно была бы шутка столетия. Но тут они, к удивлению Димки, вышли на явственно различимую тропу — она начиналась где-то на западе и вела на восток, прямо к основанию гор. Вход в город всё же был... и при этой мысли его сердце ёкнуло. Их путь в этом мире завершался...

* * *

Они долго шли по этой широкой тропе, извивавшейся среди сохнувших травяных зарослей — пока путь им не преградил высокий земляной вал. Димка, вслед за другими, с трудом взобрался на него — и замер, удивленно осматриваясь. Раньше тут явно было что-то вроде крепости — вал изгибался полукругом, упираясь концами в отвесный склон горы. Мальчишка не сразу разглядел массивное безоконное строение, прилепившееся к склону вала изнутри — его плоский верх был покрыт дерном, а монолитные стены размалеваны черновато-зелеными разводами. Ещё несколько таких строений — бункеров на самом деле — виднелись справа и слева. Впереди же, уже прямоугольником, поднималась высокая бетонная стена, — а за ней серело унылое бетонное же здание, нелепое и неуместное здесь, посреди дикой глуши...

Димка оглянулся. Внизу начиналась унылая степь, поросшая жухлой травой, над ней поднимались мрачные черные горы. Справа, метров на сорок, в неё выдавался их скалистый выступ. Слева степь, казалось, не имела конца, переходя во что-то серое — в море. И надо всем этим неторопливо ползли тучи. Вполне осенняя погода — ветер был сырой, холодный, странным образом напоминающий о доме...

Он вздохнул и прищурился, глядя на степь. Там двигалось что-то белесое, какое-то животное — но чем дальше Димка на него смотрел, тем меньше оно ему нравилось. Что-то в этой твари было ужасно неправильное — то ли её мертвенный цвет, то ли то, что у неё, казалось, не было головы. Да и размером она была, самое меньшее, с лошадь — а, скорее, намного крупнее. Может, один из Ночных Стражей — которые, на самом деле, были не только ночными...

Димка вздохнул и с опаской посмотрел на обнесенный стеной двор. Мысль о том, что жуткие твари вполне могут поджидать их и там, изрядно его напугала. Нет, в теории-то такого не могло быть, да и трава вокруг выглядела нетронутой — но тут полагаться на что-то

уже было нельзя. Он не был даже уверен, что Ночные Стражи — это звери, а не какие-то жуткие призраки или ещё что похуже...

— Хватит там маячить, спускайтесь! — крикнул Вайми уже снизу, глядя на землян.

Переглянувшись, они быстро скатились с вала, нырнув в густую здесь траву. Димке вновь стало страшновато, — и, в то же время, он был рад, что странной твари отсюда не видно. Двери древнего бункера оказались совсем рядом и они подошли к одной из них.

За внешней литой дверью из шестидюймовой темной стали был короткий коридор, упиравшийся в квадратную ступенчатую амбразуру. Здесь он поворачивал налево, соединяя оба входных проема, и от его середины отходил новый коридорчик, упиравшийся во вторую литую массивную дверь. За ней висел призрачно фосфоресцирующий мрак, плотный, словно жидкость, и идти внутрь не хотелось, да и времени на это не было — Вайми уже махал им рукой, призывая следовать за ним. Он повел их прямо к единственным воротам.

По мере их приближения к стене она становилась всё выше — три метра массивных бетонных панелей. В ней зияла брешь распахнутых ворот, ведущих в просторный пустой двор. Там, шагах в пятидесяти, стояло массивное здание без окон, похожее на коробку. Димка обернулся к Вайми, собираясь сказать, что укрытие это — явно негодное, но тот и не стал входить внутрь, повернув направо...

Обойдя здание, они вышли к подошве отвесной скалы, поднимавшейся над ними на страшную высоту — её верх исчезал в ползущих низких тучах. В ней зияло широкое жерло пещеры, сейчас замурованной. В монолитной, с отпечатками досок стене темнела двустворчатая дверь из литого железа, настежь распахнутая. За ней начиналась широкая бетонная лестница. Она несколькими маршами спускалась куда-то в крошечную тьму — и идти туда не хотелось. Но, похоже, другого пути не было...

У дверей Вайми замер, повернувшись к отряду.

— Вот что, мальчики и девочки, — начал он. — Город Снов считается здесь раем — но на деле это вовсе не рай. Правит им орден Хранителей, который намерен сохранить его в текущем виде минимум до конца вечности — а если повезет, то и дольше. Помогает им в этом полиция. Когда я покидал город, в ней было сотни три здоровых лбов — и сейчас их вряд ли стало меньше. Поэтому — ни слова, ни полслова про Ключ и восприимца. Едва они про него узнают — то тут же отберут и засунут туда, откуда его сам дьявол не достанет, а Льяти тюкнут топориком по черепу, чтобы он воскрес подальше отсюда. А может, и нас с ним заодно. Так что молчите. О Поющем Черве, Безвозвратном городе и всём таком — тоже не надо. Мы — просто компания любителей хорошей жизни, которая пробилась в это благословенное место, а в Ойкумене всё тихо, мирно и спокойно — как всегда. Понятно?

— А на фига нам всё это? — спросил Димка. — Нам осталось-то всего — провести Льяти к Надиру, а там...

— Димка, Надир скрыт в Башне Молчания, а попасть в Башню можно только из дворца Хранителей, — ответил Вайми. — И путь к ней охраняют как зеницу ока, будь уверен.

— А какого черта ты нам это раньше не сказал?! — возмутился Димка. Мысль о том, что возвращение домой отменяется и они застрянут в этом месте, довела его до бешенства.

— А это что-то изменило бы?

Димка не ответил, задохнувшись от возмущения, и инициативу перехватила Файму.

— И что нам теперь делать? — спросила она.

Вайми вдруг усмехнулся.

— Здесь у меня остались друзья, довольно много. Вместе мы что-нибудь придумаем.

* * *

Льяти новость тоже не обрадовала, но дураком он всё же не был — по крайней мере, неохотно, но снял Ключ, и, ругаясь, запрятал его в свою сумку. Потом они цепочкой нырнули во мрак подземелья. От его влажных стен ощутимо веяло холодом и Димка невольно поёжился. Он видел только смутное белое пятно, словно плавающее перед ним в темноте — светлокожее тело Льяти. Казалось, что головы у него нет — черные волосы Виксена сливались с царившим здесь мраком — и мальчишке стало страшновато. Так вот и рождаются истории о привидениях...

Через минуту он добрался до конца лестницы. Мрак здесь был такой густой, что походил на призрачно фосфоресцирующую жидкость. Пахло водой, ржавчиной и плесенью. Димка не знал, что они станут здесь делать — не было видно ни зги — но тут вспыхнул показавшийся ослепительным свет.

Прищурившись, он увидел фонарик в руке запасливого Борьки — тот как-то пережил все их приключения и светил до сих пор довольно ярко. Подземелье в его свете выглядело не очень привлекательно — не то огромная канализация, не то какой-то пустой склеп. Его стены и потолок были из голого сырого бетона в отпечатках досок, на полу отчетливо виднелись лужи. Стена, в которой начиналась лестница, была глухой, напротив тянулся ряд глубоких округлых альковов, перемежавшихся с открытыми дверями, ведущими во мрак.

— И куда дальше? — нетерпеливо спросила Файму.

— Туда, — Вайми махнул рукой налево и отряд потянулся в ту сторону. Димка замыкал шествие. Все его мускулы мелко дрожали — отчасти от нервного напряжения, но по большей части просто от холода. Наверное, не такого уж сильного, но в этом теплом мире он напрочь отвык от него...

— Не могу поверить, что мы всё же добрались до конца, — продолжила Файму, когда они, миновав ржавую дверь, свернули в новый коридор — как две капли воды похожий на старый. — Я так боялась, что застряну в этом мире навсегда. Но, благодаря ему, я всё же стала настоящей, стала собой...

— Для других, но не для себя, — ответил Вайми, даже не обернувшись.

— Каждый из нас прошел свой путь, — вдруг выдал Сашка. — Но у кого-то он оказался коротким.

Повисло молчание. Сашка наверняка имел в виду, что кое-кому никакие приключения не помогут, подумал Димка. Аглая вот как была претенциозной дурой — так ей и осталась...

— Каждый путь ведёт в тупик, — заполнила паузу Файму, когда Вайми вдруг остановился, "осматривая" ладонями ничем не примечательную стену. — Стать настоящей для других, не для себя — так странно это слышать!

Димке вдруг очень захотелось узнать, что Вайми на это ответит... но тут квадрат монолитной казалась бы стены совершенно беззвучно и плавно начал уходить вглубь. Он не заметил, что Астер для этого сделал... но это не имело смысла. Всё равно, возвращаться им уже не придется...

* * *

Откатившись метра на два, стена замерла, открыв блестящие, словно смазанные жиром

рельсы — и неширокий боковой проход. Здесь был единственный путь — узкая железная лестница в тесной бетонной шахте, уходящей вниз. Смотрелось это не очень привлекательно — но тут откуда-то от входа вдруг донеслась грубая ругань. Похоже, что перебитый ими отряд Хорунов оказался не единственным...

— Все вниз, быстро! — шикнул Вайми.

Не споря, они побежали вниз по узким металлическим лестницам. К радости Димки, шахта оказалась неглубокой — всего этажа три. Миновав её, они вышли в короткий коридор. Две тяжелых стальных двери, к счастью, незапертых, вели в небольшой зал, залитый холодным, голубоватым и слабым светом длинных ламп. Здесь стоял маленький серебристый вагон с выпуклыми стеклами. В его глухой, с воздушными решетками, задней части, очевидно, помещался двигатель и Димка замер, ошалело глядя на него. Меньше всего он ожидал увидеть тут такое.

Он понятия не имел, что им с этой штукой делать — но тут в зал легко вбежал Вайми, широко улыбаясь.

— Я закрыл вход — и, уверен, эти уроды даже не заметили, куда мы свернули, — сказал он. — А подземелье большое. Искать его они будут вечность.

— А дальше-то куда? — прагматично сказал Борька. В самом деле, лезть в темный туннель не хотелось.

— Сюда.

Когда Вайми нажал пару кнопок на маленьком дверном пульте, бока вагона поднялись с легким шипением. Они осторожно вошли внутрь. Впереди, перед несколькими рядами удобнейших, обитых кожей кресел помещалась приборная панель. Вайми сразу прошел в моторный отсек. Сейчас он был совсем не похож на себя прежнего — наивного степного дикаря...

Димка вздохнул, а потом плюхнулся на любимое с детства место у окна. Сомнительно, что вагон оставили для них, но, так или иначе, им очень, очень повезло — хотя он и понимал, что это везение, скорее всего, оплачено смертью не одного десятка Туа-ти или Воронов, которым не удалось попасть сюда — по их же, кстати, вине...

Ждать ему пришлось недолго. Буквально через минуту сзади донесся приглушенный, но безошибочно узнаваемый гул дизеля. Вагон слабо завибрировал. Едва Вайми вернулся к пульту машиниста, входные панели опустились; поезд тронулся. Димку ощутимо вдавило в спинку кресла: он двигался быстро. За выгнутым стеклом, совсем близко, помчалась серая бетонная стена туннеля, то и дело прерываемая такими же маленькими пустыми станциями. Потом вагон мягко остановился на последней из них. Вайми заглушил двигатель, потом двери вагона поднялись. Они вышли. Ещё две тяжелых стальных двери — и Димка увидел падающий сверху, явно дневной свет в конце нового короткого коридора.

* * *

Миновав его, Димка задрал голову. Они стояли на дне круглой шахты с литыми бетонными стенами, у начала оббегающей её спиральной лестницы. Она вела к кругу хмурого облачного неба — подняться тут можно было без труда.

— Ну вот, мы у цели, — Вайми эффектно простер руку, указывая вверх. — Прощу!

Но как раз подняться оказалось непросто — по крайней мере для Димки, который ослабел от голода, а попросить у товарищей пожрать забыл за волнениями пути. Изогнутая лестница казалась мальчишке бесконечной — но он изо всех сил старался не подавать виду, что с ним что-то не так...

Миновав её, Димка наконец остановился, переводя дух и одновременно осматриваясь. Его занесло на небольшой пустырь на месте снесенного дома — участок неровной земли, из которой там и сям торчали куски битого кирпича. Впереди поднималась массивная кирпичная же стена другого старого дома — глухая, с низким треугольным фронтоном. Слева был высоченный деревянный забор, справа, на улице, рос могучий древний тополь. Или что-то, на него похожее.

Как оказалось, тут их уже ждали — прямо под тополем или как тут называлось это дерево, стоял светловолосый парень, которого Димка в первый миг принял за пропавшего Матвея — почти обнаженный, худой, поджарый — но его темно-золотые блестящие волосы тяжелой гривой лежали на плечах, а стройная, словно литая фигура вовсе не казалась неуклюжей. Её прикрывали лишь куцые шорты и сандалии.

Едва заметив Вайми, парень тут же подбежал к нему и заключил в крепкие объятия. Ежу ясно было, что он очень рад его видеть.

— Черт, я же говорил, что ты вернешься! — парень, наконец, неохотно отпустил изрядно помятого Астера.

— Позвольте представить — Фао Лэй, — сообщил Вайми и обвел рукой отряд. — Фао, это — мои друзья.

— Очень приятно. Добро пожаловать в Город Снов! — Фао вновь широко улыбнулся. — Вы, наверно, устали с дороги?

— Очень, — буркнул Димка. Фао ему сразу не понравился, причем, сильно. То ли из-за померещившегося сходства с Матвеем, то ли из-за нарочито-бодрого тона. Да и наряд его нельзя было назвать приличным...

— О, это понятно, — если Фао и заметил его тон, то не обратил внимания — или, по крайней мере, не подал виду. — Идемте, я провожу вас в Маал-Нау, там вас будут очень рады видеть. Ты не против? — он повернулся к Вайми.

— Ничуть.

— О, прекрасно. Пошли. Постарайтесь не свернуть себе шеи, когда будете смотреть по сторонам. Наш город очень необычен.

Вслед за Фао отряд потянулся на улицу. Не слишком-то широкую, к тому же, её стискивали внушительного вида здания высотой в шесть или семь этажей. Они и в самом деле мало походили на знакомые Димке — с башенками и шпилями, в готическом стиле, но вот улица между ними была вполне обычная — разве что без машин. Она утопала в густой, плотной зелени — очень темная, та имела отчетливый коричневый оттенок. Да уж, не Земля...

Димка вздохнул и всё же задрал голову. Здания венчали просторные трапециевидные балконы с массивными чугунными перилами и парами тонких, увенчанных острыми крышами башенок. Ниже зеленовато-белые и розоватые стены были гладкими, с узкими стрельчатыми окнами, тонувшими в тени, — под хмурым небом улица казалась сумрачной. Над стенами поднимались высокие — ещё этажа на два — острые крыши, покрытые

зеленоватой черепицей. Казалось, что он вдруг попал куда-то в Германию и это тоже было неожиданно и неприятно...

Фао шагал рядом с ним, то и дело оглядываясь на отряд и откровенно наслаждаясь их обалдением. По дороге Димка украдкой разглядывал их нового знакомого — на вид всего лет пятнадцати, ловкий, гибкий, с гладкой, темно-загорелой кожей. Она блестела, словно влажная, а густые волосы Фао были темно-золотистого цвета. Лицо у него было короткое и широкоскулое, пухлогубое, с ярко-зелеными глазами, большими и длинными, косо поднимавшимися к вискам. Красивое лицо — но слишком странное...

Улица, по которой их вел Фао, оказалась недлинной. Миновав её, он повернул в сторону — и путь им преградила тронутая ржавчиной железная решетка высотой в добрых метра три. Фао жестом фокусника выхватил из кармана шорт пластиковую на вид карточку и вставил её в щель какого-то неприметного устройства. Замок тут же мягко щелкнул и решетчатая калитка — сама по себе — отворилась, как в сказке. Войдя в неё, Фао повернул в сторону — и Димка удивленно замер, попав в обширный двор, окруженный четырехэтажными желтыми домами. Весь он, кроме ведущей от ворот и оббегающей его центр дороги, был покрыт травой, здесь же росло несколько деревьев. От дома перед ним, справа, отходило что-то вроде огромного старинного амбара высотой этажа в два — его беленые стены, прорезанные узкими окнами, кое-где уже осыпались, обнажая кирпич. Над ними ещё этажа на два поднималась громадная, дощатая на сей раз крыша, почерневшая от старости и зиявшая тут и там прорехами — судя по ним, здание забросили ещё лет сто назад...

Слева было что-то вроде открытого танцевального зала — на его террасе, за столиком, сидели два парня в легких куртках, с любопытством глядя на гостей. Димка смутился и перевел взгляд. Это явно были охранники или полицейские и ему не хотелось привлекать их внимание...

Не удостоив охрану даже взглядом, Фао обошел "амбар". Двор продолжался и за ним, он был гораздо обширней, чем представлялось на первый взгляд — и притом, кроме этой парочки, в нем не было видно ни одного человека. Замыкала его желтая, под железной крышей, стена высотой метра в четыре. Димка миновал тяжелую, старинного вида, железную дверь в ней, потом замер, удивленно осматриваясь. Перед ним был редкий, ухоженный парк, уставленный белыми статуями и низкими фонарями. Слева была огороженная высоченной сеткой и заросшая низкой, ухоженной травой спортивная площадка. Сама Маал-Нау стояла в конце парка, чуть справа — древнее, как с гордостью сообщил Фао, двухтысячелетнее здание, сложенное из громадных глыб гладкого, коричнево-смуглого базальта. Оно казалось покинутым: ни одно из окон не светило. Димке тут стало неуютно — но его никто не спрашивал...

Они пересекли пустынный парк — здесь всё было старым и тронутым временем, но не обветшалым: скамейки, выступавшие из земли камни, утопанные тропинки — потом поднялись к тяжелой бронзовой двери между трапециевидными пилонами Маал-Нау. Несмотря на охрану у входа, она была заперта, но их, как оказалось, ждали — всего через минуту её открыл третий парень в серой куртке. За ней был обширный сумрачный зал с уходящими в темноту колоннами. Неприметный проход сбоку вел в массивную толщу пилона, на освещенную тусклыми лампами лестницу, украшенную древними барельефами зверей и резьбой. Охотно верилось, что зданию и впрямь две тысячи лет...

Здесь царила тишина; они неспешно поднялись на самый верх, на последний, пятый этаж Маал-Нау. А потом...

Как-то вдруг Димка оказался в просторной, ярко освещенной комнате. Её окна были задернуты тяжелыми шторами, обстановка самая неформальная — какие-то туалетные столики с зеркалами, громадные шкафы, пуфики, кресла, громадная кровать с ватным, обшитым шелком одеялом...

Здесь было несколько парней и девчонок — в чем-то вроде ярко-пёстрых футболок и в шортах. Они оторопело уставились на гостей, потом бросились к Фао, наперебой расспрашивая и их, и его. От столь резкой перемены обстановки в голове у Димки всё поплыло. Он едва осознавал окружающее, словно вдруг оказался во сне: название города хотя бы в этом оказалось верным. Их отвели в какой-то просторный зал без окон, залитый ярким желтым светом свисающих с потолка люстр, долго рассаживали за тут же накрываемые столы. Потом они ели какой-то громадный и поразительно вкусный торт, потом началось уже настоящее веселье. Димка смутно помнил, как вокруг него болтали и смеялись. У него же в голове всё плыло от усталости, так что участвовать во всём этом долго он просто не смог. Он едва помнил, как оказался в какой-то темной комнате, свалился на постель и уснул...

Глава Шестая: Лабиринт снов

*Колонна за колонною,
Под знаменем своим,
Проходим, закалённые,
По улицам родным.
Поёт труба походная,
Грохочет барабан,
И песню нашу слушают
Ребята разных стран.*

*Смелей, вперёд,
Ровней держите шаг.
Горит огнём над нами красный флаг.
Придёт пора -
Прославим мирный труд,
На всей Земле — товарищам салют!*

*Пока что пионеры мы,
Но пусть пройдут года -
Мы станем инженерами,
Построим города.
Отправимся в пустыни мы,
На горы мы взойдём,
Мы пустим реки синие
Невиданным путём.*

*Чтоб все росли счастливыми
Под солнцем золотым,
Украсим степи нивами,
В сады их превратим.
Мы Землю переделаем,
Взлетим мы к небесам.
Дела большие, смелые
По силам будут нам.*

Л.Некрасова

Вокруг стало гораздо темнее и Димка сначала не понял, что весь мир вокруг... изменился. Даже заря и Венера стала тусклее... потом он увидел на её месте незнакомую желтоватую звезду, а выше — другую звезду, по яркости похожую на Юпитер, но синего цвета. И всё. Других звезд на небе просто не было, лишь ровные темные полосы, похожие на балки колоссальных размеров. И ещё — громадная, во много раз больше земной, луна, синеватая, пятнистая... даже не луна, а какая-то другая планета...

Он ошалело помотал головой и осмотрелся. Серый был совсем рядом с ним — он сжимал в руке копьё и стоял, тоже удивленно осматриваясь. Вокруг них простиралась травянистая равнина с редкими кучами кустов. Лишь на востоке поднимались темные на фоне зари тучи пара. За ними темнело нечто вроде крепостного вала.

Так как других признаков цивилизации видно не было, они побрели в ту сторону. Вал оказался дальше, чем они думали, к тому же, идти босиком оказалось очень неудобно. Ноги путались в густой траве, они то и дело оскальзывались на невидимых кочках. К счастью, вокруг постоянно светлело, потом взошло солнце... если его можно было так назвать. Квадратное, составленное из сотни, наверное, квадратиков поменьше, оно походило на какой-то фантастический фонарь.

Поняв, что на сей раз их занесло уже в какой-то запредельно чужой мир Димка испуганно вскинулся... а потом устало откинулся на подушку. Всё это оказалось лишь сном — хотя и до жути реальным...

Он помотал головой и осмотрелся. Комната была небольшой и бедной на вид, с темно-синими, крашеными стенами. За узким окном-коридором в толстенной стене колыхалась сплошная масса залитых багровым солнцем ветвей. Судя по ним, было уже утро. Димка спал так долго и так крепко, что совершенно потерял ощущение времени. Скажи ему кто-то, что он проспал год — он не удивился бы...

Он вспомнил балки, пересекающие небо. Ему вдруг стало очень неудобно — словно во сне его уменьшили до размеров микроба и засунули в какой-то заброшенный сарай...

Вновь недовольно помотав головой, он отбросил покрывало (лишь сейчас Димка понял, что обнажён — пока он дрых, его как-то раздели), и поднялся, осматриваясь. С одной стороны — гладкая дверь, с другой — окно. Ещё одна дверь сбоку. Да, ещё удивительно удобная постель, на которой он только что спал. В комнату доносился слабый гул — словно где-то за стенами работала какая-то машина. Вот и всё.

В ногах на постели лежала одежда — черные трусы и туника из плотной тёмно-зелёной ткани, с короткими рукавами и глухим воротом. Тут же лежал крепкий кожаный ремень. Ни обуви, ни штанов, но и выбора тоже — или одевайся, во что есть, или ходи голый. Все его старые вещи (и оружие тоже!) исчезли и Димка нахмурился. Это было уже слишком уж активное гостеприимство — и с этим он решил разобраться.

Открыв боковую дверь, мальчишка обнаружил вполне приличную ванную. Он привел себя в порядок, умылся и почистил зубы. Потом натянул тунику и вновь посмотрел на себя. Она была вполне удобной и представляла (на его взгляд) бредовый гибрид летнего платица с военным мундиром — но лучше уж так, чем гордо сверкать причиндалами...

Отправившись на поиски людей, он вышел в коридор. Окон здесь не было, зато было множество тяжелых деревянных дверей, ведущих непонятно куда, и всё вместе здорово напоминало лабиринт.

Спросить тут было некого, так что Димка плюнул за приличия и начал дергать все двери подряд. За одной из них он нашел Борьку, как раз приступившего к завтраку, состоявшему, собственно, из глубокой эмалированной миски, до краев полной порезанных горячих сосисок, залитых томатным соусом. Одет он был совсем иначе, чем вчера: рабочие штаны, сандалии, джинсовая куртка. Под ней, в разрезе ворота, виднелась ослепительно-белая майка.

— Откуда дровишки? — спросил Димка, плюхнувшись за стол. То, что друг переоделся во всё местное, задело его довольно сильно.

— Туземцы дали, — Борька лишь пожал плечами. — Тут у них натуральный коммунизм. Под землей что-то типа завода, из него в магазины подается одежда и всё прочее. Только платить совсем не надо — заходи и бери, что душа велит.

— А еда? — Димка понял, что ему вновь хочется есть, причем, довольно сильно.

— Да оттуда же. Тут буфет есть, в него на лифте три раза в день подается еда. Любая и всякая. Искусственная, наверное, но на вкус без разницы. Я на тебя тоже взял.

— Ладно, давай, — жрать эту искусственную еду, изготовленную бог весть как и из чего, Димке не слишком-то хотелось, но единственным другим вариантом было просто помереть с голоду.

Молча, зевая, Борька принес Димке вторую порцию. Ели они молча, потом Борька посмотрел на него — как будто в первый раз — и встряхнул волосами.

— Оружие твоё у меня, — сказал он, предупредив вопрос Димки. — А вот барахло пришлось выбросить. Там рваньё уже совсем.

— А мой рюкзак где?

Борька вздохнул.

— Мы его там оставили. В развалинах. В степи то есть. Думали, что ты того уже. Не свидеться.

— Спасибо, друг, — буркнул Димка. Хотя, чего он ожидал?.. Стал ли бы он тащить рюкзак Борьки, случись с ним вдруг что?.. — Наши-то где все?

— Дрыхнут ещё. Нажрались и дрыхнут.

— А остальные?

— Да тоже. Ты сразу спать пошел, а они засиделись. Вот и результат.

— И Вайми и Льяти?

— И они.

— Так. Ясно, — Димка подумал. — Вот что. Мы должны понять, что здесь происходит, как попасть к Надиру и так далее. Если дело зашло так далеко, как я думаю, местные на рога встанут, чтобы нас к нему не допустить. Поэтому всем надо сказать, чтобы молчали, иначе конец.

— И с чего мы начнем? — спросил Борька довольно скептически.

Димка оттянул подол туники, с отвращением глядя на неё.

— Одежду нормальную пошли искать.

* * *

Так и не встретив никого, они свернули в боковой коридор — поуже и хуже освещенный. Здесь тоже было множество дверей; за одной из них обнаружился душ. С горячей водой, мылом и всем прочим. Не устояв перед искушением, Димка вымылся, вытерся мохнатым полотенцем, потом они отправились на поиски подходящей одежды. В углу одной кладовки нашлась груда старья, должно быть, предназначенного на тряпки. Димка обнаружил здесь вполне приличные рабочие штаны и куртку. Не новые, но куда лучше этой туники.

Когда он переделся, они вновь вышли в коридор. Здесь, наконец, им попался худенький парнишка, который с крайним любопытством уставился на них.

— Ты знаешь, где Фао? — спросил Димка. — Фао Лай?

— В... — парнишка задумался, очевидно поняв, что они не знают планировку здания. — Ой, давайте я вас отведу...

* * *

Парнишка провел их в комнату, похожую на гостиную. Но, несмотря на яркий свет и красивую обстановку, Димке она не понравилась — за заваленным едой столом сидели десятка полтора парней и девчонок и увлеченно жрали. Никто даже не взглянул на вошедших, к тому же, Фао здесь не было, он ушел ещё куда-то. Плюнув, Димка вернулся в коридор. Их провожатого уже и след простыл.

— И что делать будем? — спросил Борька, засунув руки в карманы куртки.

— В город пойдем, — Димка усмехнулся. — На разведку, так сказать.

* * *

Отперев тяжелую бронзовую дверь, они вышли в парк, уставленный призрачно белеющими статуями и низкими фонарями. Их тусклый синий свет был похож на лунный. Спортивную площадку справа заливал чуть более яркий, но тоже призрачный свет, небо было уже сумрачным и Димка замер, удивленно осматриваясь. Сейчас был вечер, а не утро — нажравшись на торжественном завтраке, он продрых потом весь день. Но всё-таки не сутки, как ему сначала показалось...

В парке никого видно не было и мальчишки прошлись по нему. Димка оглянулся. Громадное древнее здание было по-прежнему темным. В редких узких окнах под крышей виднелись лишь мутные отблески заката. Но теперь Димка понимал, что оно совсем не пусто, просто его обитатели не слишком интересовались внешним миром...

— Дальше-то куда? — спросил Борька.

Димка задумался. Он, как говорится, "заспал" вчерашний день и в памяти остались лишь какие-то бесконечные калитки, через которые они пробирались сюда.

— А по кругу вдоль ограды. Есть же здесь какой-то выход...

* * *

Так никого и не встретив, они обошли здание. С этой стороны деревья парка расступались. От парадных, видимо, дверей Маал-Нау широкая, мощеная каменными плитами аллея вела к арке в обегавшей двор стене. Её перекрывали черные железные ворота, но в них нашлась калитка, запертая на обычный засов. Отодвинув его, мальчишки вышли на улицу. По ту её сторону тянулся бесконечно длинный пятиэтажный дом с редкими желтыми квадратами освещенных окон, слева над ними вздымалась бледная стена другого, девятиэтажного дома — в его окнах отражалась причудливая вязь облаков. Сумерки уже сгустились, но фонари здесь пока что не горели и город, освещенный лишь отблеском этих далеких разметанных закатных облаков, был незнакомым и таинственным. Особенно таинственными Димке казались окна, тускло желтевшие из тени фасадов и сквозь

переплетения листвы. Людей, правда, видно не было — но тут за спиной вдруг послышался топот. Из калитки выбежал парень просто исключительной лохматости. Димка ещё только раз видел такого же лохматого парня, то есть Асэта. У парня были не просто длинные волосы, а такая объемная грива, что лицо в ней терялось, словно в капюшоне. На миг Димке показалось, что это и есть Асэт... но грива у парня была темно-русая, с рыжеватомедным оттенком. И лицо широкое, получукотского типа — по крайней мере, так казалось. Он был в мешковатых черных штанах и сандалиях на босу ногу, в блекло-золотистой майке с короткими рукавами, сплетенной из тонких шнуров. Димка подумал, что сейчас их ждет выволочка за самовольное оставление места пребывания — но парень отбросил с лица свои лохмы и вдруг улыбнулся.

— Привет. Я Джен. Джен Кайюти, — он даже слегка поклонился. — А вы?..

Мальчишки представились.

— Очень приятно, — Джен снова слегка поклонился. — Вы пошли посмотреть город? Очень хорошо, что я успел вас первым заметить — теперь я смогу всё вам показать.

Димка понимал, что Джена отправили приглядывать за ними — но посылать его подальше смысла не было, об городе они просто ничего не знали...

— Да, посмотреть, — буркнул он. — Веди давай...

* * *

Какое-то время они брели в чудесном сумраке. Потом наконец загорелись фонари — сначала мерцающим бело-фиолетовым светом, потом таинственно-тусклым темно-синим — и в эти минуты Димке показалось, что он снова попал в какой-то другой мир. Потом фонари разгорелись, заливая тротуары своим ярким бело-синим светом, ветер стих, небо потемнело и как-то вдруг наступила тихая, безлюдная ночь. Мальчишки неспешно брели по совершенно пустынному бульвару. Было ещё вовсе не поздно — даже не стемнело — но вокруг них не осталось ни души, а тишина стояла такая, что можно было услышать эхо их шагов — хотя шагали они совсем негромко. Прохладный и свежий воздух неожиданно сильно пах морем — легкий ветерок приносил его запах от недалекого берега. На западе стояло тусклое, серосеребристое зарево гаснущего заката, к горизонту слабо отливавшее зеленью. Оно рассеивало тусклый, призрачный полусвет — достаточно, впрочем, яркий, чтобы узнать знакомого за сотню шагов. Вот только знакомых тут не было — город был чужой и довольно-таки странный. Низкие квадратные здания, по большей части, трехэтажные, стояли очень тесно, разделенные лишь узкими бульварами. Посаженные на них стройные, довольно высокие деревья составляли нечто вроде осеннего, полупрозрачного леса. Вокруг царил поразительная тишина — её нарушал только слабый, печальный шелест листьев. Низкие фонари на этом бульваре и на соседних горели так тускло, что пятна отброшенного ими вниз света казались призрачными, существующими совершенно отдельно, не то ступавшимися из воздуха, не то проступающими из-под земли, так что город был погружен в таинственный полумрак. Цепочки этих бело-синих фонарей в глубине поперечных улиц таинственно уходили в темноту. Кое-где на фасадах домов виднелись другие огни, желтые и красноватые, но не горело ни одного окна — город казался вымершим и это, вместе со слабым, едва уловимым горьким запахом дыма вызывало в душе Димки странное, восторженно-тревожное чувство. Сами фасады домов были темными, лишь кое-где на них

лежал слабый бледный отблеск умиравшего заката.

Димку очень заинтересовали эти тусклые, голубовато-млечные фонари — примерно так же выглядит ртутная лампа через плафон матового стекла. Но никакого плафона тут не было — над бокаловидной, расширенной верхушкой фонарного столба парил светящийся шар диаметром сантиметров в двадцать — совершенно не к чему ни прикасаясь. Граница его была четкой, какой-либо внутренней структуры Димке рассмотреть не удалось, лишь на фоне шара прыгали какие-то светлые, довольно яркие точки, словно ночные бабочки у фонаря.

Вдруг от шара отделилось кольцо того же млечного цвета. Оно стало медленно и равномерно расширяться — как волна от брошенного в воду камня, но в замедленном времени. Шар при этом продолжал неподвижно парить. Зрелище было на удивление красивое и Димка невольно замер, приоткрыв рот от восхищения — казалось, всё это происходит во сне.

Кольцо увеличилось в диаметре метров до трех, и, растаяв, исчезло, прожив не более чем полминуты. Потом шар выдал второе кольцо, менее яркое, чем первое. Оно тоже расплылось и начало исчезать. В этот миг шар начал деформироваться, превратился в нечто вроде груши и как-то очень быстро исчез, оставив широкое облако красноватого свечения, едва заметного на фоне чуть светлевшего уже неба. Вскоре оно окончательно погасло — и почти сразу же из верхушки фонаря появился второй шар. Он возник словно мыльный пузырь, выдутый через соломинку, чуть приподнялся и повис неподвижно. Димка был заинтригован до самых кончиков волос и бездумно приподнялся на цыпочки, разглядывая его.

Окраска шара была похожа на окраску пленки мыльного пузыря, но кроме синеватых цветов был и молочно-белый. Белые пятна занимали немного места, но всё время двигались друг относительно друга. В шаре словно пульсировала жизнь — или происходил какой-то колебательный процесс. Вокруг молочно-белых пятен расплывались концентрические круги неправильной формы. Окраска их менялась от бледно-голубой около пятна до темно-синей вдали от него.

Никаких звуков шар не издавал, ничем не пах. Он был непрозрачен, немного неправильной формы, она постоянно, хотя и слабо, менялась. Кроме того, шар испускал мягкий рассеянный свет, от которого он не мог отвести глаз.

— Что это? — наконец, спросил Димка.

— Фонари Файиу, гордость нашего города, — Джен усмехнулся. — Красиво, правда?

— Да. Очень.

— Это не только для красоты, — Джен вдруг вздохнул. — Но и от киноидов. Ну, и от других врагов тоже, но сейчас от киноидов.

— Киноидов? — Димка вспомнил, что так назывались полуразумные слуги собакинов. — А как они сюда попали?

— А пёс их знает, — Джен пожал плечами. — Может, воскрешалкой забросило, может, ещё как. Но побережье они заняли и район Вайит тоже. Если бы не баррикады и не шары Файиу, они весь город заняли бы. А так стоит им высунуть свои поганые морды — и шары летят к ним, а долетев взрываются. Отчего им сразу же каюк.

— Вот оно как...

Глубоко задумавшись, Димка встряхнул волосами и осмотрелся. Сейчас они шли по бульвару, мощеному шершавыми гранитными плитами. Справа от них, за чугунной оградой,

был сквер, похожий на дебри первозданного леса — частокол светлых тонких стволов, стоявших так тесно, что деревья казались сплошной стеной. Слева тянулись кварталы низких квадратных зданий, казавшихся темными силуэтами. Ещё одно прямоугольное здание — куда более высокое и массивное, чем все прочие — стояло впереди. На фоне заката оно казалось монолитной глыбой тьмы и внимание Димки привлекло единственное яркое пятно на нем — бело-золотой проем освещенного входа, как будто бы обещавшее нечто необычное.

— Что это? — спросил он.

— Дворец Хранителей, — Джен широко улыбнулся. — Сердце нашего города. Хотите посмотреть?

Сердце Димки ёкнуло — но отказываться от столь неожиданной удачи он, понятно, не стал.

— Конечно, хотим.

* * *

Удивленные и заинтригованные, они направились к дворцу. Идти им пришлось примерно минут пять. От возбуждения душа Димки буквально искрилась, его тело было полно играющей, нетерпеливой энергией — может быть потому, что Джен, заглянув на минуту в магазин (или в распределитель, как они здесь назывались) подарил им замечательные сандалии — черные, с мягкими кожаными ремешками и толстой, очень упругой подошвой, ощутимо подталкивающей ступни при каждом шаге. В ней был вырез точно по форме босой ноги, которая входила в него до ногтей на пальцах, а в нем были выступы, нажимавшие на чувствительные точки, — даже между пальцами, отчего обычная ходьба превращалась в чувственное удовольствие, почти неприличное. Сама подошва выступала со всех сторон сантиметра на полтора и в неё, как пояснил Джен, были встроены пьезоэлементы — при каждом шаге её окаймляли бегущие разноцветные огоньки, довольно-таки яркие, а перед пальцами, в узкой пластиковой полоске, пятицветный свет горел постоянно — получалось что-то вроде фонариков, освещавших землю под ногами. У пяток Димка обнаружил крохотные розетки — пьезобатарейки давали достаточно тока, чтобы питать и другие элементы гардероба, но до них у Джена не дошли руки.

Наконец, он привел их на площадь, за которой поднималось плоское, увенчанное исполинским карнизом здание дворца. Войдя в средние из трех высоченных и тяжелых деревянных дверей, — они одни были высотой метров в пять, — Димка удивленно приоткрыл рот. Всё здание внутри оказалось одним громадным залом. Могучие, метров по тридцать, колонны подпирали крестообразную сеть массивных балок-карнизов, украшенных цветной лепниной. Такими же цветными были и квадратные ступенчатые углубления потолка. А под ними простерся целый город — лабиринт глухих, высотой иногда с трехэтажный дом стен, тоже увенчанных массивными карнизами, над которыми поднимались целые богато украшенные здания. Всё это заливал бело-золотой свет громадных люстр, свисавших из розеток в центре каждого квадрата потолка. Раньше Димка даже представить не мог, что такая вот роскошь вообще возможна.

— Охренеть, — наконец сказал Борька. — Как же вы это построили?

— Не мы, а Мастер, — Джен бездумно поклонился, истово, с благоговением. — Он создал этот город для нас.

Да в жопу твоего Мастера, — захотел сказать Димка, но сдержался. Правду говоря, он был потрясен, почти раздавлен зрелищем. Джен между тем уже тянул их дальше.

— Нам повезло, сейчас кино будет. "Вселенная лхисс". Крутой фильм.

— А у вас тут и кино есть? — удивленно спросил Борька.

Джен вновь широко улыбнулся.

— Конечно.

* * *

Через минуту мальчишки не спеша брели по анфиладам дворца, направляясь в кинозал. Помещения эти были весьма примечательны — просторные, без окон, очень высокие, почти кубической формы, залитые неярким, зеленовато-белым светом, словно сочившимся из стен — столь незаметно были расположены лампы. Здесь господствовали три цвета — белый, бледно-зеленый и темно-коричневый — странноватое, но, в общем, уютное сочетание. Ещё одна необычная деталь привлекла внимание Димки — в углах некоторых комнат зияли обширные квадратные проемы, сквозь которые виднелись нижние этажи.

Спустившись по лестнице, они вышли в кинозал — шумное, очень просторное помещение, выдержанное в светло-палевых тонах. Дизайн его был футуристическим — откидные, словно в самолетах, кресла, сложные изгибы стен — из-за них зал напоминал отчасти внутренности бочки. Он был действительно очень большим — высотой этажей в шесть и люди в дальнем его конце казались крохотными.

Никаких билетов тут никто не продавал и не спрашивал, так что они просто устроились в нижних рядах, недалеко от входа, где ряды кресел поднимались над ними, словно склон холма. Едва ли треть их была занята — но вокруг висел ровный, неразборчивый гул, негромкий, но удивительно уютный. На галереях, прорезавших стены в задней части зала, тоже виднелись люди. Их здесь точно были тысячи и голова у Димки закружилась. Он уже успел отвыкнуть от такого многолюдья и оно поначалу даже напугало его. Людей здесь было больше, чем во всей Ойкумене, и вслед за страхом пришло горькое чувство обиды — все их приключения показались ему какой-то нелепой беготней дураков. Ему даже захотелось уйти... но тут свет в зале начал гаснуть. Одновременно загорелся экран. Названия фильма или каких-то титров не было. На экране распахнулась зеленая равнина, по которой неслась лавина страхолюдных зверюг — в них Димка с удивлением узнал приснопамятных *замунгов*, здоровенных гиенообразных тварей, на которых рассекали тут Хоруны. На них сидели ещё более отвратные твари. Они не походили на людей — скорее, на горилл. Они были больше людей, с черным мехом, в чем-то вроде кожаных доспехов, с мечами и топорами в лапах. Димка невольно передернулся — даже на экране смотрелось это жутко.

Потом изображение изменилось, уменьшаясь, открывая ещё больше всадников — тоже огромных, косматых, в тяжелых темных мехах. Потом ещё сдвинулась и Димка увидел что-то типа редутов или флешей, соединенных валом и рвом. А в них массу солдат — теперь уже несомненных людей — в светлых мундирах, суетившихся у старинного вида пушек или торопливо заряжавших тоже старинные длинные ружья.

Изображение вновь сдвинулось. С высоты птичьего полета он увидел укрепления — и катящуюся на них необозримую лавину. Навстречу ей ударили длинные белые дымы — залпы ружей и пушек.

Камера спикировала вниз. Димка увидел, как ядра буквально разрывают на куски *замунгов*, как другие, пораженные пулями, кувыркаются через голову, подминая всадников. Но их оказалось просто слишком много. Пока солдаты перезаряжали свои древние ружья и пушки, *замунги* доскакали до укреплений и первый из них вдруг буквально взвился в воздух, перелетая через ров и вал. Из-под чудовищных когтей фонтанами взлетела земля — казалось, что на месте его приземления разорвался снаряд. Вслед за ним приземлялись и другие, огромные хищники рвали и разбрасывали людей, словно демоны смерти. Их встречали штыками и выстрелами в упор. Каждому из них удавалось прожить не более десяти секунд — и каждый успевал устроить настоящую бойню. Очень скоро защитников смяли, одолев количеством. Осталась лишь кучка людей на бугре — очевидно, генералов, руководивших сражением. Твари кинулись на них со всех сторон. Эта сцена поразила воображение Димки — крошечный островок людей в белом и золотом посреди кипящего черного моря. Очень скоро последние защитники пали и нападавшие в едином порыве устремились на вершину бугра. Над ними взметнулось огромное знамя — темно-багровое, с какими-то хвостами на конце и со странным символом из изогнутых черных полосок в центре, похожим на водоворот.

Вдруг изображение замерло. Пейзаж вокруг поплыл, изменяясь с почти неразличимой быстротой — словно ход времени ускорился вдруг в тысячи раз. Сами же фигуры начали буквально бронзоветь, и, когда мелькание прекратилось, Димка увидел выхоленную травяную лужайку, в центре которой стоял памятник. Вокруг раскинулся роскошный парк, по нему бродили диковинные создания в разноцветных полупрозрачных плащах. Под ними виднелось нечто вроде ременной "упряжи" с батареями, подключенными к телу проводами и какими-то непонятными приборами. Никакой другой одежды не было, но разноцветные волосы и люминесцирующая кожа придавала им откровенно сюрреалистический вид. Димка был не в силах определить, где тут мальчики и девочки, да это его и не очень занимало — перед ним были те же гориллообразные твари, только с облысевшей кожей и чуть более похожие на людей, хотя выражение на их лицах или мордах было по-прежнему вполне зверским.

Парк начал уходить вниз, вокруг показался город — его огромные башни сияли стеклом и полированной сталью. Город продолжал удаляться и уходить вниз, теперь его здания казались целой горной страной, залитой сиянием заката. Наконец, в кадр вплыл берег моря и расположенный на этом берегу космодром, — над ним парил огромный, не меньше километра в длину, корабль, похожий на автоматную или винтовочную пулю с закругленным кончиком. На его борту промелькнул тот же похожий на водоворот черный символ.

Кадр затянуло облаками — а когда они рассеялись, Димка смотрел уже из космоса, на уходящий в тень материк, усыпанный сияющими звездами городов. Он всё ещё уменьшался и уплывал вниз. В кадр вплыл зеркальный бок непонятной конструкции, потом ещё одной и ещё, и вдруг появилось нечто вроде порта — колоссальный цилиндр, мохнатый от множества длинных "пирсов", ко многим из которых были пришвартованы такие же пулевидные корабли.

Наконец, в поле зрения появилась вся планета. Похожая по цвету на Землю, но, конечно, с совсем другими очертаниями материков и океанов. Рядом с ней вдруг появилась другая... потом ещё и ещё. Они плыли в пронизанном синеватыми туманностями пространстве подобно падающему снегу. Потом появилось ядро этой невероятной структуры

— не солнце, а линзообразный сгусток голубого пламени, из полюсов которого вырывались узкие конусы света...

Изображение затянулось голубым туманом. Вскоре стало ясно, что он образует исполинскую сферу силового поля, замыкающего в себя эту искусственную вселенную, — и Димка окончательно перестал понимать происходящее...

* * *

Всё остальное он запомнил очень плохо. После фильма в голове у него всё смешалось и он даже не понял, как Джен затащил их на танцы — кажется, даже на бал, данный специально в их честь. Действо это проходило в круглом зале, куполовидный потолок которого представлял собой один сплошной громадный экран. Небо на нем было таким оглушающе черным, а звезды сияли так ярко, что Димка поверить не мог, что это лишь изображение — хотя в самом зените крутилось разноцветное колесо, и, вылетая из него, вниз по куполу сыпались цветные, но в зеленоватых, приглушенных тонах изображения — фантастические зодиакальные и геральдические звери, мифические чудища, какие-то кружащиеся в полете радуги. Музыка подхватила и несла, и Димка кружился с остальными. Голова у него тоже кружилась — всё вокруг казалось ему совершенно нереальным. Вокруг танцевали девчонки, одетые, зачастую, лишь в яркие маски из перьев и пёстрые покрывала, пристегнутые к шее и рукам — они то запахивались в них, то взмахивали руками, наподобие крыльев — так, что ошалелым глазам Димки представляли их гладкие, гибкие тела. Несмотря на отсутствие видимого освещения, темно тут не было — зеленоватый тусклый свет падал, казалось, из воздуха, составляя странный контраст с черным небом. Тела девчонок выступали в нем даже слишком отчетливо — Димка танцевал то с одной, то с другой, и даже холодный, гладкий мрамор пола под босыми ногами не мог вернуть его к реальности...

* * *

Проснувшись, Димка какое-то время пытался вспомнить сон. Только что он, кажется, был в каком-то подвале, в просторной, прохладной комнате, где яркий свет отблескивал на множестве гибких, стройных тел девчонок и внезапное одиночество не радовало...

Вздохнув, он отбросил одеяло и сел. Голова болела, тело было непривычно, отвратительно ватное. С впечатлениями вчера точно вышел перебор — а может, и не только с ними...

Неохотно поднявшись, Димка побрел в ванную. Холодная вода отчасти привела его в себя. Он оделся и вышел в коридор. Борька, к счастью, был у себя, в своей комнате. Он уже проснулся, но вид у него тоже был смурной.

— Башка болит? — сразу же спросил Димка.

— Угу. Джен, сука, наверное, какое-то зелье подсыпал.

Димка фыркнул.

— Нет тут никакого "зелья" и фиг докажешь сейчас, что он виноват. Даже если он виноват.

— Пить меньше надо было? — немедленно спросил сунувшийся в дверь Юрка. — Особенно эту странную синюю настойку на жужелицах.

— Да ну тебя! — Борька возмущенно махнул рукой, но тут же сменил гнев на

милость. — Проходи.

Юрка мгновенно проскользнул внутрь и плюхнулся за стол. Вслед за ним вошел и Сашка. Димка обвел друзей взглядом. Вид у всех был довольно неважный.

— Ну? Что скажете?

Борька вздохнул.

— Знаешь, я вчера словно в Версаль какой-то попал, во времена Людовика Шестнадцатого. Роскошь зашкаливала. Ручки на дверях, конечно, были не из цельных бриллиантов, а просто золоченые, но всё равно внушало. Каждой деталью. А я себя там бациллой ощущал. И зверски не хватало в одной руке топора, — а в другую хотелось взять огнемёт или хоть факел. Вот так вот.

— Шутка в том, что избыток всяческих благ тоже может быть крайне неприятным, — добавил Сашка. — Даже не само это, а ощущение чуждости всей этой роскоши. И ради неощущения себя бациллой в такой обстановке тянет разгромить всё к фига. Даже очень шикарное чужое — не своё. И может вызвать изрядный неуют.

— Это точно, — Димка поёжился, силой воли стараясь одолеть головную боль. — Думаю, нам пора убираться отсюда. Не из города, конечно, а из этой... Маал-Нау. Пока нас тут не развлекали до смерти. Или до полного обалдения. Что, в общем-то, одно и то же.

— Правильно. Я отыщу Джена или Фао и потребую найти нам нормальное, отдельное жильё, — сказал Борька.

— Хорошо, — Димка потер ладонями лицо, чувствуя, что головная боль всё же отступает. Потом взглянул на Сашку и Юрку. — Соберите всех. И Вайми с Льяти тоже отыщите. Нечего тянуть, ещё одна такая ночь — и мы просто свихнемся...

* * *

Место сбора назначили в зале, служившем в Маал-Нау столовой — одной из. Единственное окно зала пропускало мало света, лампы почему-то не горели и в просторном помещении царил сумрак. Сев прямо на массивный стол, Димка пытался вспомнить, что вчера было на самом деле, а что померещилось или просто приснилось — не слишком, правда, усердно, всё равно, смысла в этом не было. Понемногу собирались ребята — все, как один, заспанные и недовольные. Ни Вайми, ни Льяти отыскать не удалось — в Маал-Нау их не было, должно быть, они окунулись в здешнюю жизнь с головой. Это не слишком-то обрадовало Димку, но ими он решил заняться уже после переезда — благо, время ещё было. Фао тоже куда-то делся — но зато в зале появился тоже недовольный, зевающий Джен. Сашка не стал церемониться и вытащил его прямо из постели. Джен с кислой миной оглядел собравшихся.

— Ну, нафига вам это? — спросил он. Похоже, что Сашка уже ввел его по дороге в курс дела. — Пустых квартир в городе хватает — но у нас весело и интересно, а там вы как сычи сидеть будете.

— Слишком весело, — буркнул Димка. — Мы к такому не привыкли пока.

— А, ну ладно, — Джен вздохнул, очевидно, признавая справедливость аргумента. — Ну, пошли тогда...

* * *

Как обычно бывает в таких случаях, выйти сразу им не удалось. То есть, сначала всё шло хорошо — они спустились на первый этаж и вышли в нечто вроде холла. Отходивший вбок светлый коридор упирался вдалеке в массивные деревянные двери, покрытые черным лаком. Они, как помнил Димка, вели к выходу. Но, стоило им только подойти к ним, как Машка вспомнила, что забыла в столовой сумку с вещами. Отпускать её одну Димка побоялся, так что возвращаться пришлось всем. Наконец, сумка была найдена. Маленький отряд двинулся обратно, к дверям, покрытым черным лаком. Шагов через двадцать Сашка неожиданно остановился.

— Здесь, в этом месте, есть горячая вода? — вдруг спросил он. — Я весь чешусь от здешних простыней.

Димка удивленно взглянул на него.

— Сейчас?..

— Очень надо, — Сашка незаметно подмигнул.

— Ладно, мы подождем, — Димка вздохнул.

Возвращаться в этот раз они всё же не стали, а неспешно побрели к выходу. За черной дверью оказался высокий зал, просторный и полутемный; его пол загромаждали кресла и скамьи, впереди была пустая сцена. В задней, глухой стене виднелись две тяжелых двустворчатых двери, ведущих наружу. Свет сюда проникал лишь через низкие арочные окна, прорезанные в толстой стене на высоте метров пяти; вдоль них шла узкая деревянная галерея. Димка свернул влево, на идущую к ней лестницу, крутую и скрипучую. Сашке и остальным нужно было время на сборы и Джен предложил подождать здесь.

— Как ты думаешь, откуда здесь фильмы берутся? — спросил Борька, сев на подоконник и глядя на сумрачный парк за окном. — Не сами же они их снимают.

— Оттуда же, откуда и прочее, — буркнул Димка. Джен уже рассказал им, что на самом деле городом управлял искусственный интеллект, которого здесь звали Попечителем. Именно к нему здешние обитатели обращались с просьбами — и он, обычно, удовлетворял их...

— Как робот может фильмы снимать? — спросил Борька. — Такие тем более? Я же и представить не мог...

— Джен говорит, что это всё не настоящее, а так — рисованное, вроде мультика.

— Ничего себе рисованное, — буркнул Борька. — Всё реальней реального было.

— Оно вроде как на компьютере как-то смоделировано, хотя пёс его знает, как, — вникать в это Димке не хотелось. Сам фильм ему крайне не понравился — сюжета его он не понял, но смысл был ясен: на фоне могучих древних рас люди ничто и всегда будут ничем...

Мальчишки помолчали. Наконец, в зале появился Сашка и бодро взбежал к ним.

— Вымылся? — спросил Димка. Хотя спешить вроде бы было некуда, задержка всё равно раздражала его.

— Ага, — Сашка оглянулся, потом сунул руку в свой рюкзак и показал друзьям рифленую рукоять пистолета. — У Фао на столе в комнате лежал. Он, дурак, ушел и дверь не запер. А в столе ещё коробка с патронами нашлась. Мелкашными, правда, но и пистолет такой же.

— Молодец, — Димка взглянул вниз, где их уже ждали остальные. — Пошли давай...

* * *

На улице Димка не удержался и начал крутить головой — всё же, Город Снов был совсем не похож на его родной город. Наконец, Джен привел их в очередной двор. Вот только он тоже мало был похож на знакомые мальчишке — центр его занимало небольшое озеро, а за ним поднималась отвесная, металлически блестящая скальная стена удивительного темно-синего цвета. Димка запрокинул голову, пытаясь разглядеть её скрытый в густых тучах верх, но так и не сумел. Смотрелось это страшновато. Вдруг случится обвал...

Джен повернул к двери массивной девятиэтажки, похожей на те, что Димка видел дома. Миновав бледно освещенный кубический тамбур, они вошли в неожиданно тесный подъезд. Слева широкая лестница вела куда-то в непроглядный мрак, впереди на стене горела длинная лампа, рассеивая странный, желтовато-синий свет и равномерное, усыпляющее жужжание. Кроме него здесь не было ни звука.

Лифт, похоже, не работал и они побрели вверх по лестнице, неожиданно крутой и темной. Димка подумал, что Джен нарочно выбрал им такое неудобное место, но он сам напросился на это, так что возмущаться было глупо.

Они поднялись на девятый этаж — они здесь были высокие, метра по четыре, так что Димка в итоге запыхался. Но это, наверное, было хорошо — хоть какая-то тренировка в этом тесном городе...

Они вошли в сумрачный, просторный холл с единственным тусклым плафоном на глухой стене напротив. На боковых стенах было штук шесть разных дверей. Джен подошел к центральной слева и отпер её. Внутри было темно, но он тут же зажег свет. Димка увидел тесную прихожую, оклеенную зелеными обоями. Миновав её, он вошел в единственную, как оказалось, комнату. Она точно так же была оклеена зелеными обоями, а пол застелен старым вытертым ковром. Огромное незанавешанное окно вело на пустую лоджию, обнесенную железными перилами. За ними угрюмо темнела пропасть тесного двора, упирившегося в скалу. Вид не самый лучший — но Димка и не собирался задерживаться тут надолго...

— И как мы все здесь поместимся? — он обвел взглядом комнату. Не слишком-то просторную.

— Можете занять весь этаж, — Джен бросил ему связку ключей. — Места нам не жалко.

* * *

Получасом позже Димка и Сашка стояли в небольшом полукруглом фонаре — отсюда, с высоты девятого этажа, была видна похожая на ущелье улица. Сумрачная и пустая.

— Я знаю, с кем мы имеем дело, — тихо сказал Сашка, отвернувшись от него. — Джен и Фао — Хранители, ежу ясно. Иначе откуда у Фао оружие, которое тут вообще страшная редкость?

— Наверняка, — Димка вздохнул. — Но чего ещё мы могли ожидать? Гости тут явно явление нечастое и потому подозрительное. Как бы то ни было, всё, что нам надо — попасть в Башню Молчания. Льяти сказал, что Надир точно там. Под землей. Может, нам даже не надо лезть в этот проклятый дворец. Достаточно найти какой-нибудь подземный ход к ней.

— Ход-то может быть и есть, — вздохнул Сашка. — А у нас нет даже плана их города! Не знаю, можно ли верить моей интуиции, но по-моему, эта затея безнадежна.

— И наплевать, — Димка начал злиться. — Не сможем пробраться по-тихому — пробьемся силой. Эти ленивые уроды точно не ждут от нас такого...

— Надеюсь, до такого не дойдет. Не хотелось бы...

— А мне хотелось бы, — Димка помолчал. — Ладно, на разведку пошли, тут мы ничего не выстоим...

* * *

Миновав длинную мрачную лестницу, они вышли на улицу. Здесь гулял сырой ветер, но Димка с удивлением понял, что не мерзнет. Похоже, что куртка, несмотря на невзрачный вид, оказалась достаточно теплой...

— И куда дальше? — спросил Сашка, сунув руки в карманы и осматриваясь.

— Джен сказал, что тут рядом реактор, который питает весь город, — сказал Димка. — Да вон он. Пошли посмотрим...

* * *

Пройдя всего сотню шагов, Димка замер. Здание реактора возвышалось уже прямо над ним — монолитная коробка из почти зеркально-гладкого темного бетона. Стены её были украшены гранеными ромбическими выступами, их венчал массивный прямоугольный карниз. Они были совершенно монолитными, лишь из проема высоко над головой Димки выходили толстенные трубы. Пересекая улицу, они сворачивали влево, потом вправо, исчезая за высоченным забором и опираясь на необычайно массивные А-образные опоры. Должно быть, это было охлаждение или теплоцентральный узел — в такие детали Джен не вдавался...

Подойдя к стене вплотную, Димка положил на неё ладонь. Если это в самом деле был бетон, то такой, какого ему до сих пор не встречалось — холодный, гладкий, похожий больше на ошупь на стекло...

Димка задрал голову. Стена поднималась над ним метров на тридцать. Он пошел вдоль неё, скользя по выступающему цоколю ладонью. Наконец замер, глядя на примыкающее к реактору древнее здание, почти такое же высокое, но узкое, с тремя полуколоннами на нижней половине изукрашенного фасада. Такое сочетание стилей показалось ему, мягко говоря, необычным. К нему примыкало ещё одно здание и ещё, они составляли сплошной массив, протянувшийся примерно на километр вдоль склона горы.

Мальчишки побрели вдоль него, лениво осматриваясь. Дождливый мутный день не слишком-то располагал к прогулкам, так что туземцев вокруг видно не было, но это Димке очень нравилось. Уже познакомившись с образом жизни местных обитателей, он понял, что попал в царство убежденных лентяев и бездельников... и его настроение отнюдь не улучшилось, когда к ним присоединился Джен — вынырнул впереди из какой-то подворотни. Димка уже не сомневался, что его приставили следить за ними — но поделаться с этим он ничего не мог. Пошли он Джена нафиг, это лишь привлекло бы к нему совершенно не нужное ему внимание...

Разговор, по понятным причинам, не клеился. Так, в молчании, они дошли до конца улицы. Кончалась она у подножия крепостного вала. Здесь было что-то типа запущенного парка с низкими деревьями — сероватые длинные листья, прямые, словно шпаги, ветки,

густо-коричневая кора — всё чужое, незнакомое... По небу ползли низкие, хмурые тучи, ещё сгущая и без того невеселое настроение.

— Сколько сейчас времени? — спросил Димка. Он с раннего детства привык носить часы и сейчас их отсутствие необъяснимо угнетало.

— Уже скоро полдень, — ответил Джен. — Видишь, тучи спускаются вниз?..

Это Димке ничего не говорило. Но его уже начало охватывать любопытство. Ведь степь была совсем рядом!

— Мы можем подняться туда? — он показал на вал.

Джен как-то странно покосился на него.

— Можно, — немного подумав сказал он. — Пошли.

Они побрели вверх по узкой лестнице и ещё через минуту перед ними предстал город — мешанина разностильных зданий и деревьев. С другой стороны, за каналом, тянулась бесконечная равнина. Хмурая, недружелюбная...

Мальчишки втроем неспешно побрели по гребню вала, пытаясь разглядеть возможных обитателей равнины. Вскоре Димка заметил, что навстречу им идет какой-то местный, размахивая куском провода и что-то насвистывая на ходу. Как и все здешние жители, он сразу бросился в глаза — рослый, лет пятнадцати, парень, очень стройный, с красивым чувственным лицом. Чем-то он был похож на Маугли из мультика — такой же гибкий и смуглый. Весь наряд его составляла короткая черная туника и круглая плоская шапка с большим козырьком и лисьим хвостом сзади. Ну и ещё сандалии на босу ногу. Но холодно ему явно не было.

— О, это сам Истирра Дииеп, командир Защитников, — Джен явно был удивлен такой встречей.

Истирра подошел к ним, по очереди поприветствовав всех. На землян он не обратил особого внимания — то ли не узнал, то ли вовсе не слышал о них...

— Не стоит гулять здесь, — отрывисто сказал он. — В меня сейчас стреляли... с той стороны. Если бы чуть точнее...

— Но мы ничего не слышали... — начал Димка и сбился. Они поднялись сюда совсем недавно, а идущий вдоль канала вал гасил любой звук снаружи.

— Дротики собакинов летят без звука. Собственно, стреляли не в меня, — добавил, помолчав, Истирра. — Они стреляли в парня, который перебрался через канал, а уже потом в меня.

Джен натурально вытаращил глаза.

— Ты спятил. Никто не может перебраться через канал.

Димка невольно посмотрел вниз. Там, под крутым откосом вала, за проводами высоковольтного ограждения, зиял глубокий канал шириной в добрых пятьдесят метров. Спрыгнуть в него было ещё можно — но не подняться по отвесной бетонной стене высотой в семиэтажный дом...

— И, тем не менее, он перебрался, — упрямо сказал Истирра.

— Как? — наконец догадался спросить Сашка.

Истирра оживился.

— Он соорудил здоровенного воздушного змея из бамбука и каких-то растянутых шкур. Тот едва перенес его через канал и тут же грохнулся прямо на склон вала. Он чуть не скатился на ограду.

— И что он говорит? — жадно спросил Джен.

— Ничего. Он там без сознания валялся. Его повезли во дворец. Там допросят — тогда и узнаем. Может быть. Он основательно стукнулся.

Они помолчали. Настроение у Димки испортилось. Вдруг он понял, что очень боится — боится новостей, которые этот парень принес в надежно замкнутый, казалось бы, город. Злых новостей. Новостей, которые разрушат вообще всё...

Димка вздохнул и недовольно помотал головой. Придет же в неё такая чушь!

— А эти... собакины не пытались ворваться к вам? — пользуясь случаем спросил он.

Истирра усмехнулся.

— Несколько лет назад пытались. Что тогда было!..

Он не стал углубляться в подробности, а Димка не стал расспрашивать. Он уже понимал, что сейчас у него... у них всех началась какая-то новая жизнь, и хотел лишь, чтобы у их общей истории не было конца.

Глава Седьмая: Призраки прошлого

*Чтоб каждому в жизни хватало
Прекрасной людской доброты.
Не стой в стороне равнодушно,
Когда у кого-то беда.*

*Рвануться на выручку нужно
В любую минуту всегда.
И если кому-то, кому-то поможет
Твоя доброта, улыбка твоя,*

*Ты счастлив, что день не напрасно был прожит,
И ты живёшь не зря!
Будь весел, чтоб радостней стало
Тому, с кем подружишься ты*

*Услышишь ты песенку чью-то,
И станет светлее кругом.
Волшебное самое чудо
Мы дружбой недаром зовём.*

Михаил Пляцковский

Проснувшись, Димка, как обычно, зевнул, а потом потянулся изо всех сил. Залежавшееся во сне тело слегка ныло, но в целом он чувствовал себя очень даже хорошо. Всё-таки, спать в постели и под крышей куда удобнее, чем на земле посреди голой степи с её непрерывным надоедливый ветром...

За окном уже оказалось светло, но маленькая низкая комната с тяжелой мебелью была полна сумрака; её стены и потолок покрывали панели из какого-то темного дерева. Впрочем, мальчишка был рад, что у него теперь есть эта маленькая, вечно полутемная, но всё же своя комната — быть всё время на виду тоже оказалось утомительно на самом деле...

За окном стоял мутный, сырой день, но это Димке даже нравилось — это больше напоминало Землю. Как был, нагишом, он вышел на балкон, глядя на лежавший внизу город. Из неровного моря крон там и сям поднимались белые, серые, зеленые здания, увенчанные круглыми и многогранными комнатами-фонарями и башенками с высокими шпилями. Над ними быстро плыли низкие, светло-серые тучи, но было неожиданно тепло, почти жарко. Всё казалось ему сейчас каким-то удивительно сочным и четким, и он вновь помотал головой, но ощущение не исчезло и Димка вдруг тихо засмеялся...

* * *

Вернувшись из ванной и натянув трусы, мальчишка задумался о том, что делать дальше.

Вообще-то, с утра полагалось позавтракать, но это могло и подождать. Зевая, он направился в комнату Борьки и весьма удивился, застав там ещё и Вайми с Льяти — просто уставился на них, не понимая, как их сюда занесло и для чего. Физии у обоих было хмурые.

— Вадим сбежал, — сразу же сообщил Льяти.

— Какой Вадим? — Димка лишь недавно проснулся и соображал ещё не очень хорошо.

— От которого меч твой, — недовольно пояснил Льяти. — Его Игорь ещё копьём проткнул, когда вы "Аллу Сергеевну" свергали.

— А! — Димка, наконец, вспомнил этого здоровенного хмурого парня, игравшего при диктаторше роль телохранителя — и кое-кого похуже. Воспоминания не радовали — в тот раз Вадим точно расколол бы ему башку своим мечом, не успеет Игорь первым... — А что он тут делает-то?

— Это ты у него сам спроси. Я его тут не видел и видеть не хочу. По описанию узнал только.

— А откуда он сбежал-то?

— Из дворца Хранителей, конечно, — сказал Вайми. — Очухался и сразу сбежал. Да ещё двух Хранителей уколошил по дороге. А может, и ещё кого-то. Тел-то не остается тут.

— Так. Ясно, — Димка задумался. В груди у него ёкнуло, когда он понял, что Вадим пришел сюда мстить всем, виновным в падении "Аллы Сергеевны" — то есть, лично ему, Димке, и Льяти. И на этой мести он совершенно конкретно повернулся, раз уж ради неё совершил невозможное — прорвался во вроде бы неприступный Город Снов... — Что делать будем?

— Валить отсюда надо, — сразу же предложил Льяти. Он, как ни крути, сыграл решающую роль в свержении "Аллы Сергеевны" — пусть и не желая этого — и явно стоял в списке Вадима первым номером. — Назад, в Маал-Нау. Там здоровенные двери и охрана.

— Нет, — сразу же ответил Димка. — Если мы туда войдем, то уже и не выйдем. А если и выйдем, то под таким присмотром, что ничего не сможем сделать. И не видать тебе Надира, как своих ушей.

— А куда тогда? — обиженно спросил Льяти.

— Можно в Вэруо пойти, — предложил Вайми. — Туда можно лишь по монику попасть... по монорельсу, и народу там полно. Хранителей среди них точно нет.

— А что это за Вэруо? — от избытка новостей голова у Димки пошла кругом.

— Здание, — Вайми удивленно взглянул на него. — Большое. Со своей линией доставки еды и прочего. В нем живет община Сновидцев.

— Кого?

— Ну, ребят, которые любят видеть сны. Я тоже там жил, довольно долго. Хорошее место. И надежное.

Димка вздохнул. Ему это общество любителей снов казалось просто сборищем бездельников и идиотов... но других вариантов явно не было. Здесь, в старом доме на улице Листьев, других обитателей не нашлось, да и в соседних, скорее всего, тоже никто не жил... самое удачное место для визита психа с топором или что там раздобыл Вадим...

— Ладно, — он перевел взгляд на самого Борьку, скромно сидевшего в углу комнаты. — Собери ребят. Опять займемся переездом.

Однако собирать оказалось некого — пока Димка дрых, наслаждаясь удобной постелью, народ разошелся по городу. Здесь осталась только Машка, Борька и он сам. Остальные сейчас бродили непонятно где и мальчишка взбесился. Ему хотелось сразу броситься на поиски — но тут же он понял, что как раз эта очумелая беготня и привлечет к ним совершенно ненужное внимание.

— И что делать будем? — угрюмо спросил Борька, когда обход пустых, как оказалось, квартир завершился. — Ждать, когда все соберутся? Так это не раньше вечера.

— Да хоть бы и так, — Димка вздохнул, стараясь взять себя в руки. В конце концов, опасность угрожала в основном ему, а за себя он не боялся. Напротив, его распирала лютая злость. Димке даже хотелось, чтобы Вадим появился побыстрее, чтобы он мог лично покончить с ним и заняться наконец тем, что было действительно важно — поиском ключей к Надиру, точнее, к Башне Молчания, в которой он находился.

— А если что-то случится?

— А что ты предлагаешь? — спросил Димка. — Бегать по городу в поисках Вадима? Так наверняка все здешние Хранители и Защитники уже бегают. А их тут три сотни. Или больше.

— Что-то не верится мне, что поймают, — буркнул Борька.

Димка вздохнул. Ему тоже совсем в это не верилось — и даже хотелось, чтобы они никого и не поймали. Просто потому, что это лишило бы его возможности расправиться с Вадимом лично. Ну и разрушило бы его убеждение в том, что все они — просто стадо дураков и кретинов, хотя думать так было смешно и уже в самом деле глупо...

— Пусть побегают, по крайней мере, — сказал он. — Им полезно.

— А нам-то что тут делать?

Димка задумался, оглядывая комнату. Взгляд его остановился на Вайми.

— Вот что, солнце наше, хватит играть тут в удольфские тайны. Выкладывай всё, что знаешь об этом городе.

Против ожидания, Вайми не стал возмущаться.

— Лучше я вам это покажу, — усмехнулся он и полез в свою наплечную сумку.

* * *

Вайми расстелил на столе большую карту и Димка с интересом склонился над ней. Расположенный на южном берегу Тихого моря Город Снов был похож на четвертушку круга, окаймленную дугой канала. Северную часть карты занимало само море, в него несколькими рукавами впадала степная река Лэц. Восточную её часть занимал город, за которым поднимались горы, на юге и западе шла сплошная степь — впрочем, конечно, тут была лишь северная окраина её...

— Здесь край цивилизации, — пояснил Вайми, показывая на карту. — Дальше к востоку и северу нет ни одного поселения. Само море действительно Тихое — но если плыть по нему дальше на восток, не найдешь ничего, кроме Бесконечной Степи, собакинов — и восточного океана в итоге. На севере — дикие леса и горы, тоже до самого океана, то есть, на восемьсот километров или около того. Это официально.

— А НЕ официально? — спросил Димка.

— Неофициально... вот, — Вайми вытащил из сумки ещё одну карту и расстелил её поверх старой.

Димка с удивлением понял, что Город Снов на ней вдвое больше — добавилась вторая четвертушка круга, протянувшаяся вдоль морского берега на восточной стороне хребта.

— Это вообще как? — ошалело спросил он. — Как можно спрятать целый город по сути?

— А так, — Вайми показал на место их стыка. Обе половины города разделял неприступный массив хребта, за которым тянулась та же степь. Соединяла же их только одна дорога, к тому же, проходившая через захваченную киноидами зону.

— И что там?

Вайми усмехнулся.

— Вот это мы и выясним. Но, увы, не сейчас.

* * *

День тянулся бесконечно долго. Димка с удивлением обнаружил, что делать им тут совершенно нечего — телевизоров и радио в Городе Снов всё же не было, книг тоже. От скуки и переживаний он бы, наверное, всё же взбесился — но тут, наконец, вернулся Юрка.

— Ты где шлялся-то? — возмущенно начал Димка. — Тут Вадим сбежал!

— Какой Вадим? — Юрка ошалело взглянул на него. Потом всё же вспомнил. — А! Так это он, значит, был. Тут из-за него уже полный тарарам. Собирают отряды добровольцев, чтобы город прочесывать и всё такое.

— На здоровье, — буркнул Димка. — Ты где был-то?

— Так, по городу бродил, — Юрка пожал плечами. — Смотрел, как тут живут. Хорошо, кстати, живут. В кафешках можно кофий с зефирками жрать на халяву, сколько влезет.

— И ты жрал?

Юрка смутился.

— Ну... нельзя, что ли? Даром же!

— А полезное что-то нашёл?

Юрка вдруг усмехнулся.

— Я с Равзой познакомился. С Мастером Развлечений, то есть. Она тут едва ли не самая главная по этому делу. Нас, кстати, очень приглашала. На экскурсию.

— И когда?

— Да сейчас прямо. Я как раз за вами и пошел.

Димка задумался. Выходить на улицу было, конечно, рискованно — но как-то сомнительно, что Вадим решит напасть на них прямо посреди белого дня и толп ищущих его добровольцев. Да и сидеть здесь и бояться достало мальчишку уже просто до чертиков. Он взглянул на Борьку.

— Ну что, пойдём? Свихнемся же здесь.

Борька почесал в затылке, потом вдруг усмехнулся.

— А, черт с тобой! Пошли.

* * *

Идти, как и везде в Городе Снов, было совсем недалеко. Правда, Димка ещё никогда не бывал в этом районе и цель их пути удивила его — деревянный, в полтора этажа, дом. Стены его были обшиты светло-коричневым тесом, окна украшены резными наличниками, увенчанное высокой крышей крыльцо поднято на двух мощных столбах — всё совсем как дома. Поднявшись по широкой деревянной лестнице, они миновали двойную деревянную дверь и попали в просторный вестибюль, совсем пустой, залитый неярким светом настенных ламп на фигурных чугунных подставках. Узкая, длинная деревянная лестница в левом дальнем углу вела в подвал — так же неярко освещенный, высокий, с неровным земляным полом. Здесь, в другом дальнем углу, единственная арка в толстой кирпичной стене вела, к удивлению Димки, на низкую галерею — большие проемы между массивными опорами выходили под свод просторного туннеля, проходящего под улицей. Его занимало какое-то кафе и там было многолюдно. За небольшими круглыми столиками сидело множество ребят и девчонок, одетых в шорты и пёстрые футболки. Теперь Димка понял, почему улицы города кажутся ему такими безлюдными.

* * *

— Ну, и куда дальше? — спросил он, удивленно осматриваясь. Туннель был длиной метров в сто.

— А туда, — Юрка махнул рукой куда-то вправо.

Всего метров через десять они вышли на вторую длинную деревянную лестницу и спустились по ней вниз. В темном конце туннеля, у столика, за которым сидел какой-то мальчишка, стояла светлокожая девчонка лет пятнадцати, явно ожидая их. Лицо у неё было широким и коротким, волосы черные, очень густые, прямые и длинные, как и у Льяти, — они тяжелой волной падали ей на спину. Но прикрытая лишь небрежно повязанным вокруг бедер пёстрым платком фигура была совершенно не мальчишеской. Димка восхищенно смотрел на тугие выпуклости её груди, тугие изгибы талии... потом всё же смутился и опустил взгляд. Девчонка, впрочем, ничуть не была смущена таким к ней интересом.

— Ты и есть Димка? — сразу спросила она, тоже откровенно разглядывая мальчишку. — Твой друг много рассказал о тебе.

— Ну, я, — буркнул он, чувствуя, что начинает злиться.

— О, очень приятно. Я — Равза Охэйом, Мастер Развлечений Города Снов. А это, — она показала на мальчишку, — мой младший брат Юлли, мой помощник.

— Юлька? — не удержавшись, переспросил Юрка.

— Юлли, — мальчишка поднялся, хмуро глядя на него. — Юлли Охэйом — и лучше бы тебе запомнить это имя!

— Ой, да ладно! — Юрка отмахнулся. — Какая, нафиг, разница?

— Большая, — зло уже сказал Юлли. — Моя сестра — Высокая кунна. У нас, в Маоа, за оскорбление брата кунны тебе сломали бы хребет и бросили бы издыхать в своём дерьме. Здесь я просто выбью тебе зубы. А потом...

— Довольно! — оборвала брата Равза. — В общем, я не думаю, что стоит начинать наше знакомство с мордобоя. Но вы должны быть вежливы. Здесь, знаете, так принято.

— Ах, извините, госпожа Высокая кунна, я случайно ослышался, — Юрка отвесил земной поклон. Тон его, правда, звучал ядовито, но его Юлли предпочел не заметить и сел,

изо всех сил игнорируя Юрку — даже не смотрел на него!

— Что ж, надеюсь, инцидент исчерпан, — Равза обвела взглядом трех мальчишек. — Или таков ваш обычай — искать приключений на свою попу, оскорбляя незнакомцев?

— Да ну вас, — буркнул Димка. Он уже совсем не был рад, что приперся сюда. — Нет. Просто... ну, у нас Юлия — это женское имя.

— Это *другое* имя, — Равза вновь внимательно посмотрела на него. — Впрочем, для новичков это обычное дело. Они постоянно задираются. Потому что...

— А какие тут есть развлечения? — торопливо вклинился Борька, не дав Равзе сказать ещё что-то обидное.

— О, очень много, — она широко улыбнулась. — Могу предложить конкурс танцев, песен или, наконец, тремолирование улиток. То есть, обучение их складываться в узоры, приятные или назидательные... — тон её тоже звучал ядовито.

— Да ну вас! — повторил Димка. — У вас тут хоть какие-то военные игры есть? Или только это... тремолирование?

— Есть, конечно, — она с усмешкой посмотрела на него. — Мы с гус... э-э-э... с теми, кто живет в Иррои, всё время так... играем. Пробираемся ночью в их район, а они нас там ловят. Ну, или наоборот. Пойманным читаем наши лучшие стихи, чтобы не попадались. Или просто щекочем, пока не оборжуются до икоты.

Димка вздохнул. Драться с девчонками, конечно же, плохо — но, если это даст ему возможность ухватить эту прекрасную деву за бока...

Он недовольно помотал головой, выбрасывая из неё явно лишние мысли.

— Это не военные, — буркнул он.

— Драки стенка на стенку бывают, — сообщила Равза, тут же ловко отправляя в рот оставшуюся на тарелке зефирку. — Это, понятно, у парней. Конечно, без ножей, кистеней и всякого такого. Только руки и ноги. Кусаться запрещается, — она посмотрела на Юлли и вдруг хихикнула. — А девы бегают по темным улицам и кидают друг в друга спелой хутой. Или грибами чвых. От них масса спор, чихательных. Ещё водяной бой бывает, с брызгалками. Или штурм крепости. Но это только если Лигу Нравственности провести.

— А у вас тут и крепость есть? — удивленно спросил Юрка.

Равза насмешливо взглянула на него.

— Есть. Это, как раз, очень популярное тут место. Думаю, вы не откажетесь пойти туда?..

* * *

Они вернулись на улицу. Идти и в этот раз было недалеко — буквально за соседним кварталом обнаружился небольшой, но ухоженный парк. А посреди его, на берегу такого же небольшого аккуратного пруда, стояла хорошо знакомая Димке крепость Ана-Ю — точнее, её неотличимая на вид копия. Он вновь ошалело помотал головой.

— Откуда тут это? — удивленно спросил он.

— Попечитель построил, конечно, — ответила Равза. — По моему заказу. Давно уже. Народ очень просил.

Юрка смотрел на крепость более... профессионально.

— Как же всё это штурмуют? — спросил он.

Вопрос, конечно, интересный, подумал Димка. Ров всё же метра в четыре шириной — да и высота очень крутого, вообще-то, склона, от его дна до гребня вала, никак не меньше. Пару тысяч лет назад такая вот крепость с отрядом решительных воинов внутри никому не показалась бы *игрушечной*...

Равза широко улыбнулась.

— Мальчишки покрепче становятся на дно рва, на них забирается второй ряд, а третий уже по ним на вал. Тут народа, знаете, масса собирается. Мы кидаем в них спелой хутой и грибами. А они в нас снизу грязью. В итоге все, правда, на чертей становятся похожи, не отличишь, кто тут за кого. Потом, конечно, полдня всем отмываться приходится...

Димка усмехнулся. Возиться в грязи им дома точно никто не позволил бы — да они и сами бы не захотели...

— А тут только парни участвуют? — вдруг спросил Юрка.

— Нет, — Равза хихикнула. — Девы тоже. Они обычно как раз и штурмуют, потому что легкие. Парни их только наверх поднимают.

— А, — куча мала из дев и парней, особенно в местной, так сказать, одежде, приобрела вдруг в глазах Димки некую самостоятельную ценность. Картинка, конечно, была та ещё — про такое он не читал даже в рубрике "Их нравы" — но странным образом не вызывала отвращения.

Борька, разумеется, фыркнул. Презрительно.

— Из детских игр вырастают взрослые дела, — явно процитировал он. — А тот, кто в детстве возится в грязи, будет возиться в ней всю жизнь.

Равза ничего не ответила — но, в свою очередь, навесила на физию крайне презрительный вид.

— А в самом деле, зачем всё это? — с искренним интересом спросил Юрка.

Равза мгновенно сменила гнев на милость:

— А защитников взять в плен и подвергнуть смертной казни через зачекотание, — её вдруг передернуло. Вероятно, данный вид казни она переносила плохо.

Конечно, возиться в грязи очень глупо, подумал вдруг Димка. С другой стороны, если это даст ему возможность привязать эту деву к дереву и щекотать до тех пор, пока она не оборжется до икоты...

Он вновь недовольно помотал головой, вытрясая из неё откровенно дурацкие мысли. Борька, конечно, пошел ещё дальше.

— Это **ОЧЕНЬ** глупое развлечение, — уже откровенно презрительно сказал он. — И пошлое к тому же. **ТАК** у нас не играют даже трехлетки.

— Посмотрим, что ты всего-то лет через десять запоешь, — Равза вдруг хихикнула. — Видала я таких. Сначала нос воротят — а насидятся в четырех стенах, так такое начинают отмачивать... — она вновь хихикнула и показала на подъемный мост, ведущий в крепость. — Прошу!

* * *

Как и в оригинале, мост был узкий и ничем не огороженный. Осторожно поднимаясь по нему, Димка с опаской посмотрел на дно рва. Убиться, упав на него, было и в самом деле трудно — его покрывала черная, глубокая на вид грязь. Вот она тут зачем...

Поднявшись на вал, мальчишка удивленно замер. Внутри крепость оказалась пустой — просто ровная, засыпанная песком площадка. Построек на ней не было, зато стояло десятка три легко одетых девчонок, явно ожидавших их.

С замершим непонятно почему сердцем Димка спустился к ним, потом оглянулся. Равза стояла на валу, глядя на них сверху вниз, с широченной ухмылкой.

Димка открыл рот, собираясь спросить, что всё это значит... но тут Равза вдруг звонко хлопнула в ладоши.

— Взять их!

* * *

Мальчишки ничего не успели сделать — радостно верещавшая живая волна накатилась на них и подмяла. Димку тут же повалили и начали сдирать с него одежду. Он изо всех сил брыкался, но ничего не мог сделать — его держали десятки невероятно цепких рук. Распластав пленника, плотно прижав к земле его руки и ноги, девчонки бесстыдно щекотали его, уделяя особое внимание его подошвам, подколенным ямкам, бокам, животу и подмышкам. Вначале Димка млел от невероятной истомы, закатив от наслаждения глаза и запрокинув голову, потом, когда девчонки удвоили усилия, непроизвольно задержался и начал ржать, как жеребящаяся лошадь — до тех пор, пока мускулы живота и груди не начали дико болеть. Под конец ему показалось, что он немедленно испустит дух, задохнувшись от смеха — но ничего подобного, к его удивлению, не произошло. Так же внезапно девчонки успокоились, отпустив их. Натягивая штаны, Димка подумал, что должен взбеситься... но настроение у него оказалось неожиданно хорошее. Впервые в жизни девчонки проявили к нему столь активный интерес — и это оказалось замечательно...

* * *

— И что дальше? — спросил Борька, когда они, наконец, привели себя в порядок.

Димка осмотрелся. Он, в самом деле, не знал. Равза и её брат уже куда-то смылись — надо полагать, опасаясь ответной благодарности. Вне всяких сомнений, она подготовила эту каверзу ещё до того, как Юрка поссорился с Юлли и Димка невольно подумал, что он был не так уж и не прав...

— В кафе пойдем, — усмехнулся между тем Юрка. — Вот оно, прямо тут же...

* * *

Кафе тут тоже было необычное — набор разнокалиберных круглых деревянных платформ, поднятых на косо сходящихся трубчатых опорах и соединенных подвесными мостиками. Ребят тут было очень много, но это ничуть не удивляло Димку — эти платформы словно парили среди могучих крон, между которых сияли синие дали моря и степи. Рассмотреть их сквозь листву было трудно, зато отсюда открывался замечательный вид на поляну с крепостью. Возле неё тоже собирались ребята и девчонки, очевидно,

готовясь к очередному штурму. Все они (и девчонки тоже!) были одеты лишь в плавки, так что зрелище намечалось... интересное. Земляне устроились за круглым столиком на краю платформы, то и дело посматривая вниз. Босая девчонка в переднике принесла им местный кофе с зефирками — немного непривычными на вкус, но вполне съедобными. Настроение у Димки всё ещё оставалось необъяснимо хорошим и он вдруг подумал, что интересно будет посмотреть на штурм этой крепости...

Неожиданно на поляне внизу появилось ещё с полсотни босых девчонок в коротких белых туниках. Димка несколько удивился, когда они вдруг молча набросились на собравшихся, безжалостно разгоняя их с помощью тумачков. Эти девчонки неплохо знали приемы рукопашного боя. Сильных парней они атаквали вдвоем или втроем, девчонок норовили пнуть босой ногой в живот — на уровне пупка — или просто с увлечением таскали за волосы. Немногие пытались сопротивляться — большинство бросилось бежать. В минуты всё было кончено и поляна опустела...

* * *

— И что это было? — спросил Димка, глядя на Равху — она, словно мельница крыльями, размахивала руками перед ещё какими-то девчонками, очевидно, возмущаясь по поводу сорванного мероприятия.

— Это? — Юрка тоже глянул вниз. — Лига Морали. Есть тут и такие. Бродят по улицам и пресекают "непристойные представления". Только вот пресечь никак не могут.

— Делать им всем нечего, — Димка вздохнул и поднялся. — Ладно, хватит. Домой пошли, пока нас самих тут ещё как-нибудь не развлекли...

* * *

Как и ожидал Димка, народ собрался только к вечеру — уставший и обалдевший. Известие об очередном переезде никого не обрадовало, но возмущаться особо никто тоже не стал — о сбежавшем Вадиме ходили уже самые дикие слухи. Говорили, что он убил тут ещё то ли пять, то ли шесть ребят, которые имели глупость наткнуться на него, но никто ничего не знал точно.

Всего минут через пять Вайми привел их к началу монорельса — высоченной, этажей в пять, решетчатой башне со стальной лестницей внутри. Её окружала высоченная стальная же ограда. Такие же высокие, как и ограда, решетчатые ворота раздвинулись перед ними, когда Вайми набрал какой-то код на маленькой панели. По крутой и неудобной лестнице они поднялись наверх, на маленькую платформу. Никакого вагона тут не оказалось, его роль играла другая прямоугольная платформа с решетчатым полом и трубчатыми перилами. Ни крыши, ни сидений. Но транспорта получше тут не было, да и ехать им совсем недалеко...

Вайми вставил ключ в небольшой пульт, потом нажал какую-то кнопку. Под платформой загудел мотор, она дернулась и с лязгом поползла по паре близко расположенных рельсов. Димка тут же закрутил головой. Эстакада поднималась, платформа ползла высоко, на уровне верхних этажей зданий — шестых или седьмых, уже знакомых Димке — с башенками и шпилями, в готическом стиле. Глубоко под ними проплывала

улица, но рассмотреть людей не получалось. Солнце, садясь, стояло уже над горизонтом и земля — как и почти сплошь скрывающие её темно-зеленые кроны — почти вся была в тени.

Он вздохнул и перевел взгляд. Мимо них проплывали просторные трапециевидные балконы со сплетавшимися сложным узором массивными чугунными перилами и парами тонких, увенчанных острыми крышами башенок, узкие двери с витражами и низкие полукруглые окна с радиальными рамами, прорезанные в толстых стенах. Ниже зеленовато-белые и розоватые стены были гладкими, без балконов, с узкими стрельчатыми окнами, тонувшими в тени, — в то время как верхние этажи зданий ещё заливало солнце. Потом жилые дома сменили трехэтажные длинные строения из серого кирпича — они разделяли обширные, огражденные сеткой дворы, пустые и безлюдные. Здесь эстакада уже шла вниз. Солнце окончательно скрылось и как-то сразу стало темно.

Наконец, впереди показалось массивное восьмиэтажное здание Вэруо. Его облицованная мрамором розоватая стена призрачно белела, занимая, казалось, полнеба. Во множестве узких окон были видны лишь мутные отблески заката.

Платформа нырнула в сумрачный туннель, зиявший в стене здания на уровне третьего этажа. Что-то зашипело, мягко клацнуло и дверь небольшого вестибюля отошла. Ребята потянулись внутрь.

К удивлению Димки их никто здесь не встречал. Миновав вестибюль, они попали в пустой коридор, где царила гробовая тишина — лишь над головой жужжали длинные лампы.

Мальчишка закрутил головой, пытаясь обнаружить хоть кого-то. Вайми молча потянул его влево. Они все пошли дальше, в неосвещенный тупик коридора, в котором темнело множество открытых дверей, через одну из них попали в почти темное помещение, потом, миновав ещё одну узкую дверь — в другое, полутемное, а из него — в новый коридор, уже освещенный. Тут было что-то вроде холла с прямоугольной шахтой, в ней вверх-вниз вел сразу десяток лестниц. Возле них стоял ярко освещенный стол дежурного, но он тоже был пуст.

Димка прислушался. Здесь было совершенно тихо — слышалось лишь то же ровное, мерное, бесконечное жужжание длинных ламп. Внутри здания, казалось, никого не было. Они подошли к лестнице и пошли вниз, этаж за этажом, к горевшему в нижнем вестибюле яркому, безжизненному свету. Но и там тоже никого не оказалось. Пожав плечами, Вайми свернул на винтовую лестницу, уходившую под пол первого этажа здания, в натуральную пещеру. Её окружала уже первозданная скала и Димка ошалело помотал головой — он вновь обалдел от столь внезапной перемены обстановки...

Вместе с последним витком лестницы пещера раздалась вширь, а воздух стал горячим и пульсировал, словно кровь в артерии. В оживленной зыби теней сияли яркоцветные кристаллы, неясные отражения света гасли за случайными неровностями стен. Тут отблеск опала, чуть дальше — сияющий прозрачным лунным серебром горный хрусталь, зеленые россыпи дикого изумруда и вдруг — целые колонии крохотных, как маргаритки, бериллов...

Сотню-другую метров они обалдело молчали. Иногда в стене диковинной пещеры открывались жерла боковых ответвлений — и в каждом цвет светящихся кристаллов менялся. Они становились то лиловыми, то густо-зелеными, иногда опаловыми с молочно-голубыми и одновременно оранжевыми проблесками; порой стены пещеры были усыпаны чем-то вроде кошачьих глаз. В такт пульсации воздуха и свет равномерно пульсировал, то разгораясь ярче, то угасая. Иногда они останавливались полюбоваться его игрой в очередной пещере. На разветвлениях пещер стояли беломраморные скамьи для посиделок — но нигде

ни одного человека.

Туннель упирался в большие, широкие двери из дерева, покрытого гладкой белой эмалью. Вайми с усилием повернул массивную латунную ручку — и они оказались у начала невероятной подземной улицы. Над ней высились сумрачные купола из пластин дымчатого хрусталя и цветного стекла. Она казалась Димке громадной длинной комнатой, дальний конец которой он с трудом мог разглядеть. Её стены были соединенными фасадами домов, облицованными бирюзовой или розовой плиткой, а на полу лежал толстый слой лимонно-желтого мягкого меха, ласкающего их босые ноги. Под карнизами протянулись трубки неоновых ламп. Газ в них мерцал и переливался всеми цветами, и это разноцветное сияние странным образом сливалось в бледно-серый свет, словно облако окутывающий всё вокруг. От нежнейшей тихой музыки, струившейся отовсюду, у Димки перехватывало горло. Над головой у него плыла пелена пёстрого от света ламп тумана, то скрывая, то приоткрывая изысканные арабески выгнутых стеклянных сводов. Покрытый лимонным мехом тротуар был обрамлен поребриками из гладкого на ощупь эластичного пластика, а вдоль стен домов вниз медленно струились ручейки разноцветного пара, выходящего из странных вентиляционных труб из толстого стекла. Вделанные в стены домов густо-сочные цветные экраны показывали, что происходит внутри, в обитых черным шелком будуарах. Там смугло-золотистые нагие девчонки дремали в громадных хрустальных чашах, а в них, омывая их тела, текли струи розовой воды.

Димка вновь ошалело помотал головой. От увиденного она натурально шла кругом. Он словно наяву оказался во сне — и было похоже, что остальные ощущали себя так же. Самый воздух тут был пропитан чувственностью.

— Наверное, здесь, — сказал, остановившись, Вайми.

Перед ними была светло-золотистая лакированная дверь в раме из блестящей бронзы. Экран показывал, что и здесь спят. Димка толкнул дверь. В комнате был странный бежевый свет и три нагих девчонки, спавших на кожаном ложе. Он недоуменно обернулся — и замер. За ними стояли шесть мальчишек, появившихся непонятно откуда. Одного возраста с Вайми, то есть где-то лет пятнадцати, одетые лишь в что-то вроде юбочек из причудливо вырезанных лепестков темно-красной блестящей ткани, обшитой золотой тесьмой.

Кожа у них тоже была золотая и Димка в первый миг принял их за Маахисов. Но глаза у них были не густой, почти потусторонней синевы закатного неба, как у Маахисов, а сизо-синие, как хмурые дождевые тучи. Со страшновато-вертикальными зрачками, словно у котов. Впрочем, они наверное и есть коты, вдруг подумал Димка. И волосы у них не золотисто-черные, блестящие, как у Маахисов, а рыжеватые...

Впереди этого странного отряда стоял парень почти что неземной внешности. Не то, чтобы этим он очень уж отличался от товарищей, но фигура у него казалась просто нарисованной. А лицо...

Глаза у парня тоже были совсем нечеловеческие — ярко-синие, с вертикальными кошачьими зрачками. И в очертаниях лица — очень красивого! — была какая-то странность. Может, и человек — но точно не земной расы, подумал вдруг Димка. Голова у него закружилась — просто от понимания факта, что перед ним — НЕЗЕМЛЯНИН — и, яростно мотнув ей, он всё же овладел собой.

— Кто ты? — спросил он, опомнившись.

Парень вдруг широко улыбнулся.

— Сатве. Мастер гильдии Сновидцев. А ты?..

Что-то многовато тут развелось мастеров оригинального жанра, — захотел сказать Димка... но сдержался и тоже представился.

* * *

Сатве не слишком понравились новости, но отказывать гостям в приюте он всё же не стал. Отрядив одного из своих товарищей, Пао, разместить их, он отвел Димку в сторону.

— Ты тоже вождь своих людей. Я хочу поговорить с тобой.

Димка лишь пожал плечами, но возмущаться не стал. Из пещеры они поднялись в нижний вестибюль и вышли во двор здания. Как оказалось, засаженный древними деревьями и упиравшийся во всю ту же скалу. Толстые, неимоверно перекрученные стволы поднимали вверх частые ветки густых широких крон. Деревья были совершенно одинаковой высоты — метра по четыре — и лепились к скале с равными промежутками, оказавшись только обрамлением устроенной в заброшенном дворе аллеи.

Димка без удивления заметил, что они идут по рассеянной и заросшей каменной мостовой. Когда-то, очень давно, здесь было нечто вроде бульвара — по его краям виднелось сгнившие скамейки и хорошо уже знакомые ему фонари с шаровыми молниями, которые источали тусклый даже в закатных сумерках сине-серебристый свет, таинственно сочившийся из-за сплетения черных ветвей.

Двор замыкали отвесные утесы, покрытые пузырячатой коркой стекловидного натёка. Их нависающие выступы были усажены щётками туго закрученных полупрозрачных сосулек. Песок под скалами стал жемчужно-серым из-за множества мелких кусочков того же мутного стекла. Из него торчали обожженные стволы окаменевших деревьев. Поверх них, дико сплетаясь, лежали черно-серые мертвые стволы, зловеще щерясь джунглями острых, как рога, сучьев.

— Что здесь было? — удивленно спросил Димка.

Сатве ответил не сразу. Он смотрел на оплавленные давным-давно скалы, словно вспоминая что-то. Или в самом деле вспоминая?..

— Как вы попали сюда? — вдруг спросил он. — Из своего мира, то есть?

— Да так же, как и все, — буркнул Димка. Вспоминать про это ему не хотелось. Он до сих пор думал, что если бы он с Серым и Юркой не поперлись, словно ненормальные, на поиски этих проклятых Алешек — ничего на самом деле не случилось бы и они не оказались бы в этом бредовом мире. Но кто же мог знать-то?.. — А здесь-то что было?

— Здесь был остановлен Червь, — наконец сказал Сатве и Димка вздрогнул. — Но это было очень, очень давно...

Ничего себе, подумал он. Выходит, что и ЭТО тут уже было... Всё же, пять тысяч лет — страшно большой срок...

— Что за Червь? — тем не менее, спросил он. Лишь чудом удержавшись от того, чтобы не выложить свою историю общения с этой жуткой в самом деле тварью...

— А ты разве не слышал? — Сатве удивленно взглянул на него. — Поющий Червь. Он давно уже вернулся, где-то в западных горах. Я думаю, что это — тварь Мроо...

— Кто это? — это слово ничего не говорило Димке.

— Можно сказать, что демоны, почему нет? Бог ведь, чего они хотят на самом деле, но они творят зло. Они наделены властью над материей и могут принимать множество форм. В том числе, наверное, и таких.

— Я никогда раньше не слышал об них, — тем не менее, Димка поёжился. С демонами он познакомился уже очень хорошо и знал, что это, к несчастью, не сказки...

— Это было очень далеко, — Сатве пожал плечами. — И здесь, я думаю, не имеет значения. А теперь расскажи всё же, как вы попали сюда...

* * *

Рассказ вышел долгим и путаным. Сатве всё время переспрашивал и Димка то и дело возвращался к началу. Наконец, Сатве выдохся и замер, молча глядя на мальчишку. Было видно, что и он тоже удивлен услышанным.

— Вы знаете, что это было? — с надеждой спросил Димка.

Сатве вздохнул.

— И да, и нет. Такие вещи иногда бывают... очень редко, но бывают. Иногда группы людей... исчезают, а потом...

— Попадают в параллельный мир? — от Файму и её компании Димка уже наслушался самых невероятных теорий насчет их появления в этом мире, в том числе и таких.

Сатве слабо улыбнулся.

— Гипотеза о параллельных мирах — полный бред. Только псих может думать, что внутри пространства может быть другое. Нет. Есть плюс-материя и минус-материя. Ну, так у нас считают. Они расположены в одном пространстве, но не взаимодействуют друг с другом, если не считать гравитации. Однако, есть способы превратить одну материю в другую...

— Но мы бы заметили, если бы внутри нашей планеты была другая — по её притяжению, — возразил Димка.

Сатве кивнул.

— Да. Похоже, вы сместились ещё и в пространстве... и на очень большое расстояние. Я тоже не верю, что это простая случайность. Её вероятность бесконечно мала.

— Но кто это сделал? Как?

— Мастер, кто ещё? Но из того, что нам известно... хочу тебя огорчить — существа, способные на такое, обычно очень далеки от... людей.

— Ладно, — Димка вздохнул. — Но можно ли вернуться?

Сатве лишь пожал плечами.

— Вернуться нельзя. По своему желанию, по крайней мере. Кроме того, сдвиг в пространстве невозможен без сдвига во времени. В твоём мире наверняка прошли сотни лет, может быть, даже тысячи — я не знаю...

— Да ну тебя! — разозлился Димка. — Сам ничего не знаешь толком, только пугаешь других.

— Я предполагаю, — Сатве удивленно взглянул на него. — На основании того, что знаю. Не более того.

— Неправильно предполагаешь, — упрямо сказал Димка. — От твоих предположений только руки опускаются. Лучше бы предположил, как нам вернуться отсюда.

— О, вернуться, конечно, несложно — надо всего-то сделать такую же перемещалку, как та, которая забросила нас сюда, — теперь голос Сатве зазвучал ядовито. — Но технический уровень здесь примерно такой, какой был у нас лет пятьсот назад, и не меняется. Во всяком случае, я не помню, чтобы тут что-то изменилось в этом плане, а я тут уже... давно.

— Ладно, — Димка вздохнул. Он уже понял, что толку от Сатве не добьется — тот сам явно ничего толком не знал, и, о чем бы он ни спрашивал, ответом ему будут лишь невразумительные рассуждения о каких-то непонятных вещах или то, что он знал уже и сам. — Где вы нас тут устроили-то?..

* * *

Они вернулись в вестибюль. Димке не слишком-то хотелось вновь таскаться по лестницам, но тут же, за раздвижной металлической дверью, обнаружился лифт. Едва Сатве нажал кнопку на узком маленьком пульте, лифт бесшумно скользнул вверх, на последний этаж.

Миновав вторую раздвижную дверь из черной блестящей стали, они вышли прямо в квартиру принявшего их Пао. Эта квартира оказалась просто офигенной — она занимала верхний этаж здания, перекрытия с которого были сняты. Получилось что-то вроде открытого двора, его обрамляли прозрачные пластиковые крыши, затененные изнутри тканевыми пологам — под ними и обосновались гости, благо, погода сейчас была ясная и теплая. Но самое интересное ждало Димку в конце. Пао привел его в обычный высокий, глухой коридор, который упирался в крутую высоченную лестницу. Поднявшись по ней, они миновали массивную деревянную дверь, потом, за коротким, но широким тамбуром — ещё одну... и Димка ошалело замер. Перед ним был метр, наверное, застеленной рубероидом плоской крыши и низкий парапет из осыпавшегося от старости серого кирпича. А за ним...

Он выбрался наружу, ошалело осматриваясь. Дверь зияла в небольшой, со скошенной крышей надстройке из такого же древнего, осыпавшегося серого кирпича. Столь же древней оказалась и крыша — так занесенная пылью, что на ней вырос не такой уж и редкий бурьян. За низким парапетом, внизу, клубились кроны растущих на улице деревьев, таких высоких снизу... А за ними...

От вида на город просто захватывало дух — перед Димкой лежала целая галактика огней. Спутанные цепочки высоких уличных фонарей, словно облачка света, парившие в пыльном воздухе, прорезали россыпь желтых огоньков окон, иногда просвечивая через толщу листвы. Все эти огни мерцали и струились в потоках остывающего вечернего воздуха. Над ними, словно острова в странном светящемся море, поднимались железные и шиферные крыши.

Подойдя к парапету, Димка взглянул на полупрозрачный сумрак под кронами парка напротив, словно наполненный коричневатым светящимся туманом, на высокую, с цоколем и столбами ограду из черной железной решетки, потом перевел взгляд дальше. На западе застыло дымно-багровое, тревожное, перистое зарево заката. У его основания чернел зубчатый гребень далеких гор. На востоке едва ли не в зенит поднимался тускло отблескивающий монолит скалы, словно невероятно огромная застывшая волна...

Вдруг справа, где-то за крышами, сверкнула злая электрическая вспышка — и всего через секунду до Димки долетел приглушенный расстоянием треск. Стоявший рядом Пао вздрогнул.

— Кого-то убили, только что, — тревожно сказал он.

Димка тоже вздрогнул, — от мысли, что Вадим сейчас всего в трех или четырех сотнях метров от него. Он вдруг понял, понял совершенно точно, что их переезд был напрасной затеей и Вадим придет за ним — уже этой ночью...

Взгляд мальчишки упал на многогранное металлическое строение, стоявшее на крыше — и в его голову пришла некая идея... рискованная, но, как чувствовал Димка, единственно правильная. Он повернулся к Пао.

— Сегодня я буду спать здесь.

* * *

...Димка стоял на мощеной гранитом широкой улице между неправдоподобно громадными каменными зданиями сложной и мрачной архитектуры. Здесь было темно. Тьму рассеивала лишь огромная голубая луна — раз в десять больше естественного размера. Небо в её свете было мутно-голубоватым, темным и беззвездным. В этом странном полумраке вокруг двигалось множество людей — обнаженные мальчишки и девчонки с самыми разными оттенками кожи и волос, но все красивые и хорошо сложенные. Сам Димка словно плыл куда-то, чувствуя себя свежим, чистым и легким. Он тоже был обнажен, но не чувствовал холода. Напротив, прохладный воздух мягко ласкал всё его тело...

Одна из девчонок подошла к нему — красивая, словно песня, с пушистыми пепельными волосами до бедер.

— Где я? — растерянно спросил Димка.

— В Воглеа, мире мистического сладострастия, — ответила девчонка. — Здесь мы остаемся навсегда — мы бессмертны, и всё наше время мы посвящаем услаждению наших тел и отдыху от него. Я стану твоим учителем — на время. Тебе предстоит узнать очень многое о любви. И ты будешь наслаждаться ей вечно, — она вдруг протянула к нему руку.

От нежного прикосновения её пальцев к животу у Димки вдруг появилось удивительное ощущение в нем — и...

* * *

Димка не сразу понял, что его разбудило — не звук, не было тут никакого звука... Просто острое, как нож, ощущение опасности. Мальчишка рывком сел, но не сразу понял, где это он. Комната была многогранной, высокой и почти темной, с металлическими стенами. Из-за широких стальных пластин струился тусклый зеленоватый свет. Постель была низкой, на полу лежали темные меха. Пробивавшийся из-за пластин свет был призрачным, но был и ещё один его источник — сияние рассвета, уже проникавшее через широкий проем.

Цапнув лежавший у постели автомат, Димка вышел на крышу. Воздух здесь был теплым и влажным, ветер — едва ощутимым. Никого больше здесь не оказалось, он не слышал ни звука, только в воздухе висел слабый, низкий гул, исходивший словно бы из всего окружающего пространства — далекий гул прибоя, отражавшийся от скал...

Димка недовольно помотал головой, злой от того, что его сон прервался — он проснулся в самый интересный момент... и тут он ощутил, что ему смотрят в спину.

* * *

Димка рывком развернулся на пятке — и замер. Вадим стоял у выхода на крышу, всего шагах в пяти за ним, с уже занесенным для броска копьем. Он был босой, в какой-то

невообразимой драной хламиде, лохмотья которой шевелились на ветру, словно живые. Волосы у него были дико встрепаны, в глазах вполне безумное выражение.

Димка вскинул автомат к плечу — но нажать на спуск всё же не решился. Пусть Вадим и был психом — но его невероятное упрямство всё же внушало уважение...

— Брось копьё и убирайся, — тихо сказал он. — У тебя всё равно нет никаких шансов. Если ты дернешься — я тебя убью. И не буду сожалеть об этом. Ты убийца.

— Если ты убьешь убийцу — количество убийц в мире не уменьшится! — выплюнул Вадим.

— А если убью сотню — их станет на девяносто девять меньше, — спокойно сказал Димка.

— О да. "Жри людоедов!" — Мускулы Вадима напряглись. Димка понял, что сейчас он бросит копьё... и нажал спуск.

* * *

В лицо ему ударил ослепительный свет и треск — словно перед ним разорвалась бомба. Димка зажмурился... потом осторожно приподнял ресницы. Перед ним ничего не было. Даже копьё — Вадим как-то утянул его с собой, хотя Димка не думал, что такое вообще возможно...

* * *

Мальчишка замер, опустив оружие, не вполне уверенный, что всё это было на самом деле... но устроенный им фейерверк, конечно, не остался незамеченным. Снизу донесся нарастающий шум, потом на крышу повалил едва одетый народ, вооруженный чем попало — верно, не один Димка ждал сегодня ночью незваного гостя...

— Что случилось? — наконец спросил Юрка, сжимая в руках нечто вроде ножки от стула.

Димка взглянул на автомат — в нем не осталось ни одного патрона — и бросил бесполезное оружие на крышу.

— С Вадимом всё, — просто сказал он. — И мы должны закончить наши дела до того, как он сюда вернется.

Глава Восьмая: Последний бой

*Страницы былого забыть нам нельзя,
Они, как живые, идут вместе с нами.
Советскую власть отстояли навек -
Боевые друзья.*

*Дети рядом с отцами,
Дети рядом с отцами.
Великой страны молодые сыны -
Делу отцов будут вечно верны.*

*Свободе и жизни народов грозя,
Фашистские полчища крылья простёрли над нами.
Но мир защитили навеки собой
Фронтовые друзья.*

*И солнце, и счастье планете неся,
В романтике стройки великой сливаясь сердцами,
Сегодня вновь вместе идут и идут -
Трудовые друзья,*

*Дети рядом с отцами,
Дети рядом с отцами.
Советской страны молодые сыны -
Делу отцов будут вечно верны!*

В. Котов.

Пятью днями позже Димка стоял перед зеркалом, с сомнением глядя на себя — сейчас на нем был лишь кусок синего шелка, повязанный вокруг бедер и его волосы росли без присмотра так долго, что он просто не мог смотреть на себя в зеркало, не краснея! Казалось, что перед ним какая-то девчонка — но стричься Димке тоже почему-то не хотелось...

Впрочем, эти мысли занимали его очень недолго — как-никак, начинался новый день, и он обещал быть замечательным. Вместе с друзьями, тоже одетыми лишь в сандалии и парео, он вышел на платформу и она с грохотом тронулась. В лицо ему ударил сильный, жаркий ветер, пахнувший пылью, нагретой солнцем зеленью, влагой и ещё миллионом разных вещей — и мальчишке невольно захотелось взлететь...

* * *

В этот раз всё казалось совершенно обычным. Суматоха, вызванная визитом Вадима, давно улеглась. Так что, несмотря на вполне реальную опасность прорыва жаждущих мест

собакинов — их вокруг собралось уже очень много — в городе шла обычная сонная жизнь. Им встретилась лишь пара темно-золотых от загара девчонок — черноглазых и гибких. Одеты они были лишь в купальники. Очевидно, они вполне разделяли их взгляды на этот удивительный день...

Димка проводил их взглядом и вздохнул. Постепенно он начал привыкать к странной здешней жизни. Познакомился со многими здешними ребятами, побывал у них в гостях. Больше всего его поразила Мау-Най — громаднейший, полый в середине дом с террасами до потолка и со стенами на роликах. Стены можно было двигать и делать какую хочешь планировку — хоть замуроваться нафиг от соседей и так сидеть в гордом одиночестве. А иногда его приглашали в какие-то совсем странные квартиры — то в нише под скалой, то под мостом. После победы над Вадимом он стал чем-то вроде здешнего героя — и это тоже было здорово...

* * *

В этот раз они пошли как раз в Мау-Най. Всего через десять минут он, вместе с Сашкой, сидел в легком кресле у стола, уставленного различными вкусностями. Стол помещался на верхней площадке венчавшей здание решетчатой башни высотой метров в двадцать. Отсюда открывался роскошный вид на степь, но других желающих лезть так высоко, чтобы полюбоваться пейзажем, не нашлось и они были тут совершенно одни. Это Димке тоже очень нравилось. Он с наслаждением потянулся и вытянул ноги, глядя на далекую степь, по которой ветер гнал травяные волны. Всё было замечательно — но краем глаза он заметил, что физия Сашки стала вдруг какой-то непривычно хмурой.

— Что с тобой? — лениво спросил он. — Живот схватило?

— Нет, — Сашка диковато взглянул на него. — Димк, я тебя не узнаю...

— Подстричься надо, — буркнул Димка, стараясь пригладить свои лохмы. — А то на девчонку стал похож.

— Ты на придурков здешних стал похож, — хмуро сказал Сашка. — А они в самом деле придурки. Настоящие. Знаешь, тут я понял, что злейший враг человека — это полное счастье. Когда оно приходит, желания исчезают, ибо счастливому ничего уже не нужно. Отсутствие желаний усыпляет ум. Ум, что донимал до сих пор своей назойливостью, и, в общем-то, неприятными мыслями — "надо, дай, хочу..." И он постепенно отмирает. Зачем о чем-то думать, когда ты счастлив? И ты не заметишь, как над тобой начнут жужжать мухи.

Димка не менее хмуро взглянул на друга. Правду говоря, он сперва разозлился на Сашку — но тут же понял, что тот кругом прав. Что он сделал за эти пять дней? Ничего...

— А, черт! — он отодвинул кресло и поднялся. — Надо Вайми, наконец, отыскать, он же обещал всё тут разведать...

* * *

Но найти Вайми оказалось нелегко. В Вэруо он не жил, это Димка помнил совершенно точно. На миг он растерялся, не представляя, где искать эту неуловимую личность... потом вспомнил про Маал-Нау. В ней обитал Фао, его друг — и он-то наверно это знал...

* * *

Димка бодро отправился в Маал-Нау — но дошел лишь до железных ворот в окружающей её стене. Разумеется, запертых. Калитка тоже оказалась заперта. Никакого звонка поблизости не наблюдалось и Димка начал лупить кулаком по гулкому железу.

Довольно долго ему никто не отвечал — но молчание обитателей здания лишь придавало Димке злости и он молотил всё усерднее. Наконец, лязгнув засов и калитка со скрипом приоткрылась. В ней показалась недовольная физия охранника.

— Ну? Чего тебе? — не слишком дружелюбно спросил он.

— Вайми здесь? — Димка решил не тратить время на глупые любезности.

Охранник скривился. Было видно, что ему до смерти хочется послать незваного гостя подальше и захлопнуть перед ним калитку... но послать героя города он всё же не решился.

— Здесь, — наконец, буркнул он и отступил, освобождая мальчишке дорогу. — Пошли.

* * *

Охранник провел Димку в холл и оставил там, должно быть, отправившись на поиски Вайми. Димка нетерпеливо мерил шагами безлюдное помещение, с каждой минутой чувствуя всё большее желание плюнуть на всё и уйти. Но второй раз его сюда уже вряд ли впустили бы, так что оставалось только ждать. Наконец, Вайми соизволил появиться. На нем было то же бело-синее парео, что и на Димке, и те же сандалеты. Черная, как ночь, грива спутанных крупными кольцами, лохматых волос падала ему на спину, тяжелая от множества вплетённых в неё нитей радужных и темно-синих бус с множеством серебряных колокольчиков. Точно такие же бусы оказались намотаны на его запястья, щиколотки, шею и даже на талию! Но больше всего Димку поразили колокольчики — они издавали тонкий путаный звон каждый раз, когда Вайми мотал головой. Димка изо всех сил постарался представить, как бедный юнош мыл голову со всем этим барахлом, — разве что всю эту радость он каждый раз выплетает и заплетает обратно. А вот со звоном в ушах что делать?..

Вайми явно был настроен решительно — едва появившись, он схватил Димку за руку и потащил куда-то вбок, к каким-то раздвижным дверям из зеркального стекла. Миновав их, они попали в просторное Т-образное помещение, залитое ярким желтым светом, тоже совершенно пустое. Полы тут были из мрамора, до потолков — добрых метров шесть. Между кофейного цвета панелями облицованных деревом стен зияли ниши громадных витрин. В них, на литых стеклянных полках, стояли огромные роскошные вазы из золота и хрусталя, а в боковинах основания "Т" — оно вело к очередной лестнице — Димка увидел две фантастических многослойных конструкций из матового, полупрозрачного стекла. Подсвеченные изнутри множеством разноцветных ламп, они походили сразу на башни и на цветы, высотой метра по четыре. Мальчишка замер перед одной из них, удивленно приоткрыв рот — невероятная красота многоцветного застывшего сияния будоражила душу, вызывая непонятную, совершенно необъяснимую тоску по какому-то высшему, нездешнему миру...

— Димка, болван, кончай пялиться! — Вайми рванул его за руку.

Мальчишка быстро повернулся к нему. Вайми сейчас был явно зол — и он сам тоже.

— Ну? Какие успехи? — резко спросил он.

— Никаких, — Вайми хмуро смотрел на него. — По твоей вине, кстати.

— По моей?! — Димка задохнулся от возмущения.

— А кто пистолет у Фао спер? Теперь он очень зол на вас — и на меня тоже. А без его помощи я ничего не могу сделать. Я тут теперь такой же простой гость, как и ты.

— Не знаю я ни про какой пистолет! — разозлился Димка.

— Всё равно, это кто-то из ваших, больше тут некому, — Вайми вздохнул.

— А может, Файму. Или Шиан Та, он вообще вор.

— Может. Но Фао думает всё же на вас.

— И пёс с ним. Как нам к Надиру попасть?

— Просто. Постоянной охраны там сейчас нет. Но, нужны ключи от дверей туда. Они у Истирры, командира Защитников и главного Хранителя. Где они — знает только он сам.

— Весело, — Димка задумался. — А где он сам живет?

— Во дворце Хранителей, конечно. Вместе с другими.

— Ещё веселее. Но Фао-то тут при чем?

— Он тоже Хранитель, причем старший. Во дворец может ходить запросто. И мог бы помочь решить этот вопрос. Но не захочет. Хорошо ещё, что я не успел ничего ему рассказать.

— Ясно, — Димка задумался. Он уже понимал, что, стащив пистолет у Фао, Сашка свалил преизрядного дурака... но злиться на него не получалось. Всё равно, Фао он не доверял ни на грош. Да и другим местным тоже. — Предложения какие? Должен же быть второй комплект ключей, а скорее, даже два. Очень уж важное место. И вряд ли они все хранятся в одном месте и у одного человека. Это даже по местным меркам совсем идиотизмом было бы.

Вайми задумался.

— У Истирры есть заместитель, Ахело. Он живет прямо здесь, в Маал-Нау. Мы могли бы попробовать заглянуть к нему в гости... без его ведома, но, сам понимаешь, дело это страшно рискованное. Если нас у него заметут, то наверняка вышвырнут из города. Причем, самым простым и верным способом — тюкнув топориком по черепу. Хранители, конечно, хранят город и всех его обитателей, но тот, кто восстает против своих благодетелей, должен умереть.

— А есть варианты? — хмуро спросил Димка. — Червь, быть может, уже освободился. И ползет сюда. А когда доползет, мы все пожалеем, что не сдохли.

— Может быть, и нет. Один раз его тут уже остановили.

— С помощью какой-то штуки из внешнего мира, которой тут больше нет, — напомнил Димка. — И в тот раз он по рассказам был существенно меньше. Так что вариантов нет, на самом деле.

— Вариантов нет, но шанс у нас всего один, — Вайми снова задумался. — Я знаю, где живет Ахело, но ключи от его квартиры точно есть только у него и он носит их с собой. А во вскрытии замков я не силен — да и ты, я думаю, тоже. И ключи от Надира — штука небольшая. Даже если они у Ахело вообще есть, он наверняка запрятал их туда, где их сам черт не найдет. Может, даже и не дома, а вообще где-то ещё.

— Дать ему по башке и потребовать отдать, — Димка не был намерен сдаваться.

— Димк, ну как ты это себе представляешь? — Вайми вздохнул. — Подойдешь к нему

посреди улицы, дашь в морду для знакомства и заорешь "А ну, падла, отдавай ключи от Надира!?" Это даже уже не смешно. Особенно если ключей у него всё же нет.

— У Истирры точно есть, ты сам это сказал.

— У него да. Но одолжить их он точно не захочет. Особенно если узнает, зачем они нам.

— А я не буду спрашивать, — буркнул Димка.

Вайми снова вздохнул.

— Димк, даже если мы стукнем его по башке и утащим в подвал, чтобы потолковать по душам, он ведь может и не захотеть... сотрудничать. И что тогда?

— В морду дам, — мрачно сказал Димка.

— А если не поможет? Тогда что? Пятки на костре ему жечь? А ты уверен, что сможешь? Просто жить со всем этим потом, даже если всё и получится?

Димка нахмурился. Становиться палачом он совершенно точно не хотел — не хотел даже и пробовать. Это было совершенно ясно. Но и других выходов он всё равно не видел. В то, что Хранители вынесут им ключи от Надира на блюдечке, расскажи он им всю правду, мальчишка совершенно не верил. Он уже насмотрелся на здешнюю жизнь — и понимал, что по доброй воле никто с ней не расстанется.

— Ну, а что ты тогда предлагаешь? — спросил он. — Молиться Мастеру, как делают тут некоторые идиоты?

— Нет, это всё равно не поможет, — Вайми задумался. — В принципе, можно обойтись и без ключей. Башня Молчания, как ты знаешь, стоит в гавани, но с воды попасть в неё нельзя, внизу просто нет входов. Единственный путь в неё — канатная дорога из дворца Хранителей. Её станция расположена на чердаке, но вряд ли прямо там есть охрана — ей всё равно давно не пользуются. Лестницы туда конечно все заперты, но с крыш соседних зданий на крышу дворца ведут несколько кабелей. По ним мы можем перебраться туда, с крыши попасть на чердак, а из чердака на станцию.

— Ага, и как только мы поедем по этой дороге, нас сразу же заметят, — буркнул Димка.

— Ехать не обязательно, в башню можно тоже перебраться по тросу, хотя там и далеко. Не знаю, сможем ли мы попасть прямо к Надиру, но, по крайней мере, разведем путь.

— Вот и славно, — сказал Димка. — Займемся этим сегодня же ночью. Хватит тянуть. Мы и так слишком тут засиделись.

* * *

Весь этот день Димка провел, как на иголках. Понятно, что ни о каких развлечениях или прогулках уже не могло быть и речи. Он вернулся к себе, то есть в комнату в громадной квартире Пао, которую занимал вместе с Борькой и Юркой, и маялся в ней, бессмысленно шляясь от стены к стене, — а потом прилег на диван... и незаметно заснул.

* * *

Проснувшись, Димка подскочил, — ему показалось, что он всё проспал и сейчас уже утро. К счастью, он ошибся. За окнами отведенной им комнаты, не очень отличавшейся от

его родной, там, дома, ещё висел синий вечерний полумрак. Он совсем не собирался спать — но сон пришелся очень кстати...

* * *

Проснувшись, Димка сразу же отправился искать Вайми. К счастью, в этот раз далеко ходить не пришлось — Астер сидел в центральной комнате, в гостиной, и болтал о чем-то с Пао. Вид у него сейчас был совсем другой — он выплел из волос колокольчики и бусы, а вместо парео оделся в такую же тёмно-зелёную тунику, в которую здесь хотели нарядить и Димку. Заметив его, он тут же простился с Пао и поднялся.

— Пошли.

Димка ожидал, что они сразу же отправятся к дворцу, но на сей раз Вайми отнесся к делу более ответственно. Он направился в комнату, которая служила Пао гардеробом. Пока Димка удивленно осматривался, Вайми открыл один из узких шкафчиков, стоявших у стены.

— Подожди. Сейчас я переоденусь. Вон твои сандалии.

Отвернувшись, мальчишка обулся. Вайми снял свою тунику и надел кожаный костюм — вроде охотничьего. Димка тоже скоро оказался в кожаной одежде, которая смотрелась куда круче этой дурацкой девчоночьей туники...

— Пошли, — Вайми направился к двери на лестницу.

— А оружие? — удивленно спросил Димка.

Вайми вдруг резко повернулся к нему.

— Димка, что ты хочешь с ним делать? Мы идем всего лишь на разведку. Вероятность, что нас там поймают, довольно большая. Но если нас там поймают без оружия, то, скорее всего, просто выгонят, дав, предварительно, по шее. А оружие в лучшем случае отберут. А в худшем начнется побоище, в котором нас скорее всего укокошат. Тебе это надо?..

* * *

Шагая по улице, Димка всё время крутил головой, — ему начало мерещиться, что за ними следят. Вокруг никого видно не было, но ощущение всё равно не исчезало и это злило мальчишку, — он чувствовал себя, словно собравшийся на дело вор, хотя ничего красть они не собирались...

Идти, как и всегда тут, было совсем недалеко. С улицы они свернули во двор, потом Вайми нырнул в какой-то темный подъезд. По длинной, тоже темной лестнице они поднялись на плоскую крышу. Вайми подошел к её краю, — и лишь здесь Димка понял всю сложность предстоящего им мероприятия. От крыши до дворца было метров пятьдесят, — но дворец был раза в два выше и кабель, сначала почти горизонтальный, дальше круто забирал вверх. К тому же, Димка не знал, выдержит ли эта штука его вес... но этот вопрос они решили очень просто, — вдвоем ухватились за кабель и изо всех сил потянули за него. Он не оборвался. Теперь им предстояло лезть по нему. Это было рискованно... но выбора у них не осталось. Взлететь на крышу вряд ли получилось бы...

Вайми не стал разводить церемоний, — он просто уцепился за кабель и пополз по нему. Димка с тревогой посмотрел вниз. Улица под ним была безлюдной — но их могли видеть из

дюжины мест и что ждет их по возвращении, он не знал. Конечно, если их не поймают ещё во дворце...

Кабель наверняка не выдержал бы двоих, так что Димке едва ли не целую вечность пришлось ждать, пока Вайми не доберется до цели. Кабель провисал под ним, и, когда он приблизился к крыше, то не смог дотянуться до парапета. К счастью, внизу был балкон, на который Вайми и спрыгнул.

Димка последовал за ним, хотя сейчас ему страшно хотелось плюнуть на всё и уйти — план Вайми залезть на крышу провалился и их экспедицию явно не ждало ничего хорошего. Но он сам её затеял и уже не мог отступить...

Теперь он понял, зачем нужен кожаный костюм — кабель больно врезался под колени, так что без него Димка, пожалуй, не справился бы. В самом конце ему пришлось ползти почти отвесно вверх. Руки начали дико болеть от усилий и мальчишка завершил путешествие на чистой силе воли. Когда Вайми втащил его на балкон, Димка без сил плюхнулся на пол. Руки у него тряслись, как у паралитика, и несколько минут он сидел, привалившись к ограждению. Он не представлял, как они станут возвращаться — но пока думать об этом было всё же рано...

К их счастью, дверь балкона закрывалась не на шпингалеты, как в его мире, а на обычную поворотную ручку. Нажав на неё, Димка попал в темную квартиру. Нежилую, судя по запаху. Без труда добравшись до входной двери, он легко открыл оба её замка. Она вела в тускло, но всё же освещенный коридор с множеством других дверей. Все они, однако, оказались заперты — за исключением железной двери лифта. Шахта его оказалась почему-то ярко освещенной, вдоль стен шли железные направляющие. Не долго думая, Вайми ухватился за одну и поехал по ней вниз. Димка, вздохнув, последовал за ним, и наконец бесшумно соскользнул на мягкий пол, так густо покрытый пылью, что непонятно было, из чего он.

Самого лифта тут почему-то не было — но вот дверь, ведущая на первый этаж, тоже оказалась заперта. Вайми, сначала один, потом вместе с Димкой, попытался повернуть ручку, но напрасно. Больше с отчаяния, чем по расчету, он прибег к последнему средству — поднялся по направляющей метра на два и прыгнул, ухитрившись попасть по неподдающейся ручке пяткой. В замке что-то звонко треснуло. Вайми грохнулся на четвереньки, подняв тучу пыли, и тут же чихнул. Звук оглушил Димку, отдавшись эхом наверху, но, к его радости, дверь всё же открылась. Она вела в такой же полутемный холл. Тонкая гладкая дверь лестницы оказалась заперта, но вот-вот могла слететь с петель — на неё раз за разом бросались привлеченные шумом охранники, у которых, по счастью, почему-то не оказалось под рукой ключа.

Вайми, всё ещё чихая, поднялся на ноги, и, хромя, выбрался из шахты. Они побрели по коридорам в поисках выхода. Несколько поворотов привели их в сумрачную галерею с длинным рядом низких зарешеченных окон. Всего в полуметре от них, за второй решеткой, по просторной площади куда-то бежали ребята — то ли по тревоге, то ли случилось ещё что-то...

Как бы то ни было, выбраться здесь оказалось нельзя, к тому же, в дальнем конце галереи тоже показались охранники. Убегая от них, они нырнули в новый лабиринт небольших узких комнат и низких проходов, разделенных застекленными дверями. Димку поразил пол — здесь он почему-то был стеклянный, монолитный, толщиной сантиметров в десять, и под собой он видел другие похожие ярусы, уходившие в бездонную, казалось,

глубину. Самое странное — источая слабое, розоватое сияние, это стекло оставалось притом совершенно прозрачным. Стены тоже были из панелей матового рельефного стекла, подсвеченного изнутри длинными разноцветными лампами. Они жужжали и мерцали. Это было очень красивое, но странное место и тревога Димки возросла: он не мог понять, куда они попали. До него долетали иногда довольно странные звуки, но нигде не было никакого движения.

Неожиданно Вайми замер, повернув голову. Димка тоже прислушался. До него донеслись очень слабые, но, несомненно, человеческие голоса. Они пошли в другую сторону, но звук в коридорах дробился очень причудливо и они несколько раз попадали в тупики, к тому же, голоса время от времени смолкали и слышались вновь уже в другом месте. Димка уже начал думать, что их водит какая-то нечистая сила... и тут же заметил нескольких испуганных ребят, направивших на них короткие автоматы, похожие на игрушечные — с единственной рукояткой. Магазин вставлялся в её нижнюю часть. Смотрелось это нелепо, но проверять, настоящее ли это оружие и заряжено ли оно Димке как-то не хотелось...

— Не дергайтесь, иначе будем стрелять! — крикнул один из парней. Голос его звучал взвинчено и Димка понял, что стрелять он будет при любом движении. Вот же гадство...

Сзади послышался топот — приближалась погоня. Мальчишке захотелось оглянуться — но он всё же не осмелился. Кто-то остановился за его спиной — и со страшной силой треснул Димку по затылку чем-то твердым. Мир взорвался вихрем ослепительных искр и погас.

* * *

...он словно падал сквозь бесконечную, липкую, почти осязаемую массу темноты. У него путались мысли и перед глазами возникали какие-то болезненные видения. Сны, бред и воспоминания диким образом переплелись в клубок причудливых, фрагментарных галлюцинаций, которые не могли иметь никакой связи с реальностью. Они правили бал в голове Димки, повествуя о бездонных ямах и пустынях, населенных размытыми кошмарами, подводя его к мрачным скалам, непроглядно черным океанам и мертвым городам, состоящим из глубоких базальтовых туннелей, в которых никогда не сиял источник света, и он никак не мог вырваться из них...

Окончательно придя в себя, он осмотрелся. Он лежал, скорее, валялся, прямо на полу, в какой-то пустой комнате. Сама комната оказалась квадратная, чуть меньше трех метров в ширину, с блекло-зелеными металлическими стенами. Единственное окно закрыто металлическим щитом снаружи. Всё это походило на каюту корабля, но тут, в Городе Снов, не могло быть никакого корабля...

Держась за голову, Димка со стоном сел. Голова дико болела, тело оказалось словно ватное. На затылке обнаружилась здоровенная шишка — его основательно приложили по башке чем-то тяжелым, но убивать всё же не стали...

Что-то зашипело, зашуршало — словно в комнате включили радио. Подняв голову, Димка увидел под потолком динамик и ещё какую-то штуку, вроде камеры. Под ней была стальная дверь — вне всякого сомнения, запертая.

— Ты очнулся, — голос звучал механически, безжизненно, без выражения. Просто набор когда-то записанных слов...

— Кто ты? — зло спросил Димка. Такая манера разговора ему совершенно не нравилась.

— Я Попечитель Города, — его, как оказалось, слышали. — Тебя же я знаю. И твоего спутника. Я давно наблюдаю за вами. С самого вашего прибытия.

— Что тебе от нас нужно? — спросил Димка. Это, безусловно, было сейчас самое важное.

— Чтобы вы объяснили причины своего... визита сюда, — из динамика раздался безжизненный смешок, который сделал бы честь любому привидению. Попечитель даже не старался скрыть, что ситуация его забавляет. — Не то, чтобы я был против, но ваше поведение... необычно. Оно не укладывается в мою схему. Нужно объяснение от вас.

— Зачем ты говоришь со мной? — насколько знал Димка, до разговора с людьми Попечитель нисходил редко.

— Потому, что ты мне... интересен, — снова жутковатый смешок. — Вы — новые лица в моём городе, а ты — самый интересный из всех. Остальные твои спутники... скучны. Глупый дикарь, считающий себя хитроумным, ещё более глупая дева, считающая себя убийцей, — и запутавшийся в себе парень, считающий себя повелителем внутренней тьмы.

— И чем же я тебе интересен, железяка? — Димка тоже решил не скрывать своих чувств к Попечителю.

— В отличии от других моих... подопечных, ты ещё сохранил... амбиции. Ты жаждешь власти, силы, могущества, с помощью которых сможешь занять в мире то место, которое считаешь достойным. Я могу дать тебе их.

— В обмен на что? — Димка уже был твёрдо уверен, что пошлет Попечителя на хрен. Тот, безусловно, хотел его поймать. В своих личных непонятных интересах.

— Не думаю, что ты захочешь стать Хранителем и посвятить свою жизнь службе мне. Я предлагаю просто сделку. Знание и сила в обмен на информацию и правду. Расскажи, что ты хотел найти в этом дворце. Расскажи, что может угрожать моему городу извне. Небольшая беседа — и мы расстанемся, вполне довольные друг другом.

— Что именно ты мне предлагаешь? — тем временем, Димка уже крутил неподдающуюся ручку, пытаясь открыть дверь. Запертую, как он и думал.

— Ты видел, на что здесь способны колдуны. Я могу рассказать тебе, как стать одним из них. Конечно, это не наделит тебя силой, которой ты жаждешь, но откроет путь к ней. Что касается знания... Ты что-то здесь ищешь, верно?

Димка вздрогнул. Попечитель заметил и это.

— Я не читаю мысли, как ты бы мог подумать, — снисходительно пояснил он. — Но способен читать чувства. Это мой город. Я помогу тебе найти эту... вещь. Только назови её.

— Хотя я нарушил сейчас штук пятьдесят ваших законов? — удивился Димка.

— Ты принес определенный... беспорядок в мой город, однако это мелочь по сравнению с угрозами, которые несёт ему... Ойкумена? Вы же называете её "ойкуменой" — место, в котором находится мой город?

— А если нет? — откровенничать с говорящей стеной Димке совершенно не хотелось и становиться колдуном тоже.

— Тогда я предоставлю вас вашей судьбе, — с резким щелчком динамик отключился.

* * *

Никакой мебели тут не было и мальчишка сел прямо на пол, привалившись плечами к стене. Мысли его были очень невеселыми — он понятия не имел, что это за судьба. Но вряд ли их тут ожидало что-то хорошее...

Где-то минут через сорок Димка вздрогнул: вдруг совершенно беззвучно открылась дверь в комнату. Вошел мальчишка в темно-зеленой тунике, с автоматом через плечо.

— Пошли, — приказал он, отступая в сторону.

Димке захотелось отобрать у пацана оружие, а потом надавать ему по шее — он был года на два младше его — но в его нынешнем состоянии это вряд ли получилось бы...

Они вышли в тесный коридор, потом вошли в другую комнату, оказавшуюся чем-то вроде директорского кабинета — длинную, с большим столом в конце. За ним сидел другой парень — высокий, смуглый, черноволосый. Димка без труда узнал его — сам Истирра Дииеп, командир Защитников. Самая большая шишка в этом городе, как он уже знал.

Вслед за ним в комнату втолкнули Вайми со страдальчески сморщенной физией — ему тоже крепко дали по башке, как догадался Димка. Вслед за ним зашло ещё несколько парней, на сей раз на удивление здоровых. Они молча встали у стены, недружелюбно глядя на пленников.

— Не ожидал увидеть вас здесь, — Истирра вздохнул со вполне искренним огорчением. — Но вам лучше бы объяснить причину своего визита сюда. Добровольно. Иначе к вам будет применена сила.

Вайми вздохнул, а потом вдруг сел прямо на пол, ловко скрестив босые ноги. Парень, сидевший перед ними, одним своим приказом мог превратить их в куски окровавленного мяса, умоляющие о пощаде, а Вайми просто смотрел на него, — пока Истирра не смутился и не отвел взгляд.

— Всё же, вам лучше объясниться, — буркнул он.

— Мы просто хотели посмотреть, — соврал Димка. — Сюда же никого не пускают. Вот нам и стало интересно.

— Это я ещё могу понять — но ты! — Истирра перевел взгляд на Вайми. — От тебя я не ждал такой глупости.

— Я не был здесь очень долго, — Вайми вздохнул, а потом вдруг с усмешкой взглянул на Истирру. — Кроме того, приключения разгоняют кровь и веселят душу, не так ли?

— Тем не менее, впредь тебе придется веселить её в другом месте, — Истирра задумался. — В общем, так. Вреда вы никакого не сделали, поэтому в этот раз я вас отпущу. Но, если вас поймают тут ещё раз, то вышвырнут из города, несмотря на все ваши... заслуги. Не сомневайтесь в этом и не испытывайте впредь моё терпение. Оно не безгранично.

Димка хмуро кивнул — и Истирра нетерпеливым жестом отослал их...

* * *

На сей раз, их отвели в комнату в конце коридора, оказавшуюся шлюзом — в ней был огромный круглый люк. Один из охранников нажал кнопку на маленьком пульте. Массивная плита люка поднялась и они вышли наружу, то есть, в дворцовый подвал, в который оказалось встроено что-то вроде бункера. Затем они поднялись по лестнице, и, миновав караулку с парой таких же смуглых хмурых парней, оказались на улице. За ними гулко

захлопнулась массивная деревянная дверь и Димка услышал, как стукнул, задвигаясь, засов.

— И что дальше? — спросил он у Вайми.

— Димка... я не знаю.

* * *

Они молча побрели по улице, прочь от дворца. Димка был буквально раздавлен случившимся — но неугомонный характер мальчишки всё же понемногу брал верх.

— Куда мы идем? — наконец спросил он, поняв, что они вовсе не возвращаются в Вэруо.

— К Лэнни. Это мой старый друг, — Вайми косо взглянул на него. — Думаю, ты понимаешь, что сейчас нам лучше лечь на дно, исчезнуть на какое-то время. Истирра, в общем, не такой уж плохой парень, но власть сделала его подозрительным. Он наверняка пошлет шпионов следить за нами, — и бог весть, что они ему нашепчут. А так он решит, что мы перепугались до смерти или что-то вроде. И потеряет интерес к нам.

— А у тебя какой ко мне интерес? — вдруг спросил Димка.

Вайми удивленно взглянул на него.

— Бескорыстный.

— Какой именно? — спросил Димка, вспомнив свой разговор с Попечителем. — Не верю в бескорыстие, — они неторопливо, не выделяясь из ленивого ритма города, шли по улице в сторону обиталища этого таинственного Лэнни.

— Ты герой, — спокойно сказал Астер. — Ты вырываешь из рук судьбы знания, рискуешь, чтобы помочь слабым. Ляйти, напротив, движим страхом, полон сомнений, боится встречать врага лицом к лицу и хочет обвести весь мир вокруг пальца. Сам понимаешь, что у него это не вышло. Его собственная трусость завела его в тупик, придавила безвыходностью, заставила превратиться в проходимца, чтобы сохранить хотя бы искру души. Но герой — это тот, кто идет в неизвестность, тот, кто встречает опасность грудью, с оружием в руках, тот, кто выбирает бой, даже умирает, но не бежит от врага.

— Спасибо, — буркнул Димка. Умирать ему всё же совершенно не хотелось, даже героически. — А в целом-то зачем тебе это? Сидел бы у себя в степи и горя не знал.

Вайми прямо взглянул на него.

— Это мой долг — разрушать темницы, в которых страдают слишком долго.

* * *

Квартирка Лэнни на третьем этаже грязно-розового пятиэтажного дома оказалась маленькой и бедной — голый дощатый пол, голые стены. В распахнутые настежь окна струился сырой, болезненно-теплый воздух и желтовато-серый свет мутного, дождливого дня — а также, само собой, шум крон деревьев, растущих под этими окнами и закрывающих весь обзор, так что даже насладиться видами не вышло...

— И что мы будем здесь делать? — хмуро спросил Димка, обводя взглядом невзрачное помещение.

Вайми вдруг усмехнулся.

— Ждать. Судьба всё разрешит сама, вот увидишь.

* * *

Как оказалось, судьба приняла вид Лэнни, который однажды вернулся домой с необычно встревоженным видом.

— Тебя Борька видеть хочет, — с порога сообщил он. — Говорит, дело жизни и смерти. Он тебя в столовке ждет.

Димке захотелось спросить, почему это тогда Борька сам не приперся сюда с этим самым крайне важным делом... но тратить время на это было глупо и он стал одеваться.

* * *

Идти, как и всегда тут, было совсем недалеко. Буквально во дворе соседнего квартала стояло нечто вроде спортивного зала — которым, впрочем, никто тут не пользовался, — а над ним помещалась общая для жителей окрестностей столовая. По широкой металлической лестнице Димка поднялся на плоскую крышу здания. Тут было странное место — огромный зал, накрытый выгнутой металлической крышей с лесом поперечин, сумрачный из-за закрывших громадные стекла деревьев. Посетителей тут почти не было, свет по этой причине не горел и он едва смог разглядеть Борьку, одиноко сидевшего у круглого столика в дальнем углу.

Димка небрежно отодвинул стул и сел рядом с ним. Перед Борькой стояла еда — какая-то местная запеканка, расковырянная, но не тронутая. Сразу было видно, что настроение у него паршивое, да и выглядел он почему-то уставшим.

— Итак, в чем проблемы? — сразу спросил Димка.

— В Льяти, — взгляд Борьки был хмурым, но твердым, он выглядел как человек измученный, но принявший окончательное и бесповоротное решение.

— А что с Льяти? — удивился Димка. — Он опять куда-то влип?

— Пока что нет. Но влипнет, обязательно — с его-то проблемами. Надир-то совсем рядом — а пройти к нему нельзя. От этого он изводится страшно.

— И что? — Димку новость не тронула, он и сам тут изводился от безделья и неопределенности...

Борька мрачно взглянул на него.

— А то, что у него терпение кончилось. Он мне сейчас сказал, что если мы сегодня же не добудем ключи, он сам во дворец Хранителей пойдет — и будь, что будет. Сегодня же ночью, как стемнеет. Сил, говорит, больше нет ждать. Мол пусть что угодно, но не это.

— Так. Ясно, — в груди у Димки ёкнуло. Он понимал, что во дворце поход Льяти и закончится — а удержать его они не смогут уже никаким образом. Оставался лишь один выход... — В общем, других вариантов нет. Будем пробиваться силой. Сегодня же. Предупреди ребят — а я пойду Вайми искать...

* * *

Вайми, конечно, не стал оставаться у Лэнни — давно свалил назад в общину Сновидцев, где жил когда-то. Димке пришлось добрых два часа дожидаться у подножия вышки, пока кто-то из них не соизволит выехать из своего обиталища в город, вновь изводясь и злясь от нетерпения. Когда он, наконец, вошел в здание, то готов был рвать и метать. Но Вайми наверху не оказалось и Димке пришлось спускаться в пещеры. Здесь как раз был перерыв в сновидениях — народ валил валом, чтобы поесть, помыться, и, как это ни смешно, отдохнуть от бесконечных снов...

Димка растерялся, не представляя, как найти Вайми в этой суматохе... но тот сам вывернулся ему навстречу. Судя по виду, он сам тоже торопился отдохнуть от снов...

На миг они замерли, удивленно глядя друг на друга. Потом Димка без лишних церемоний схватил Астера за руку и оттащил в сторону.

— Льяти сегодня идет к Надиру, — с ходу сообщил он. — С нами или без нас.

— Тихо, — Вайми встревожено оглянулся. — Пошли.

— Куда?

— Сюда, — Вайми подошел к тяжелому бархатному занавесу, который отгораживал жилое ответвление пещеры, и откинул его. Димка нырнул за него — и с облегчением перевел дух. Здесь, кроме них, никого не оказалось. Суматоха главного туннеля осталась позади, за занавесом, хотя было слышно, как там туда-сюда ходят и болтают люди...

В потолке коридора зияли глубокие прорези и падавший оттуда синеватый свет тускло отблескивал на стеклянных стенах — с обратной их стороны, ярко и многоцветно, были нарисованы пышные заросли, из которых выглядывали обнаженные юноши и девушки. Всё это поразило Димку — он ошалело осматривался. Воздух тут был чистым и свежим. Трудно поверить, что они сейчас находятся на глубине двадцати примерно метров...

Взяв Димку за руку, Вайми быстро повел его вперед, в самый конец коридора. Щелкнула, открываясь, белая стальная дверь. Они вошли в просторную, скудно обставленную комнату, залитую мягким палевым светом — его источали большие круглые плафоны на высоком потолке. Вайми запер дверь — это оказалась его комната. Затем на минуту наступила тишина. Похоже, что Астер старался как-то переварить оглушительную во всех смыслах новость.

— Ну? — наконец спросил Димка. — Предложения какие?

— Выбора нет, надо идти, — неохотно буркнул Вайми. — Только мой Нож Раздора тут ничем нам не поможет — в городе, так близко от Надира, такая грубая магия не действует. И друзей, которые на такое дело готовы, у меня тоже тут нет. Иначе я бы сам давно это всё предложил.

— Ладно, пёс с ними, — Димка задумался.

Так. Самая главная проблема уже решена — у него есть оружие. Почти боевой пистолет и девяносто патронов в коробке. Не бог весть что на фоне здешних автоматов — но явно лучше, чем трофейный меч...

— Во дворец лучше даже не соваться, — предупредил между тем Вайми. — Там главная казарма Хранителей, что бы мы там ни изображали — нас просто покрошат автоматным огнем. Надо идти в Маал-Нау — охраны там меньше, а у Ахело наверняка есть запасной комплект ключей.

— А если нет?

— Димка, нам всем лучше верить, что есть...

* * *

Они вышли из Вэруо после заката, когда почти все обитатели города ложились спать. Хотя идти готовы были все, Димка, поразмыслив, решил идти один — в смысле, из землян. Дело было почти безнадежное и он не хотел рисковать ещё кем-то. Льяти, конечно, не удалось отговорить. С ними пошел Вайми и Файму с братьями — всем, что осталось от её племени. У Файму было её страшное копье, у Талки лук, хотя Димка уже понимал, что выглядит это не грозно, а смешно...

Пока что им везло — по крайней мере, никто не попался им по пути и не пристал с дурацкими вопросами. У Вайми нашлась "карточка доступа", непонятно как добытая, и внешнюю ограду Маал-Нау они миновали без труда. Охраны во дворе не оказалось, калитка во внутренней стене тоже оказалась открыта — незваных гостей тут явно не ждали...

Когда они вошли в тускло освещенный внутренний двор, сердце Димки вдруг часто забилось. Но от нетерпения, а не от страха. Страх он сейчас не чувствовал, напротив, его распирала ярость на мерзавцев-Хранителей, вставших между ним и Надиром. Между ним и его домом, что гораздо важнее. Он был готов стереть их всех с лица земли. Хватит с него глупой покорности!..

Вайми повернул направо. Они обогнули угол здания. Здесь к Маал-Нау было пристроено нечто вроде веранды — освещенной, но пустой. Дверь её оказалась не запертой, и, поднявшись по лестнице, они без проблем вошли внутрь. Напротив окон тут нашлась тускло блестящая, словно только что отшампованная бронзовая дверь, вся в квадратных ступенчатых углублениях, ведущая внутрь основного массива здания. Сейчас эта дверь была, естественно, закрыта. Её многозначительно украшала здоровенная вмятина, оставленная, судя по всему, ядром из древней пушки — это было видно по её округлой форме. Весело же здесь когда-то жили...

Теперь Димка понял, почему Вайми выбрал именно эту дверь — возле неё оказался звонок. Астер с хмурым видом нажал на него. Снаружи ничего слышно не было и Димка замер с отчаянно бьющимся сердцем, не представляя, что делать, если им просто никто не откроет...

К счастью, всего через минуту дверь распахнулись и Димка увидел, что они сантиметров двадцати в толщину. В её проеме стоял парень в серой куртке, охранник. Он удивленно уставился на них.

— Вы кт... — начал он, но Файму мгновенно перехватила копье — и с маху вогнала его под ребра парня. Тот исчез в ослепительной вспышке — и по ушам Димки ударил страшный треск. Такой шум мог поднять даже мертвого — но как раз это им и было нужно...

* * *

Ждать охранников долго не пришлось. Буквально через полминуты в вестибюль их выскочило сразу шестеро — рослых, мускулистых парней с нечесаными волосами, свисавшими на глаза. Все, несмотря на ночь, в одинаковых синих рубашках с открытым

воротом, легких полуботинках и мешковатых серых шортах с вшитой в боковые швы цветной бахромой — она свисала им до икр, безобразно мотаясь при каждом шаге. На их плечах блестело серебро погончиков — настоящие Хранители, и Димка понял, что они зашли правильно...

* * *

Эти охранники уже были вооружены — в руках они сжимали короткие, окованные железом дубинки. Один из них тут же замахнулся ей на Димку, но сделал он это точно зря — разъяренный мальчишка наотмашь ударил его в челюсть. Оглушенный охранник опрокинулся назад, с размаху грохнувшись затылком о каменные плиты пола. Второй синий бросился к Вайми, остальные надвигались на Файму вогнутой дугой. Похоже, драка не слишком их пугала...

Тем не менее, шансов у них не было. Вайми безжалостно загнал своему противнику Нож Раздора в поддых. Файму, взмахнув копьём, рассекла глотки сразу двум охранникам. Третьего она сбила на пол ударом дровка, наступила на спину и прикончила, вонзив копьё между лопаток. Четвертому Талка вогнал стрелу в сердце. Дэй тем временем проткнул своим ножом позвоночник оглушенному Димкой парню. Шесть ослепительных вспышек разодрали воздух — и наступила тишина...

* * *

Опомнившись, Димка ошалело помотал головой. Он не мог поверить, что страшноватый, чего там, отряд громил был уничтожен так быстро. На какой-то миг он даже решил, что весь этот бой ему просто померещился... потом вновь мотнул головой и осмотрелся. Справа и слева коридор уходил далеко в полумрак и там, в торцах, темнели окна. Свет горел только в центре, у Т-образной развилки. Не стовариваясь, они двинулись в ту сторону. Отходивший вбок светлый коридор упирался вдалеке в массивные деревянные двери, покрытые черным лаком, уже знакомые Димке...

Пройти далеко им не дали. Едва они сделали десяток шагов, из-за арок впереди выскочило пятеро разномастно одетых, но крепких парней, на сей раз самых обычных. У двоих в руках были винтовки и Димка замер, просто не в силах поверить, что всё кончилось так быстро и так глупо. Двое стрелков держали их на мушке — и тяжелые винтовки не дрожали в их руках. Парни, у которых не было винтовок, сжимали в руках всё те же короткие дубинки. Двое из них. Третий, должно быть, вожак этой странной шайки, был вооружен куда лучше — вытащив из-под куртки пистолет, он прицелился Димке в голову. Тот не успел достать оружие и вместо своего пистолета сжимал в руке меч. Впрочем, никакого значения это уже не имело, стрелков перед ним было сразу трое...

Впрочем, и он был тут не один. Файму издала какой-то странный звук, похожий на цоканье — и в груди у парня с пистолетом выросла стрела. Стрела Талки, который, по счастью, держал лук наготове...

* * *

Всё остальное случилось буквально в один миг. Парень с пистолетом выронил оружие и согнулся, хватаясь за грудь. Из винтовок двух других вырвалось пламя. За спиной Димки тоже раздался страшный треск, и, оглянувшись, он понял, что Файму и Талка... исчезли, как и не было...

* * *

Пока Димка ошалело хлопал глазами, пытаясь поверить в случившееся, Дэй вдруг с невероятной быстротой бросился вперед. Охранники растерялись, пытаясь передернуть затворы своих винтовок, и мальчишка достиг их всего за несколько громадных, нечеловеческих прыжков. Сверкнул кристаллический нож — и в глаза Димки ударила ослепительная вспышка. Он невольно зажмурился... но ещё одна вспышка ударила по опущенным векам, потом снова и ещё...

Через несколько секунд Димка осторожно приподнял ресницы. Коридор был пуст — в нем остался лишь Дэй, устало опустившийся на колени. Должно быть, за эти секунды он потратил все свои силы. Наконец, мальчишка поднялся, взглянув на него — и Димка вздрогнул от ярости, горевшей в его взгляде. Дэй потерял брата и сестру — а с ними, похоже, и разум. Сейчас он был готов убить любого, кто попадется ему на глаза... но сделать что-то уже не успел. Из-за углов поперечного коридора выскочило ещё двое парней — и в руках у одного из них был пистолет. Один за другим гулко ударили выстрелы. Дэй завертелся, словно танцуя под ударами пуль — а потом тоже исчез в ослепительной вспышке...

* * *

К счастью, этого времени хватило Димке, чтобы убрать в ножны бесполезный сейчас меч и выхватить свой, так кстати украденный Сашкой пистолет. Вскинув его, он разрядил весь магазин в не ожидавшего такого "привета" стрелка. Тот шустро шарахнулся назад, но пули Димки всё же достали его — он услышал полный боли вопль, а потом — стук упавшего тела. Потом донесся торопливый топот — последний противник сбежал. В коридоре снова воцарилась тишина...

* * *

Переглянувшись с Вайми и Льяти — лишь они уцелели из всего их отряда — Димка медленно пошел вперед. Тишина оглушительно звенела в ушах, сердце билось где-то у горла. Он уже не мог поверить, что всё это происходит наяву...

Остановившись у перекрестка, Димка нагнулся, подобрал выпавший из руки пропавшего командира охранников пистолет. А ведь попал он в... того, кто стоял слева. И крепко попал. Может быть — насмерть... но вспышки пока не было...

Держа пистолет наготове, мальчишка осторожно заглянул за угол. И замер. На полу,

зажимая простреленный бок, скорчился ни кто иной, как сам Истирра Дииеп, командир Защитников, Главный Хранитель, и прочая, и прочая, и прочая...

— Вот в кого я стрелял... — пробормотал Димка задумчиво. Он совсем не ожидал его тут встретить... но ему повезло. Под Истиррой расплывалась лужа крови, дышал он часто и судорожно, и, судя по всему, уже испускал дух. С пояса у него свисала здоровенная связка ключей и в груди у Димки ёкнуло — похоже, ему повезло куда больше, чем он мог представить.

* * *

Мальчишка упал на колени, и, торопясь — Истирра мог умереть в любой миг, — начал отцеплять ключи. Он страшно боялся, что тело под руками исчезнет, оставив его в последний миг ни с чем... но незнакомая застежка всё же щелкнула и расстегнулась — всего за секунду до того, как по глазам Димки ударила ослепительная вспышка...

* * *

Проморгавшись, мальчишка поморщился — в глазах у него плавали цветные круги, в ушах дико звенело — словно совсем рядом с ним ударила молния. На душе тоже было гадко — как ни крути, он только что обобрал умирающего.

Недовольно помотав головой, Димка поднялся, взглянув на Вайми.

— Это они? — спросил он, показывая Астеру ключи.

— Да, — коротко сказал тот. — Судя по всему, наш визит во дворец так напугал его, что он решил таскать ключи от Надира с собой, не доверяя тайникам и сейфам.

— А что он здесь-то делал?

Вайми лишь пожал плечами.

— Решил навестить Ахело, скорее всего. Едва ли мы теперь это узнаем. Ахело тоже погиб, его застрелил Талка.

Теперь им оставалось лишь убраться отсюда — но как раз в миг, когда в голову Димки пришла эта ценная мысль, в коридор хлынула новая волна охранников. На сей раз, их было так много, что он даже не мог их сосчитать.

* * *

Димка подумал, что должен испугаться... но сейчас он был слишком взбешен для таких глупостей. Вскинув пистолет, он раз за разом нажимал на спуск — и в глаза вновь ударили вспышки. Сейчас мальчишке казалось, что врагов убивают не пули, а ненависть, пылающая в его сердце...

Продлилось это всего несколько секунд, потом трофейный пистолет смолк, лязгнув отошедшим затвором. Бросив его, Димка поднял выпавшую из рук убитого охранника винтовку, дослал патрон и вновь начал стрелять. В школе он неплохо научился стрелять из мелкашки и сейчас это умение пригодилось — ни одна пуля не шла мимо цели...

За спиной Димки загрохотала вторая винтовка и вспышек-смертей стало ещё больше. Рывком оглянувшись, он с удивлением увидел, что стреляет ни кто иной, как Льяти, и стреляет неожиданно метко. До этого мига он не мог даже представить, что Виксен вообще умеет стрелять... но ведь он и был не дикарем, а выходцем из мира достаточно развитого, чтобы погибнуть в ядерной войне. Кто знает, чему он там мог научиться?..

Недовольно мотнув головой, Димка повернулся к бегущим на него охранникам. Несмотря на страшные потери — его и Льяти пули отправили на перерождение уже никак не меньше их десятка и ещё нескольких ранили — уцелевшие рвались в атаку, как безумные. То ли мстить за так горячо любимого ими шефа, то ли уже понимая, что утрата ключей от Надира означает гибель их затхлого мирка...

Передернув затвор, Димка прикончил очередного охранника, передернул затвор ещё раз... но выстрела не было — кончились патроны в магазине. Льяти уничтожил ещё двух, но затем патроны кончились и у него.

Бросив бесполезную винтовку, Димка выхватил меч. Ловко увернувшись от устремившейся к его голове дубинки, он вогнал его под ребра ёкнувшему охраннику, выдернул меч ещё до вспышки и изо всех сил рубанул по шее второго. Из-под клинка волной плеснула кровь. Димка невольно зажмурился, пережидая две вспышки... потом пнул в пах третьего, ослепленного ими охранника и наотмашь рубанул по загривку, свалив на пол. Вайми и Льяти тем временем подобрали выпавшие из рук пропавших охранников дубинки и тут же пустили их в ход, беспощадно разбивая нападающим головы. В глазах вновь зарябило от вспышек. Димка невольно зажмурился... а когда, наконец, поднял ресницы, коридор был уже пуст. Кроме них троих в нем никого не осталось.

* * *

— И что дальше? — спросил Димка, осмотревшись. Вокруг них никого не было — но всё здание буквально гудело от криков и топота. Здесь жило несколько сотен человек — и Димка понимал, что, как бы они ни дрались, их сейчас просто затопчут, задавив количеством. Бегство же почти наверняка столкнуло бы их лоб в лоб со спешащими сюда из дворца Хранителей автоматчиками — а с ними они вообще ничего не могли сделать, только бесславно погибнуть в тот же миг...

— Валим отсюда, быстро, — сказал Вайми, осмотревшись. И тут же, не оглядываясь, кинулся бежать.

* * *

Ругаясь про себя, Димка последовал за ним — ничего другого ему не оставалось. Точно так же поступил и Льяти.

Вайми нырнул в один коридор, потом в другой. Тот кончался тупиком, но справа белела какая-то гладкая дверь. Вайми дернул её и проскочил внутрь, буквально перепрыгнув через высоченный порог. Дверь оказалась деревянная, но тяжелая и толстая. Он с усилием захлопнул её и задвинул прикрученный к ней железный засов.

Димка торопливо перевел дух, потом осмотрелся. К его удивлению они оказались в

туалете, пусть и неожиданно просторном. Справа от него был унитаз, впереди, напротив двери, — деревянные полки, заставленные всяким хламом.

— И что мы будем здесь делать? — спросил он. — Жить?

— Увидим кое-что необычное, — Вайми усмехнулся.

Опустившись на колени, он начал выбрасывать с полок хлам, потом торопливо вытащил их толстые доски. В стене за ними открылась небольшая дверца, такая же гладкая и белая, как и входная. Она была заперта на задвижку, но Вайми легко сдвинул её, и, потянув за ручку, распахнул.

За дверцей был проем в толстой стене, а за ним узкая ниша. Здесь, слева, проходили трубы, ныряя в широкие проемы в полу и потолке. Как ни странно, свет горел и здесь, и Вайми, вновь торопливо осмотревшись, быстро полез вниз, цепляясь за крепежные скобы. Димка последовал за ним.

* * *

Шахта оказалась неглубокой. Она вывела их в тускло освещенный одинокой лампочкой коридор с теми же трубами и кабелями на стенах и какими-то пыльными дверями, как оказалось, запертыми. Железная дверь в его конце тоже была заперта, но относилась как раз к тем, от которых у Димки теперь были ключи. Провозившись со связкой несколько минут, он всё же смог подобрать нужный.

Замком явно давным-давно не пользовались — смазка давно высохла и поддался он буквально со скрипом. Димка едва не вывихнул пальцы, стараясь повернуть заедающий ключ — но замок всё же сдался. Дверь тоже не хотела открываться — но Димка просто уперся ногой в косяк и рванул изо всех сил. Осевшая дверь распахнулась с резким треском, из-за неё пахнуло затхлостью. Внутри царил крошечный мрак, но, когда Вайми, отпихнув его, проскользнул внутрь и включил свет, Димка увидел в земляном полу пустой комнаты люк. Крышки не осталось, кирпичная кладка казалась очень старой, но выбора, как всегда, не было.

* * *

Вайми тут же молча скользнул в люк, за ним последовал и Ляти. Димка, вздохнув, не без труда запер дверь, потом последовал за ним. Этот колодец тоже оказался неглубоким, но от него, к дикой радости мальчишки, начинался какой-то сводчатый проход.

Вайми дожидался его у скоб лестницы. Кивнув Димке, он пошел вперед по низкой галерее, пока не уперся в тяжелую ржавую решетку. С трудом открыв её, он выбрался в чуть более просторный туннель с двойной цепью тусклых неоновых ламп — оранжевый свет в них неритмично пульсировал и кирпич стен казался освещенным факелами. Далеко справа и слева виднелись другие низкие зарешеченные арки.

Вслед за Димкой в туннель вышел Ляти. Тревожно прислушавшись — Димке тоже померещился стук в дверь наверху — он захлопнул решетку, сосредоточенно засопел, стараясь сдвинуть заржавленную щеколду, — и, наконец, удовлетворенно вздохнув, повернулся к нему.

— Куда дальше? — тут же спросил он.

Вайми покрутил головой, явно что-то прикидывая.

— Туда, — он показал направо и они зашагали за ним.

* * *

Туннель оказался неожиданно длинным. Димка понятия не имел, куда они сейчас идут... но пришли они буквально к концу света — лампочки дальше не горели, туннель уходил в кромешный мрак. Вайми, не сбавляя хода, шел туда, и Димка последовал за ним, но тут туннель вдруг повернул направо, потом налево и последние блики света погасли.

— И куда дальше? — спросил он. — Я не вижу не фига.

— Это не проблема.

На стены упал слабый свет. В руке Вайми, словно по волшебству, появился небольшой фонарик. Они пошли дальше... но всего шагов через двадцать уперлись в уходящую вниз лестницу. Уходила она в темную, неподвижную воду. Пути дальше не было.

* * *

— И что теперь? — хмуро спросил Димка. Возвращаться ему совершенно не хотелось.

Вайми только почесал в затылке.

— Раньше тут воды не было, — наконец сказал он. — Но это было двести лет назад.

Вздыхнув, Димка сел у стены, тупо глядя на пыльные кирпичи напротив. В ушах у него звенело, в голове не было сейчас ни одной мысли. Казалось, что сам этот проклятый город вцепился в них мертвой хваткой, запутал, запер в своём затхлом подземном лабиринте...

Льяти, вздохнув, сел совсем рядом с ним.

— Тебе страшно? — вдруг тихо спросил он.

Димке так было страшно. Его охватил жаркий стыд... но он совсем не злился на Льяти. В конце концов, от того, смогут ли они выбраться отсюда, зависела судьба всего мира.

— Да, — буркнул он.

— Мне тоже, — Льяти вздохнул и посмотрел на Вайми. Тот всё ещё что-то прикидывал. — Что делать будем?

— Насколько я помню, выход уже совсем рядом, — ответил тот. — Но где именно, я, увы, забыл. В общем, так. Коридор внизу затоплен доверху — но шагов через двадцать в его крыше есть люк, ведущий в верхнюю комнату. Мы можем нырнуть и проплыть до него.

— И что дальше? — хмуро спросил Димка, но Вайми просто молча бросился в темную воду.

* * *

Вода глухо, жутко плеснула, потом Вайми исчез в ней — и вместе с ним пропал свет. Димке захотелось выругаться — он не любил, когда его ставили в безвыходное положение

— но через несколько секунд вода плеснула вновь — в неё бросился и Льяти. Димка остался здесь один... и, глубоко вздохнув для храбрости, тоже бросился в воду.

* * *

Вода оказалась совершенно ледяная — в груди Димки мерзко ёкнуло от холода, мускулы сразу свело, но он, сжав зубы, поплыл вперед, отталкиваясь от нависающего свода, чтобы не пропустить выход. Получалось это медленно и его охватил страх — плыть в неизвестную черную глубь под землей было уже настоящим апофеозом кошмара. Вскоре мучительно захотелось вдохнуть, грудь горела, холод сковывал тело — но Димка яростно рвался вперед, чувствуя, что прямо сейчас он не выдержит и вдохнет воды... но как-то выдерживал ещё одно мгновение, потом второе и ещё...

В голове у него начало мутиться, он понял, что сейчас потеряет сознание... но тут его рука не нащупала свода. В тот же миг кто-то крепко вцепился в неё и выдернул наверх, в спасительный воздух...

* * *

Выбравшись из воды, Димка замер, стоя на четвереньках. Грудь у него всё ещё горела, казалось, что вдохнуть вообще не получится — но это, к удивлению мальчишки, удалось, хотя в горло ему словно воткнули раскаленный нож. Он хрипло задыхался, не чувствуя воздуха, зато чувствуя, как сердце старается выпрыгнуть из груди. В ушах дико звенело, перед глазами плавали радужные круги — он завершил этот жуткий подводный путь буквально чудом...

Наконец, его отпустило. Димка сел на пол и осмотрелся. Фонарик Вайми уже едва тлел, в его тусклом свете он едва смог разобрать физию Астера, всё остальное пропадало в глухом мраке...

— Куда мы теперь пойдём? — спросил он, когда, наконец, смог говорить.

— Не знаю, — ответил Вайми. — Наверное, дальше. Не сомневаюсь, что нас ждет масса приключений, — он усмехнулся, косо взглянув на Димку и Льяти. — Вам понравится.

Фонарик, зашипев, погас.

* * *

Идти, однако, оказалось некуда — когда Димка заставил себя подняться и пойти вперед, он всего через несколько шагов наткнулся на влажную бетонную стену, пошел вдоль неё... и после четвертого угла понял, что выхода нет.

* * *

Какое-то время они сидели на бетонном полу, прижавшись друг к другу и отчаянно

дрожа. Димка был совершенно уверен, что они попали в тупик и будут вынуждены возвращаться — и даже заметив падавшие сверху синеватые отблески, не сразу понял, в чем дело.

Они сидели под жерлом глубокого колодца. Крышка его оказалась закрыта неплотно и сквозь щели проникал призрачный свет. Поднявшийся первым Вайми с трудом сдвинул её; они выбрались прямо на широкую, пустынную улицу и замерли, настороженно осматриваясь. На улице, между тем, не было видно ни души. Её заливал холодный синий свет ртутных фонарей — совсем неяркий и трехэтажные, с высокими островерхими крышами и большими застекленными балконами дома казались темными в тени пышных крон...

Льяти вдруг вскрикнул, показывая в конец улицы. Она выходила прямо к морю — и из него торчала огромная башня.

* * *

Димка сразу понял, что это и есть пресловутая Башня Молчания. Он уже видел её много раз, но ещё никогда — так близко. Круглая, массивная, до половины высоты обрамленная ребрами пилонов, она тускло блестела в золотистом свете высоко стоявшей в чистом небе непривычно большой здешней луны, Арисфены. В самом деле громадная — высотой в добрых этажей двенадцать. К её плоской верхушке тянулся тонкий, словно паутинка, трос.

Вайми вдруг дернул Димку за руку и тот резко повернулся. В другом конце улицы в тусклом свете далекого фонаря темнело несколько силуэтов. Вроде бы собак, но очень уж крупных собак... киноиды, вот кто это был.

В груди у Димки ёкнуло, когда он понял, что подземный ход вывел их на территорию, захваченную этими тварями. Он не представлял, как они смогут выбраться отсюда... но Вайми вновь потянул его за руку.

— Пошли отсюда, — тихо сказал он. — И быстро.

* * *

Они повернули направо — просто чтобы убраться с глаз тварей. Боковая улица вывела их в темный сквер, потом они повернули на юг, подальше от моря. Димка вспомнил, что все ведущие сюда улицы перекрыты спиралями колючей проволоки... но тут же впереди показались те же силуэты. На сей раз, киноиды не колебались — они быстро побежали к ним.

* * *

Димка вскинул пистолет, перезаряженный им только что, на ходу... но теперь оружие издавало лишь тихие щелчки — патроны промокли во время его подводной одиссеи. Он бросил его и потянулся к мечу. Киноиды были больше самой крупной овчарки и гораздо

умнее — и он понимал, что шансов у них троих просто нет...

— Смотри-ка! — Вайми показал на стоявший впереди вагон трамвая. Пустой, небольшой, почти квадратный. Дверь его оказалась открыта и они бросились туда.

Заскочив внутрь, Вайми сразу же бросился к месту водителя. Ему повезло найти нужную кнопку и дверь-гармошка закрылась буквально перед носом подбежавших киноидов.

Димка с облегчением перевел дух и плюхнулся на сидение, осматриваясь. Лишь теперь он начал понимать, как же им повезло — киноиды крутились вокруг вагона, яростно лаяли, но поделаться ничего не могли. А ведь их было не меньше десятка и мальчишка понял, что их бы просто разорвали...

Он едва не подскочил, когда под полом вдруг что-то загудело и вагон, дернувшись, поехал с громким лязгом. Потом всё же повернул голову и посмотрел, куда это они едут.

Улица упиралась в длинное двухэтажное здание, отгороженное железной решеткой. Перед ним она поворачивала куда-то направо, где было почти что темно — фонари там, все разом, ненадолго загорались и гасли, и это немного пугало... однако мысли о том, что им повезло вырваться из ада, занимали его гораздо больше. Только ехали они, к сожалению, недолго. За поворотом впереди показался высокий бетонный портал, втиснутый между крутыми склонами горы. Димка почувствовал себя героем какой-то скверной приключенческой пьесы... но пока что им дико везло. По крайней мере, киноиды куда-то убежали, должно быть напуганные лязгом и грохотом внезапно ожившего вагона.

Димка ожидал, что они просто въедут внутрь, но у портала рельсы кончились. Здесь Вайми остановил вагон, потом быстро повернулся к ним.

— Бежим внутрь, быстро, не оглядываясь! Если нам повезет, они не успеют нас заметить и догнать.

Выбравшись из вагона, они все побежали к нависавшему над головой скалистому склону. Димка подумал наконец о том, куда ведет другой конец рельсов... но возвращаться было уже поздно.

* * *

Бежать было, вроде бы, недалеко — но, когда они добежали до скалы, сердце Димки вновь бешено забилося и он даже начал задыхаться, ещё не опомнившись от страшного подземного заплыва.

Здесь в скале был прорублен квадратный проем высотой метра в четыре. Метров через десять туннель поворачивал направо, исчезая из поля зрения. Идти туда, правду говоря, не слишком-то хотелось — но тут сзади вновь донесся лай киноидов. Димка дернулся, словно его ударили, — и бросился в проем.

* * *

Ещё метров через десять туннель снова поворачивал — на этот раз влево. Здесь в скалу были врезаны огромные, массивные стальные ворота — приоткрытые. За ними зиял крошечный мрак и Димка снова замер. Из ворот несло холодом и сыростью, и идти туда не хотелось. Но тут снаружи донесся яростный уже лай киноидов — и они испуганно бросились

во мрак.

* * *

Димка на миг замер, не представляя, куда тут идти дальше... но Вайми молча потянул мальчишку за собой. Лягти судорожно сжал его руку. Димка стучал зубами от холода, буквально леденившего кровь. Он почти не чувствовал своих застывших ног, но всё же, упорно следовал за Астером. Они повернули налево, в длинный коридор с чередой ступеней, ведущих вверх. Через двадцать шагов Димка миновал площадку, ступил на новую лестницу, свернув немного вправо, потом ещё на одну и еще. Они были внутри какой-то шахты, поднимаясь по ломаной, многогранной спирали, но недолго.

— Здесь лестница кончается, — странно глухо сказал Вайми. — Осторожней. Это... — его голос прервался.

Димка покорно замедлил шаг. К счастью — здесь был высоченный порог, а за ним коридор, уходящий в глубину скалы. Не отпуская руки Астера, он пошел за ним, дрожа от холода. Как-то вдруг в его голове возникло видение недельной давности — он и Сашка сидели в легких креслах у стола, уставленного различными вкусностями. Стол помещался на открытой площадке, венчавшей решетчатую башню высотой метров в двадцать. Башня в свою очередь венчала здоровенное здание Мау-Най, так что вид оттуда открывался отличный...

А ведь стоило Сашке, заразе, промолчать, подумал вдруг Димка, и ничего этого просто не было бы. Ни этого жуткого боя, ни не менее жуткого похода в неизвестность...

Он недовольно помотал головой. Не будь той дурацкой вылазки во дворец — и ключей от Надира у Истирры бы не оказалось, а может, в Маал-Нау не оказалось бы и его самого, и все их надежды пошли бы сейчас прахом...

Коридор казался Димке бесконечным, но, наконец, впереди забрезжил слабый, почти призрачный свет. Лунный свет. Они вышли в бетонную коробку пустой комнаты, потом в почти темный коридор... и Димка удивленно замер. Коридор выходил на станцию монорельсовой дороги — возле её платформы даже стояла другая, играющая роль вагона. Подойдя к ней, мальчишка удивленно осмотрелся. Она примыкала к темной громадине недостроенного многоэтажного здания, в свою очередь примыкавшего к склону горы. Отходивший от неё рельс, поднятый на высоченных бетонных опорах, оказался неожиданно длинным. Он вел к морю, на север, потом изгибался, огибая скалу и исчезая из поля зрения на западе.

— Это вторая ветка дороги, — тихо сказал Вайми. — Если она ещё работает, мы приедем прямо в Вэруо, к вашим.

Димка не ответил, с удивлением глядя на лежавший внизу город. Он был, похоже, заброшен ещё несколько десятков лет назад. На каждом клочке свободной от асфальта земли выросли деревья, под ними торчал частокол засохшего в борьбе за свет мелкоколосья. Бывшие улицы засыпаны палой листвой так, что под ними не видно асфальта. Там кое-где уже пробивалась трава. Улицы эти повсюду перегораживали поросшие ржавчиной железные решетки высотой в добрых метра три. Они разделяли и кварталы, так что вольно гулять тут было бы, наверное, вообще нельзя.

Из этого моря решеток и буйной зелени островами поднимались здания — в основном,

прямоугольные, с плоскими крышами, сложенные из серого кирпича. Стекол в их окнах по большей части не осталось — то ли выбило каким-то колоссальным взрывом, то ли просто выпали из прогнивших, почерневших от старости рам. Ничего живого там не наблюдалось — лишь надрывались осатаневшие от безлюдья сверчки. Им тут точно было раздолье — но никаких зверей, по крайней мере, достаточно крупных, чтобы заметить их сверху. Должно быть, окружающий и эту часть города крепостной вал мешал им прийти из степи и обосноваться тут...

Недовольно помотав головой, Димка осмотрелся уже внимательнее. Он стоял над чем-то вроде площади — которая, похоже, и раньше была сквером, потому что на ней выросли огромные деревья, возвышаясь над всем окружающим, словно зеленая гора. Справа тускло отблескивало далекое море, слева, за валом, темнело ущелье. Начинаясь расщелиной в горах, оно рассекало плато предгорья поперек. Крутобокие увалы за ним щетинистыми от леса волнами убегали вдаль, сливаясь с темным, позолоченным луной небом...

Димке захотелось пойти в этот далекий неведомый простор... и он вновь недовольно помотал головой, уже зная, что там ему никогда не доведется побывать. Их путь в этом мире завершался...

* * *

К дикой радости Димки, эта ветка дороги работала, несмотря на древность. По крайней мере платформа несколько раз с ржавым скрежетом дернулась, но потом всё же тронулась и со скрипом поползла вперед. Слева медленно проплывали исполинские морщины скалы. Справа, за валом, лежала обширная равнина, испещренная рощами, изрезанная каналами с отвесными железобетонными бортами. С той стороны Город Снов был укреплен куда сильнее — но это не слишком помогло этой его части. Она опустела уже после отбытия Вайми и он не мог сказать, что же такое здесь случилось...

* * *

Когда они обогнули северный край хребта и повернули к Вэруо, Димка напрягся. Теперь их мог видеть весь город... но внизу царила тишина. Среди уцелевших Хранителей, наверное, до сих пор царил страшный переполох — но остальным обитателям города на них явно было наплевать...

* * *

До Вэруо они добрались без происшествий. Земляне, конечно, не спали, ожидая товарищей. Их почти торжественное появление со столь неожиданной стороны и столь неожиданным образом всех удивило — но общей реакцией был вздох глубочайшего облегчения. Все части мозаики сложились и можно было отправляться домой...

* * *

— Ну что, пойдём к Надиру? — сразу же предложил Льяти, едва стихли восторги, вызванные их возвращением.

— Нет. Не сегодня, — Вайми вздохнул. — Сейчас весь дворец стоит на ушах, лезть туда — попросту самоубийство. А завтра как раз будет День Надира — главный здесь праздник, между прочим. С карнавалом даже. Все размалюются, как черти, и начнут бродить по улицам до полуночи, а может, даже и дальше. По крайней мере до дворца мы сможем дойти не замеченными. А там... ну, видно будет.

— А сейчас-то что делать? — хмуро спросил Димка. Он совсем не был рад отсрочке, даже понимая, что она — вообще последняя...

— Сейчас? — Вайми не менее хмуро взглянул на него. — Сейчас нам надо немедленно убираться отсюда. Не знаю, опознали нас Хранители или нет, но если опознали, то в любой миг могут явиться сюда. К счастью, я знаю тут одного парнишку, Иаши — а он знает надежное убежище. В самом деле надежное. Так что бодро отправляемся туда...

* * *

Пользоваться второй веткой дороги было бы уже просто верхом глупости — Димка подозревал, что Хранители не вломились сюда только потому, что не знали кода от башни внешней станции, да и единственная платформа дороги стояла сейчас здесь. Так что они просто вышли во двор и Вайми отпер заржавевшую калитку в высоченной металлической ограде, окружающей здание — калиткой этой давным-давно не пользовались. Сразу за ней их ожидал Иаши — худенький парнишка на вид всего лет двенадцати. Похоже, что Вайми заранее предупредил его, что оказалось очень кстати...

Идти, к счастью, им оказалось совсем недалеко — всего-то в соседний квартал, где и жил Иаши. Он повел их под низкими корявыми деревьями в темную глубь двора — туда, где в стыке двух корпусов таилась облезлая тяжёлая дверь, едва заметная в грязном углу. За ней начиналась длинная, заросшая паутиной лестница, ведущая в подвал. Когда все вошли внутрь, Иаши захлопнул дверь и запер её на внутренний замок. В свете небольшого фонарика они двинулись вниз. Воздух здесь был тяжёлый, тёплый и влажный, и Димка невольно передернулся: он был сыт подземельями по горло...

Подвал оказался просторным и пустым, но мальчишка всё время оглядывался: справа и слева, из зиявших в осыпавшихся кирпичных стенах проемов, доносились подозрительные шорохи и ему всё время казалось, что оттуда на него вот-вот бросятся. Мягкая, поросшая пузырьчатой плесенью земля глубоко подавалась под его ногами.

Они прошли не меньше метров ста. Потом Иаши свернул в боковую комнату, вновь заперев за ними узкую, из четырех облезлых филенок, дверь. Ещё более узкая железная лестница круто вела вверх, к проему в высоком потолке. Миновав его, Димка попал в какой-то подъезд, вход в который был зачем-то заложен бетонными блоками. Пока Иаши сосредоточенно сопел, запирая тяжёлую железную дверь подвала, остальные ждали. Потом они, все вместе, пошли наверх, спотыкаясь в зыбком свете его фонарика. Свет здесь не горел.

Лестница была почти доверху загромождена мебелью — им пришлось проявить немалую ловкость, с трудом протискиваясь между громадными шкафами. На пятом этаже

мебельные баррикады кончились. Лестница тоже. Они вышли в просторное помещение, залитое ярким светом голых ламп накаливания. Окон здесь не было, зато были три тяжелых деревянных двери. Иаши отпер одну из них. Они вошли в громадную квартиру с дюжиной огромных комнат и окнами, выходящими сразу на три стороны.

— Вот здесь мы и проведем нашу последнюю ночь в этом мире, — ухмыляясь, сообщил Вайми.

* * *

Когда Иаши указал ему его комнату, Димка чувствовал себя, уже словно во сне — голова у него сейчас кружилась и он лишь отчасти понимал происходящее. Похоже, что это была личная спальня Иаши — пол, покрытый старым вытертым ковром, был усыпан какими-то книгами, атласами... У правой стены стояла смятая, неубранная постель, на которой просторно разместились бы человек пять. Димка, как подрубленный, свалился на неё — и моментально заснул...

Глава Девятая: Песня Надира

*Что легенды нам о боге,
Если бы не мы с тобой.
Наши боги — две дороги,
Что ведут в последний бой.*

*Барабан старается,
Трубач играет сбор,
И нет среди нас белоручек.
Ты гори, гори мой костер,
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.
Ты гори, гори мой костер,
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.*

*Кто куда, а мы лишь прямо
Через мрак на свет костра.
Прощай папа, прощай мама,
Прощай младшая сестра.*

*Пламя разгорается
На весь земной простор,
И первыми время нас учит.
Ты гори, гори мой костер,
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.
Ты гори, гори мой костер,
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.*

...он не знал, сколько уже смотрит на сумрачную предрассветную степь. Рядом с ним кто-то стоял. Какой-то другой парень. Наверное, он смог бы разглядеть этот смутный и нереальный образ, но Димка сейчас смотрел в сторону — или, может, вперед. Они были в каком-то круглом помещении с застекленными стенами. Димка знал, что позади них, в гладком цементном полу, зияет широкое жерло колодца и лестница спиралью ведет вниз, к основным сооружениям крепости. Пол был на одном уровне с землей, отделенный от неё лишь низким бетонным бордюром. Земля за ним была неровная, кочковатая, поросшая высокой, уже сохнувшей кустистой травой. Где-то далеко, на фоне зари, в небо в нескольких местах взлетали языки яркого, бездымного пламени. Мерцающее зарево призрачно колебалось, словно бы увлекая за собой сияние рассвета. Димка знал, что это горит газ, и что эта преграда продержится недолго. До рассвета им придется спуститься вниз — но ещё не сейчас...

Станным образом, он видел сейчас всё, словно смотрел сразу во все стороны. Позади них, в ещё темном небе, висел странный, ажурный и яркий, но ничего не освещающий полый шар большой, ярко-белой луны... из него росли иглы розового металла, и ещё нечто было внутри этого сложного шара, нечто темно-красное... но его никак не удавалось рассмотреть.

А лицо незнакомого юноши, одновременно освещенное и лучами рассвета, и текучими отблесками пламени, казалось таинственным и чужим...

Передать чувства было гораздо труднее. Он и этот парень были друзьями, они были одни, они сбежали из какого-то жуткого места и знали, что опасность ещё не миновала, и впереди ещё много опасных приключений...

Димка решил, наконец, посмотреть на него — и проснулся.

* * *

За окнами комнаты ещё лежал синий предрассветный полумрак и мальчишка вздрогнул — на миг ему показалось, что он проснулся из сна в другой сон. Но это уж точно была реальность — рядом с ним, растянувшись во весь рост, дрыхла Машка. Одета сейчас в одни трусики и Димка, вздохнув, откинулся на спину, глядя в потолок и стараясь вспомнить сон. Последний его сон в этом мире, он чувствовал это. Поэтому он казался ему очень важным. Там, во сне, рядом с ним был Равха, теперь Димка это понимал. Но больше всего его занимала странная луна, невозможная, и при этом — совершенно реальная. Теперь мальчишке казалось, что он видел её уже много раз, с самого раннего детства — пусть и во сне. И ещё немало было связано с этим шаром, нечто очень важное... но оно никак не хотело вспоминаться.

Вздохнув, Димка помотал головой — и, конечно, разбудил Машку, которая тут же замычала, изо всех сил потягиваясь. Зрелище вышло... впечатляющее. Мальчишка захотел отвести глаза — но не смог. В конце концов, Машка сама приперлась сюда в таком виде и явно хотела, чтобы он на неё пялился...

Девчонка, между тем, уже поджала пятки к заду и одним рывком вскочила с постели, глядя на Димку сверху вниз.

— Вставай, дорогой. Хватит валяться.

Димка быстро поднялся, смущенный — он и сам был одет лишь в трусы, а Машка, конечно, бесстыдно на него пялилась.

— Отвернись, что ли, — буркнул он. — Дай хоть штаны одеть.

Машка фыркнула, и, распахнув дверь, быстро вышла на балкон. Димка, сам не зная, почему, последовал за ней. Прохладный, влажный предутренний воздух окружил их, и он на миг ощутил, что взлетает...

* * *

Машка замерла у чугунных перил, глядя вниз, в темную пропасть двора. Димка же постоянно косил, невольно рассматривая её удивительно стройное, тонкое в профиль тело. Тяжелая грива густых, темно-русых волос в красивом беспорядке рассыпалась по спине девчонки, едва заметно шевелясь под ветром. Её лохматые пряди слабо отблескивали, обрамляя широкое, с твердыми и четкими чертами лицо. Чувственный рот, большие глаза, опущенные густыми и длинными ресницами, постоянно подрагивающими, словно их касались чьи-то легкие пальцы...

Взгляд Димки невольно скользнул ниже, на гладкие округлости её неприкрытой груди.

Самые выпуклые их места венчали большие темно-коричневые соски. Их крупные кончики твердо, призывно торчали, страшно привлекательные — Димке хотелось скользить и скользить по ним языком и губами... Подтянутый, впалый и гладкий живот — едва выступавшие на нем бугры сильных мышц играли при каждой неожиданной ласке ветра, и живот ежесекундно то поджимался вверх, то вновь расслаблялся. Тонкая талия, крепкие бедра с изящными, сильно выступавшими изгибами, красивый круглый зад... венчали картинку ровные ступни с крепкими пальцами, чувственно упиравшимися в каменный пол балкона. Димка как-то ощущал, что их подошвы, как и его собственные, сладко и сильно ноют от обжигающего их холода. Машка тоже искоса посматривала на него и в груди мальчишки что-то сладко замирало. И, в то же время, в нем вновь росла злость на этот дурацкий мир, в котором ничего больше этого вот посматривания им не светило...

Несмотря на всё это, Димке хотелось стоять и стоять здесь, рядом с Машкой... но тут из-за открытой балконной двери до него донеслись голоса — ребята начали просыпаться. В любой миг кто-то из них мог заглянуть и сюда — а Димке вовсе не хотелось, чтобы их с Машкой застали здесь, да ещё в таком многозначительном виде...

Девчонка, конечно, тоже поняла это.

— Хватит, завтракать пошли, — она легко щелкнула Димку по носу и он вдруг невольно чихнул...

* * *

Одевшись, они вышли из комнаты. По шуму голосов Димка отыскал столовую, в которой уже собирались ребята. Иаши потрошил свои запасы, накрывая на стол. Угощение, правда, оказалось небогатым — рыба из консервных банок, черствый хлеб и вода из-под крана — но всего этого было много...

Наевшись, Димка задумался о том, что делать дальше. Впереди лежал последний и потому бесконечно длинный день в этом мире — а делать здесь, в квартире Иаши, было совершенно нечего. Даже в окна пялиться не стоило — их могли заметить. Вздохнув, Димка решил сделать то, что он собирался сделать уже очень давно — потолковать по душам с Льяти...

* * *

Но найти Льяти оказалось непросто — после завтрака тот куда-то пропал. Димка подумал даже, что Виксен просто сбежал... но в конце концов он всё же отыскался — в самой дальней комнате. Льяти сидел на подоконнике, поджав босые ноги, и смотрел в окно. Физия у него была неожиданно хмурая.

— Что ты такой кислый? — удивился Димка. — Всё сбылось же. Вечером, как только стемнеет, пойдём к Надиру. И всё. Конец истории.

— Ещё неизвестно, дойдем ли, — буркнул Льяти, даже не повернув головы. — И вообще, мне шаман Куниц сказал, что я мол, там сгину. Мир, мол, спасешь, а сам сгинешь, словно и не было тебя...

— Да ну, чушь всё это, — сказал Димка, хотя в груди у него ёкнуло, довольно неприятно

— он уже имел случай убедиться, что попусту слов шаман не бросал...

— Пусть и чушь, но всё равно страшно, — Льяти вздохнул, потом взглянул на Димку. — Ты со мной пойдешь, да?

— Конечно, — мальчишка едва удержался от облегченного вздоха. Пожелай Льяти пойти один — и он просто ничего не смог бы с этим сделать... — А что ты вообще хочешь?

— Домой хочу, — буркнул Льяти, вновь отвернувшись к окну. — К родителям. Где бы они сейчас ни были. И к младшему брату. Он ещё тогда пропал, в войну. Я его здесь искал, потому и бегал везде, как ненормальный. А потом... забыл. И просто бегал. Почти всё забыл. Дураком стал — ну да это ты видел... Больше не хочу так.

— Ну а в целом? — Димка сел на край какого-то стола.

— В целом я хочу, чтобы все домой вернулись, — Льяти пожал плечами. — Поначалу хотел богом здесь стать, вместо Мастера. Чтобы я самый главный был, а все у моих ног ползали. А сейчас вспомнил — и так тошно стало, знаешь... Устал я, Димка. Не телом даже. Душой устал от всей этой беготни. А мне просто жить хочется, спокойно, там, где я не чужой, где в меня пальцами не тычут, как в диковину...

— Знаешь... и я хочу того же, — Димке вдруг стало неловко, он поднялся и вышел.

* * *

День, как и ожидал Димка, превратился в тошную резину — все они шлялись по комнатам, валялись по диванам, зевали и изо всех сил хотели, чтобы время шло быстрее — но оно, как и всегда в таких случаях, словно замерло вовсе. Настроения Димки не улучшила даже пронесшаяся над городом гроза. Но после неё в комнату вдруг заглянул Вайми. С неожиданно хмурым видом.

— Пошли. Нам нужно поговорить, — сказал он, косясь на сидевшую на балконе Машку.

Димка лишь пожал плечами — занятие всяко лучше, чем подыхать от скуки на диване, — и молча последовал за Астером, в отведенную тому Иаши комнату. Комната оказалась квадратной, просторной, очень уютной — с завешанными зелено-серебристой, узорчатой тканью стенами и массой разбросанных по полу подушек. Дальняя от входа стена — одно огромное окно — была полностью распахнута и в комнату волнами вливался теплый, сырой после только что прошедшего дождя ветер. За окном лежал похожий на зеленое море двор — а дальше, над мокрыми ещё крышами, чернел мрачный силуэт Башни Молчания...

— Ну? Чего ты хотел? — спросил Димка, садясь верхом на стул.

— Льяти сказал, что ты идешь с ним, — ответил Вайми. — Я бы хотел пойти с вами, но... — он вздохнул. — Ничего хорошего из этого не выйдет, с моим-то зверинцем, — он стукнул себя пальцем по лбу.

— И в чем тогда проблема? — удивился Димка.

— В Льяти. Он — замечательный парень, но эмоции у него зашкаливают. Он не просто неуравновешенный, у него в голове хаос, открытый всем ветрам мира.

— Да уж, это заметно... — Димка вздохнул. — Но в чем тут проблема-то? Всё равно, с этим ничего нельзя сделать.

— Ты там поосторожней с ним, Дим, в магии хаос обычно ведёт к большущей всеуничтожающей херне.

— А там разве будет магия? — Димка был уверен, что Надир — просто какая-то машина.

— Будет, не сомневайся. Раз уж сам Ключ — штука вполне магическая. Уж это я вполне могу почувствовать.

— Ну... ладно, — Димка вздохнул. — И что ты предлагаешь? Я-то не маг. Не имею даже понятия.

— Зато я имею, хотя тоже не маг, — Вайми вздохнул. — Но не знаю, смогу ли объяснить это тебе.

— А ты попробуй, — Димка поудобней устроился на стуле. Ему вдруг стало интересно.

— Ну... ладно, — Вайми вдруг быстро подошел к нему. — Словами это объяснить нельзя, так что я попробую показать. Не уверен, что получится, но... — он пожал плечами. — Только не пугайся. Ничего плохого я с тобой не сделаю, даже если и захочу. На это мне силы не хватит.

— Я не боюсь! — тут же возмутился Димка.

— Вот и славно, — Вайми вдруг взял его руками за голову. Руки у него оказались холодные и жесткие, и мальчишка невольно вздрогнул — ощущение вышло неприятное. — Закрой глаза и постарайся представить, что ты спишь и видишь сон. Неважно, какой.

Димка опустил ресницы, твердо уверенный, что всё это чушь и что сейчас Вайми просто засмеется и скажет что-то вроде "размечтался, одноглазый!" Тем не менее, он честно попытался представить свой сон — свой последний сон в этом мире...

Он не сразу понял, что его "точка зрения" ускользнула. Точнее, он сам, наверное, заснул и оказался совсем в другом месте. В отлично знакомой ему степи Ойкумены — но она полого скатывалась к морю белой, как молоко, жидкости, над которой сияла серебристая заря, а на берегу моря стояли странные сооружения — дырчатые полые кубы, разрезные спиральные цилиндры, изящные ажурные башенки — и всё это простиралось в обе стороны, насколько хватал глаз.

Рядом стоял кто-то, мучительно знакомый, но имя никак не хотело всплывать в памяти, только удивительно реальный и четкий образ. А высоко над морем висела огромная белая луна и ещё нечто было позади этого шара, нечто темно-красное, связанное с ним ажурной сеткой...

"Офигеть у тебя сны, — беззвучно сказал... Вайми? Ну да. Димка даже удивился, что сразу не узнал его. — Это же край мироздания, ни больше, ни меньше".

— Это вот? — так же беззвучно спросил Димка, показав на странное молочное море. Вернее, подумал, что сказал — но Вайми его понял.

"Ну да. Это Море Боли. Говорят, что боль в нем бесконечна — но если его всё же переплыть, то ты предстанешь лично перед Творцом и Создателем, и он откроет тебе смысл существования Жизни, Вселенной и Всего".

— Брр, мерзость какая, — Димка невольно поёжился.

"Я бы поплыл, — сказал Вайми с неожиданной грустью. — Только для этого надо сюда не во сне попасть, а наяву, а это неясно, как сделать".

— Что ты мне хотел показать-то? — напомнил Димка. Ему предстать перед Творцом и Создателем совершенно не хотелось — не говоря уж о том, что он и не верил в его существование.

"Что мир — это не то, чем кажется. Нам просто невероятно повезло, что ты смог попасть сюда. Считается, что эти вот штуки, — Вайми показал на странные штуковины на

берегу, — отражения всех миров, сколько их ни существует. Должно быть... ну да".

Димка почувствовал, как сознание Вайми прикасается к его... сну. Ощущение было не слишком приятное — словно чья-то призрачная рука влезла в его голову. А потом Вайми просто взялся за мир в его сне — как-то, чем-то, — и сдвинул его. На миг голова у Димки закружилась — он словно полетел куда-то с невероятной скоростью — но тут же мир снова замер. Он оказался на берегу белого моря, среди странных шпуквин, одна из которых стояла прямо перед ним. Нечто вроде сплетенной из блестящих трубок башенки, вблизи невероятно сложной. В полый её сердцевине дрожало нечто вроде золотистой струны, а по трубкам медленно ползли разноцветные искры, похожие на отблески, — но здесь нигде не было огней, которые могли бы их отбросить...

"Вот. Это Ойкумена, — сказал Вайми с чувством глубочайшего удовлетворения. — Её отражение, точнее. Эта золотая нить — Надир, а искры — это мы. То есть, люди и другие её обитатели".

— И что? — беззвучно спросил Димка. Башенка была красивая — но слишком абстрактная для того, чтобы затронуть его чувства. Хоть какие-то.

"А то, что Червь уже освободился, — Вайми показал на что-то, похожее на гляцевый мазутный потек на одной из нижних трубок башенки. И ползет сюда. Я не могу сказать, где он сейчас, но ключи от Надира мы добыли очень вовремя".

— А Земля здесь есть? — мысли Димки свернули в более прагматичное русло.

"Где-то есть. Но найти её можешь только ты сам".

— Угу, и как найти? — Димка покрутил головой. Ничего, похожего на Землю, вокруг не наблюдалось.

"Да так же, как я нашел тут Ойкумену. Просто представь её во всех подробностях. Если постараться, нас перебросит прямо к ней".

Димка постарался. Он представил дом, школу, родной город, потом всё, что осталось в его голове после уроков географии и прочитанных книжек — вплоть до слонов в Африке... и мир вокруг исчез в этом сумеречном состоянии, когда Димка ещё мог думать, но уже не понимал, ни кто он, ни где он, не чувствовал своего тела, плавая в ослепительно ярком калейдоскопе видений, похожем на невероятный, многократно наложенный сон или путаясь в ослепительном водовороте образов, всплывших из его памяти. К счастью, это странное ощущение почти не мешало дышать, иначе он точно задохнулся бы — от неожиданности и просто от охватившего его разнообразия. К счастью, вскоре всё это прекратилось... и Димка ошалело замер, глядя на чеканный, словно бы серебряный куб, прорезанный сквозными квадратными дырками, всё меньшими и меньшими, так что мальчишке казалось, что весь куб состоит из сплошных дырок. Он не представлял, как может его видеть... но он видел... что-то, состоявшее, казалось, из несчетного множества прозрачных плоскостей, пересекавшихся друг с другом. По ним текли бесчисленные серебристые искры, почти незаметные из-за своей малости. И, в то же, время, он видел чеканный, монолитный куб. Димка не понимал, как вообще может видеть две разных... вещи одновременно в одном и том же месте... но он видел, словно у него сейчас две пары глаз и вторые открыты куда-то ещё...

— Это Земля? — с сомнением спросил он.

"Наверное. Я, знаешь, никогда на ней не был. Но, раз нас отправило сюда, то скорее всего".

Димка замер, стараясь... почувствовать то, чего вроде бы никак не мог почувствовать.

Но он и в самом деле был сейчас сразу в двух местах, внутри и вовне. Одной из бесчисленных искр в этом кубе и здесь, Снаружи...

— Да, это Земля, — наконец сказал он. — Я... это как-то чувствую.

"А связь, связь чувствуешь?" — нетерпеливо спросил Вайми.

Димка сосредоточился. Он не представлял, с чего тут начать и чем кончить... но он сейчас как-то был сразу в двух местах и между этими местами существовала неразрывная связь. Он постарался представить её... и в какой-то миг увидел нечто вроде необозримо огромной кристаллической решетки. Одна из бесчисленного множества точек в ней была Ойкуменой, вторая — Землей. Обе очень далеко друг от друга... но он видел и чувствовал связавшую их сейчас нить.

— Да, чувствую, — наконец сказал он.

Вайми облегченно выдохнул — где-то в далекой сейчас реальности.

"Ну вот и решено дело, — беззвучно сказал он. — Когда ты окажешься у Надира, тебе надо будет всего-то представить этот путь и захотеть пройти по нему".

— А остальные? — с сомнением спросил Димка.

"Думаю, ты сможешь забрать их с собой, если захочешь. Я не знаю, получится ли, но ты сможешь попробовать".

— Офигеть гарантии, — буркнул Димка.

"Вот мы и приплыли к главному, — беззвучно сообщил Вайми. — Надир может изменять Реальность, но слушать тебя он не будет, потому что у тебя нет Ключа. Ключ, как ты знаешь, у Льяти, и отобрать его ты не сможешь, потому что они на самом деле составляют одно целое, и, можно сказать, созданы друг для друга".

— Да не хочу я ничего отбирать! — так же беззвучно возмутился Димка.

"На самом деле хочешь, — сообщил Вайми. — Уж это я чувствую. Но из этого ничего не выйдет. Лучше даже и не пробовать".

— И что же делать? — спросил Димка, очень недовольный тем, что Вайми, хотя бы отчасти, сказал правду. — Ты сам сказал, что в голове у Льяти хаос, открытый всем ветрам мира. Вдруг он захочет сотворить какую-то дичь, например, в самом деле превратит всех в своих рабов или того похлеще?

"Такое вполне может быть, — согласился Вайми. — Всего лишь одно обстоятельство, один нюанс, один долг, одно знание или одно чувство — и всё переворачивается с ног на голову. Я сам, честно сказать, много раз поступал так, как ещё секунду назад не мог представить".

— Прекрасно, — буркнул Димка. — И что дальше?

"Дальше? — Вайми помолчал. — Если совсем в общих чертах, то Реальность можно менять либо потому, что кто-то разрешил тебе это и дал такую возможность... либо своей собственной силой".

— Я не маг, — вновь буркнул Димка.

Вайми вдруг беззвучно рассмеялся.

"А вот и нет. Ты знаешь, как надо поступать. Хотя бы иногда. Можешь увлекать за собой других людей. Это вполне серьезный и офигенно ценный дар".

— Но это не магия.

"Можешь называть это, как хочешь, суть не изменится. На самом деле все, кто наделен душой, наделены и способностью изменять Реальность — просто в силу того, что душа, как бы ни странно это для тебя звучало, — брешь в этой Реальности, соединяющая физическое

тело с пространством-вне-пространства, с высшими размерностями, не проявленными в мире физического. Как-то так".

— Души не существует, — буркнул Димка.

Вайми вновь беззвучно засмеялся.

"Тогда объясни мне, как это мы с тобой сейчас общаемся, как я свел с ума Мэцеё, как он управлял *замунгами* и так далее. Неделимая Сущность, то есть душа, на самом деле есть у всех. Просто обычно она не может выходить из тела. Иногда она может совершать "экскурсии" в другие места, это ты и сам только что сделал. Я вот обрел способность входить в чужие сознания, и, хотя бы отчасти, управлять ими. Говорят, что можно стать даже свободным сознанием, не привязанным к телу и способным вселяться в другие тела. Теперь и ты сам встал на новую ступень и можешь мгновенно попасть в любое место, хотя это и нельзя назвать перемещением: ведь здесь ты не присутствуешь физически, и потому ничего не можешь сделать".

— А ты? — спросил Димка.

"Я? Довольно опытный сновидец. Обычно я вижу лишь то, что поблизости, но могу оказаться в любом месте Реальности. Хотя и не могу заранее сказать, в каком".

— Всё это очень интересно, но мне-то что делать, если Льяти вдруг начнет чудить? — спросил Димка.

"То, что я сейчас скажу тебе, считается величайшей тайной, но пёс с ней, — помолчав, сказал Вайми. — Итак, так как душа есть брешь в этой Реальности, соединяющая её с пространством-вне-пространства, то способности её потенциально безграничны. Но, поскольку она обитает всё же в физическом теле, степеней свободы у неё очень немного. Владующий магией имеет их больше. На самом деле тут всё очень просто: не знающий магии ограничен законами природы, высший маг имеет их все. В общем, если очистить суть от всякой мистической муры, то душа не-мага движется в обозначенных этими законами пределах... но величайший секрет в том, что они не в силах запретить все возможные... движения. За их пределы можно вырваться... просто надо думать не вперед или назад, а в... сторону. Каждый раз — в ДРУГУЮ сторону. Божественность не есть какой-то особый тип мышления: это ВСЕ типы мышления одновременно. В теоретическом пределе, разумеется. И просто выскочить на этот уровень мало: конфликт множества типов мышления мгновенно приведет к безумию — и к смерти. Нужно увеличить ещё связность сознания или "силу притяжения" его элементов, если хочешь, то есть, добавить *эйуан*...

— Чего? — спросил Димка.

Вайми вздохнул.

"Добавить связности. Семантической, конечно. Мне вот добавили. Поэтому я и не свихнулся, даже несмотря на... разнообразие в голове".

— Ну, хорошо, — Димка вздохнул. — И как мне научиться думать в сторону? Причем сегодня? Времени-то нет.

"Ну, один-то способ есть. Но я совсем не уверен, что он тебе понравится".

— Поселить в башке демона?

"Пф. Нет. Хотя чаще всего делают именно так. Просто потому, что так проще. Демонов всегда в избытке, на любой вкус. Единственный небольшой, но противный недостаток — они обладают собственной, конечно, злой волей. В дополнение к своим... способностям. Но это не обязательно".

— Бывают демоны без воли? — предположил Димка.

"Уже не демоны, потому что нечто, не обладающее волей, нельзя назвать существом. В природе такого, конечно, не бывает. Но, если постараться, можно вырастить такую штуковину в себе, в своей душе. И стать с её помощью магом".

— И ты, конечно, хочешь поделиться этой... штуковиной со мной, — без труда догадался Димка.

"Да, вроде того".

— И ты думаешь, что я соглашусь?

"Я же сказал, что тебе вряд ли понравится".

— И не понравилось, — согласился Димка. — Пусть будет, что будет, но я хочу остаться собой. Так что закончим.

* * *

Асфальт был ещё теплый и босой Димка вздрагивал при каждом шаге — казалось, что он идет по шершавой пыльной шкуре какой-то спящей твари. Твари, в которую после заката превратился весь город. Воздух тоже не остыл после удивительно жаркого дня, он был сухой, тоже пыльный и щекотно обтекал почти обнаженное тело — правду говоря, весь наряд Димки сейчас составлял низко лежащий на бедрах красно-сине-черно-белый плетеный шнур с прицепленным к нему спереди весьма скромным по размерам темно-зеленым фартучком, украшенным каким-то густо-желтым знаком. Зад у него был совсем голый, так что, шагая по улице, он чувствовал себя очень неловко. К счастью, праздничные оранжевые фонари горели на ней редко и неярко, так что отчасти всё это безобразие скрывал полумрак. Но всего лишь отчасти.

Он покосился на бесшумно шагавшего рядом Льяти. Одет тот — если это можно так назвать — был совершенно так же. Правда, узнать его сейчас было почти совершенно невозможно — вся его кожа была окрашена в густо-синий цвет, с ещё более темными разводами. По ней плавно изогнутыми линиями тянулись серебристые блестки — казалось, он смотрит на небо позднего вечера со звездами. Сам Димка был покрашен точно так же, но впитавшаяся в кожу краска сейчас совершенно не чувствовалась. Всё тело, от макушки до пяток, стало почти мучительно чувствительным — но, наверное, больше от ирреальной обстановки, чем от чего-либо другого.

Он вновь покосился на Льяти. Беззвучно мелькающие босые ноги, на щиколотках — узкие браслеты из темно-красной, шершавой, грубой кожи. Ещё один — на икре под правым коленом, с него на шнурках свисают пять бусин Ключа, словно налитых изнутри сочным светом — две зеленых и три фиолетовых. Выше, на бедре, — такая же узкая тугая перевязь, в которой торчали три тонких оперенных дротика для духовой трубки — её Льяти небрежно нес в руке. Низко лежащий на бедрах тяжелый плетеный шнур с фартучком. Ещё два шнура поверх него — черный и коричневый. С них на круглую задницу Льяти свисало ещё по дюжине куцых, разной длины, шнурков, кончавшихся кисточками и овальными бусинами из тяжелого, густо-фиолетового стекла — по одной на коричневых шнурках и по две — одна в середине — на черных. Сбоку от них висел небольшой кинжал в коричневых кожаных ножнах, тоже украшенных шнурками с голубыми, красными и фиолетовыми бусами. Он казался игрушечным, но Димка уже знал, что лезвие у него всё же стальное и при этом —

очень острое. У него самого было легкое копьё с небольшим, но тоже острым стальным наконечником. Всё это барахло и краску им предоставил Иаши из своих личных запасов.

Он ухмыльнулся и перевел взгляд выше. На правом плече и запястье Льяти были такие же узкие кожаные браслеты, на левом запястье — нитка густо-зеленых бус. Двойное ожерелье — верхнее с тремя тускло-желтыми бусинами, нижнее — раздвоенное, с тремя веретенами из гладкого коричневого камня и маленькими двойными подвесками из нефрита под ними. Но всего необычной выглядела его прическа. Часть прямых волос Льяти была поднята от висков к затылку и стянута ниткой мелких бус из черного стекла. Несколько прядей торчали вверх забавным хохолком, остальное плоским, широким пучком лежало поперек основной массы. Слева, перед ухом, на шнурке свисали ещё две крупных, светящихся желтым бусины Ключа, справа, на двух шнурках, две маленьких красных и две черных. Между них весело блестели длинные, ярко-зеленые глаза, на сей раз, совершенно природные. Нижняя часть короткого носа Льяти была покрашена в мягко-фиолетовый цвет, так что он казался чем-то вроде кошачьей пуговки. Смотрелось это всё смешно, но при том — совершенно естественно, и Димка невольно коснулся своего носа, покрашенного точно так же. Но в остальном он был украшен куда проще — волосы стянуты в хвост (правда, с самой этой стяжки свисали на шнурках две желтых и две сине-фиолетовых бусины), узкий браслет из темно-красной кожи на правой щиколотке и второй такой же — на левом запястье. С него свисало несколько прядей длинной темно-синей бахромы.

Вокруг, в пыльном полумраке, то и дело мелькали другие парни и девчонки, одетые примерно так же. Отличалась лишь окраска тел — темно-красная, темно-желтая, густо-зеленая, даже темно-фиолетовая. Попадались и такие же темно-синие, как и они. Почти все несли легкие копы или луки.

Димка вновь покосился на Льяти. Через плечо у того висела небольшая сумка из зернистой, темно-коричневой кожи — единственное, что выбивалось из общего фона, правда, не сильно. У многих на таких же ремнях висели кошельки или даже наборы маленьких карманов с какими-то небольшими, но явно тяжелыми предметами...

— Далеко ещё? — наконец тихо спросил он. Они шли уже минут двадцать, бессмысленно на его взгляд петляя по улицам, но ощущение неловкости ничуть не ослабло.

Льяти быстро повернулся к нему и слабо улыбнулся.

— Увидишь.

Димка вздохнул. Сейчас они были где-то в незнакомой ему части города — двух-трехэтажные здания с узорами кирпичной кладки, глухие высокие заборы, за которыми угрюмо темнели сады. Вдоль улицы на массивных столбах протянулись тросы подвесной дороги — по ней с тихим поскрипыванием проплыл небольшой, тускло освещенный изнутри вагончик с такими же разноцветными ребятами внутри...

Они прошли вдоль темной витрины — в ней в свете крохотных синих огоньков застыли манекены в черных платьях — и вышли к перекрестку. Димка осторожно выглянул из-за угла. Эта улица оказалась широкой, слева на ней он увидел ещё несколько кучек раскрашенных ребят — оттуда доносились голоса и смех. Справа улица уходила в полумрак и её перекрывал вал из спиралей колючей проволоки, поднимавшийся до окон вторых этажей. За ним висела тьма и Димка невольно поёжился. Там, у моря, уже были киноиды — а против них их игрушечный нож и копьё точно не помогли бы...

Горячие пальцы Льяти обвили его руку, увлекая за собой. Димка вздрогнул и быстро последовал за ним. Льяти шагал легко, мягко, бесшумно, быстро поглядывая по сторонам.

Блестки на его стройном, словно литом теле сверкали искрами на каждом шаге, волосы тоже блестели, словно мириады нитей черного стекла...

Димка мотнул головой, тоже быстро осматриваясь. Никто, похоже, не обращал на них внимания. Редкие освещенные окна тоже все были зашторены. Тем не менее, ему казалось, что за ними сейчас следят сотни глаз...

Бездумно обходя пятна фонарного света, они быстро миновали ещё несколько кварталов. Ветра почти не было, но иногда почти нагой кожи Димки касались странные токи прохладного воздуха и каждый раз он ёжился, невольно глядя вверх — не собирается ли дождь. Но в небе, казалось, неподвижно, висели высокие, похожие на неровные блины облака, отражая вниз рыжий свет фонарей. За краями этого огромного рыжего пятна сгущался непроглядный мрак и Димка вновь поёжился. Потом перевел взгляд вперед. Там поднимались фасады четырехэтажных зданий, желтых, с белыми карнизами — они наконец дошли до центра города. Фонари там, почему-то, не горели, и он с облегчением нырнул в полумрак.

Они миновали два длинных фасада с темными окнами, потом Льяти свернул влево, в сумрачный сквер. Пустой, к большому облегчению Димки. Громадная, до крыши, арка привела их в обширный темный двор. Здесь, слева, в проем между домами вливался яркий рыже-золотистый свет и в нем стояла группка едва одетых ребят — их крашеная кожа блестела, словно полированный металл.

Димка хмуро посмотрел на Льяти — его синяя фигура очень четко выделялась в почти горизонтальных лучах низких фонарей-тумб — потом с облегчением нырнул в темноту. Здесь во двор вдавался темный корпус дома. Слева поднимался плоский искусственный холм, окруженный поверху колоннадой — а между ними сгущалась темнота, отсеченная высокой чугунной решеткой.

Льяти быстро осмотрелся, крутанувшись на пятке, потом бросил духовую трубку через прутья и быстро полез вверх. Димка, невольно оглядываясь, просунул через решетку копьё и полез вслед за ним. Решетка была частой и массивной, но украшенной всевозможными завитками, за которые он очень удобно цеплялся пальцами рук и босых ног.

Перемахнув через острые пики, Димка быстро соскользнул вниз и подобрал оружие. Льяти насмешливо взглянул на него. Здесь, в полумраке, он был почти незаметен, выделялись лишь блестки и белки глаз.

Вновь осмотревшись, они нырнули в этот почти темный двор. Справа и слева были темные фасады, впереди — глухая стена какого-то древнего склада. Свет фонарей с поперечной улицы поднимался за ней призрачным рыжим туманом и таял в смутных облаках огромных нависающих крон.

Миновав торец дома, Льяти повернул налево, прижимаясь к стене. Ни одно окно тут не горело, но рисковать он не хотел и Димка отлично понимал его — именно здесь, в окружающих этот двор домах, и жили все здешние Хранители...

Морщась от лежавших на асфальте камешков, он достиг почти темного угла и повернул направо. Этот отрезок привел его в очередной угол между складом и темным фасадом дворца. Его задним фасадом. Здесь была широкая деревянная дверь — конечно же, запертая.

Льяти ухмыльнувшись — в темноте блеснули его белые зубы — расстегнул свою сумку, достав из неё огромную связку ключей, снятых Димкой с пояса покойного Истирры. Мальчишка нервно оглянулся, каждую секунду ожидая, что во двор кто-то войдет. Льяти между тем быстро перебирал снабженные бирками ключи, как-то ухитряясь различать их в

почти полном мраке. Выбрав нужный, он сунул его в скважину. Димка напрягся... но замок лишь тихо скрипнул, отпираясь. Льяти вытащил ключ и дернул дверь на себя. Осев на петлях, она подалась с резким треском и Димка испуганно дернулся. Льяти схватил его за руку и буквально втянул в царивший за ней мрак. Потом быстро захлопнул и запер дверь.

Они замерли в кромешной темноте, отчаянно стараясь отдышаться. Сердце Димки прыгало где-то у горла, он наострил уши, но слышал лишь его бешеный стук.

Вдруг сумрак прорезал тусклый синий свет — достав из сумки маленький фонарик, Льяти вновь быстро перебирал ключи. Внутренняя дверь была такой же массивной, как наружная, но, к счастью, открылась бесшумно. За ней была короткая лестница, за ней — высокий, темный коридор, сквозь приоткрытые двери в конце которого пробивался яркий свет.

Миновав их, Димка ошалело замер, жмурясь. Когда-то тут был двор, со всех сторон окруженный фасадами. Теперь его замостили пёстрой плиткой и перекрыли плоским, в ступенчатых углублениях, потолком. Под ним сияли яркие, похожие на созвездия люстры, заливая светом весь зал, застроенный, к тому же, вполне настоящими зданиями. С их стен смотрели сотни темных окон — Димка словно угодил в кошмар...

Льяти, между тем, быстро и бесшумно пошел вперед, и ему оставалось лишь с бешено бьющимся сердцем следовать за ним. Каждую секунду он ожидал чего угодно — от окрика до выстрела в спину — и почти всерьёз верил, что всё это и впрямь происходит в каком-то бредовом, диком сне...

Слева, в конце зала, была огромная белая двустворчатая дверь, в этот раз, к счастью, распахнутая. Миновав её, они свернули в ярко освещенную, просторную галерею. Здесь, справа и слева, в огромных витринах стояли не менее огромные, невероятно вычурные вазы из хрусталя и фарфора. Шагая между них, Димка ошалело крутил головой, не в силах поверить, что их до сих пор не заметили. Но, похоже, после гибели сурового начальства вся организация Хранителей приказала долго жить и они дружно ломанулись на праздник...

Огромная распахнутая дверь в конце галереи вела в какой-то просторный, богато отделанный зал — и вот оттуда явственно доносились голоса. Димка шел к ним, почти не чувствуя ног, твердо уверенный, что навстречу к ним сейчас кто-то выйдет, а тогда...

Галерея казалась бесконечной и он даже испуганно дернулся, когда Льяти потянул его вправо, на просторную темную лестницу. Они беззвучно побежали вверх по ней, то и дело замирая у ярко освещенных проемов, ведущих на этажи. Там сияла полировка огромных дверей, алел ворс дорожек. Иногда доносились голоса — но уже тихо, издали. Наконец, путь им преградила очередная решетка — но, к счастью, не доходящая до потолка и они быстро перелезли через неё.

Миновав последнюю лестницу, они замерли на самой верхней площадке, почти темной — лишь через большое круглое окно на неё падал слабый, словно лунный свет далеких, уже обычных синих фонарей. Димка шумно выдохнул, чувствуя просто неземное облегчение — самая опасная часть пути осталась позади. Здесь им вряд ли кто-то мог встретиться...

Льяти задержался у высоких белых дверей, подбирая очередной ключ. Потом с усилием отвалил тяжелую деревянную створку, осторожно заглянул за неё — и решительно шагнул внутрь. Димка, в последний раз оглянувшись, быстро последовал за ним. Сейчас Льяти уже следовал зову Надира, выбирая путь самостоятельно, и он ничем не мог ему помочь...

Они оказались в обширном пространстве чердака, рассеянном неровной паутиной крашенных в белое толстых деревянных балок, тускло освещенных роем пыльных лампочек.

Под босыми ногами тихо поскрипывал пыльный деревянный пол и Димка старался ступать как можно осторожнее...

Льяти быстро пошел вперед, потом направо, потом снова направо. Они поднялись по узкой деревянной лестнице, потом спустились в тесный люк. У своих ног, в широкой щели, Димка заметил тот обширный зал, в котором шел недавно, и невольно передернул плечами. Они прошли вдоль него, потом повернули. Путь им преградила глухая стена с очередной белой деревянной дверью — конечно же, запертой, но от неё у Льяти тоже отыскался ключ.

Открыв её, они оказались в помещении, похожем на заводской цех, тускло освещенном парой голых лампочек. Слева от Димки поднималась усеченная пирамида из массивных стальных балок, увенчанная огромным горизонтальным колесом. Между балок маслянисто блестели шестерни и ребристый корпус массивного электродвигателя — всё это было окрашено в грязно-зеленый цвет. Колесо обегал толстый трос, уходивший куда-то во мрак. Над ним тянулся ещё более толстый трос. Закрепленный на массивных сварных рамах, он шел над колесом и тоже исчезал во мраке. На нем, в конце узкого перрона, висел небольшой, тоже зеленый вагончик. Слева, за широкой полосой грязного цементного пола, поднимался второй деревянный перрон, сейчас пустой. Наверху сплетались массивные балки такой же деревянной крыши. Впереди же зияла темнота, в которой парил бледный силуэт Башни Молчания. Сердце у Димки вновь ёкнуло и бешено забилося. Цель их долгого пути была совсем близко...

Легко спрыгнув на пол, Льяти подошел к скрытому за колесом распределительному щиту, с минуту постоял, изучая его, потом решительно замкнул большой рубильник.

Димка невольно задержал дыхание, но огромный мотор, как оказалось, заработал почти совершенно бесшумно — он услышал только низкое гудение, да под босыми ногами легко завибрировал пол. Блестящие косые зубья шестерней двинулись навстречу друг другу, колесо завертелось и промасленный трос поплыл куда-то в темноту...

Льяти повернул голову, весело взглянув на него, и Димка, наконец, с облегчением перевел дух — как оказалось, он не верил, что канатная дорога заработает. Если верить Вайми, ей не пользовались уже много лет...

Вернувшись на перрон, Льяти запер дверь, потом быстро подошел к вагончику. Нажав на ручку, легко открыл низкую железную дверцу, нырнул в неё. Димка, пригнувшись, последовал за ним. Вагончик оказался пятиместным, с простыми креслами из потертой коричневой кожи. Под потолком торчал массивный, старинного вида рычаг, и Льяти потянул за него.

Наверху что-то лязгнуло, пол вагончика дернулся и Димка едва не упал, невольно схватившись за кресло. Вагончик, между тем, двинулся, и он торопливо плюхнулся в это самое кресло, испуганно и возбужденно глядя в окно.

Перрон ушел назад и он испуганно вздохнул, оказавшись высоко над ярко освещенной площадью, к счастью, сейчас уже пустой. Вагончик плыл над ней, мягко, но неприятно подрагивая на тросе, и Димка ошалело помотал головой — всё это до ужаса походило на полет во сне...

Площадь замыкал высоченный металлический забор, за ним начиналась пустынная улочка, обрамленная низкими деревянными домами и высокими деревьями. В конце её горел единственный синий фонарь, а за ним уже зиял обрыв...

Трос заметно провисал и Димка, с тревогой глядя на темные фасады окружающих площадь домов, понял, что они спускаются. Забор остался позади, по сторонам поплыли

крыши. В какой-то миг он даже испугался, что вагончик заденет землю и застрянет — людей тут уже не было, одни киноиды...

Когда они доползли до обрыва, высота была едва ли больше метра. Вагончик миновал пятно ярко освещенного асфальта, проскользнул над ржавыми чугунными перилами и погрузился в непроглядную темноту крон. По окнам заскребли и застучали ветки, наверху что-то треснуло, ломаясь, и вагончик резко дернулся. Димка испуганно напрягся, но всё в этот раз обошлось. Да уж, здесь точно много лет никто не ездил...

Деревья под обрывом ушли назад, теперь они скользили над пологим склоном, едва освещенным смутным отблеском неба. Внизу проплывали непроглядные заросли кустов, постепенно поднимаясь к ним — высота снова падала, теперь она составляла едва ли метра два. Этой дорогой давно уже не пользовались и трос сильно ослаб...

Вдруг что-то темное прыгнуло из темноты, глухо ударив о борт. По стали скрежетнули когти, вагончик ощутимо качнулся и Димка испуганно дернулся, ощутив силу удара. Киноид весил явно больше человека и он поёжился, осознав, что такой удар бросил бы его на землю, оглушив — а потом киноид просто вырвал бы ему горло...

Заросли кустов ушли назад, теперь под ними, совсем близко, проплывал грязный песок пляжа. Здесь к ним бросилось сразу несколько темных теней. Что-то глухо ударило в корму, потом Димка снова дернулся, когда за окном, в каких-то двадцати сантиметрах, мелькнул силуэт огромной головы — раза в полтора больше его собственной. Он не успел толком её разглядеть — наверное, и к лучшему...

Что-то глухо ударило в борт ещё раз, потом ещё. Вагончик вновь качнулся, но трос по-прежнему тянул его вперед, хотя до песка оставалось едва ли полметра...

За окном вновь мелькнула голова киноида. Встав на задние лапы, он смотрел на Димку почти в упор, — но песок вдруг ушел назад, внизу что-то слабо заблестело. Они плыли уже над морем и киноид исчез, как привидение...

Димка нервно оглянулся. На фоне черных прибрежных зарослей горело лишь несколько тусклых синих фонарей, едва освещающих пляж, а над ними поднималось смутное рыжее зарево города. Там, на берегу, замерло несколько массивных четвероногих силуэтов. Они явно смотрели им вслед и Димка вновь поёжился. Потом всё же отвернулся.

Впереди был непроглядный мрак, в нем призрачно светлел силуэт Башни Молчания, смутно отражаясь в зыбкой воде. Димка видел лишь её нижнюю часть, всё остальное исчезало за обрезом окна. В выпуклой стене зияли узкие, как амбразуры, окна, потом показался огромный проем, залитый тусклым светом. Они плавно плыли к нему, бесшумно скользя над небольшими волнами, сначала опускаясь почти к ним, потом постепенно поднимаясь. Цилиндрическая стена башни наплывала, вытесняя темноту тусклыми отблесками ровно отесанных каменных блоков. Наконец, Димка увидел почти такой же, как во дворце зал с узкими перронами. Вагончик вплыл в него и Льяти, торопливо вскочив, потянул рычаг назад.

Отцепившись от тягового каната, вагончик вновь резко дернулся и замер. Они вышли и тоже замерли, осматриваясь. В проеме стены, словно в раме, тускло горели рыжие огни города и Димка осторожно — ограды тут не было — подошел к нему. Внизу лежала зыбкая темнота моря, лишь изредка рассеченная текучими бликами огней. За ней парили тусклые облачка освещенных снизу крон и темные крыши, тонущие вдали в мутном пыльном мареве. Несколько ярких освещенных окон словно бы плавали на смутной черноте стен. Над всем этим висел неровный круг зарева, окруженный непроглядной тьмой — отблеск огней города

на облаках. Димка невольно перевел взгляд на черные силуэты мачт ЛЭП. Их провода терялись в темноте, но он знал, что они идут к плоской крыше башни. Именно она служила теперь единственным источником электричества и света, и поэтому...

Подгнившая доска хрустнула под его босой ногой и Димка торопливо отступил назад, оглядываясь. Тут тоже стояла пирамидальная рама с горизонтальным колесом, но мотора не было и мальчишка поёжился: если мотор на той стороне отключат (а он не сомневался, что его работу обнаружат, самое позднее, утром), они намертво застрянут здесь. Конечно, если их поход к Надиру закончится провалом...

Льяти, между тем, подошел к массивной, на сей раз уже цельностальной двери, и, подобрав очередной ключ, отпер её. Из-за неё повеяло неожиданным холодом и почти нагой Димка поёжился, в который уже раз подумав, что для таких вот приключений он одет, пожалуй, легковато...

Льяти насмешливо взглянул на него и беззвучно скользнул внутрь. Ещё раз поёжившись, Димка последовал за ним. Он оказался в просторном, высоком коридоре со сводчатым потолком, тускло освещенном парой пыльных лампочек. Конечно, совершенно пустом.

Упершись босой ногой в косяк, Льяти закрыл и запер тяжеленную дверь. Димка облегченно вздохнул, потом осмотрелся. В темных каменных стенах тускло блестело ещё несколько зеленых стальных дверей. Справа и слева коридор поворачивал, огибая центральную часть башни. Здесь было сыро, холодно и очень тихо. Лишь странная, беззвучная вибрация, казалось, висела в неподвижном воздухе.

Льяти вновь осмотрелся и молча потянул его за собой. Они повернули налево и подошли к такой же двери во внутренней стене. Немного повозившись с ключами, Льяти отпер и её. Короткий коридор вывел их к круглой шахте, ярко освещенной тремя рядами лампочек. Вдоль её стены бесконечной спиралью вниз шла железная лестница. В самом деле бесконечной — перегнувшись через перила, Димка не смог разглядеть дна. Снизу вверх дул теплый ветерок, шевелил волосы, и у него вдруг закружилась голова. Невольно мотнув ей, он быстро отступил от края. Он уже знал, что НаDIR скрыт под землей — но не так глубоко же!..

— Мы туда до утра будем спускаться, — сказал он и сам вздрогнул от звука своего голоса. Тот звучал сейчас как-то незнакомо, словно он не разговаривал уже год.

Льяти вздохнул, пробуя босой ногой покрытую пушистой пылью ступеньку. Судя по толщине этой пыли, ничья нога не ступала на неё уже несколько десятков лет.

— Пожалуй. Пошли-ка...

Они вернулись в коридор и он отпер соседнюю дверь — она вела в тускло освещенную, затхлую шахту лифта. Димка осторожно вошел в его решетчатую клетку, глядя вниз. И тут цепочка пыльных ламп убежала, казалось, в бесконечность...

Льяти закрыл дверь и нажал самую нижнюю кнопку на щитке. Ещё секунду Димке казалось, что древний механизм не сработает, потом сверху по шахте покатился лязг и грохот, заставив его испуганно дернуться — ему показалось, что со всех сторон сейчас выскочит радостно орущая охрана...

Лифт дернулся и быстро пошел вниз. На миг Димка ощутил, что падает и крепко сжал прутья. Пыльные стены шахты двинулись ему навстречу и он судорожно вздохнул. Босые ноги на решетке вдруг свело, сердце замирало — если трос лифта сейчас оборвется, падать им придется долго...

Он не представлял, сколько они спускались — казалось, что целую вечность. Сердце

билось часто и сильно, лифт то и дело вздрагивал и дергался, и время тянулось сейчас очень медленно...

Наконец, снизу всплыло пыльное дно. Далеко наверху что-то вновь загрохотало и клетка лифта остановилась несколькими замирающими рывками. Льяти усмехнулся и толкнул дверь шахты... но она тоже оказалась заперта. Он вздохнул и вновь достал связку ключей. Димка молча смотрел на него, понимая, что тут их поход может и закончиться. Тут начиналась уже запретная для всех зона Надира и ключи от неё Истирра мог спрятать отдельно...

К счастью, всего через минуту Льяти нашел нужный ключ и отпер дверь. Они вышли в новый коридор, очень похожий на верхний, но ещё более холодный и сырой. Димка вспомнил, что они спустились намного ниже уровня моря, даже намного ниже уровня дна. Настоящая преисподняя...

Льяти, осмотревшись, быстро зашагал направо. Блестки на его коже вспыхивали в свете тусклых ламп. Димке вдруг показалось, что он смотрит на вечернее звездное небо через зыбкий, подвижный проем в виде человеческой фигуры, и он вновь ошалело помотал головой...

Льяти отпер ещё одну дверь. За ней начинался совершенно темный коридор. Включив фонарик, он осторожно зашагал вперед, беззвучно ступая босиком по толстой мягкой пыли — здесь никто не бывал наверно уже целые столетия. Димка следовал за ним, крепко сжимая совершенно бесполезное копьё. Воздух тут был сырой и тяжелый, как в могиле.

Коридор оказался неожиданно длинным — Димка понял, что он тянется и за фундаментом башни. Он упирался в монолитную выпуклую дверь из литой стали, покрытую облезлой от старости зеленой краской. В центре её торчал большой штурвал. От него к кольцу в стене тянулась массивная цепь, замкнутая на не менее массивный замок. Последний замок на их пути, Димка чувствовал это...

Льяти, вздохнув, вновь принялся разыскивать ключ — что довольно быстро ему удалось. Ключ вошел и повернулся с ржавым хрустом, после чего цепь с замком с грохотом рухнула на пол, вновь заставив Димку вздрогнуть. Казалось, что эти древние оковы рухнули и с него...

Льяти попробовал повернуть колесо, но оно даже не дрогнуло. Им пришлось взяться за него вдвоем, изо всех сил дергая то туда, то сюда, пока оно не начало вращаться с ржавым скрежетом. Но даже отпертая дверь упорно не желала открываться: им пришлось упереться ногами в стену и дергать изо всех сил, так, что руки пробивало острой болью.

Димка уже начал думать, что всё это бесполезно — но тут в петлях что-то треснуло и дверь неохотно подалась. За ней, правда, оказалась вторая, такая же, и он вздохнул.

К их счастью, она оказалась закрыта, но не заперта и подалась легче. За ней...

В лицо ему мягко толкнулся теплый, полный влаги воздух. Димка ошалело приоткрыл рот, глядя на невероятную, колоссальную сеть каменного кружева — бесконечно сплетаясь, оно парило в светло-фиолетовой пустоте, исчезая вдаль в смутной розовой дымке.

Ощущение реальности рывком покинуло его. Димка зажмурился, ошалело помотал головой — но видение никуда не исчезло. Они стояли на железном балконе под гладким темным потолком колоссальной пещеры — он покатым сводом опускался к ним. Но вот рассмотреть стены и тем более дно этой бездны ему никак не удавалось.

Он не представлял, сколько бы ещё стоял здесь — но Льяти потянул его за руку. Здесь в скале был округлый выступ и балкон плавно огибал его. Димка увидел клеть ещё одного

лифта — расчаленная тросами, она убегала куда-то вниз, в фиолетовую пустоту...

Не говоря ни слова, они вошли в него и Льяти нажал единственную кнопку. Решетчатая клетка быстро пошла вниз. На сей раз она спускалась плавно и почти бесшумно, хотя ей не пользовались уже целые века...

Димка стоял неподвижно, не испытывая уже совершенно никаких чувств — все их смыло безмерное удивление. Колоссальные изогнутые каменные стволы сплетаясь и расплетаясь проплывали мимо него, словно всплывая снизу вверх. Теплый влажный воздух мягко обтекал почти нагое тело — но постепенно становилось холоднее. Туманный свет внизу разгорался всё ярче.

Димка не представлял, к чему они спускаются — он не особо удивился бы, выйди они на другой стороне планеты — но в конце концов внизу показалось дно.

Во время спуска у него резко заложило уши — как он прикинул, они спустились на глубину не меньше километра. Дно этой бездны покрывали бесконечно сложные фрактальные заросли, словно созданные из чистого светло-фиолетового света, и мальчишка вновь удивленно приоткрыл рот...

Лифт плавно затормозил и замер. Они вышли из него, зашагав по плавно уходящему вниз мостику. Справа и слева поднимались сложнейшие сплетения застывшего сияния. Димка на ходу протянул к ним руку — и тут же испуганно отдернул её: это был не кристалл, а как бы очень плотная, но поддающаяся жидкость и он вновь ошалело помотал головой, чувствуя, что наяву попал в какую-то другую реальность...

Он не представлял, сколько они здесь шли — это уже точно был какой-то сон во сне — но вдруг увидел центр этой бездны: идеально круглое, идеально ровное черное зеркало, врезанное в камень. Мостик кончался у него и по узкой лестнице они сошли на первозданную скалу, гладкую и теплую, словно живое тело. Чуткие подошвы Димки даже свело от силы этого неожиданного ощущения.

Они подошли к самому зеркалу. От него исходил ровный, сильный жар. Идеальную гладь окружало восемь изогнутых, сужавшихся кверху колонн застывшего фиолетового свечения. Между их сходящихся вершущек, на огромной высоте, парило что-то, похожее на зеркальное веретено. Димке показалось, что оно вращается с огромной скоростью — очертания его иногда размывались и тогда по скале и самому его телу проходила вдруг быстрая тугая дрожь. Надир...

Льяти, между тем, положил на скалу духовую трубку, сбросил с плеча сумку с ключами — и вошел прямо в "зеркало", которое оказалось озером. Ручейки блестящей черной жидкости быстро побежали вверх по телу, оплетая его сложной сетью. Димка удивленно замер — и Льяти, улыбаясь, поманил его к себе.

Сейчас в ошалевшей голове мальчишки не осталось ни одной внятной мысли — страха тоже не было, ни капли — и он, вслед за Льяти, бездумно вошел в озеро.

Это, конечно, оказалась не вода, а что-то вроде ртути или расплавленного свинца — очень плотное, горячее, почти обжигающее, но не раскаленное.

Сделав пару шагов, Димка погрузился по щиколотки — упруго выталкивающая ступни масса просто не пускала дальше. Горячие ручейки сразу же ожившей жидкости быстро побежали вверх по его ногам. Ощущение оказалось не противное, на самом деле, даже довольно приятное, и он замер, боясь пошевелиться. Струи живого горячего металла ползли вверх по его бедрам, животу, по груди...

Когда они добрались до шеи, Димка всё же испуганно дернулся — но опутавшая его

сеть оказалась упругой, как резина. Испугаться всерьёз он уже не успел — струи живого металла скользнули вверх по щекам, сошлись на лбу... и мир вокруг исчез.

* * *

Когда за Димкой и Льяти захлопнулась входная дверь, земляне собрались в комнате, играющей тут роль гостиной. Рассевшись неровным кружком — кто на креслах, кто просто на полу — они молчали, посматривая друг на друга. Сашка сидел, как на иголках, — ему страшно хотелось пойти вместе с Димкой, просто чтобы не изводиться ожиданием здесь... но именно это ему и пришлось делать. Он поверить не мог, что сейчас уже все их приключения закончатся и они окажутся дома — но всеми фибрами души страстно желал этого. И остальные, разумеется, тоже. Никто не знал, правда, сколько им тут предстоит ждать — но вряд ли долго...

Сашка, конечно, понимал, что на самом-то деле ещё ничего не решено — Димку с Льяти могли схватить Хранители, отобранные у Ахело ключи могли оказаться вовсе не ключами от Надира, — да и сам Надир, вместе с Ключом и восприимцем, мог оказаться попросту пустышкой, придуманной Мастером только затем, чтобы поглумиться над запертыми в этом мире ребятами. И с этим он ничего не мог поделать — только ждать и верить в их победу...

* * *

Прошло уже примерно полчаса или даже больше — и напряжение в комнате достигло предела. Сашка буквально нутром чувствовал, что всё случится сейчас — или никогда. О том, что их ждет в таком случае, он старался не думать...

Нервно зевнув, он поудобнее пристроил на коленях доверху набитый рюкзак. От вещей, с которыми он попал сюда, мало что осталось, так что всё освободившееся место Сашка занял тем, что собрал за эту пару недель здесь, в Городе Снов. Ничего особенного ему, правда, не попало — несколько затрепанных книжек на каком-то непонятном языке, несколько упаковок здешних зефирок и здоровенная круглая железная штуковина, служившая, если верить Вайми, генератором шаровых молний в здешних странных фонарях — правда, по его же словам, неисправная...

Сам Астер тоже присутствовал здесь — с копьём в руках и с туго набитой сумкой на боку. Верно, и он собирался отбыть из этого мира, и посему решил прихватить с собой побольше сувениров...

Сашка невольно подумал, куда он надеется попасть, — неужели в свой родной мир, где прошла уже добрая тысяча лет? — и в этот самый миг внутри у него что-то словно ёкнуло и оборвалось. Свет в комнате погас.

* * *

— Что за?.. — опасно высоким голосом спросил Юрка.

— Восприимец у Надира, — голос Вайми звучал сейчас странно напряженно. Он вскочил и замер, словно прислушиваясь к чему-то. — А теперь валим отсюда. Быстро!

— Что?.. — вновь ошалело спросил Юрка.

— Валим! Быстро!

Спорить с ним никто не стал. Ребята толпой повалили в коридор — тут же наткнувшись в нем на такого же испуганно-ошалевшего Иаши. Сашка понял, что это странное, и, чего там, крайне неприятное ощущение сейчас чувствуют все в этом городе — а, скорее, и во всём мире...

— Вы куда? — испуганно спросил Иаши. За ним маячил Шиан Та и ещё пара парнишек — всё, что осталось от его племени.

— В укрытие! Собирайте барахло — и с нами!

— Нет уж! Я никуда отсюда не пойду! — возмутился Иаши. — Вообще, какого черта...

Вайми не стал вступать в дискуссии — он просто подошел к Иаши и вытащил у него из кармана ключи от всех дверей, ведущих в это убежище. Иаши ошалел настолько, что попросту замер, нелепо раскрыв рот...

* * *

С трудом протиснувшись между бесконечными шкапами, они скатились к основанию лестницы. Вайми отпер тяжелую железную дверь, ведущую в подвал. Спустившись в него по крутой и длинной лестнице Сашка подумал, что тут они и останутся — в конце концов, укрытия надежнее тут было не найти. Однако Вайми тут же отпер другую, узкую, из четырех облезлых филенок дверь, ведущую в собственно подвал. Из-за неё отчетливо пахнуло могилой и Сашка передернулся: весь мир вокруг него и так вибрировал, вот-вот готовый рассыпаться и рухнуть в какую-то бездну. На таком вот фоне нырять в этот поистине могильный мрак ему совершенно не хотелось. Да и другим, судя по всему, тоже...

— Вперед! — вновь заорал Вайми.

Он первым выскочил во тьму за дверь. Сашка и остальные побежали за ним.

* * *

Бежать по мягкой, поросшей пузырьчатой плесенью земле было, мягко говоря, неудобно — но Сашке, честно сказать, было уже наплевать на такие вот мелочи. Здесь, в этом жутком подвале, он не хотел оставаться ни одного лишнего мгновения.

К счастью, Вайми не пропустил ведущую наверх лестницу. Они вышли на улицу — и Сашка удивленно замер. Всё вокруг было залито странным розовато-белым светом, неожиданно ярким — им пылали плывущие над головой облака. Можно было бы подумать, что вокруг просто хмурый день... но в просветах, открывавшихся иногда между низко плывущими тучами, зияло пугающе черное ночное небо.

— Смотрите! — Борька вдруг вытянул руку, показывая на юг.

Сашка повернул голову... и замер. Там, на юге, был источник этого свечения — полоса более яркого света. В ней, несмотря на огромное расстояние, что-то отчетливо двигалось, и он вдруг понял, что это туча. Огромная, высокая туча. А свет, который он видит, — свет бесчисленных молний.

* * *

Какое-то время они молча смотрели на неё. Потом Сашка как-то вдруг осознал, что полоса эта заметно приблизилась — хотя времени прошло совсем не так много...

Сердце у него ёкнуло, когда он понял, что туча движется сюда, к ним — и движется невероятно быстро, гораздо быстрее, чем плывущие над головой облака...

— Что это? — наконец спросил он.

Вайми быстро повернулся к нему. Лицо у него было непривычно бледное — странного пепельного цвета.

— Окончательная Буря, — голос его звучал сейчас мрачно-торжественно, как и полагалось, наверное, сообщать о настоящем конце света. — Когда восприимец достигнет Надира, всех людей сдует Ветром из мира. Но вот куда — никто толком не знает, так что лучше в него не попадать, — он мотнул головой, очнувшись от растерянности. — Уходим в гору, быстро!

— В какую гору? — Сашка всё ещё ничего не понимал.

— За мной! — и Вайми помчался по улице. Сашке и другим оставалось только следовать за ним.

* * *

Неожиданно быстро они вынеслись к железному забору, отделявшему от города захваченную киноидами прибрежную зону. Здесь к нему было пристроено что-то вроде дощатой галереи, на которую вела лестница. Бодро взбежав на неё, Вайми тут же перемахнул забор, и, повиснув на руках, спрыгнул. Сашка бездумно спрыгнул вслед за ним — и невольно охнул, врезавшись в асфальт кедами. Высота тут была добрых метра три.

Дождавшись, когда спрыгнут последние, Вайми вновь рванул на юг — к наступающей туче и к морю. Сашка невольно подумал, что они бегут к Башне Молчания — но в этот миг Вайми замер на пересекающих улицу трамвайных путях. Остальные тоже замерли, с тревогой глядя на бурлящую тучу — казалось, что над миром поднимается невероятно высокая, пылающая волна...

— Туда, — Вайми показал налево.

Повернувшись, они все побежали к нависавшему над зданиями высоченному скалистому склону. Сашка вспомнил наконец об оставшемся в квартире Иаши рюкзаке... но возвращаться было уже поздно.

* * *

Бежать было, вроде бы, недалеко — но, когда они добежали до скалы, страшная бело-розовая светящаяся туча заняла уже треть неба. Исходивший от неё свет стал пугающе ярким, а неестественно быстрое кипение облаков стало видно уже совершенно отчетливо. Самое страшное, однако, оказалось в том, что пока что не было ни звука, ни ветерка...

Здесь в скале был прорублен квадратный туннель высотой метра в четыре. Метров через десять он поворачивал направо, исчезая из поля зрения. Идти туда, правду говоря, не слишком-то хотелось — но тут вокруг зашелестели листья. Лица Сашки коснулось ласковое пока прикосновение ветра — но он дернулся, словно его ударили, и бросился в туннель.

* * *

Ещё метров через десять туннель снова поворачивал — на этот раз влево. Здесь в скалу были врезаны огромные, массивные стальные ворота — приоткрытые. За ними зиял крошечный мрак и Сашка снова замер. Из мрака несло холодом и сыростью, как из могилы. Но тут снаружи донесся яростный уже шум листвы — и, почти сразу, треск дерева. Волной накатился глухой мощный шум — и Сашка вдруг осознал, что монолитная скала под ногами вибрирует, уже давно...

В туннель ворвался сквозняк, неся с собой тучи пыли и резкий, пугающий запах озона. Гул становился всё громче — и они испуганно бросились во мрак.

Уши у Сашки вдруг заложило, в лицо ему ударил ветер — на миг ему даже показалось, что какая-то сила вытягивает его из скалы. Он испуганно замер... но тут в чьей-то руке вспыхнул фонарик. Пятно света запрыгало по неровному каменному полу, по стенам громадного, вырубленного в скале зала...

— Сюда, — Вайми показал куда-то направо.

Торопливо миновав зал, они нырнули в какой-то коридор с чередой ступеней, ведущих вверх. Здесь тоже бушевал дикий ветер, старался отбросить их назад, рвал волосы, — но Сашка, сжав зубы, пробирался вперед. Через двадцать шагов ветер вдруг стих — они оказались в новом, на сей раз, круглом зале. Луч фонарика запрыгал по его стенам — их ломаной спиралью обвивала вырубленная из камня лестница. Они были внутри какой-то шахты, уходившей в непроглядный мрак.

— Всё, здесь мы будем ждать, — сказал Вайми.

Они расселись на ступеньках ведущей наверх лестницы. Где-то там жутко завывал ветер, скала под Сашкой содрогалась. Он представил, ЧТО сейчас творится снаружи — и весь невольно передернулся. Вполне возможно, что сейчас ветер уже убил всех, кто не захотел присоединиться к Вайми, — но это было, в конце концов, их решение...

Машка плотно прижалась к нему боком — и Сашка обнял девочку. Скала под ним содрогалась всё сильнее, ветер наверху завывал, словно сам Сатана, бросая в лицо волны сырого, разящего озоном воздуха и мельчайшую водяную пыль. Сашка подумал, что этот невероятный ураган затопит их здесь невиданным штормовым приливом — или просто разберет весь хребет по камешкам. Всё кончится быстро, может, уже этой ночью. Но пока они были живы.

Глава Десятая: Драконова Флейта

*Барабан, и горн, и наша песня -
Лучших нам друзей и не сыскать.
С ними нам в походах интересно
По просторам своей Родины шагать.*

*Всё вперёд, всё в гору путь-дорога,
Нам по ней завещано идти.
С комсомолом, старшим братом, в ногу,
Не страшась преград и трудностей в пути.*

*Идём мы по полям,
Плывём мы по морям,
Взбираемся на горы высоченные.
Мы видим с высоты,
Страна, какая ты -
Огромная, как мир, как вся вселенная!*

*Галстуки тюльпанами пылают,
Галстуки гвоздиками цветут.
Это пионерия шагает,
По стране отряды ленинцев идут.*

*Где ещё на голубой планете
Так прекрасно дети могут жить?
Кто ещё на всём на белом свете
Крепче Родины умеет нас любить?*

Сергей Гребенников

Спускаясь с холма на запад — прямо на заходящее солнце — Антон Овчинников пребывал в крайне запутанных чувствах. С одной стороны, топтать по степи рядом с Ирккой, которую он уже и не надеялся увидеть, было просто невероятно здорово. Да и ничего серьёзного ему уже не предстояло — день пути по красивой, но безлюдной степи, неделя, самое большее, плавания до едва ли не сказочного Острова Белого Древа, сколько-то дней бездельной жизни там, пока Найу будет делать свою Драконью Флейту, ещё дня три плавания до пещеры Певцов и Драконьего Пляжа... и, собственно, всё. Дальше можно будет просто валяться на песочке этого самого пляжа и ждать, когда Драконы соизволят обратить на них внимание — может быть, дни, может, недели, может, месяцы...

Как раз поэтому Антон ощущал себя едва ли не дезертиром. Димка, Максим и остальные ребята уходили на восток — в дикие горы и ещё более дикую безводную пустыню, за которой лежала никому тут толком не ведомая степь, населенная таинственными собаками и ещё бог весть какими тварями. И путь их лежал в откровенно мифический уже

Город Снов, про который никто тут не мог сказать толком, есть он или нет, и если есть — кто живет в нем. Слухи на этот счет ходили очень разные — от толпы разожравшихся гедонистов, проводящих всё время в пирах и других увеселениях, до самых настоящих живых мертвецов. В них Антон, правда, не верил, но в то, что путь Димки и других будет очень трудным, не сомневался...

С другой стороны — а так ли прост будет их собственный путь? До острова они, наверно, доплывут без проблем — но со слов Димки и самого Игоря его обитатели, Типнаи, были отборными придурками, которые встречали гостей стрелами и натуральными людоедскими танцами в самодельных крыльях и нечеловеческой окраске. А их предводитель, Ны`ай, оэг, был, по словам Димки, большой мастер пудрить мозги. Мысль о том, что с жрецом придется иметь дело, не радовала. Наверняка он заведет занудное бла-бла на тему "кощунства над Священным Древом" и тогда придется применять силу — а ещё одной битвы Антону совершенно не хотелось. Ему и сегодняшней-то хватит по самый гроб жизни... да и участвовать в ней особо было некому. Сейчас в их отряде было двадцать ребят — но одиннадцать из них были Бродяги, тощие, с длинными, чуть не до пояса, русыми лохмами. Почти голые, лишь в каких-то поясках и фартучках. И совсем без оружия, что по местным меркам было совсем уж необычно. Пользы в бою, случись он, от них не оказалось бы — а от отряда Игоря после сегодняшней битвы осталось всего пятеро мальчишек. Да и те вооружены всего лишь крепкими, высотой до плеча, палками. У двух, правда, за спинами были длинные луки — но страшноватые на вид трезубые стрелы они делали за тем, чтобы бить ими рыбу. Человека они могли только ранить — пусть и крайне болезненно, но не опасно...

Антон покосился на висящий на поясе Игоря нож и вздохнул. У Серого тоже был отличный нож, отобранный у приснопамятной Сабины ещё в начале их похода, но у него самого и у Андрюхи из оружия были лишь деревянные копья с обожженными на костре остриями, и даже на таком вот фоне они смотрелись откровенно жалко...

Мальчишка вздохнул и недовольно помотал головой, выбрасывая из неё лишние во всех отношениях мысли. Так или иначе, до встречи с Типнаями оставалось ещё никак не менее недели — а до этого он может забыть о них и просто наслаждаться последним, наверно, путешествием в этом странном мире. И, конкретно, этим последним походом по степи — что бы ни ждало их тут в будущем, идти вот так, вниз по склону, на заходящее солнце, им точно уже не доведется. Перья травы на равнине под ними блестели в лучах заката и вся она казалась залитой струящимся золотом. Лишь тени холмов зияли темными провалами, а лощины между ними казались потоками черной воды — в которую они погружались, как в неведомое будущее...

* * *

Путь к морю преграждал крутой, и, казалось, бесконечный увал, протянувшийся с севера на юг. Поднявшись на него, уже в сумерках, Антон увидел впереди второй такой же увал, только пониже — над ним в полнеба поднималось тревожное багровое зарево. Обернувшись, он взглянул на оставшуюся за спиной известняковую гряду, розовато-белую в неярком отблеске заката. Антон удивился её сходству с рядом разрушенных зданий. Дома ему такого не встречалось... но сейчас его волновали не скалы. Сумерки казались зловещими — а развести костер тут было просто не из чего, да и небезопасно. Кто знает, кто

— и что — пожалуйет здесь на огонек?..

— Дальше сегодня не пойдём, — решил Игорь, обзрев окрестности в свой капитанский бинокль, обычно висевший на груди. — Темно уже, да и всё равно до берега ещё почти день пути. Ночевать будем там, — он показал куда-то вперед, в самую глубину лежавшей за увалом тени, и Антон лишь вздохнул...

* * *

Ночь они провели в укромной ложбинке, тесно прижавшись друг к другу. Вечерняя прохлада быстро перешла в холод, так что им пришлось вывернуть свои рюкзаки и одеться. Но холодная земля под ними словно высасывала тепло и под утро Антон промерз так, что дрожал, отчетливо щелкая зубами. Развести костер тут было не из чего, да и опять же нельзя, и пришлось завтракать копченой рыбой. Потом они двинулись дальше в синей предрассветной мгле — на сей раз замерзшие, не выспавшиеся и злые.

Земля здесь была неровной, так что шли они медленно, обходя бугры и рытвины. Впереди протянулся, казалось, бесконечный склон и мальчишке поначалу показалось, что они вообще маршируют на месте. Но поднявшись на гребень увала, он всё же согрелся, а заодно и успокоился. В бледном сиянии рассвета степь была удивительно красива. Тихо шелестела на ветру трава, далеко впереди и внизу таинственно синело море. Горы позади казались темными силуэтами на фоне светящегося неба. Очень ясно, воздух чист и свеж...

Антону хотелось постоять здесь и полюбоваться пейзажем — в конце концов, второй раз он сюда уже никогда не попадет — но Игорь деловито потопал вниз и отряд потянулся за ним. Антон вздохнул и повернулся к западу. Там, над морем, ещё залегла уходящая ночь — и именно туда лежал сейчас их путь. Говорить никому не хотелось, так что над отрядом висела тишина. И лишь вокруг, уныло и размеренно, под рассветным ветром шумели неутомимые волны травяного моря...

* * *

Неспешно, как всегда здесь, светлело, потом взошло солнце — но степь вокруг ещё скрывалась в тени оставшихся за спиной гор. Антон невольно подумал, что Димка и другие топают сейчас к ним... и, вздохнув, подбросил на плечах рюкзак. Забывать о друзьях, конечно же, не стоило, — но перед ними лежал собственный путь и они должны были пройти его с честью...

* * *

Солнце неспешно, но и неотвратимо поднималось за их спинами и Антон вдруг заметил, что степь впереди уже золотится в его лучах. Они приближались к краю тени и это было, разумеется, неплохо... но там, в свете солнца, золотились и две крошечных фигурки. Всего миг спустя мальчишка заметил рядом с ними третью — светлую...

— Что за... — начал Игорь и тут же схватился за висевший на груди бинокль. Прижал его к глазам, через несколько секунд опустил и ошалело взглянул на ребят. — Это Ана-Ю. Те самые, которых мы встречали на пути сюда. А с ними ещё кто-то...

— Дай сюда, — Серый протянул руку за биноклем. Тоже приложил его к глазам — и

тут же присвистнул. — Это Пампус. Он Ана-Ю как-то ухитрился приручить, один из них его рюкзак тащит...

— И что они тут делают? — удивленно спросил Антон.

— Скоро узнаем. Они прямо к нам топают...

* * *

Два отряда двинулись навстречу друг другу. Но расстояние оказалось немаленьким и до встречи прошло добрых минут двадцать. Антон изводился от нетерпения, даже понимая, что уже скоро всё узнает. Наконец, когда осталось всего метров пятьдесят, он разглядел рядом с Пампусом пару темно-золотых мальчишек лет пятнадцати — хмурых, пухлогубых, черноглазых, совершенно нагих. Их лохматые спутанные гривы доходили до плеч и тоже были чернее самой ночи. Оружия у них не было — не было вообще ничего, кроме рюкзака Пампуса, — но эта встреча вовсе не казалась доброй...

Здесь странная троица остановилась, так что землянам и прочим пришлось топать к ним. Наконец, отряды встретились. Пампус и его странные товарищи смотрели на них напряженно, и, пожалуй, встревожено. Антон понял, что их привела сюда вовсе не жажда общения...

— Ну что, ирод, отбегался? — наконец насмешливо спросил Серый.

Пампус злобно взглянул на него — но тут же торопливо опустил взгляд.

— В степи змееволки. Мы видели по крайней мере две стаи, к счастью, далеко. Мллю и Иали, — он оглянулся на своих спутников, — сказали, что нужно уйти в плавни. Мы пошли на юг, а тут...

— А тут мы, — снова с усмешкой закончил Сергей. — Хотите к нам?

— Ну... — Пампус вновь опустил взгляд. Сейчас он был разительно не похож на себя прежнего — самоуверенного наглеца. — А вы куда идете?

— К берегу. Там у нас плоты есть, — тут же ляпнул кто-то из Бродяг. Серый тут же гневно повернулся к нему — но слово, как известно, не воробей...

— А! — на лице Пампуса отчетливо промелькнула досада. Верно, он жалел, что сам не догадался пойти к берегу. — А куда плывете?

— На остров Белого Древа, — буркнул Серый. Врать он не умел и не любил.

— А, — повторил Пампус. — Я слышал о нем. Хорошее место. Возьмете нас с собой?

Серый нахмурился. Антон отлично видел, что больше всего ему хочется послать Пампуса подальше. Но ему ясно было, что он от них всё равно не отвяжется, да и бросать его и Ана-Ю здесь, среди тварей, было всё-таки нехорошо...

— Ладно, — наконец буркнул Серый. — Можете пойти с нами. Но, первая же попытка поднять хвост, — и ты пойдешь лесом, полем, лесом. Это ясно?

— Да, — мрачно согласился Пампус.

* * *

Не было печали, — мрачно думал Антон, стараясь не коситься на тащившегося сбоку от отряда Пампуса и его странных компаньонов. Принес же бог попутчиков!..

Серый, правда, тут же отобрал у Мллю рюкзак и навьючил его снова на Пампуса. Тот сопел, пыхтел, но возражать всё же не осмелился. Верно, желание оказаться в безопасном

месте пересилило даже его вздорный характер...

Тем не менее, Антон поглядывал на шагавших рядом Ана-Ю. Серый заставил их соорудить из травы юбки и прикрыть ими задницы и срам, но смотрелись они всё равно диковато. Да и что ждать от них, было совершенно непонятно...

Но и шагать рядом с незнакомыми ребятами и не говорить с ними было тоже совершенно невозможно. Андрей не выдержал первым.

— Слушайте, а вы вообще откуда? — спросил он у Мллю, того Ана-Ю, который был повеселее.

— Найлар, — ответил Мллю. Голос его звучал как-то невнятно, словно он почти разучился говорить. Впрочем, наверняка так и было. Бог весть, сколько он с Иали бродили в одиночестве по этой дикой степи...

— Найлар? А что это?

— Плохо помню, — Мллю смущенно потер лоб. — Давно не вспоминал. Да и вообще, это всё было... давно.

— А зачем вы из ребят дураков делали? — резко спросил Серый.

— Дураков? — на полусонном лице Мллю на миг проступило совсем иное выражение. — Мы назвали их успокоенными.

— Да как ни назови, суть одна. Зачем?!

— А зачем ум тем, кто всё равно не умеет им пользоваться? — удивленно спросил Мллю. — Вы же наверняка видели здешних. Им ничего, кроме как пожрать, не нужно.

— И потому их нужно обращать в рабов? — не выдержал Антон.

— Не в рабов, а в успокоенных. Мы никого не били.

— Но зачем?!

Мллю удивленно взглянул на него.

— Чтобы возродить цивилизацию, конечно. Так-то никто всё равно работать не будет.

— Какая, нафиг, цивилизация?! — возмутился Антон. — Попробуйте хоть кусок железа выплавить — Мастер роботов придет и они всё разгромят.

— Ну, не обязательно же железо, — Мллю отчетливо смутился. — Есть вещи, за которые Мастер не карает. Строительство там...

— Ага, дворцов для себя.

— Я плохо уже помню, — буркнул Мллю. — Это, знаешь, тоже очень давно было.

— Так, хватит, — резко сказал Серый. — Ругань в дороге — последнее дело. Так что помолчим.

* * *

Идти по траве оказалось не так уж и просто — она постоянно путалась в ногах. Но Игорь не в первый раз шел здесь. Уже довольно скоро они выбрались на лысый гребень невысокого увала и двинулись к морю по нему, как по дороге. Пусть неровной и плавно изгибавшейся то вверх, то вниз, но куда более удобной, чем высоченная, по пояс, трава, коварно скрывавшая бесчисленные рытвины и кочки...

Эта природная дорога казалась бесконечной, но Антону это очень нравилось — потому, что они шли над залитой ярким солнцем равниной, под глубоким, в перистых облаках, небом, где сильный горячий ветер мгновенно высушивал проступающий на теле пот...

Наконец, они остановились на привал. Сейчас был уже полдень. Солнце висело высоко

в чистом зеленоватом небе, под ним простерлась пустынная, молчаливая степь — ветер почти стих, а с ним стих и неумолчный обычно шум травы...

Серый растянулся прямо на земле, на животе, подтянув руки под грудь. Димке ничего не оставалось, как растянуться рядом в той же позе. Очень удобной, как оказалось. Дорога была не такой уж и легкой — постоянные подъемы и спуски с грузом за плечами выматывали — и отдых оказался далеко не лишним. Да и вообще, лежать под теплым солнцем, в волнах жаркого сухого воздуха было здорово...

Антон, прищурившись, смотрел на лежавшую внизу полуденную степь. Далекие вершины гор казались в дрожащем мареве сизыми силуэтами. Он вновь подумал о Димке и прочих, топающих к ним, и вздохнул.

* * *

До моря оставалось уже не так много и всего через пару часов они добрались до него. Вместе с остальными Антон поднялся на гребень прибрежной дюны. Он немного опасался за плоты, но они остались на месте. "Смелый" по-прежнему стоял метрах в сорока от берега, приткнувшись к отмели, справа и слева от него к ней приткнулись "Стойкий" и "Отважный". За ними до самого горизонта голубело море.

Антон вздохнул и обернулся. Перед ним простерлась волнистая равнина. Горы зеленоватыми силуэтами высились далеко впереди. Их голые каменистые склоны таяли в жарком свете стоящего над ними солнца и мальчишке казалось, что край неба там оборван — смешной и глупый образ, но ему было лень бороться с ним...

Он боялся появления тварей, но равнина, насколько хватал глаз, оставалась совершенно пустынной. Лишь в небе на юге что-то смутно белело. Туча птиц над плавнями, как сказал не раз бывавший там Игорь. Антон вдруг понял, что он никогда там не побывает, не увидит, что лежит за этими далекими уже горами, и его охватило незнакомое, горькое чувство. Их путь в этом мире завершался и они покидали его, так и не познав всех его тайн и чудес...

* * *

— В общем, так, — хмуро сказал Серый, глядя на Пампуса и Ана-Ю. — Тут три плота. Мы поплывем на "Смелом". Вы можете выбрать любой из оставшихся и поплыть, куда вам угодно.

— Но я не умею им управлять! — возмущенно заявил Пампус. — Это не моё дело, и вообще, я...

— Научись. Пошли, ребята.

* * *

До плота они добрались с трудом — перед отмелью оказалось глубоко и пришлось идти по грудь в воде, поднимая рюкзаки над головой. Наконец, Антон с облегчением выбрался на палубу "Смелого". Он был большим, из толстых бревен, с высоко поднятым дощатым настилом, даже с перилами — сделанный добротнo и на совесть. Команда его тоже смотрелась серьёзно: все дочерна загорелые, ловкие, крепкие, коротко стриженные — что после обычных здесь длиннющих лохм казалось уже удивительно. Одеты все тоже одинаково

— в шорты из какой-то подозрительно домотканой ткани, но всё же, это были именно шорты, а не набедренные повязки. Усмехнувшись, он взглянул на берег. Пампус и Ана-Ю всё ещё стояли там и он был рад, что никогда больше их не увидит.

* * *

Снять "Смелого" с отмели оказалось непросто. Поднятый парус не помог, не помогли и запасенные командой шесты. Пришлось вновь прыгать за борт и отгребать песок теми же шестами и ногами. Это заняло чуть ли не целый час — но в конце концов плот всё же снялся с мели и неторопливо поплыл на запад...

* * *

Отдыхая, мальчишки сели на приподнятую палубу плота, удобно уперевшись босыми ногами в бревна. По морю гуляли небольшие волны, их то и дело захлестывала прохладная вода, но Антону это нравилось. Плеск волн ласкал слух, глаз отдыхал на россыпях золотых бликов, играющих на глади этого моря или озера. Курорт, да и только...

Антон молча смотрел на медленно уплывавший назад берег. Пампус с Ана-Ю всё же перебрались на "Стойкого" и сейчас возились на нем, пытаясь поднять парус. Получалось не очень. Всё же, троих для такого маловато, понял он.

Ему стало стыдно... но и иметь таких попутчиков не очень-то хотелось. И без них на плоту оказалось довольно-таки тесно — помимо них и экипажа тут были ещё и Бродяги, очень довольные тем, что их приключения уже в любом случае закончились.

А наши? — невольно подумал Антон. Ну, доплывем мы до этого острова, ну, разберемся с этим жрецом, как его там, ну, сделаем Флейту, ну, приплывем с ней к Певцам... а дальше? Сидеть на Драконьем Пляжу и ждать бог весть сколько, пока кто-то из Драконов туда прилетит? А что, если это просто очередная местная легенда и вся наша возня ни о чем?..

Мальчишка недовольно помотал головой. Думать о таких вот вещах совершенно точно не стоило. Так или иначе, они довольно скоро узнают, правда ли это...

* * *

День проходил неожиданно сонно и лениво. Они все в основном сидели на палубе — в трусах, отдыхая и принимая воздушные ванны. Море, к радости и облегчению Антона, оставалось пустынным. Ему всё время казалось, что Пампус с Ана-Ю поплывет вслед за ними — то ли чтобы отомстить за то, что их бросили, то ли чтобы просто попасть на остров Белого Древа, а он не хотел ни того, ни другого. Уж кем ещё, но Пампусом он был сыт по горло. Да и Ана-Ю не казались приятными соседями, несмотря на их вежливость. Всё же есть люди, которых жизнь ничему не учит, мрачно подумал мальчишка. И которые будут упрямо гнуть своё, даже если уже и ёжику понятно, что оно не гнется... Или виноват всё же странный здешний мир, который консервирует не только возраст, но и, так сказать, характер?..

Антон вздохнул, понимая, что правды он никогда не узнает — разве что доведется спросить у самого Мастера, если он вообще тут существует. Потом осмотрелся. Бродяги жались в кружок посреди плота — верно, бескрайняя водная гладь их пугала. Игорь с

ребятами был занят своим делом. Юго-восточный ветер посвежел, несмотря на постоянные перемены курса плот шел довольно быстро — глядишь, и неделя не потребуется, они доплывут до острова раньше...

Антон вновь вздохнул, поймав себя на мысли, что ему уже не очень-то хочется возвращаться домой. Целый незнакомый мир вокруг, Ирка под боком — чего ещё надо?.. Но и это от него уже не зависело. Всё решил Димка, когда разбил Хорунов и разгромил их Безвозвратный Город. Теперь пути назад уже не было, только вперед — и домой...

* * *

Солнце неспешно плыло по небу и горы проступали всё отчетливей, превращаясь из зеленовато-сизых силуэтов сперва в мозаику выступающих гребней, потом в иззубренную рыжеватую стену. Вечером, облитые закатным багрянцем, они стали куда величественнее. Их вершины ещё долго розовели, когда внизу уже стемнело, а потом таинственно серебрились на фоне темно-синего неба, становясь далекими призраками и постепенно растворяясь в темноте...

Когда стемнело, горизонт растаял в смутной мгле, но ориентироваться было несложно — впереди, на западе, поднимался смутный купол Таллара. Антон подошел к носу "Смелого" и замер, глядя на него. Оттуда, из темной бездны, налетал ветер, влажными и теплыми волнами обтекая его. Сердце его невольно замирало при мысли, что впереди ещё целая ночь — ночь посреди моря... но вскоре он захотел спать.

* * *

Весь следующий день Антон иногда поглядывал назад — он всё ещё боялся, что Пампус с Ана-Ю плывет за ними. Но они никого не заметили — ни днем, ни новой ночью, и теперь мальчишке казалось, что они остались последними людьми в мире бескрайней воды...

* * *

В полдень следующего дня горы окончательно растаяли в воздушной дымке. Заметив это, Антон вновь вздохнул. Видеть, как скрывается за горизонтом земля, по которой ему уже никогда не ступать, было очень грустно...

— Чего вздыхаешь? — спросил сидевший рядом Серый. — Нам всего-то пять дней плыть осталось. Или четыре даже. И всё. Игорь говорит, что там просто рай. Ливадия.

— Пять дней — это долго, — буркнул Антон. — Раньше я, дурак, хотел на плоту через океан поплыть, как Тур Хейердал. Ну вот, плыву. Сбылась мечта идиота... Тесно, скучно, на обед — сырая рыба...

— Да лучше уж так, чем пробиваться через подземелье с кобольдами, — хмыкнул Серый.

— Да уж! — Антон невольно передернулся, вспомнив их безумную поездку на аэросанях по ледяному туннелю. Сейчас он сам уже не мог поверить, что всё это было с ним на самом деле... — Но не в этом дело. Просто... грустно, что мы, по сути, возвращаемся уже. А что мы тут видели, кроме кобольдов и леса этого поганого? Почти что ничего...

— Так остаться не выйдет уже. Теперь или мы мир спасем — или Червь его сожрет и

вся недолга.

— Да я понимаю всё это, — буркнул Антон. — Но всё равно...

— Мне тоже грустно, если хочешь, — признался Серый. — Я же тоже хотел пройти по здешнему миру, со всеми тут познакомиться... а оно вон как вышло. Всё держалось на том, что ребят Червю скармливали. Нафиг такой мир.

— Ну, нафиг, — согласился Антон. — Но сердцу не прикажешь же.

— Не прикажешь. Но мы ж не прямо сейчас отбываем. Остров этот увидим, пляж Певцов ещё... там мы не один месяц наверняка будем сидеть.

— Ага, именно что сидеть. Ждать у моря Дракона. Который запросто может и не прилететь. Или послать нас нафиг с нашей Флейтой. Если Найу вообще не придумал это всё...

— Да ладно тебе, не дрейфь, — Серый сжал его плечо. — Как говорить, доплывем — увидим.

* * *

Антон стоял у перил "Смелого", глядя на приближающийся остров Белого Древа. В самом деле, где-то в его середине возвышалось громадное, метров в пятьдесят высотой, дерево с белой, словно у березы, корой — но невероятно толстое и разлапистое, похожее на какой-то африканский баобаб. Отсюда оно казалось ещё небольшим, но сердце у мальчишки пело: неделя плавания на тесном, как оказалось, плоту изрядно задрала его. Романтика, конечно — но даже сходить по нужде тут оказалось непросто, все были на виду. Страждущим приходилось слезать в воду и делать всё, держась за нарочно сделанную поперечину. Это называлось "покормить рыб" и служило вечной мишенью для не слишком-то приличных шуток — но все ходили хмурые и злые, стараясь не замечать друг друга, и лишь железная дисциплина, установленная Игорем, позволяла избегать ссор...

— Хорошо идем, — сказал стоявший рядом Серый и мальчишка покосился на него. Когда друг рядом — это здорово, конечно, но когда он всё время рядом — это напрягает...

— Через час, меньше, будем на месте, — добавил Игорь, и мальчишка повернул голову. — Ветер сегодня хороший.

Антон кивнул. В самом деле, ветер, несмотря на жару, дул сегодня ровно и сильно — не совсем в нужном направлении, но и это тоже хорошо. Им же не только туда, но и потом обратно, а против ветра галсами идти замучаешься, это мальчишка уже знал и по своему невеликому пока что опыту...

— Надеюсь, что всё обойдется без шума, — сказал он, повернувшись к Игорю. — Ты же общался уже с этими Типняями, они вроде бы нормальные ребята...

— Они-то да. Но вот жрец их, этот Ны`ай`оэг... черт знает, что он запоет, когда узнает, что нам нужна ветвь их священного Белого Древа...

— Ну, это мы скоро от него лично услышим...

* * *

Тем не менее, мальчишку не оставляли сомнения. В конце концов, их здесь всего восемь (Бродяг можно было не принимать в расчет), а Типнаев — всё-таки десятка три. Если им предложат пойти нафиг — на этом сказка и закончится...

Мальчишка недовольно мотнул головой, выбрасывая из неё мрачные мысли. Остров Белого Древа был уже близко и теперь его можно было хорошо рассмотреть. Он в самом деле очень походил на парк: редко растущие деревья, высокие, узкие, цилиндрические, с очень плотной листвой, такие идеально ровные, словно каждое непрерывно подстригала целая армия садовников. Смотрелось всё это красиво, словно они и впрямь оказались где-нибудь в Ливадии...

Уже можно было рассмотреть и собравшихся на берегу туземцев. Одеты они были в стиле Виксенов — в весьма скромные по размеру желтенькие фартучки и бусы, намотанные, наверное, вообще на все места, где они только могли удержаться. Игорь в больших красках рассказывал, как Типнаи встретили их настоящим представлением, раскрасившись с головы до пят и даже нацепив на спины поддельные крылья. Сейчас никаких людоедских танцев не было, они просто стояли, глядя на плот. Оружие у них правда было, но, как и говорил Игорь, фиговое: тонкие, явно самые простые луки, копья без наконечников — просто длинные заостренные палки, а плетеные щиты какие-то... ажурные — декоративные скорее. Да и им они размахивать не пытались, смотрели скорее с интересом...

Всего через минуту "Смелый" мощно ткнулся в берег — и Антон, в числе первых, прыгнул на песок. Один из местных мальчишек вышел им навстречу. Как без труда догадался Антон, это и был Ны'ай'оэг, жрец Высокого Неба, главный здесь. Как и все его соплеменники, выглядел он странновато — небольшая голова, широкие скулы, раскосые глаза, крупный нос. Кожа у него, как и у всех Типнаев, была красновато-желтая, этим они неуловимо походили на индейцев. Фигуры у них тоже были странноватые — тонкая, удлинённая талия, широкие плечи, длинная шея. В целом они были как-то даже неестественно стройные, но с хорошо развитой мускулатурой, и, несмотря на непривычные пропорции, вовсе не казались тощими. Игорь рассказывал, что гравитация у них на родине сильно меньше местной и жить в этом мире им поначалу было очень тяжело. Впрочем, всего через пару лет они обросли неплохой мускулатурой и в общем и в целом приспособились. Воздух здесь тоже был гуще, чем на их родине, и это Типнаям как раз помогало — дома им дышалось совсем не так вольно...

— Приветствую вас, — вежливо сказал жрец, по здешнему обычаю прижав скрещенные ладони к груди и даже слегка поклонившись. — С чем пожаловали?

Антон оглянулся на Серого — но тот замялся, видимо, подбирая слова. Найу тут же вышел вперед.

— Я — хранитель тайны Драконьей Флейты, — с неожиданной важностью сказал он. — Сделать её можно лишь из ветви Белого Древа и я пришел сюда, чтобы сделать это, ибо время настало. Наконец-то настало!

По нестройным рядам Типнаев пробежал удивленный ропот. Даже физия жреца стала откровенно ошарашенной. Уж верно менее всего он ожидал услышать это...

Сердце у Антона замерло — в этот миг решалась судьба всего мира, ни больше, ни меньше...

— Воистину настало! — провозгласил Ны'ай и повернулся к соплеменникам. — Близится срок преобразования и наше пребывание здесь уже почти закончено. Ликуйте же, братья!

Антон длинно выдохнул.

Шагая вслед за жрецом, он непрерывно крутил головой. Остров Типнаям достался роскошный — и впрямь чем-то похожий на парк, с округлыми, похожими на валуны кустами и аккуратными тропинками. Мальчишка то и дело задира́л голову, глядя на тридцатиметровые, наверное, свечки *тануров*, как называли здесь эти цилиндрические деревья. Вблизи они казались ещё более неестественно правильными, хотя Ны`ай и уверял, что ничья рука их не касалась. Землю покрывала густая невысокая трава, там и сям сновали йерики — что-то вроде небольших оленей или антилоп, которых Типнаи приручили. Хищников на их острове, ясное дело, давно не осталось вообще — в самом деле рай, да и только...

Жили они здесь уже, без малого, пятьдесят лет — с тех самых пор, как сбежали сюда с побережья, где в те годы ещё властвовали Хоруны. О том, что было раньше, они помнили уже неважно — в основном то, что в их мире было два солнца, а боги были существенно добрее. Обо всём этом Антон уже знал от Игоря, но всё же вежливо слушал жреца. Слушать его было отчасти смешно — но дело своё Ны`ай знал, вверенное ему племя смотрелось вполне бодро, не замшело, чего в такой вот глуши стоило ждать...

Дойдя до Белого Дерева мальчишка запрокинул голову — и замер, ошалело приоткрыв рот. Теперь, вблизи, стало видно, что дерево это не растёт из земли, а как бы парит над ней. Внизу оно расширялось конусом, словно Останкинская телебашня, и это был не сплошной ствол, а корни — исполинские наклонные колонны толщиной в два или в три метра, сплошь обросшие каким-то мхом или лишайником. Просветы между ними перекрывала стена из торчащих во все стороны кольев — даже не стена, а сплошной ошестиненный вал, лезть на который ну совсем не хотелось. А надо всем этим, словно мраморная башня, поднимался белокорый ствол, и, где-то уже на высоте десятиэтажного дома, во все стороны звездой расходились исполинские кривые сучья. Диаметр кроны был, наверное, добрых метров сто. Она накрывала всю поляну, словно зеленое облако, и из неё на землю тек глухой мощный шум, похожий на гул ливня, — на ветру шумели бесчисленные листья. Но ещё больше Антон обалдел, когда они вошли внутрь, — ствол колоссального дерева оказался полым, словно внутренность огромной дымовой трубы. Его заполняли бессчётные мостики, площадки, гамаки, лесенки — целый город, уходивший на десятки этажей вверх...

* * *

Нетрудно догадаться, что за прибытием гостей последовал вполне ожидаемый пир. Отнюдь не такой аскетичный, как Антон ожидал. Может, Типнаи и думали, в основном, о спасении души, но постами они себя не изнуряли: парное и холодное молоко (непривычное на вкус, но вполне приятное), сыр, неожиданно похожий на адыгейский, весьма профессионально закопченное мясо, аккуратно нарезанные ломтики *маути* — Антон с удивлением узнал, что и растёт он как раз на самом Белом Дереве, так что Типнаи могли прокормиться, буквально не выходя из дома. Пусть не булки с колбасой, но уж клубничогрейпфруты (такой у *маути* был вкус) на ветках у них вполне росли, причем в количестве, более чем достаточном для небольшого племени. Росли тут и бананы, правда, мало уже похожие на земные, — более короткие и толстые, темно-фиолетовые, неравномерно обросшие желтым пухом, но вполне приятные на вкус, разве что слишком мучнистые. Впрочем, как оказалось, их можно запечь, а потом пересыпать жареными и

растертыми орехами — тогда получалось что-то вроде настоящего торта, разве что без завитушек и надписей из крема. К "торту" полагался и вполне натуральный чай в глиняных чашках, — то есть, разумеется, не чай, а какой-то совсем другой отвар, терпкий и немного слишком вяжущий, но хорошо освежающий и вполне бодрящий...

Вот застольная беседа оказалась уже вовсе не столь приятной — пара плотов с беглецами из внешнего мира до острова всё же добралась, так что Типнаи были в курсе и о сожжении Столицы, и о нашествии тварей из западного леса, и даже о скором освобождении Червя. И новости эти их не радовали. Так что прибытие Найу с его Драконьей Флейтой оказалось как нельзя кстати...

* * *

После пира гостей — тоже вполне ожидаемо — потащили на экскурсию. Для начала, конечно, все поднялись на Дерево — именно так, с большой буквы, его тут и называли. Дело оказалось не таким уж простым — Типнаи карабкались по веревочным лесенкам с легкостью необычайной, а вот у гостей они вызывали опасения — треснуться с многоэтажной высоты никому всё же не хотелось. Типнаи же, как оказалось, даже спали здесь, в гамаках из прочных плетеных циновок. Украшавший их орнамент затем повторялся в сложной системе канатов, поддерживающих всю структуру. Смотрелось всё это очень красиво, хотя Димка прикинул, что плетение такого гамака займет у его хозяина несколько месяцев, а служат они наверняка не так, чтобы очень уж долго... и спать в них рискованно. Но Ны`ай тут же показал, что на самом деле никакой опасности нет. Каждый гамак сворачивался так, что получалось что-то вроде кокона, полностью охватывающего спящего, после чего застегивался специальными крючками, так что выпасть нельзя, что бы ни снилось. Антону всё это показалось весьма глупым. Против гамаков он, вообще-то, ничего не имел, но только пока они не подвешены на такой вот офигенской высоте...

Все эти мысли вылетели у него из головы, когда они, наконец, поднялись наверх. Он словно оказался в лесу — вверх и в стороны расходились толстенные, словно столетние дубы, ветви, между которых шли вогнутые дорожки, засыпанные мягким растительным прахом. Вид отсюда открывался потрясающий — все остальные деревья вокруг были ниже, так что горизонт распахнулся во всю ширь. Любой плот или лодка становились тут видны едва ли не в самый миг отплытия, так что Типнаи имели, как минимум, пару часов, чтобы наложить "боевую раскраску" и вообще основательно подготовиться к встрече...

Отсюда видна была даже Цитадель Хозяев — вернее, её пирамидальная, сияющая на солнце верхушка, до которой, однако, оставалось ещё добрых километров пятьдесят. Ны`ай сразу же сказал, что там и обитает Небесный Хозяин, к которому его племя и обращает молитвы, чая скорейшего вознесения в рай. Антону это показалось смешным и глупым, но смеяться вслух он всё же не стал...

Сверху стало видно, что остров Белого Дерева намного больше, чем показалось ему с низкого плота, — он занимал несколько квадратных километров. Есть, где развернуться, — особенно таким дружным коллективом. А Типнаи неплохо устроились в огромной кроне Дерева. По верхней стороне колоссальных ветвей шли вполне удобные тропинки, вдоль которых, для надежности, были протянуты канаты. Другие канаты и лесенки соединяли различные ветви. На некоторых даже помещались плетеные круглые домики, похожие на беличьи гнезда, довольно уютные. Антон даже побывал в одном, хотя и подумал, что жить в

таким вот гнезде, которое качается на высоте двадцатиэтажного дома, может только очень большой оригинал. Тем не менее, среди Типнаев находились и такие, кто считал такое вот качание приятным и волнующим, и даже способствующим сну, что и вовсе не укладывалось у него в голове. Его в таком вот домике начало ощутимо поташнивать и он поспешил спуститься на землю.

* * *

Теперь гостей повели по собственно острову, где нашлись и скалы, и песчаные пляжи, и даже вполне приличное озеро. Остров у Типнаев был большой и экскурсия затянулась до вечера. Ну а потом, ясное дело, начался праздник в честь великого события, с песнями, танцами, прыжками через костер и всем прочим, что обычно бывает в таких случаях, — но туда Антон уже не пошел. Башка и так гудела от избытка впечатлений. Смешно, но он привык к здешнему неторопливому ритму жизни, да и музыка Типнаев, все эти дудочки, свистульки и барабаны, была, на его вкус, не очень мелодичной. В общем, незаметно улизнув с праздника, он приперся на пустынный сейчас берег — поглазеть на закат. С ним, правда, тут же увязались Андрюха и Серый, но Антон не возражал. Напротив, с ними было даже лучше...

Закат тут оказался потрясающий — небо затянули удивительно четкие, словно чеканные, перистые облака, а под ними неспешно плыли обычные, рваные. Низко над горизонтом висело громадное здешнее солнце — сверху желтовато-зеленое, снизу малиновое. На его пылающей поверхности отчетливо виднелись пятна. Других островов дальше к западу не было и перед ним во всю свою ширь раскинулось море. Лишь справа виднелась смутная полоска холмистого берега, а далеко-далеко над ней темнел зубчатый хребет гор. Слева громоздились далекие облака — низко над морем протянулась мелкокурчавая, золотисто-алая полоса, высоко над ней повисли острые, тонкие плоты, а над ними мощно пылал бело-золотой бок грозовой тучи, похожий отсюда на гималайский хребет, невыразимо громадный...

Ветер был слабый, воздух — влажный и теплый, какой-то очень мягкий, как и свет. Невысокие волны, набегая на берег, блестели то золотом, то красным вином. В них лениво бродили здешние птицы, похожие на земных фламинго, но с двумя парами крыльев и двойными хвостами, а в их больших клювах отчетливо виднелись зубы. К счастью, никакого интереса к людям они не проявляли. Антон уже знал, что питаются они мелкой рыбой и в общем совершенно безобидны...

— Красиво тут... — неожиданно грустно сказал Андрей. — Настоящий курорт. А Типнаи каждый день на это смотрят...

— Никак остаться хочешь? — Серый толкнул его локтем.

— Да не, у нас же дело есть... — Андрей вздохнул. — Но места у них красивые, да и жить здесь удобно...

Устав щуриться на солнце, Антон повернулся. На востоке редко, словно в каком-то крымском парке, торчали цилиндрические, идеально правильные кроны тануров, да мощно пламенела розовым гладкая кора Белого Дерева. Картина была... впечатляющая — не дерево, а целая зеленая гора, и при мысли, что они будут в ней ночевать, в душе у мальчишки становилось страшновато, и, вместе с тем... интересно.

— Повезло Типнаям — отхватили лучшее место в Ойкумене, — сказал Серый, тоже

повернувшись и глядя на пейзаж.

— А что ж они тогда жалуются, что дома боги добрее к ним были? — удивился Антон.

— А дома у них полярные сияния были офигенские, днем и ночью. Круглый год. Ну и взрослые там, понятно, жили, — кормили их и всё такое. А тут-то всё самим — и еду добывать, и защищаться. Ну и гравитация тоже побольше. Да ты сам всё это не раз уже слышал же.

— А, — Антон вздохнул. Солнце постепенно заходило, весь мир вокруг стал сочным и малиновым, словно в каком-то сне. Горбушка солнца таяла в волнах — а потом вдруг полыхнула чистым зеленым огнем. Дома Антон тоже не раз видел на море зеленый луч — но сейчас это была не вспышка, а мощное сияние, которое длилось, наверное, минуту.

— Офигеть, — выдохнул Андрей, когда всё закончилось. Сейчас над их головой пламенели высокие перепутанные облака, освещенные снизу огнем уже ушедшего за горизонт солнца, такие четкие, что глаз просто тонул в бесчисленном множестве огненных волокон, — а в просветах между ними совершенно другим, зеленовато-белым, неземным каким-то светом на фоне темно-синего неба сияли перистые облака. Под облаками, то ныряя в них, то снова появляясь, кружила пара хрустальных драконов. Сейчас они сверкали, как рубиновые, и Антон вновь замер, затаив дыхание. Картина была неправдоподобно красивая, словно он наяву оказался во сне...

— Драконы, по крайней мере, тут есть, — сказал Серый, тоже глядя в небо. — Надеюсь, они будут и на Драконьем Пляже, когда мы, наконец-то, доберемся до него...

— Бог весть, кто на нем ещё будет, — буркнул Андрей. — Там же место открытое совсем. А по степи гуляют сейчас лесные твари. Драконы могут и не захотеть прилетать туда.

— Типун тебе на язык, — буркнул Антон. Разговор совсем уже перестал ему нравиться. Облака над головой тоже погасли, стали зеленовато-синими, хмурыми, лишь в просветах между ними ещё алела полупрозрачная сеть, да на западе, над полосой темных туч, пламенели разлетающиеся перья. Зрелище было, честно говоря, страшноватое — он словно смотрел на невероятно огромный взрыв за горизонтом, и медленно, едва заметно плывущие к нему облака казались пылавшими, разлетающимися обломками...

— А если всё-таки не прилетят? — упрямо спросил Андрей. — Что тогда делать? Сидеть тихо под веником и никуда не лезть до самого конца света?

— Типнаи же не лезут, — сказал Серый. — Песни вон поют...

Антон вздохнул. Пели Типнаи и в самом деле хорошо, — на несколько голосов, по очереди, с той же мелодией, но с различными тембрами и ритмом. Получалось странновато, но и в самом деле красиво, да и песен они знали много...

— А чем мы вообще тут займемся? — спросил он. — Найу будет Флейту делать. А мы? Валяться на пляже кверху ногами?

— Нет, зачем? — Андрей смутился. — Просто проживем тут дня два-три, дольше Найу вряд ли провозится. Посмотрим всё, песни их послушаем... Всё равно, спешить нам некуда же.

— На несколько дней тут вполне можно задержаться, — согласился Серый. — Кормежка же за счет хозяев. Впрочем, если хочешь, можешь на Пляж вообще не плыть.

Андрей насупился, но возражать всё же не стал, хмуро глядя на запад. Закат уже почти погас, лишь над горизонтом ещё пылала широкая полоса зеленого, совершенно неземного сияния, — и на её фоне чернели бесконечно длинные, тонкие полоски облаков. На юге то и

дело вспыхивали розовато-белые зарницы, но сюда не доносилось ни звука, слышался лишь бесконечный шум волн...

— Так что нам делать-то? — наконец спросил он.

— Назад пошли, — усмехнулся Серый. — Спать пора.

* * *

Забравшись в гамак, Антон развернул ажурную, похожую на вершу крышку и тщательно застегнул её костяными крючками. Высота была метров тридцать и это нервировало — под спиной сейчас ничего не было, кроме циновки. Пусть прочной, надежно растянутой на веревках, всё равно...

Мальчишка вздохнул и откинулся на спину, честно пытаясь заснуть. Спать очень хотелось — только вот никак не засыпалось. До одеял и подушек Типнай так и не додумались, к тому же, в полом стволе Дерева, словно в трубе, тянуло снизу сквозняком, легко проникающим через плетение циновки. Здорово в жару, но сейчас, как назло, оказалось прохладно...

Антон вздохнул и перевернулся, глядя вниз. Живот сразу же свело от страха, — но не сильно, скорее, даже приятно. Огня в Дереве не жгли, по понятным причинам, — но темно тут всё же не было. Роль фонарей играли высушенные и сшитые кожаными шнурками желудки йериков, натянутые на каркасы из прутьев, — изнутри их обмазывали медом, привлекающим местных светляков. Светили они не так, чтобы сильно, но желтый мерцающий свет смотрелся романтично и таинственно. Таких фонарей тут было много и висели они совсем не для красоты — чтобы спешащие ночью по нужде не переломали себе шеи. Антону это казалось нелепым и смешным — но смотрелось всё равно красиво. Всё же, не так плохо, наверное, тут жить, подумал он. И заснул.

* * *

...Антон очнулся от холода. Несколько секунд он отчаянно пытался убедить себя, что холодная земля под правым боком ему просто чудится — потом всё же рывком сел, очумело оглядываясь.

Он сидел на дне усыпанной палыми листьями ложбины, почти под корнями огромного, наполовину вывороченного пня. Над ложбиной со всех сторон поднимались голые корявые стволы, исчезая в тумане. Он никак не мог вспомнить, как здесь оказался, не мог вспомнить даже, что было до этого. В конце концов, он на четвереньках вскарабкался на склон нависавшего над ложбиной бугра и выпрямился во весь рост.

Его окружал пейзаж, похожий на иллюстрацию к готической сказке — редкий лес огромных, корявых деревьев, уже давно сбросивших листву — она лежала под ногами бурым мокрым ковром. Земля вокруг была неровная, заваленная огромными рухнувшими стволами и поросшая редким, уже голым кустарником — ноябрь, позднее предзимье. Видно было метров на пятьдесят, потом всё скрывалось в белой мгле — на самой границе поля зрения она жутковато двигалась. Было удивительно тихо, словно уши заложило ватой. Малейшие шорохи от движений босых ног казались оглушающе громкими.

Антон без особого удивления обнаружил, что обнажен. Ему было холодно, но не очень — по ощущению, где-то градусов одиннадцать-двенадцать. Тем не менее, он обхватил

руками голые бока, весь передернулся... и проснулся.

* * *

Блин, так и знал, что замерзну, — подумал мальчишка, вспоминая сон. Во сне он свернулся в клубок, подтянув коленки едва ли не к носу, так что ноги, конечно, затекли, — а едва он растянулся, его уже откровенно начала бить дрожь. Тем не менее, подниматься не хотелось — в основном потому, что путь вниз предстоял непростой и неблизкий. Эта мысль удивила мальчишку и он всё же приподнялся, осматриваясь. В нескольких гамаках ещё дрыхли засидевшиеся вчера допоздна Типнаи, но в соседних никого уже не было. Друзья уже встали и сейчас, наверное, как раз завтракали...

Антон вздохнул и задумался. Завтракать хотелось и ему — но ещё больше хотелось полежать. Блин, да я боюсь же, понял он. Словно стоит мне только вылезти из гамака — и я кувыркком полечу вниз...

Мальчишка повернулся и решительно дернул за крючки.

* * *

Своих он нашел на поляне у основания Дерева — не всех, половина команды "Смелого" ещё спала, но Серый с Андрюхой уже были здесь и Игорь тоже.

— ...остров Алых Скал совсем рядом и мы можем... — он заметил Антона и замолчал.

— Привет, — зевая, сказал тот. — О чем спор?

— Решаем, что делать, — сказал Игорь. — Я хочу к соседнему острову сплавать, а то скучно тут сидеть.

— Я тоже, — сказал Серый. — Тут весело, конечно, — но таки скучно, и вообще, не то как-то тут...

— А я против, — упрямо сказал Андрей. — Пару дней мы можем подождать. А праздник вчера был хороший и Ны'ай обещал сегодня вечером ещё один устроить, с пиром. А ты как?

— Я? — Антон задумался. Побывать на таинственном острове Алых Скал ему очень хотелось, но... — Я бы тоже хотел туда поплыть, но оставлять Найу без присмотра как-то стремно. Мало ли тут что...

— Ну что ж... — вздохнул Игорь. — Тошка прав вообще-то. Сидим и ждем, что там смастерит Найу...

* * *

Драконья Флейта, к удивлению Антона, оказалась вообще не флейтой, а чем-то типа изогнутого рога высотой в здешний человеческий рост. В верхней части этой полой ветви Белого Древа было круглое утолщение с двумя дырками — чтобы дуть и для регулировки тона. Внизу было более длинное, изогнутое утолщение, похожее на стручок. Найу проделал в его твердой, темно-голубой древесине длинную, причудливой формы прорезь, окружив её полосками белой краски и канавками. Смотрелось всё это очень странно, а уж когда Найу для пробы подул в неё, раздался могучий низкий звук, от которого у Антона заложило уши.

— Ничего себе флейта... — сказал он.

— Название не я придумал, — буркнул Найу, смущаясь. — Ну, в общем, это всё. Забирайте.

— А ты с нами не поплывешь разве? — удивленно спросил Серый.

— Нет, зачем? — Найу удивленно взглянул на него. — Я знаю, как её сделать, но и только. А остальное — к Певцам.

Антон вздохнул, осматриваясь. Было ещё раннее утро, солнце стояло совсем низко, его золотисто-зеленые лучи пронизывали кроны, осыпая их мерцающими блестками на листьях. Картина была невероятно красивая — но он понимал, что видит её в последний раз...

* * *

Он ещё раз вздохнул и осмотрелся. На поляне под Белым Древом собрались сейчас все — и Типнаи, и Бродяги, и даже с десятков ребят, добравшихся сюда с берега. Все внимательно смотрели на них. Момент, как ни крути, был исторический, его ждали тут три тысячи лет. Такое просто не укладывалось в голове...

— Ну что ж, тогда не будем тянуть время, — сказал Игорь. — Давайте ребят собирать. Позавтракаем — а там и отплывем. Ветер сегодня попутный, уже завтра к вечеру будем у Певцов...

Глава Одиннадцатая: Драконы и Мастер

*Здравствуй, песня весёлого детства,
Славишь Родину ты.
Это голос нашего сердца,
Голос нашей мечты.*

*Мы поём о завидной доле,
О счастливой нашей судьбе.
За детство светлое -
Спасибо, Родина, тебе!*

*Встало солнце, и всё зазвучало -
День вступил на порог,
Словно новой книги начало -
Каждый школьный урок.*

*Ждут нас горы, и реки, и море,
Ветер дальних путей.
Мы поём о вольном просторе,
Об Отчизне своей.*

Я. Серпин

Ирка, сидя на краю настила, поджала босую ногу к попе, подстригая ногти на ней маленькими блестящими ножницами, которые она непонятно где добыла. Антон невольно покосился на неё, недовольно помотал головой и осмотрелся. Серый и Андрей сидели с другой стороны плота, держа в руках самодельные удочки, — прямо на ходу тут замечательно клевал милк, местная рыба, похожая на земного окуня. Экипаж "Смелого", по большей части, бездельничал. Пара мальчишек присматривала за веревками, которые удерживали парус под нужным углом к ветру, сам Игорь, естественно, стоял у рулевого весла, тоже не особо напрягаясь, — ветер дул совсем не по курсу, но несильно, так что плыл плот медленно. Даже издевательски медленно, на взгляд Антона, — со скоростью неспешно идущего человека. Хотелось спрыгнуть в воду и подтолкнуть его, но и это наверняка не помогло бы...

Он вздохнул, осматриваясь. В небе висели высокие облака, сквозь них едва проглядывало солнце. Море оставалось тихим и спокойным. Справа по курсу угрюмо темнел один из островов Морских Воришек — поросший густым лесом, он походил на спину какого-то морского чудища. Мальчишка приложил ладонь к глазам, стараясь рассмотреть, нет ли кого на побережье, но там было пусто. И хорошо. Экипаж "Смелого" состоял всего-то из пяти мальчишек — из них лишь двое с луками, остальные с боевыми палками. Даже если добавить трех землян с копьями, получалось немного. Появись вдруг пираты, отбить их нападение вряд ли вышло бы, но Димка с друзьями покончил со всем этим, так что они могли смело плыть дальше, к своей последней уже цели...

* * *

— Ну, вот тут, обычно, мы и встречаем Певцов, — сказал Игорь, когда они, наконец, подошли к берегу.

Антон вздохнул, глядя на знакомый уже пляж. Тоже совершенно пустынный, разумеется. Над ним неровной стеной тянулись известняковые скалы, кое-где выдаваясь прямо в воду, — а над ними колыхалась степная трава. Никаких следов людей не наблюдалось. Ни хижин, ни сетей, ни лодок — в общем, совершенно ничего. Впору поверить, что Певцы и впрямь живут на морском дне...

— И что тут делать-то? — спросил он. Высаживаться туда совершенно не хотелось, с учетом всего...

Игорь вздохнул.

— Что, что... ждать, конечно. Они выйдут... рано или поздно. Только вы это... осторожнее. Тут лесные твари бродят — а вас-то всего трое. Вы лучше на берегу не светитесь, со скал смотрите. А то, мало ли что...

— Ладно, — Антон закинул на плечи тощий уже рюкзак и подхватил копьё. — Ну что, пошли, что ли...

Ребята попрыгали в воду и молча побрели к берегу. Говорить не хотелось, на сердце у всех наверняка было тяжело: каждый думал о том, появятся ли тут Драконы, и если и появятся — то когда...

Дно оказалось усыпано острыми камнями, ступать по ним пришлось медленно и осторожно. Зато взобраться на обрыв было несложно — кое-где обвалившиеся скалы напоминали ступеньки исполинской лестницы. Мальчишки передавали друг другу копьё и рюкзаки, так что много времени это восхождение не заняло.

Выпрямившись на гребне обрыва, Антон осмотрелся и вздохнул. Огромная травяная равнина лежала перед ним, мягкими волнами увалов поднимаясь к далеким холмам. На западе, далеко-далеко за холмами, призрачно синели горы. Высоко в небе висело зеленоватое солнце, большое и туманное. В небе неторопливо плыли облака — и так же неторопливо по холмам ползли их расплывчатые тени. Ничего живого, к счастью, видно не было.

— Ну что ж, ребята... — Серый повернулся к ним. — Теперь нам остается только ждать...

* * *

Антон сидел на берегу, бросая в воду камешки — больше делать было совершенно нечего. "Смелый" так и стоял возле берега, Андрюха и Серый заснули, подложив рюкзаки под голову. Антону же спать не хотелось — он смотрел на сверкавшие зеленым огнем волны, бежавшие от смутного горизонта. Море тоже было совершенно пустынным — если не считать островов, темневших между горизонтом и небом...

Что-то плеснуло в воде — Антон не столько заметил, сколько услышал и быстро перевел взгляд. Из моря вынырнул мальчишка — непонятно откуда взявшийся, ведь он

видел, что тут никто несколько часов не нырял!..

Антон кувыркнулся назад, прячась в траве, — похоже, что ему повезло!..

Ныряльщик между тем быстро и ловко поплыл к берегу, выпрямился, осмотрелся... Гибкий парнишка, на вид всего лет двенадцати, одетый лишь в короткую набедренную повязку из рыбьей, кажется, кожи, с копной густых каштановых волос. На загорелой коже отчетливо выделялось несколько шрамов — полученных, как, наверное, и сам загар, ещё до попадания сюда, в Ойкумену...

Вслед за ним начали выныривать и другие Певцы — такие же гибкие и загорелые. Антон ошалело помотал головой. Откуда они тут берутся — не с морского же дна, в самом-то деле?..

Опомнившись, он торопливо отполз назад и разбудил друзей. Скрывшись в траве, они внимательно следили за Певцами. Те, похоже, не подозревали об этом — сами подозрительно смотрели на стоявший у берега плот Игоря...

— Откуда они тут? — шепотом спросил Андрей.

— Тут, наверное, есть подводная пещера, попасть в которую можно лишь нырнув под берег, — ответил Серый. — Ладно, нечего тянуть. Пошли.

* * *

Похоже, их тут уже ждали. По крайней мере, когда ребята вышли на берег, никто из Певцов не смутился и не испугался. Они просто замерли, внимательно, но не зло глядя на стоявших наверху пришельцев.

— Привет! — крикнул Серый и для убедительности помахал рукой. — Вы Певцы, да?

— Да, — ответил тот самый парнишка со шрамами. — А вы?

— А мы — с острова Белого Древа, — гордо ответил Серый. — Мы вам Драконову Флейту привезли.

— Спускайтесь тогда, — сказал парнишка. — Гостям мы всегда рады...

* * *

Ребята быстро спустились на берег и замерли под внимательными взглядами Певцов. Антону даже стало неловко: в конце концов, их тут всего трое, а Певцов десятка полтора. Но никакой враждебности они не проявляли, да и оружия у них не было, как ни странно...

— Привет, — сказал парнишка со шрамами. — Я Лари. А вы?..

Ребята вразнобой представились, потом представились Певцы, потом дело, наконец, дошло до Флейты. Серый снял её с плеча и осторожно опустил на землю. Лари осторожно, словно не веря глазам, подошел к ней. Провел пальцами по странному темно-голубому дереву. Мягко взял её шарообразный конец из рук Серого. Обхватил пальцами... подул...

На сей раз, звук был не менее мощным, но... осмысленным? Да. Не просто звук, а зов. Даже не так — Зов. Он гулко раскатился по степи и Антон подумал, что ждать Драконов придется не так уж и долго...

* * *

— Вообще-то, вам повезло на нас наткнуться, — с широкой улыбкой сказал Лари, всё ещё держа в руках Флейту. — Обычно-то мы только ночью выплываем. А то мало ли что...

— Твари беспокоят? — спросил Серый.

Лари вздохнул.

— Нет. Сейчас нет. Они дальше на восток прошли, здесь же есть почти что нечего. Но всё равно...

— Ну, с нами вам нечего бояться, — усмехнулся Серый.

* * *

В этот вечер — впервые за многие, многие годы — Певцы не стали возвращаться в пещеру, а остались сидеть на берегу вместе с гостями. Тем более, что вечер выдался ясный, теплый, в общем, замечательный. Над далекими западными горами ещё догорал закат, море стало густо-синим и словно непрозрачным, вдали, на островах, смутными искрами мерцали костры — и от этого у Антона почему-то становилось тепло на душе. Там, далеко, у костров тоже сидят ребята, поют, травят байки, болтают, словно и не случилось ничего...

— Очень хорошо, что вы приплыли, — сказал сидевший рядом Лари. — Мы привыкли ждать, но всё равно...

— А сколько вы тут ждете?

— Долго, — Лари вздохнул. — Три тысячи лет или около того.

— Сколько?! — Антон был ошарашен услышанным. — Да за это время вы сами могли эту Флейту сто раз отыскать!

— А мы пытались, — Лари вздохнул. — Много раз пытались. Но Терне и Йо, её создатели, сгнули с концами, а Бродяги забились в западный лес, куда нам нет хода. Ты же сам в курсе, как там.

— Можно было ж кого-то попросить... — смутился мальчишка.

— А смысл? Всё равно же, использовать Флейту не сможет никто, кроме нас. Кроме меня даже. А в чужих руках она нам ничего хорошего не принесет. Вот потому мы и тут.

— И не скучно вам?

— Ребята, а вы хоть представляете, сколько тут всего было за эти три тысячи лет? Великая Война Цветов, Империя Оламера, Бунго Великий... это сейчас его почти никто не помнит. А тысячу лет назад его имя гремело от края и до края Ойкумены. А Юхан Стрелок? А Саспис Крылатый? А Поход Белого Шара? И это только то, что я помню так, навскидку. Потому, что мы в этом участвовали. Мы ж не прямо сразу тут на берегу осели. Мы ж всю Ойкумену прошли, с севера на юг и с востока на запад, и не один раз даже. Правда, тогда она совсем другой была. Добрее, можно сказать. А сколько было такого, о чем мы только слышали? Город Снов тот же...

— Вот и славно, — усмехнулся Серый. — Будет, что послушать, пока мы тут сидим...

* * *

— Ну и когда прилетят эти Драконы? — в тысячный уже, наверное, раз спросил Андрей. Мальчишки искупались, позавтракали и сейчас просто сидели на берегу, глядя на лениво набегающие волны. Далеко слева в море темнел остров со Столицей — бывшей Столицей, конечно...

Они сидели на этом пляже уже месяц и Антон извелся от нетерпения: ему хотелось узнать последние новости, хоть какие-то. С ними же тут оказалось никак: он привык к газетам и телевизору, но ни того, ни другого тут, разумеется, не было, и он откровенно скучал. Никаких особых дел тут тоже не нашлось и скука встала перед ним в полный рост...

Ощущение оказалось непривычное: дома под рукой всегда были журналы или радио, или друзья, наконец... Здесь друзья остались — но родной мир пропал, а этот вот мир был, конечно, очень интересным — но это если не сидеть всё время на одном месте. Того и гляди, сам начнешь от скуки поэмы сочинять, словно какой-нибудь Гомер...

Антон недовольно мотнул головой. С ним от этой самой скуки творилось что-то неладное. Чушь вон всякая в голову лезет... и вообще...

Он вновь недовольно мотнул головой, ощущая, что краснеет, и сердито взглянул на товарищей, словно они могли как-то подсмотреть его мысли. Но они, конечно, ничего такого не заметили. Андрей, свесив ноги, сидел на берегу, глядя на неподвижный плот с такими же скучавшими ребятами Игоря. Серый, опираясь на копьё, смотрел куда-то в степь.

— Что там? — лениво спросил Антон. Степь тут была на удивление пустынной — не то, что тварей, но даже местных небольших животных, похожих на голенастых морских свинок, в ней не наблюдалось...

— Следит за нами кто-то, — буркнул Серый. — Вон с того холма. Высунется и спрячется. А кто и зачем — не пойму.

Антон вскочил и присмотрелся — но на пологом гребне холма, тянувшемся в километре от них, никого не было. Конечно, шпион мог спрятаться в высоченной траве и смотреть прямо сквозь неё. Тут очень пригодился бы бинокль — но он остался у Игоря, а остроты глаз не хватало, чтобы что-то разглядеть. Конечно, если там вообще кто-то был...

Антон поёжился. С одной стороны, незаметно подобраться в этой степи невозможно, — если не ползти в траве на манер каких-нибудь змей или индейцев, — а с другой убежать на плот, бросив Певцов, тоже как-то нехорошо. И в милицию не позвонить. Неуютно...

В общем, они сидели теперь, как на иголках, глядя то на плот, то на холм. Несколько раз Антон замечал, что там и впрямь что-то движется, — но под ветром по траве бежали волны, и понять, не скрывается ли в них кто-то, не получалось. Может, Серому просто померещилось... а может, и нет. Теперь Антон, в самом деле, был уверен, что чувствует чужой недобрый взгляд, и это очень его злило. Он уже мечтал убраться с этого проклятого берега — но в этот самый миг небо над ним затмили огромные крылья...

* * *

От удивления и испуга Антон едва не сел на попу. Промчавшись, казалось, прямо над головой, дракон величаво развернулся и опустился на пляж. В груди у мальчишки ёкнуло — невозможное случилось и теперь оставалось лишь не упустить момент...

* * *

Подобрав заранее припасенный камень, Серый остервенело застучал по скале, вызывая Певцов из их подземного укрытия. Антон же, вскинув на плечо тяжеленную, как оказалось, Флейту со всех ног помчался к Драконьему Пляжу. До него тут было не больше километра — и берег там обрывался, словно обрезанный ножом. Мальчишка увидел хмурое, затянутое тучами небо, травянистый склон увала, роскошный, в самом деле, пляж — а на пляже... на пляже...

На пляже стоял хрустальный дракон. Он был чудовищно огромный — как Ил-18, который мальчишка видел на аэродроме. Сложенные крылья поднимались над спиной, словно причудливая крыша здоровенного дома. Увенчанная двенадцатью парами разнокалиберных рогов башка величиной с "газик" была чуть повернута и на мальчишку равнодушно смотрел полуметровый, наверное, пронзительно-синий глаз, с вертикальным, как у кошки, зрачком. Конечно, дракон тут же заметил заполошно выбежавших на край обрыва мальчишек. Но не обратил на них внимания — очевидно, для него живые существа мало чем отличались от комков грунта...

Теперь, вблизи, стало ясно, что дракон ни фига не хрустальный — его чешуя сверкала, словно облитая ртутью. Да какая там "чешуя"! Spина гиганта была покрыта настоящими броневыми плитами, плиты поменьше покрывали его лапы и голову. Даже громадный безвекый глаз сверкал, словно алмазный. Впрочем, почему это "словно"? Это и есть самый настоящий алмаз, как-то отстранено подумал Антон. И такого, конечно же, не может быть. Просто... не может.

Дракон приоткрыл громадную пасть, усаженную, как у динозавра, здоровенными острыми зубами — только не белыми, а черными и блестящими, словно точеными из обсидиана. Между ними метнулся увенчанный неяркими синеватыми огоньками змеиный семиконечный язык, как бы из гибкого вороненого железа, стремительно попробовал воздух, втянулся... Наверное, он не живой, подумал Антон. Это просто какая-то машина... — но тут дракон вздохнул, подняв на берегу небольшую бурю, поднял переднюю лапу... (какую лапу? Это же рука!..) — и очень человеческим жестом почесал морду над глазом. Казалось, что колоссальная рептилия улыбается — хотя уж такого вот точно не могло быть. Потому что драконы улыбаться не умеют...

* * *

Мальчишки так и замерли на гребне обрыва, не зная, что делать. Больше всего Антон сейчас боялся, что дракон улетит — но он явно никуда не спешил. Залез до половины в воду и замер, посматривая на людей, словно ожидал чего-то...

Наконец, примчались вызванные стуком Серого Певцы. Антон, осмотревшись, начал осторожно спускаться с обрыва, придерживая Флейту. Не хватало ещё в самый ответственный в мире момент грохнуться и сломать её к фигам... и он таки не грохнулся. Подбежавший Лари буквально выхватил её из рук мальчишки, прижал к губам...

Мощные, низкие звуки раскатились над пляжем. У Антона по коже побежали мурашки. Это и в самом деле была Песня... и он ощущал, как даже в нем что-то отзывалось на неё...

Дракон повернул голову, глядя на Лари — безо всякого видимого удивления. Казалось,

что он даже ждал этого...

Лари старался изо всех сил, его худые бока вздымались и опадали, словно кузнечные мехи. Наконец, он выдохся и замер. Замер и Антон, понимая, что именно сейчас, в этот миг, решается судьба мира...

— Р-рандбр-Рахаггар-рА... — могучий голос сотряс весь мир вокруг, — от него задрожали даже внутренности в животе Антона. Задрожал он и сам. Казалось, что заговорил кит. Именно заговорил. Это было не рычание зверя, нет. Это была — да, это была РЕЧЬ. — МЕНХЕНБАР-РА...

Быстро развернувшись, дракон двинулся на пляж, рассекая воду, как корабль. Казалось, на Антона двинулась хрустальная гора. Он собрал нервы в кулак, чтобы не заорать, не убежать, просто не свалиться на песок в приступе ужаса...

Не доходя всего шагов-то десяти, дракон остановился. Присев на задние лапы, он протянул к ним передние — настоящие руки, только размером побольше человеческого роста.

— Чего он хочет? — удивленно спросил Серый. Даже у него физия была ошарашенная.

— Он хочет отнести вас в Цитадель Мастера. Чтобы вы сами разобрались с ним. При его скромной помощи.

В груди у Антона ёкнуло — он ожидал совсем другого... но Серый уже двинулся вперед и выбора у него не осталось.

* * *

Мальчишка невольно зажмурился, изо всех сил стараясь поверить, что всё это происходит во сне. И едва не сдох от испуга, когда его вдруг сжало что-то горячее и твердое — он не сразу понял, что это лапа дракона. Его притиснуло к вскрикнувшему от испуга Андрею... потом земля под ногами исчезла, а сердце буквально ушло в пятки, но уже по очень уважительной причине — дракон взлетел...

* * *

В лицо мальчишки ударил упругий, теплый ветер и он ошалело распахнул глаза. Далеко внизу лежало уже море и в груди у него снова ёкнуло, но лапа держала его мертво. Почти над головой проносились растрепанные серые тучи, снова и снова его обдавало могучими вихрями от взмахов колоссальных крыльев. Вся Ойкумена распахнулась перед ним — он видел и белесую полосу берега, и холмистый простор степи, и даже темный ковер далеких северных лесов...

Вывернув голову, Антон взглянул вперед. Справа проплывал остров Белого Древа, крошечного с такой высоты. А впереди...

Впереди наплывал остров Хозяев или Мастера. Теперь было видно, что это именно остров, не такой уж и большой, покрытый густым лесом. Где-то в его середине поднималась блестящая металлическая пирамида. В самом деле огромная — метров двести в высоту. Где-то далеко за ней смутно темнел южный берег моря, судя по всему, тоже покрытый лесами. Антон невольно подумал, что там... но узнать это ему было уже не суждено.

* * *

Цитадель Мастера приближалась. Уже видно было, что стоит она посреди огромной поляны. Перед ней была мощеная площадь, вокруг неё — какие-то тоже металлические ангары. Из самой пирамиды выступали какие-то башенки, шпили, квадратные плиты непонятого назначения...

Сердце Антона замерло при мысли, что прямо вот сейчас по ним могут шарахнуть каким-нибудь лазером... но ничего такого не случилось. Распахнув крылья во всю ширь, дракон заскользил вниз.

Площадь впереди была пустынной, она упиралась в наклонную стену пирамиды. В ней зиял широкий трапециевидный портал, ничем не перекрытый. Антон невольно подумал, что никаких Хозяев тут давным-давно нет...

* * *

Ещё несколько могучих взмахов — и дракон опустился на бетонную, как оказалось, площадь. Лапа разжалась — и Антон тут же плюхнулся на четвереньки, стараясь опомниться от накатившего волной головокружения. Потом, помотав головой, всё же поднялся.

Ведущий в пирамиду портал темнел всего метрах в пятидесяти. За ним был какой-то большой зал, освещенный тусклым бледным светом. Вокруг возвышались огромные, как оказалось, ангары с закрытыми воротами. И всё.

Мальчишка оглянулся на дракона. Тот явно не спешил улетать — вновь присел на задние лапы и очень человеческим жестом указал передней на портал. На морде его было отчетливо написано лукавство.

— Ну что ж... — Серый повернулся и подбросил в руке своё копьё, невесть как уцелевшее во время этого полета. — Пошли, ребята...

* * *

Поднявшись по невысокому пандусу, они вступили в зал, освещенный бледными серебристыми лампами. На его стенах блестели какие-то дырчатые зеркальные многогранники. Сами стены, обшитые белоснежными плитами, были все в квадратах тяжелых жалюзи из темной стали. А под ними рядами стояли роботы.

Глядя на них, мальчишки испуганно замерли. Роботы в самом деле были здоровенные — метра два с половиной, с огромными, похожими на котлы бошками, по сторонам которых торчали то ли уши, то ли прикрытые стальными веками глаза. Чем-то они походили на закованных в доспехи жаб, вставших на задние лапы. Их были здесь тысячи — но всё это воинство было сейчас мертвым, неподвижным, покрытым пылью...

— Похоже, что Хозяева в самом деле... того, — с кривой усмешкой сказал Серый. — Пошли дальше...

Всё остальное запомнилось Антону лишь обрывками — раскрывшаяся перед ними

глухая металлическая стена в конце огромного полутемного ангара... расчерченная голубыми концентрическими кольцами шахта, воздух в которой вдруг подхватил его и понес вверх... он закричал от испуга и вдруг весьма неловко приземлился на четвереньки под тоже испуганные крики друзей...

Наконец, миновав просторный коридор, он оказался в круглом зале. В центре полгорбился чем-то вроде линзы, у стен шло кольцо изящных пультов. Над ними шел сплошной цилиндрический экран, а выше ещё пояс других, квадратных экранов, сейчас темных. Потолок — зеркально-черный круг, в который упирались изгибы обрамлявших зал стальных колонн — плавал на высоте метров пятнадцати.

Он не сразу заметил затерявшуюся в этом огромном зале фигуру. Когда она вдруг резко повернулась к ним, мальчишка замер. Стоявший перед ним человек был очень высок — добрых метра два. Одет он был в тяжелую белоснежную мантию, ниспадавшую до пола — что придавало ему странное сходство с шахматной фигурой. Косо срезанные рукава мантии свисали до колен, из них выглядывали большие, неожиданно грубые ладони. Венчали мантию массивные золотые наплечники, соединенные не менее массивной цепью. Хмурое, подозрительное лицо обрамляла тяжелая грива пепельно-серых волос, падавших на спину. Без особого труда он понял, что видит Мастера.

* * *

— Невозможно. Сюда нельзя попасть, — низкий голос Мастера гулко раскатился по залу. В нем не было ни страха, ни удивления. Просто сухая констатация факта.

— Сюда нельзя попасть? Ой, простите, мы не знали, — неожиданно насмешливо сказал Андрей.

Да, уж, не менее насмешливо подумал Антон. Наверное, нельзя. Впрочем, мальчишки — народ такой. Они всюду пролезут...

— Кто ты?! — спросил Серый. Голос его звучал сейчас требовательно, почти что зло.

Мастер вдруг улыбнулся — едва ли не торжествующе!

— Я — Творец и Создатель мира. Того самого мира, в котором ты сейчас живешь.

* * *

Как ни странно, Сергей поверил ему — поверил окончательно и сразу. Да и трудно было НЕ поверить — после всех явленных ему в этом мире чудес...

И, в тот же миг, его охватило вдруг странное чувство — не страх, нет! То возвышенное, возносящее в небеса чувство, какое охватывает воина перед битвой...

— Вот как? — голос его звучал сейчас насмешливо, мальчишка даже испугался того, что сорвалось сейчас с его губ — но страх был где-то далеко... Его волной захлестывал восторг — восторг от возможности бросить в лицо этому... существу свинцово тяжелые слова Правды. — Может, ты и впрямь всемогущ, как бог в древних книгах, — но тогда ты величайшее Зло, ибо в ответе за всё зло, которое не предотвратил.

Торжествующая улыбка исчезла с лица Мастера. Оно вдруг стало очень хмурым. И — невозможно! — удивленным.

— Я — не всемогущ. И я — не в ответе за всё зло мира! — голос его зазвучал недовольно, почти извиняюще...

Сергей перевел дух. Надо же — а ведь он сам почти поверил... Но теперь — теперь, когда морок пал, всё стало несравненно проще...

— Раз ты НЕ всемогущ — то будь тогда скромней. Ибо МЫ — тоже не всемогущи, и равны в этом с тобой. И мы не примем твоих... планов, как бы мудры они на самом деле ни были. Пусть даже это приведет нас к гибели — пусть! Но это — будет НАШ выбор. Не твой Своей Воли — мы не уступим никому. Ибо, утратив нашу Волю, мы тут же перестанем БЫТЬ. А БЫТЬ для нас бесконечно важнее, чем существовать физически. Чем жить — не жить по чужой воле, чужой мудростью — пусть она и выше нашей!

— Люди всегда живут в присутствии чего-то великого, превосходящего их, — заговорил в ответ Мастер. — Часто они не обращают на это внимания. Порой, под влиянием гордыни и страстей, борются с ним. Но великое остается великим, а люди, как бы ни были безумны их замыслы, остаются ничтожными. Только если пасть на колени, если предложить себя в качестве орудия, можно найти своё истинное место в мире!

Да он же просто псих, с ужасом понял Антон. Конченный и безнадежный псих. И бог этого мира. Ой, мамочки...

— Нет ничего, более недостойного для чести человечества, чем верный раб, — резко ответил Серый.

— Почему бы не поработить того, кто и так уже раб в душе? — ответил Мастер. Похоже, этот разговор начал забавлять его. — Чести в этом нет, но есть выгода. Верить в честь — значит быть *внутри*, в компании рабов и дураков. Нет большей тирании, чем тирания рабов над рабами.

— Ты чужак. Ты не знаешь, что такое добро, дружба, семья, дом, друзья — тебе всё это просто недоступно. Ты не человек... ты не можешь это понять... что значит мужское достоинство... достоинство своей страны... своей жизни... свободы... а ты, обезумевший выскочка, без колебаний и совести вмешиваешься во всё, переделываешь всё так, как считаешь нужным, считаешь себя богом, творящим миры, хотя ни черта не понимаешь даже в самых простых вещах! — голос Серого почти сорвался на крик.

— Бесцельны и непостижимы в человеке пути от каприза к жестокости и хотя зачастую кажется, будто пути эти ведут напролом через пространства гуманного разума, на деле разумом они сплошь вымощены, — теперь Мастер говорил едва ли не печально. — Люди всегда выдают желаемое за необходимое, а необходимое — за неотъемлемую привилегию. И всегда считают своё дело правым делом. словно котят, гоняющимся за солнечным зайчиком из зеркала, им никогда не наскучит упорствовать в своих заблуждениях!

— У тебя нет чести! — выплюнул Сергей.

Мастер спокойно кивнул.

— Чести нет, есть только превосходство — абсолютное и необратимое. Какие бы умные планы ни строил маленький ребёнок — взрослый настолько больше знает, что они кажутся ему дурной игрой. Вас победили, но пощадили и даже рассказали кое-что об этом месте.

— Чести нет — но есть истина, — уже спокойней возразил Сергей. — Хотя бы в это я верю.

— Вера есть истина страсти, — ответил Мастер. — Но поскольку ни одну страсть нельзя назвать более истинной, чем другая, то вера есть истина пустоты.

Странно, как убеждения различаются изнутри и снаружи, — подумал вдруг Антон. —

То, что считаешь надеждой, истиной и любовью, вдруг оборачивается ножом или молотом — чьим-то орудием.

— А вам не стыдно? — спросил он. — Оно ведь очень удобно — творить, ведь это самое достойное для человека, а за последствия своего творчества, которые проявляются в жизнях простых, обыкновенных людей — не отвечать.

— Стыд — тварь, пожирающая любую уверенность, обвивающая холодными кольцами самые пламенные души, — равнодушно ответил Мастер. — Поэтому истинно СВОБОДНЫЙ человек должен быть свободен прежде всего от стыда. Винить его в чем-то могут лишь другие, равные ему люди. Или старшие. Но никогда — низшие, и, тем более, не он сам! Стыдиться чего-то — значит быть недочеловеком, ни больше, ни меньше. Делай, что хочешь, — но будь готов за это заплатить.

— Чужим страданием? — не удержался Андрей.

— Такое бесполезное чувство, как страдание, не может дать кому бы то ни было на что бы то ни было какие бы то ни было права.

Антон промолчал. Что бы он ни сказал — мгновенный ответ сокрушал его, как дубиной. Но он всё равно не сдался.

— Хорошо быть маленьким и глупым, — начал он. — Тогда можно верить, что всё в мире происходит само собой, а от тебя не зависит ничего и тогда жить становится немного страшно, зато очень спокойно. Дергайся, не дергайся, всё равно ничего не изменишь. А вот когда ты большой, сильный и умный, вот тогда ты понимаешь, что власть — это не только возможности, но и ответственность. А если ты не хочешь ответственности, — продолжил Антон, — ты придумываешь себе рай и уходишь в него. Прощай, жестокий мир!..

— Что ж, лучше так, чем оставаться в нем и делать его ещё более жестоким, — согласился Мастер. — Любить всех — значит не любить никого. Большинство людей никогда не достигает своей цели — того, о чем они мечтали. Но это значит лишь, что им не хватило решимости пройти свой путь до конца.

— У меня вот хватило, — буркнул Антон.

— Есть разница между решительностью и инициативностью, — Мастер отвернулся, вновь уставившись в голограммы управления. — Ты решителен, но не ради своей личной цели. Твои действия — лишь реакция, не сознательный выбор. Чего ты хочешь, Антон Игоревич? Вернуться домой? Но это глупое желание. Игра даёт больше, чем ты можешь представить, — но даёт лишь тому, кто сам поставил себе цель. Ты ощущаешь себя винтиком в механизме Судьбы, и это ощущение тебя винтиком и делает! Сергея ведёт месть, верность и желание победы. Вайми — вызов, тайна и ответственность за других. Льяти ищет ответы и призвания в Игре. А ты?.. Что двигает тобой, помимо рефлекторных реакций?..

— Вы могли бы просто назвать свою цель, — Антон решил вызнаться побольше. — Зачем вам это всё? Зачем вы затаскиваете ребят в этот дурацкий мир? Почему ваши роботы громят здесь все зачатки цивилизации?

— Потому, что таковы их инструкции, — Мастер пожал плечами, словно удивляясь глупости вопроса. Потом вдруг резко изменил тему. — Вы вторглись в святая святых Цитадели. Вы смогли захватить контроль над Надиром. Странно, что охранные системы не сработали. Они должны были остановить вас любой ценой. Признаю, — он развел руками, — я недооценивал вас. Я не был уверен в серьёзности ваших намерений. Я не ждал предательства Драконов. Я никогда не думал, что Ключ будет кем-то... добыт. Это мои ошибки — ошибки человека, который живёт слишком долго, чтобы сохранить остроту

мысли и выверенную беспристрастность, которой некогда гордился. Подумать только! Я родился на рассвете своего мира и застал его гибель. И теперь, в самом конце, когда я должен был проявить все свои лучшие качества — такие ошибки... Но, — печаль пропадает. Он смотрит на Антона острым, злым взглядом, — меня нечем заменить. Если я вдруг погибну — погибнет и мир, поверь, я позаботился об этом. И я решу эту проблему, начиная с вас. Прежде чем умереть, скажи мне, мальчик, как вы попали в Цитадель? Я потратил столько времени, защищая её от магических, вероятностных и обычных атак! Как?! Я должен учесть это в дальнейшем.

Если бы мы сами это знали, — подумал Антон. — Не иначе, нам помогла магия Драконов... а Мастер об этом не в курсе. Выходит, не так уж он и всемогущ... без Надира.

— Послушайте, — сказал он с удивившим даже его спокойствием. — Почему бы вам просто не рассказать, что привело вас... к вот этому? — он обвел рукой рубку. — Быть может, тогда мы решим, что вы правы. И даже расстанемся друзьями.

— Ну... хорошо, — Мастер опустился в кресло, задумчиво глядя на мальчишек. — Я родился на... впрочем, имя моего мира вам ничего не скажет. Он был похож на вашу Землю. Только развитие там зашло чуть дальше, в основном компьютеры и нанотех — принимаем имплантанты орально... Я был ведущим ученым одной из корпораций. Однажды я понял, как создать систему, меняющую вероятность событий, с некоторыми ограничениями, но собрать её было просто. За её счет я получил базовый набор нужных мне вещей, в том числе тех, что практически невозможны в моей реальности. Небольшой исполнитель желаний, немобильный, не способный создавать живые существа, но способный совершенствовать машины. Например, берем процессор на входе и на выходе получаем его же, но с встроенным множителем частоты раз в сто и способный работать на ней. Это дало мне базис для матмоделирования, для физической основы фемтотеха, для секвенсора материи и сборщика — не традиционными путями. И тогда — я стал могучим. Сначала решил вопрос с бессмертием, пусть не в идеальном виде — время! — затем получил власть.

— Так как вы дошли до такой жизни? — удивился Антон. — Как оказались в этом диком мире?

Мастер вздохнул.

— Потом мои... конкуренты изобрели свой вариант вариатора. Он позволял ощущать одновременно *все* вероятности событий, а потом схлопывать их в нужную. Кончилось это плохо: он ушел во всеобщий доступ. Все, кто мог себе позволить, стали почти что богами: что-то похожее на то, что хакеры вытворяли в ВР, но только в реале. Но через несколько лет вдруг выяснилось, что сумма вероятностей — константа, и несколько невероятных событий реализовались сами. В результате — прошла смена законов физики на блокирующие вариаторы вероятности, цивилизация рухнула. Я понял, что виноват в этом и ушел странствовать с группой... коллег. Пока не обосновался вот здесь, в этом примитивном мире.

— Я не понимаю, как можно менять... вероятности, — честно признался Антон.

— Это квантовая магия в чистом виде, — снисходительно пояснил Мастер. — Есть великие сущности, которые могут запросто путешествовать по Вселенным, в пространстве и во времени. Я — лишь по параллельным, с одинаковой физикой, но во времени тоже. По крайней мере, могу брать оттуда всё, что мне захочется. Ты и не должен это понимать.

— Но почему ваша цивилизация рухнула? — вновь удивился Антон. — По идее, с таким вариатором каждый должен в подходящую ему Вселенную выскакать. Как вот вы.

— Никто не знает всех тайн магии вероятности. У нас от неё сама Реальность начала глючить. Правда, насколько я знаю, такая магия не работает больше нигде.

— А почему? — немедленно спросил Антон.

— Я полагаю, что нам просто повезло наткнуться на... запас свободных вероятностей, уцелевший с незапамятных пор. В других местах их, видимо, давно... исчерпали.

— Кто исчерпал?

— Другие цивилизации. Как и моя родная — от жадности, сразу ОЧЕНЬ много невозможного захотели.

— На что хоть оно вам было нужно?

Мастер отчетливо поморщился.

— Это не я захотел СТОЛЬКО, хотя способ качать *такими* объемами — создан мной, но для другого: рассеянные вероятности собирать, так можно было. А зачем — на развлечения, на создание игровых мини-вселенных... Но не учли, что свободных вероятностей не бесконечно много. Во что играли — думаю, и так понятно. Моя Ойкумена совсем не одинока.

— А другие цивилизации? Они есть же. Тут полно ребят оттуда.

Мастер лишь пожал плечами.

— В моей родной Вселенной моя раса не вступила в контакт с ними ни в какой форме, до конца. Истощение вероятностей затронуло и соседние звезды тоже. *Как* затронуло — я не в курсе, но маготехнических культур там нет. Хотя, полагаю, они всё же *были*. По итогам последующих визитов на родину.

— А откуда этот вот корабль?

— Я сам создал его для себя: прыжковые движки, антигравы, сверхпрочный корпус, наконец, — у нас была серия *очень* резких технических рывков. На орбиту первые разы я летал на аппарате с ПВРД, зато прото-Надир, который впервые позволил мне выйти за пределы вселенной, использовал в качестве источника энергии запасы антиматерии для фотонно-импульсного корабля — по конструкции это что-то вроде фотонного "Ориона", но добавляется ещё магнитная ловушка и растёт эффективность. Кстати, насчет Катастрофы... Я тогда до конца не разобрался, были серьёзные подозрения, что там не совсем природный процесс был, но доказать не смог. Я в тот момент был дальше всех остальных от дома, да и тут мне развитие событий... не нравится.

— Но почему?

— Нас здесь на самом деле несколько, обладателей Надиров, генераторов дробно-мерного фрактально-вложенного пространства, позволяющих незаметно перекраивать трёхмерное пространство-время по желанию. Для Игры нужны новые образы, их очень трудно найти. Но если помочь интересному человеку, провести, так сказать, сеанс психотерапии, иногда удается открыть доступ в такие необычные миры... Я стал расширять границы дозволенного — и со временем на периферии рая возник ад. Моим коллегам это не понравилось, они обиделись, они сказали, что раз я нарушаю их законы, то, значит, я взбунтовался против них. А мне наплевать, что они там считают! Моя Ойкумена занимает мизерную долю Нороньи, это как детская площадка посреди большого города. Меня не волнует, во что детишки играют внутри, — пусть тешатся, чем хотят, лишь бы не плакали. И — соблюдали установленные для них законы.

— Какие законы? — спросил Антон. — Творение не может причинить вреда Творцу или своим бездействием допустить, чтобы Творцу был причинен вред? И Творение должно

поклоняться Творцу не менее трех раз в день, иначе в АдЪ?

Мастер поморщился.

— Нет. Я не нуждаюсь в поклонении низших. Но я не хочу, чтобы моё творение причинило вред *себе*.

— Тем не менее, оно его причинило, — упрямо сказал Антон. — Благодаря Червю и другим вашим ошибкам.

— Грузу, — поправил Мастер. — Мой родной мир накопил много такого груза — груза непоправимых ошибок, смертельных искажений, жутких уродств, бессмысленных функций, не реализовавшихся возможностей, бесконечной ненависти и смерти. Естественно, что всё это, подобно яду, пропитало мою душу, естественно, что в программе Надира тоже накопились со временем ошибки, естественно, что в ней отпечатаны не только светлые, но и тёмные стороны моих желаний. Ты представления не имеешь, какой гигантский труд я сделал в одиночку, минимизируя эту опасность и ущерб!

— И что получилось в итоге?..

Мастер вдруг поднялся, башней нависая над мальчишками.

— Довольно болтовни. Мне пора заняться делом. Надеюсь, я удовлетворил ваше... любопытство. Но я — ваш бог и за оскорбление этого бога вы сейчас умрете. Навсегда.

Серый усмехнулся — недобро.

— Ты можешь убить меня. Сжечь, уничтожить, даже стереть из реальности. Я знаю, тебе это доступно. Доступно такое, чего я и вообразить-то на самом деле не могу... Наверное, ты можешь вообще *всё*. Кроме одной, но самой важной вещи — ты не в силах заставить меня склонить перед тобой колени. Сколько бы ты не имел власти — именно ЭТОЙ власти над нами у тебя нет. Иначе — зачем тебе вообще говорить с нами? Шевельнул пальцем — и всё тут устроилось, как тебе угодно... Но как раз *этого* — ты не можешь. О да, ты можешь нам грозить, соблазнять своей мудростью, пугать чудесами и тем, что открыто тебе... но это и всё. Ты не в силах заставить нас ПОВЕРИТЬ в тебя — и мы не верим. И — не будем верить. Никогда. Ибо ты создал этот мир — но не нас. Над нами — у тебя нет власти. Это бесит и пугает тебя — о, я это знаю! — но с нами ты НИЧЕГО не можешь сделать. Ибо вся твоя власть — кончается там, где начинается Воля. НАША Воля. Воля свободных людей. Которая отменяет твою всюду, куда простирается. И однажды — для тебя не останется места в Ойкумене! Вот чего ты боишься — и чего НЕ МОЖЕШЬ изменить. Ибо НАША Воля — уже сильнее ТВОЕЙ Воли. Быть может, ты смог бы уничтожить нас, когда мы ещё только появились в этом мире, были наивны, глупы, слабы... Но не теперь! Теперь — теперь мы знаем. Наш голос — один голос. Наш ум чист и ясен, наша Воля — Огонь, и, именем Огня, я приказываю тебе — освободи нас! Освободи и не являйся к нам более! Иначе — твой конец наступит куда раньше, чем предречено Судьбой — той Судьбой, над которой не властны даже и всемогущие боги!

Гнев исказил бесстрастное лицо Мастера, он вскинул руки, готовясь обрушить на них... но что именно — Антон так и не узнал.

Серый метнул копьё. Оно вонзилось в грудь Мастера — и тот тяжело рухнул на пол.

* * *

Почти против воли Антон подошел к умирающему. Мастер схватился за древко копья —

но сил вырвать его из груди у него уже не было...

— Ты, всемогущий, — где твои машины? — спросил Серый, тоже подходя к упавшему.

Мастер уже испускал дух, в его стекленеющих глазах стыло безграничное удивление...

— Жаль, что так вышло, — сказал Антон. — Жаль вас.

Бескровные губы Мастера тронуло подобие улыбки.

— Жалость к сильным — разве не от этого становишься великим?..

Потом его глаза закрылись навсегда. Мальчишки ожидали, что его тело исчезнет... но оно так и осталось лежать. Похоже, что Димка и впрямь добрался до Надира, удивленно подумал Антон. И вырвал его мощь из рук безумца...

* * *

Мальчишка не помнил, как они вышли на площадь, где их всё ещё ожидал неподвижный дракон.

— Не могу поверить... — наконец сказал он. — Только что мы убили бога этого мира...

Серый насмешливо взглянул на него.

— И не верь. Богов-то — НЕТ. А те, кого называют богами в самых разных концах Вселенной — они, как видишь, мелочные, мстительные и завистливые существа, лишь краем причастные к могуществу и жаждущие поклонения. Истинно **МОГУЧИМ** поклонение не нужно. И они-то как раз понимают, что взрослым — не место в детских играх.

Глава последняя: Перевернутый мир

*Вставай, вставай, не медли зря:
Земля, как радуга, сверкает!
Ведь только раз в году бывает
Прекрасный праздник сентября...*

*Вставай, вставай, перед тобой
Прекрасный день уже распахнут!
И парты новой краской пахнут,
Нас в новый день зовут с собой...*

*Вставай, вставай! Учителя
Уже прошли по гулким классам.
Спешит к назначенному часу
Река счастливая ребят.*

*Вставай, вставай, не медли зря:
Земля, как радуга, сверкает!
Ведь только раз в году бывает
Прекрасный праздник сентября...*

Михаил Садовский

Димка так никогда и не смог узнать, что же из того, что он видел внутри поглотившей его пустоты, было правдой, а что — лишь видениями. Он потерял сознание, но как-то осознавал происходящее — словно во сне перед пробуждением, когда уже понимаешь, что спишь. Мир вокруг него... раскрылся. Он не исчез, нет — просто теперь он видел его как-то иначе. Его глаза смотрят на что-то такое, что даже не имеет внешнего вида. Ни одной ясной линии там нет. Он понимает, что должен немедленно сойти с ума... но кто-то — Вайми! — входит в это серое Ничто и выдергивает его наружу, в бездонный серый колодец. Димка без конца падал в нем, так, как это бывает в кошмарном сне, падал в точку, где сходились все линии этой бесконечной шестигранной шахты...

Только вот здесь они вопреки всему не сходились. Вместе с ним и навстречу ему неслись какие-то предметы, но он не успевал рассмотреть их, он проскакивал сквозь них, как сквозь призраки. Постепенно в нем зрело понимание — всё, что двигалось в этой шахте в разных направлениях, просто пронизывало друг друга, оно было нереально, как и сама эта шахта и он сам здесь, наверное...

На миг его странный сон оборвался, не в силах вместить новых впечатлений. Потом он понял, что его вынесло внутрь колоссального многогранника, каждая грань которого сама была протянувшимся в бесконечность туннелем. В центре его парило нечто, похожее на пирамиду радужных шаров. Нечто неживое, но разумное. Надир!..

Димка понял, что его несет прямо к нему и он замер от ужаса, понимая, что ничего не сможет сделать. Он налетел на него — и всё исчезло в ослепительной вспышке...

* * *

Очнувшись (если можно очнуться во сне) Димка понял, что летит по другому, незнакомому туннелю. Их перекресток остался позади — как и его безмолвный обитатель, что был навеки заключен в нем волей Мастера...

Димка с трудом перевел дух. Он понимал, что с ним и так случилось лучшее, что могло случиться в данных обстоятельствах — его не стерли из Реальности, направили в туннель, который, по крайней мере, не вел его к неизбежной гибели. Но он уже не мог толком осознать это. Его сны становились всё более обрывочными, фрагментарными, как и полагается снам. Сам туннель вдруг оборвался. Ему снилось, что он вырвался из него или проснулся — но он уже так устал, что всё равно воспринимал окружающее только отчасти. Он лишь видел, что далеко внизу простирается обширная зеленая равнина. Все его силы уходили на то, чтобы спуститься туда, и на то, чтобы ещё что-то видеть, их уже не оставалось...

Равнина внизу всё приближалась, наконец, он врезался в неё с такой силой, что боль от удара на мгновение привела его в себя. Он инстинктивно пополз вперед, потом вдруг замер и провалился в глубокий, настоящий сон...

* * *

Проснувшись, он так и не открыл глаз, стараясь разобраться в своих ощущениях. Воздух был прохладный, трава под ним тоже. В общем, ему было скорее холодно, чем тепло. Тем не менее, Димка расслабился, пытаясь вспомнить, что с ним было. Кажется, он заболел чем-то в походе и с тех пор просто бредил. Или нет?.. Вроде бы, Ойкумена не приснилась ему, и Надир тоже. И он был уверен, что его мозг не мог породить некоторых вещей, которые неведомо как в нем оказались...

Проснувшись окончательно, он сел, ошалело осматриваясь. Он сидел на берегу ручья, на бесконечной травяной равнине, под черным небом, усыпанным огромными звездами. Её заливал мягкий свет — вроде бы солнечный, но не такой яркий. Только... он нигде не видел источника этого света. Вид был совершенно нереальный — залитая дневным светом земля и темное небо над ней. И ещё... во время встречи с Надиром в него вошла ничтожная крупица чужой памяти — действительно ничтожная, даже по сравнению с его собственной. Но она была сияющим алмазом — вначале он ей не поверил, просто не мог осознать, но теперь...

Теперь он смог вспомнить, что Надир всё же проник в его душу, оставил в ней часть себя. Теперь они были отчасти одним, но как — он не мог толком вспомнить. Во всяком случае, это могло и подождать. К тому же, ему казалось, что за ним здесь всё время наблюдают... но вот кто?..

Мальчишке потребовалось время, чтобы понять, что вокруг него бродят призрачные серые тени... души. Ему не понадобилось напрягать ум, чтобы узнать одну из них — Льяти. Конечно, они не могли говорить друг с другом. Но внутри Димки, ещё плененная, таилась такая же душа, и когда Льяти коснулся его — Димка его услышал. И понял.

* * *

Всё кончилось так, как и было суждено, — беззвучно сказал Льяти. — Я здесь, на полях Вечности, со своими школьными друзьями и родителями. И здесь мы останемся навеки. Я обрел покой. Мои приключения закончены.

— А мои? — мысль о том, что он тоже умер, не укладывалась в голове Димки.

И твои. И все. Это последний дар Надира. Вечность.

— Нет уж! — возмутился мальчишка. — Вот что: Ключ от Надира у тебя с собой?

Конечно, — тень Льяти протянула Димке горсть призрачных огоньков. — Я хотел с его помощью изменить Ойкумену, сделать её такой, какой она была тысячу лет назад, во времена Бунго Великого. В эпоху Великой Дружбы и Великих Приключений. Но потом узнал, что Мастер умер... как-то. Теперь Ойкумена будет стерта Ветром. Мастер позаботился об этом. Вряд ли ты сможешь создать новую. Никто не сможет. Эта история завершена.

Тем не менее, Димка жадно цапнул Ключ с призрачной ладони. И...

* * *

Мир вокруг него вновь... раскрылся, но уже совершенно иначе. Мальчишка сразу же понял, почувствовал, что Мастер и в самом деле мертв — окончательно и бесповоротно, проиграв СВОЮ Игру. И значит он, Димка, стал единственным Повелителем Надира!.. Он мог сделать почти всё!.. Но он хотел только вернуться домой и потому...

* * *

Мир раскрылся перед ним ещё шире, открывая бесчисленные планеты бесчисленных пространств. Почти все эти планеты были обитаемы — и от одного взгляда на бесчисленное множество форм различных живых существ голова у мальчишки просто пошла кругом. Пушистые парящие змеи, облака разноцветных живых нитей, что-то вовсе невообразимое — жидкое, пёстрое, струящееся...

Мир раскрывался шире, шире... Он видел конструкции непредставимого размера — планеты вращались внутри них. Это было невысказанно красиво — и невысказанно чуждо. Точно так же чужды Димке были и обитатели этого: глянцево-черные трехметровые многоножки, болтливые призмы с множеством антенн, какие-то многосоставные полупрозрачные шары — неясно даже, живые или искусственные... От всего этого многообразия у него стали разбегаться мысли, он понял, что не удержит это слияние долго. Но ему была нужна только Земля — и он нашел её. Он вернулся.

* * *

Господи, приснится же такое, подумал Димка, ворочаясь и стараясь понять, то ли он в самом деле лежит на земле, то ли это ещё какой-то дикий сон...

Но холод земли был совершенно реален. Мальчишка передернулся и сел, ошалелело осматриваясь. Вокруг висел полумрак и сначала он не понял, что весь мир вокруг... знаком ему — мост, ряд опор ЛЭП, темный корпус электростанции далеко слева, с рядом высоких труб, из которых тянулся унылый темно-синий дым, — всё это он уже видел много раз, как и городские огни. Он был на окраине родного города, за рекой, на заливаемом лугу, над которым занимался рассвет...

Серый был совсем рядом с ним — он скатился с невысокого бугра и сейчас тоже сел, осматриваясь. Рядом начинали подниматься и другие ребята и девчонки — Тошка, Юрка, Борька, Аглая, Антон...

Димка передернулся, заметив ошалело оглядывавшуюся Файму и других Маахисов. В своём безумном порыве вернуться домой он выдернул сюда всех, кто вообще жил в Ойкумене! Сейчас луг покрывали десятки тысяч, наверное, ребят из сотен миров и пространств. Они все поднимались на ноги, ошалело осматриваясь. Над лугом быстро рос и раскатывался гвалт сотен языков — но Димка как-то понимал его...

Он удивленно уставился на зажатый в кулаке Ключ. Он всё ещё чувствовал Надир, чувствовал, что может управлять им — а значит, ничего ещё не кончилось.

На самом деле, всё только начиналось.

**Разводит огонь в очаге каждый свой
Каждый смертный под кровом своим...
И четыре ветра, что правят землей,
Отовсюду приносят дым...**

**То по холмам, то по далям морским,
То в изменчивых небесах
Все четыре ветра несут ко мне дым —
Так, что слезы стоят в глазах!**

**Так, что слезы от дыма стоят в глазах,
Что от скорби сердце щемит...
Весть о прежних днях, о былых часах
Каждый ветер в себе таит...**

**Стоит раз любому из них подуть —
Тут же весть различу я в нем.
В четырех краях пролегал мой путь —
И везде мне был кров и дом.**

**И везде был очаг среди ночей сырых,
В непогоду везде был кров!
Я, любя и ликуя за четверых,
Спел им песнь четырех ветров!**

**И могу ль с беспристрастной душой судить,
В чем дому огонь горячей,
Если мне в одних довелось гостить,
А в других принимать гостей?**

**И могу ли любого я не понять —
Скорбь и радость в его очах —**

Это всё и мне пришлось испытать,
Это помнит и мой очаг!

О, четыре ветра, вас нет быстрее,
Вы же знаете — я не лгу!
Донесите ж песнь мою до друзей,
Пред которыми я в долгу!

Кто меня отогрел средь ночей сырых,
В непогоду пустил под кров...
Я, любя и ликуя за четверых,
Спел им песнь четырех ветров...

Редьярд Киплинг

Больше книг на сайте - Knigoed.net